

Даченъка

МАРИ-БЕРНАДЕТТ ДЮПЮИ

ИЗДАТЕЛСТВО
КАУЧ СЕМЕНИНО ДОУСТА

Annotation

Сиротку Мари забрали из приюта, но не для того, чтобы удочерить: бездетной супружеской паре нужна была служанка. Только после смерти хозяйки 18-летняя Мари узнает, что все это время рядом был мужчина, давший ей жизнь... И здесь, в отчем доме, ее пытались обесчестить! Какие еще испытания ждут ее впереди? * * * Во всем мире продано около 1, 5 млн экземпляров книг Мари-Бернадетт Дюпюи! Одна за другой они занимают достойное место на полках и в сердцах читателей. В ее романтические истории нельзя не поверить, ее героиням невозможно не сопереживать. Головокружительный успех ее «Сиротки» вселяет уверенность: семейная сага «Доченька» растрогает даже самые черствые души! В трепетном юном сердечке сиротки Мари всегда теплилась надежда, что она покинет монастырские стены рука об руку с парой, которая назовет ее доченькой... И однажды за ней приехали. Так неужели семья, которую мог спасти от разрушения только ребенок, нуждалась в ней лишь как в служанке? Ее участи не позавидовала бы и Золушка. Но и для воспитанницы приюта судьба приготовила кусочек счастья...

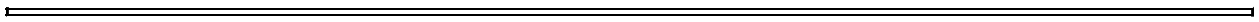
- [Мари-Бернадетт Дюпюи](#)
 - [Предисловие](#)
 -
 - [Слова признательности](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)

**Мари-Бернадетт Дюпюи
Доченька**

Предисловие

Все детство маленькой Мари прошло в монастыре. Со временем она сумела полюбить эти толстые старые стены, строгих и добрых наставниц, простую, размеренную и безмятежную жизнь. Но глубоко в душе Мари хранит надежду, что когда-нибудь ее родители заберут ее из приюта в большой и красивый дом, где они будут жить в любви и благополучии.

Однажды Мари кажется, что ее мечта может осуществиться — мужчина с добрыми и грустными глазами долго смотрит на нее, но уходит и больше не появляется. Вместо него приезжает дама по фамилии Кюзенак — великолепно одетая, но высокомерная и раздражительная. К несчастью для Мари, ей нужна не дочь, а служанка. Мать-настоятельница понимает, что для Мари это, возможно, единственный шанс устроить свою судьбу. Но все равно на сердце у нее тревожно. И не зря — по пути к поместью Кюзенаков дама больше заботится о покупках, а не о Мари, которая вымокла под дождем до нитки.

Прибыв на место, Мари остается в доме слуг, Жака и Нанетт, чей сын Поль сразу же берет сироту под свою опеку. Проходит время, и эти люди становятся для нее настоящей семьей, а Поль — ее первой любовью.

Однажды судьба, испытывающая девочку с рождения, преподносит ей неожиданный подарок. Выясняется, что хозяин поместья «Волчий Лес», господин Кюзенак, — ее родной отец, а она — его единственная наследница. С этих пор жизнь Мари меняется, как в сказке. Она может наслаждаться чтением любимых книг, получить образование и осуществить свою мечту — стать учительницей. Более того, теперь, когда она богата, у нее есть возможность выйти замуж за любимого человека, не задумываясь о том, на какие средства они будут жить. Мари также может подарить счастье своей подруге по монастырю — маленькой сиротке Лиони.

Однако богатство не останавливает череду несчастий. На поместье претендует племянник мадам Кюзенак. А Поль, стыдясь своей необразованности, не хочет больше быть с Мари, которая ради учебы надолго покидает родной дом... И все-таки Мари даже не подозревает, что эти проблемы, кажущиеся ей непреодолимыми, на самом деле сущие пустяки по сравнению с тем, что ждет ее в будущем!..

Эта увлекательная и интригующая история читается на одном дыхании. С первых же страниц писательница позволяет своим читателям погрузиться в мир героев, проникнуть в их сердца и помыслы, узнать их

мечты и желания. Они невольно начинают соперничать крошке Мари, осуждать мадам Кюзенак, с умилением следить за Полем, который с решимостью взрослого защищает от местных забияк свою подругу и дарит ей первый в ее жизни букет. Эта трогательная история превращается в семейную сагу, не уступающую «Поющим в терновнике».

Мари-Бернадетт Дюпюи — не новичок в мире литературы. Ее перу принадлежит около тридцати произведений разных жанров, в основном исторические романы и детективы. Наши читатели уже имели возможность прочесть книгу «Сиротка» (КСД, 2010), первый том саги, — удивительную историю Эрмин, девушки с прекрасным голосом. Этот роман пришелся по душе тысячам читателей как в Европе и Америке, так и в нашей стране.

Страсть к сочинительству у Мари-Бернадетт Дюпюи проснулась еще в детстве, когда она узнала, что ее бабушка принадлежала к знатному дворянскому роду, а отец — хозяин замка! Постепенно у нее возникло желание записывать выдуманные ею истории, и успех не заставил себя долго ждать. Известные критики уверяют, что Дюпюи обладает удивительным талантом: создавая поистине человеческих персонажей, она позволяет им развиваться в рамках увлекательного сюжета с многочисленными поворотами и интригами.

А. Чвикова

Моему сыну Иану.

Хочу, чтобы он знал, как сильно я его люблю

*Всем сиротам, выросшим во французском городе
Обазин, согретым материнской любовью мамы Терезы*

Слова признательности

В процессе работы над книгой мне посчастливилось встретиться со многими интересными людьми, которые помогли мне собрать необходимые сведения, предоставили доступ к ценнейшим изданиям и документам.

Выражаю свою глубочайшую благодарность:

Жан-Полю Малавалю, Жан-Луи Керио, Мари-Эллен Тассен, Флоранс Рейно, Сильви Дюпюи;

всем воспитанницам приюта конгрегации Святого Сердца Девы Марии в Обазине: Маги Таро, Югетт Лашез, Маделен Барди, Женевьев Фово, Одетт и Пупетт Ваше, Бетти Дорнфест;

полковнику Леону Канару, в прошлом мэру Обазина, и его супруге Амели, а также господину Анри Лавалю;

Национальному исследовательскому центру истории движения Сопротивления и депортации имени Эдмона Мишле (Centre national d'études de la Resistance et de la Deportation Edmond Michelet) в Брив-ла-Гайард;

Жильберу Бобати, президенту Общества словесности, естественных наук и искусств департамента Коррез (Société des Lettres, Sciences et Arts de la Corrèze).

Пролог

— Скажи, мам, Мари умрет?

— Конечно нет, дурачок! Я ведь тут! Как она может умереть?

Женщина ободряюще улыбается сыну и быстро отворачивается. В ее глазах читается тревога. Она мало верит в то, что говорит. Губы ее начинают шептать молитву. Неужели Господь хочет забрать к себе девочку, которая совсем недавно оказалась под их крышей? Жар у ребенка не спадает, дыхание тяжелое, с присвистом...

Сын хозяйки дома, Пьер, на коленях стоит у кровати. Он не сводит глаз с лица больной девочки, боясь, что вот-вот случится самое страшное. Ему очень хочется помочь ей, но мальчик понимает, что это не в его силах. И все-таки он будет рядом, хотя бы для того, чтобы, когда случится неотвратимое, закричать «Помогите!»...

— Во всем виновата хозяйка, мой сыночек. Как по мне, мадам Кюзенак не хотела брать ее в дом. Она с муссюром ^[1]никогда не соглашается, что бы он ни сказал — все не по ней! Ну как можно было посадить девочку на запятки экипажа и оставить трястись всю дорогу под проливным дождем? Как, я спрашиваю? Души у нее нет!

До Мари, заблудившейся между реальностью и бредом, временами доносится чей-то резкий голос. Наконец она его узнала: это голос Нанетт, женщины, которая по приезду приняла ее в своем доме. Девочка поняла и то, что говорившая чем-то недовольна. Она изо всех сил прислушивается, не желая терять связь с реальностью, боясь снова провалиться в темную пропасть горячки, полную неопределенных опасностей. Она чувствует себя совершенно разбитой...

Отдаст ли она Богу душу? Монахини из сиротского приюта в Обазине, который она привыкла считать домом, говорили именно так, когда одна из сестер умирала. «Отдать Богу душу»... Мари не была к этому готова.

Она всегда думала, что жизнь хороша и полна радостей. Даже для нее, несчастной сироты...

Там, на небесах, встретится ли она со своими родителями, которые оставили ее сразу после рождения? Может быть... Она сумеет их простить!

Дыхание девочки учащается. Чьи-то руки приподнимают ее, и теплая жидкость течет в ее рот, но у нее нет сил сделать глоток. Целебный отвар проливается на ночную сорочку. Заботливые руки опускают ее на постель.

Мари проваливается в забытье, полное тепла и яркого света, и перед ее

мысленным взором проносятся обрывки недавних событий, изменивших ее короткую жизнь...

Глава 1

Прощание с приютом в Обазине

Март 1906 года

— Мари! Мать-настоятельница зовет тебя в свой кабинет. Кто-то дожидается тебя в приемной. Поторапливайся, да не забудь снять фартук...

Девочка и сама слышала, как несколько минут назад прозвенел дверной колокольчик. Но у нее и мысли не возникло, что кто-то пришел, чтобы повидаться с ней...

Девочка часто представляла себе, как в один прекрасный день в комнату войдут красиво одетые мужчина и женщина с добрыми лицами. Ее родители раскроют объятия, и она кинется им навстречу, задыхаясь от счастья. Прекрасная мечта, которой не суждено сбыться.

Спеша выполнить приказание сестры Юлианны, Мари отложила нож, которым чистила овощи, — работа, исполняемая старшими воспитанницами по очереди, — и сняла испачканный фартук. Потом торопливым движением стянула с головы платок, который обязательно надевали все, кто помогал в кухне. Интересно, кто к ней пришел? После недолгого колебания девочка сняла ленточку, стягивавшую ее темные волосы, и разгладила складочки на своем сером платье. Кто бы это ни был, мужчина или женщина, внутренний голос подсказывал, что выглядеть она должна наилучшим образом. И тотчас же укорила себя за то, что грешит тщеславием, и любая из монахинь конгрегации Святого Сердца Девы Марии, исповедующих строгие моральные принципы, не преминула бы ее в этом упрекнуть.

Девочке предстояло выйти в приемную уже второй раз в этом месяце, и она немного волновалась.

Она пересекла двор, направляясь к построенному из светлого камня и украшенному парными колоннами зданию аббатства. Взгляд девочки скользнул по привычному пейзажу, которым она так часто любовалась: с одной стороны вьющаяся вдоль стены виноградная лоза, осенью радующая обитателей приюта вкусным виноградом сорта Шасла, с другой — сад и небольшой огород, где шепчет фонтан. На плодовых деревьях кое-где начали лопаться почки, небо было чистым, но воздух оставался

прохладным и влажным.

Мари подумала, что сама она, пожалуй, предпочла бы остаться в теплой кухне. Она очень любила бывать там. Обитатели приюта называли свою просторную кухню «замок», поскольку крыша этого помещения была украшена квадратной башенкой. В огромной комнате с красивым сводчатым потолком было так уютно! Гигантских размеров камин и кухонные печи распространяли вокруг себя приятное тепло.

«Может, тот мсье, что приезжал в прошлый раз, вернулся снова? — спросила себя девочка, и сердце ее забилось быстрее. — Нет, это невозможно! Он ведь ни о чем меня не спрашивал. Только долго меня рассматривал. И я ему не понравилась».

В начале XX века редко кто решался усыновить ребенка-сироту. Приют, притулившийся у стен аббатской церкви Святого Стефана в коммуне ^[2]Обазин, недалеко от города Брив-ла-Гайард, стал домом для нескольких маленьких девочек, оставшихся без родительской опеки. В шестидесятые годы XIX века, когда бедняков на улицах Брива стало намного больше и монахиням пришлось открыть центр благотворительной помощи, увеличилось и количество сирот. В это же время сестры конгрегации Святого Сердца Девы Марии основали в Обазине, в красивейшем здании старинного цистерианского аббатства, построенном в XII веке, сиротский приют. Мэр и представители епархии обратились к именитым и состоятельным жителям городка и окрестностей с просьбой обеспечить бедных сирот одеждой и пропитанием.

Теперь же монахини принимали под свою крышу не только местных пяти- и шестилетних девочек, чьи родители умерли или исчезли неизвестно куда, но и воспитанниц на полный пансион. В числе учениц были также девочки, которые посещали уроки в монастырской школе, но жили дома, в семьях. И пансионерки, и ученицы школы оплачивали свое пребывание в стенах приюта.

Случай Мари выходил за общепринятые рамки. Девочка стала одной из самых юных воспитанниц приюта. Ее предали на попечение монахинь из городской больницы Брива, когда малышке не исполнилось и трех лет. Поэтому Мари привыкла считать приют своим домом и знала в нем каждый уголок.

В те времена такой историей трудно было кого-нибудь удивить. Женщина, которая привезла малышку к матери-настоятельнице, коротко пояснила, что однажды вечером в больницу явилась повитуха с новорожденным младенцем на руках и сказала, что мать ее умерла при

родах и перед смертью успела только попросить: «Назовите ее Мари».

Однако разве были у девочки основания чувствовать себя несчастной? В начале XX века дети, доверенные заботам монахинь, были обеспечены и пищей, и одеждой. Жители охотно одаривали приют орехами, съедобными каштанами, растительным маслом, молоком, мясом и фруктами. Кроме того, монахини обрабатывали два огорода, исправно снабжавшие приют разнообразными овощами. Еще у них был живорыбный садок, несколько плодовых деревьев и ферма с птичником, свинарником, клетками с кроликами и даже коровой! Чуть ниже садка разместилась мельница, которая поставляла в приют электроэнергию.

Одевали своих воспитанниц монахини благодаря щедротам богатых жителей Брива. При монастыре была и своя рукодельня, где воспитанниц учили не только вышивать и шить новую одежду, но и перелицовывать и перешивать старую. В том же, что не касалось материального обеспечения, Мари разделила участь всех брошенных детей, ничего не знающих о своем происхождении. Для одних это неведение было тяжким бременем, для других — необременительной ношей, в зависимости от характера. Мари не жаловалась никогда. От природы девочка была наделена покладистым и жизнерадостным характером. Но кто, скажите на милость, может знать, какие печали и горести тяготят душу ребенка?

Мари поднялась на второй этаж, где располагался кабинет матери-настоятельницы. В кабинет она вошла с радостной улыбкой. Девочка любила и почитала мать Мари-Ансельм, прививавшую воспитанницам любовь к Господу. Мать-настоятельница была женщиной редкой доброты — неоценимый подарок неба бедным сироткам.

Монахиня ожидала ее прихода. Она долго раздумывала о том, стоит ли ей отпускать из приюта девочку, к которой была искренне привязана. Внутреннее чувство справедливости не позволяло ей отдавать кому-либо из воспитанниц предпочтение, однако же набожность Мари часто наводила монахиню на мысль, что в будущем она вполне может избрать монашескую стезю. Но станет ли любовь к Господу главным критерием выбора, когда Мари придет время выбирать? Если Всемогущий Господь избрал ее для служения себе, рано или поздно благосклонная судьба выведет девочку на правильный путь.

Для себя мать Мари-Ансельм решила, что было бы хорошо отдать Мари в состоятельную семью горожан из Брива. И вдруг с подобной просьбой к ней обратилась супружеская чета, живущая близ маленького

городка Прессиньяк, что в департаменте Шаранта, то есть довольно далеко от Лиможа, столицы региона Лимузен [3]. Эти люди искали девочку-подростка, которая смогла бы стать помощницей хозяйке дома. Из всех воспитанниц только Мари достигла требуемого возраста.

И все-таки мать Мари-Ансельм долго тянула с ответом. Прессиньяк — это ведь так далеко... Увидятся ли они когда-нибудь с девочкой снова? Не могла она не думать и о том, что Мари — девочка очень способная. Несколько месяцев назад она одна-единственная из воспитанниц блестяще сдала экзамены и получила свидетельство о начальном образовании. Ферма — не самое лучшее для нее место!

Однако перед внутренним взором тут же вставало бледное личико девочки с темными кругами под большими карими глазами. Она с детства отличалась слабым здоровьем. Быть может, перемена места и здоровая жизнь в сельской местности пойдут ей на пользу? Семья из Прессиньяка была очень обеспеченной и уже более пяти лет щедро жертвовала на нужды приюта, хотя тот находился в другом департаменте. К тому же у них не было своих детей. Что, если Мари посчастливится обрести дом и родительскую заботу?

* * *

Ласково, но решительно мать-настоятельница обняла девочку за плечи. — Послушай меня, Мари! В приемной сидит женщина. Она ищет девушку, которая смогла бы содержать дом в порядке и умела бы готовить. Тебе тринадцать, и ты уже можешь сама зарабатывать себе на хлеб. И ты знаешь, что у нас не слишком много места. Я бы оставила тебя еще на какое-то время, но, думаю, будет лучше, если ты поедешь с ней. Будь с мадам Кюзенак любезной и вежливой. Если ты ей понравишься, она возьмет тебя жить в свой дом с большой фермой. Тебе это пойдет на пользу, да и нуждаться ты ни в чем не будешь.

Монахиня повернулась и сняла с книжной полки небольшого размера фотографию.

— Вот, держи! Это фотография статуи Обазинской Богородицы с Младенцем, — сказала она, и голос ее смягчился. — Ты ведь знаешь, что тебе покровительствует наша Святая Дева Мария. Это мой прощальный подарок, он охранит тебя от всех бед. А теперь пойдём знакомиться с твоей хозяйкой. И помни: если в твоём новом доме что-то пойдёт не так, ты всегда сможешь вернуться в приют.

Девочка, не веря своему счастью, схватила прекрасный подарок. На фотографии было запечатлено только лицо Богоматери, ласковое и потемневшее от времени.

Сколько раз молилась она перед этим позолоченным каменным изваянием, стоявшим в приемной приюта! Сколько раз обращалась к нему с немым вопросом: «Пресвятая Дева Обазинская, где мои родители?»

— Спасибо! О, спасибо! Это лучший на свете подарок! — бормотала Мари, чьи щеки порозовели от удовольствия.

Несколько минут она прижимала новообретенное сокровище к груди, потом спрятала в карман платья.

Сердце девочки разрывалось меж двумя противоположными чувствами. Она боялась уезжать из приюта, где прожила столько лет. И вот теперь ей предстоит расстаться с подружками, к которым она так привязалась, и со своими любимыми книжками. Она догадывалась, что в жизни, которая ее ожидает, не будет места чтению и учебе.

И все же для Мари, чья чистая душа радовалась каждому новому листику, появлявшемуся на дереве в монастырском саду, слов «сельский дом» и «ферма» было достаточно, чтобы сердце ее радостно забилося.

Ее вселенная ограничивалась этими светлыми, но все же чуточку суровыми коридорами, этими уютными и всегда ухоженными комнатами, стенами просторной спальни с черной дверью.

Она любила это место, где ей было так спокойно, любила стоящую невдалеке церковь старинного аббатства...

А еще она любила отливающие синевой долины, такие прекрасные в своем утреннем наряде из тумана, которыми она с подружками часто любовалась, стоя во дворе. Вид был таким великолепным, что перехватывало дыхание.

Как бы ни сложилась жизнь, частичка ее души навсегда останется здесь, в родном Коррезе...

* * *

Монахиня и девочка вместе спустились на первый этаж и, пройдя через внутренний дворик, остановились перед дверью в приемную.

Мать Мари-Ансельм открыла дверь, и взволнованная Мари вошла первой. Женщина, которая до их появления ходила взад и вперед по комнате, замерла и посмотрела на девочку:

— Значит, это ты — Мари? Что-то не слишком крепкой ты выглядишь

для своего возраста!

— Что вы, мадам, я очень крепкая! Я застилаю постели самых маленьких, вычищаю печи от золы и умею варить суп!

— Мари — девочка послушная, набожная и исполнительная, — подхватила стоявшая у сироты за спиной мать-настоятельница. — У нее хорошо получается шить и вышивать. Что ни поручи — она всегда старается все сделать наилучшим образом. Не стоит забывать и о том, мадам Кюзенак, что, беря девочку к себе, вы совершаете богоугодный поступок. Свежий воздух пойдет Мари на пользу, потому что здоровье у нее не самое крепкое.

Услышав про слабое здоровье девочки, посетительница поджала губы. На ее лице ясно читалось недовольство. Мать-настоятельница поняла, что не стоило упоминать о болезненности Мари, но было уже поздно.

Мари была готова расплакаться. Что с ней будет, если добрые монахини не смогут оставить ее у себя? Если эта дама, которая выглядит такой строгой, не захочет ее забрать?

— О, мадам, я умею гладить! — проглотив слезы, воскликнула девочка. — Я еще ни разу не сожгла простыню или полотенце! Ем я мало и умею ухаживать за детьми. Если у вас есть дети, я стану за ними присматривать!

Было очевидно, что даже этот последний аргумент не убедил мадам Кюзенак. Посетительница вздохнула и нахмурилась.

Мадам Кюзенак была женщиной крепкого сложения, отнюдь не худенькой. Ее путь в Обазин лежал через Брив, поэтому она надела все самое лучшее и выглядела очень нарядной.

— Ты умеешь доить коров, делать творог и пасти овец? — спросила она.

Положив руку на плечо воспитанницы, мать-настоятельница сказала недовольным тоном:

— Мадам, я не понимаю, что происходит. Мы ведь договаривались, что Мари будет следить за порядком в доме и готовить!

— Разумеется. Но иногда ей придется помогать на ферме.

Мать Мари-Ансельм вздохнула. Может быть, не стоит отдавать Мари этой женщине? Нелегко принять такое важное решение, когда видишь человека первый раз в жизни... Супруг мадам, побывавший в приюте месяц назад, произвел на мать-настоятельница впечатление человека искреннего и добросердечного. Успокаивал и тот факт, что все девочки, отданные на попечение окрестных семей, в обязательном порядке

присылали ей письма с рассказами о том, как им живется. Всегда можно будет забрать девочку, если в новом доме она почувствует себя несчастной.

Мать-настоятельница выпрямилась и твердо сказала:

— У нас есть своя ферма, и Мари всегда охотно помогала пасти корову, работала на огороде и собирала траву для кроликов. Что до остального, она быстро научится!

Она не преминула уточнить, как делала это каждый раз, отправляя в новый дом очередную воспитанницу:

— Хочу вам напомнить, что у Мари, одной из наших лучших воспитанниц, которую мы все очень любим, есть полный комплект необходимой одежды и белья и, кроме этого, пара башмаков, молитвенник и четки. Беря ее на попечение, вы не несете никаких расходов.

К величайшему удивлению матери Мари-Ансельм, этот аргумент практического свойства, похоже, оказался для мадам Кюзенак решающим.

Голос посетительницы смягчился, когда она сказала:

— Хорошо, я беру Мари.

И добавила тоном, в котором монахиня уловила горечь:

— Так решил мой супруг. Я сегодня же забираю девочку с собой. До дома дорога неблизкая. Надо еще зайти на рынок в Бриве, кое-что купить. В полдень мы сядем на поезд на вокзале возле супрефектуры ^[4]. Пускай сходит за вещами...

Мать Мари-Ансельм наклонилась и поцеловала девочку. Монахиня, будучи женщиной доброй, но очень сдержанной, редко позволяла себе проявлять нежность по отношению к воспитанницам. В последний раз взглянув на посетительницу, она сказала:

— Мари умеет читать и писать. Она успешно сдала экзамены по курсу начальной школы.

Услышав это, мадам Кюзенак рассмеялась:

— Она умеет читать и писать! И даже сдала экзамены! Подумаешь! На ферме ей это вряд ли пригодится...

* * *

Чтобы добраться до центра Брива, пришлось нанять конный экипаж. Правил лошадей веселый возница с гусарскими усами. Когда мадам Кюзенак с девочкой садились в экипаж, между возницей и дамой возник оживленный диалог на местном диалекте.

— За девочку сбросьте мне несколько монет!

Возница смерил новую хозяйку Мари негодующим взглядом и заявил:
— Мадам, за взрослых мы берем полную цену!

Мари слушала перебранку и не понимала, о чем идет речь. Лицо мадам Кюзенак стало пунцовым, сидящие в этом же экипаже пассажиры, глядя на них, улыбались. Что речь идет о цене, девочка догадалась, когда разгоряченная спором мадам добавила несколько мелких монет. Повернувшись к девочке, она сказала:

— Эти негодяи думают, что меня можно обвести вокруг пальца! Так и норовят содрать втридорога! Я разговариваю с ними на их языке, но тебя сразу предупреждаю — не вздумай брать с них пример! В моем доме никакого патуа [5], ты меня слышишь?

Уже сидя в многоместном экипаже, Мари бросила последний взгляд на здание из розового камня. Она никогда не забудет эти места! Мимо проносились прекрасные каштановые рощи, в которых они часто гуляли с подружками. Дорога пошла вниз, к речной долине, где и располагался Брив. Мари попрощалась с детством, освященным безмятежной тишиной окрестных холмов.

* * *

Девочке было грустно, и все же она зачарованно разглядывала незнакомый город.

Брив-ла-Гайярд, Брив Смелый... В давние времена этот древний городок был окружен поясом мощных земляных валов и укреплений. Было начало марта, и, залитый солнечным светом, он вполне оправдывал свое второе прозвище — Брив Веселый. Мари побывала в Бейна, когда сдавала экзамены, но ей никогда прежде не доводилось бывать в таком большом городе, как Брив.

Мадам Кюзенак с девочкой вышли из экипажа в квартале Гиерль. До вокзала им пришлось добираться пешком, и, боясь опоздать, они шли быстро, почти бежали.

Оказавшись в толпе людей, мадам Кюзенак, благодаря своим габаритам, легко прокладывала путь и себе, и Мари.

Девочка успевала замечать мельчайшие детали окружавшего ее пейзажа — и высокую колокольню церкви Святого Мартина, и прекрасные фасады близлежащих домов. Конечно же, на смену средневековым куртинам [6] давно пришли бульвары, однако в городе осталось немало

очень красивых зданий эпохи Ренессанса, таких как особняк Лабенш, украшенный башней с остроконечной крышей.

Мари ничего не знала о городе, в окрестностях которого выросла, но сегодня он казался ей целой вселенной, оживленной и многоцветной. О том, что рядом рынок, можно было догадаться по какофонии самых разных звуков. Следуя за хозяйкой, сирота слушала обрывки разговоров о жирных гусях, фиолетовой горчице [\[7\]](#), вкуснейших колбасах и ветчине. Для девочки это были волшебные слова, ведь она в жизни не пробовала таких деликатесов...

Глава 2

Приезд на ферму

С того самого момента, как состав двинулся, девочка смотрела в окно на луга и холмы, уже усеянные желтыми лютиками.

И это было так чудесно, что она почти забыла свою печаль. Ей больно было прощаться с сестрами Юлианной и Женевьевой, с подружками... Но через это проходили все сироты, выросшие в Обазине. Для каждой наступал день, когда приходилось покинуть древние стены приюта. Мари приняла это расставание как неизбежность — так же, как и другие до нее.

И все-таки перед глазами огорченной девочки все еще стояло личико маленькой Леони, ее любимицы, которую Мари научила читать и которая обожала слушать сказки.

Положение сироты никто не назовет завидным, и все же в стенах импозантного здания приюта девочка провела много радостных дней. Особенно она любила праздник в честь святого Стефана. Его отмечали в первое воскресенье после пятнадцатого августа. В этот день устраивали религиозные процессии и большую ярмарку с гулянием. По традиции девочки украшали могилу святого цветами и вереском. После полудня сиротки разыгрывали перед публикой короткие одноактные представления. Укрывшись в тени увитых виноградной лозой стен, монахини продавали то, что вырастили или сделали своими руками — продукты, одежду и украшенное вышивкой постельное белье. Это был чудесный день.

А разве можно забыть променады по четвергам и воскресеньям, когда девочки прогуливались по улице Де-ла-Вори или вдоль Канала Монахов — поражающей воображение системы каналов, часть которых была высечена прямо в скале! Эта система была проложена монахами-цистерианцами в XII веке. Благодаря каналам в монастырь поступала вода из речушки Куару. Воспитанницы приюта часто ходили в долину собирать каштаны, гуляли возле утеса с романтичным названием Прыжок Пастушки. Они поднимались на гору Кальвер, где находилась молельня, иногда взбирались на вершину горы Пюи-де-Полиак, откуда открывался великолепный вид на близлежащие холмы.

После прогулки девочки возвращались в приют веселыми и довольными. В зависимости от сезона их карманы были набиты каштанами или желудями. В руках они несли охапки полевых цветов, веточек

остролиста, плюща или омелы для украшения аббатской церкви.

Мари бережно хранила воспоминание о настоящем путешествии, одном-единственном, но незабываемом, — в Рокамадур ^[8]. Монахини разрешили воспитанницам попросить Черную Мадонну ^[9]Рокамадурскую исполнить их заветное желание. Но разве могут у лишенного родительской любви ребенка возникнуть иные желания, кроме как обрести или отыскать своего отца и свою мать?

* * *

Устроившись на сиденье, Мари изо всех сил старалась не заплакать, боясь, что это не понравится «хозяйке». Что до мадам Кюзенак, то она не сказала девочке ни слова утешения, даже не удостоивала ее лишним раз взгляда.

— На, держи мою сумку! — приказала она. — И не вздумай открывать! Если я узнаю, что ты врешь мне или воруешь, я не стану держать тебя в своем доме!

Лицо девочки стало пурпурным от стыда. Почему мадам думает о ней так плохо? Монахини прививали своим подопечным высокие моральные качества, в перечне которых не последнее место занимала честность.

Солнце начало садиться, а Мари все смотрела на проносящиеся мимо обработанные поля, деревеньки на вершинах холмов, серебристые изгибы реки. Не виданные прежде картины природы, живописные и красочные, приводили ее в восторг. Может, ей все-таки понравится жить на ферме? Сирота пообещала себе, что будет работать с рассвета до заката, слушаться во всем хозяйку и постарается не стать обузой для тех, кто предоставил ей кров.

Мадам Кюзенак вдруг вспомнила о том, что она не одна. Она протянула руку и буркнула:

— Дай мне сумку! Я проголодалась.

Мари тоже хотелось есть, но ей не досталось ни крошки от вкусностей, покоившихся в глубине кожаной сумки. Она сидела и смотрела, как хозяйка ест кусок сыра с хлебом и закусывает яблоком, и желудок ее скручивало от голода.

Девочка отвернулась к окну. На лугу щипали траву рыжие коровы. Впервые в жизни Мари увидела целое стадо коров...

Было уже темно, когда пригородный поезд прибыл в Шабанэ. Мадам Кюзенак потрясла девочку за плечо.

— Просыпайся! И как только тебе пришло в голову заснуть в поезде! Могла бы поговорить со мной! Ты не слишком приятная компаньонка. После Лиможа я томила от скуки...

Мари пробормотала слова извинения. Ни за что она не решилась бы признаться, что от голода у нее сильно разболелся живот, и она думала только о том, когда же это путешествие закончится.

— Жак нас уже ждет! Вот тебе твои вещи и моя сумка, и марш вперед!

На улице шел сильный дождь. Сирота с любопытством осмотрелась. В желтоватом свете уличных фонарей угадывался силуэт каменного моста над черной рекой. На площади их ожидал экипаж. На переднем сиденье расположился мужчина. Завидев хозяйку, он крикнул:

— Добрый вечер, м'дам! Я уж боялся, что поезд свалился в кювет! Поздно уже!

Женщина передернула плечами. Возница помог ей взобраться на переднее сиденье, защищенное от дождя откидным кожаным козырьком. Сумки он уложил в предусмотренный специально для этих целей ящик. Мадам Кюзенак знаком приказала девочке сесть сзади, на деревянную сидишку, которую поливал ледяной дождь.

— Девчонка-то не из крепких, как я посмотрю!

— Зато она не будет стоять нам ни единого су! — ответила мадам Кюзенак едва слышно.

Мари понурила голову. Как жалела она в эту минуту, что не осталась в приюте! В это время она обычно разливала по тарелкам суп, и за столами беспечно и радостно болтали самые маленькие воспитанницы... Во главе стола сидела сестра Юлианна и улыбалась, отчего на ее щеках образовывались складки, а лицо становилось таким добрым...

Экипаж двинулся по дороге. Жак прицепил спереди фонарь, который подпрыгивал на каждом ухабе и почти не давал света. Но белая лошадь и так хорошо знала дорогу домой.

Мари, стучащую зубами под порывами ветра и потоками дождя, бросало из стороны в сторону. Ее пальтишко промокло насквозь, волосы тоже были мокрыми. Девочку сильно тошнило. Согнувшись пополам, изо всех сил уцепившись за сидишку, она терпеливо сносила мучения.

Мощенная камнем дорога закончилась, уступив место проселочной,

усеянной булыжниками, с двумя глубокими, заполненными грязью колеями. В прохладе ночи запахи ощущались сильнее, и Мари удивилась, ощутив знакомые ароматы вспаханной земли и травы. Потом она почувствовала дух близкого леса, запах каштанов и старых дубов с нотками смолы и мха.

— Надо бы сказать муссюру, что пора перегнать овец к Волчьему лесу... Участок зарастает бурьяном, скоро он совсем забьет источник... А ведь это хороший источник! Старики говорят, что его вода лечит от падучей и исполняет желания!

Мадам Кюзенак кивнула. Мари же разобрала только слова «муссюр» и «Волчий лес».

Лошадь замедлила бег, когда Жак привстал и выкрикнул звонкое «ола!».

Мари выпрямилась и в окружавшей экипаж темноте увидела желтый квадратик окна. Сердце ее забилось быстрее.

Неужели они наконец приехали на ферму?

Чтобы усмирить страх, девочка весь день представляла свой новый дом. Мари бесшумно приподнялась на сиденье. В темноте ее глаза различили приземистое строение с дымящей трубой на крыше.

Послышалось жалобное блеяние. Откуда-то запахло так неприятно, что девочку опять затошнило. Мари всмотрелась в темноту. Справа, на холме, вырисовывался силуэт большого дома с тремя освещенными окнами.

Мадам Кюзенак крикнула:

— Мари, слезай! Ты будешь жить у Нанетт, жены Жака. Завтра придешь познакомиться с моим мужем.

Обращаясь к Жаку, она добавила:

— Скажи жене, чтобы она проверила волосы девчонки. Я уверена, она вшивая...

Девочка снова почувствовала себя униженной. Конечно же, она не смогла ни слова сказать в свое оправдание, поэтому послушно подхватила нетяжелый сверток со своими вещами и спрыгнула с сиденья. Грязь под ногами оказалась вязкой. Дождь заливал глаза, поэтому она с трудом различала окружающие предметы. У девочки осталось одно-единственное желание — поскорее оказаться в доме...

— Вперед, Плут! — прикрикнул на коня Жак.

Экипаж тронулся с места. Мадам Кюзенак даже не оглянулась. Мари осталась стоять в грязи. Единственным ориентиром был пронзительно светящийся в ночи желтый квадратик окна...

Девочка сделала несколько шагов. «Чвак-чвак», — хлюпала грязь у нее под башмаками. Где-то поблизости сердито залаяла собака.

Дверь тотчас же распахнулась, и на пороге дома показалась женщина:
— Кто там? Это ты, Жак?

Мари ускорила шаг, то и дело поскользываясь на раскисшей земле. Она поспешила подать голос, боясь, что дверь сейчас закроется и на нее бросится собака:

— Это я, новая служанка мадам Кюзенак! Мне сказали, что я буду жить у вас.

— Заходи, моя девочка! Я так и думала, что это тебя привезли. В такое-то время...

Мари вздохнула с облегчением. Скорее всего, это и есть Нанетт. Такого акцента, как у этой женщины, Мари раньше слышать не приходилось. Голос ее, резкий, раскатистый, все же показался девочке куда более приятным, чем голос мадам Кюзенак.

— Ну, слава Богу, ты в тепле! Я-то ожидала увидеть городскую штучку! А ты, бедняжка, такая мокрая, будто тебя только что вытащили из Вьенны, нашей речки... Где была у хозяйки голова, когда она пристроила тебя на заднюю сидушку, как мешок с картошкой? Иди сюда, здесь ты быстро высохнешь...

Мари не понимала, почему Нанетт решила, будто она — «городская штучка». Сама не своя от смущения, девочка продолжала стоять на пороге, дрожа от холода.

На ней было пальто из драпа, которое она сама для себя перешила, — подарок какой-то щедрой жительницы Брива, и шапочка из той же ткани. Остальная одежда тоже была чистенькой и симпатичной, но сейчас все насквозь промокло, а черные чулки и крепкие ботинки, подаренные местным сапожником мсье Костом, были заляпаны грязью. Предусмотрительная сестра Юлианна заказала девочке обувь на размер больше требуемого, чтобы она послужила подольше.

Нанетт подтолкнула маленькую гостью к столу, занимавшему почти всю комнату:

— Садись-ка спиной к огню! Согреться — и сразу почувствуешь себя лучше. Не помешает и поесть как следует. Давай свои вещи, их впору выкручивать!

Пол в доме был глинобитный. Кожух большой печи поднимался почти до потолка, обшитого крупными, почерневшими от копоти брусьями. В углу, недалеко от очага, стояла небольшая лавка, на которой сидел, потирая руки, чтобы согреться, мальчик. Он был худенький, на маленьком,

обрамленном темными волосами личике ярко блестели огромные черные глаза. Мальчик серьезно смотрел на Мари.

Нанетт кивнула в его сторону:

— Это Пьер, мой сын. Он хороший парень. А тебя как зовут?

— Мари, мадам.

— Вот еще выдумала! В нашем доме чтобы я не слышала никаких «мадам»! Зови меня Нанетт. А теперь садись к столу!

Мари села. Нанетт сняла с нее пальто и шапку и повесила их поближе к очагу. Потом поставила перед гостьей тарелку супа и отрезала ей ломоть хлеба. Голодная сирота с удивительной быстротой съела угощение и сразу же почувствовала себя лучше.

— Готова спорить, что хозяйка за всю дорогу не дала тебе ни крошки! — смеясь, сказала Нанетт. — Вот ведь ведьма! Скупердяйка, не побоюсь этого слова! Ей бы и с грязи пенку снять!

Видя по лицу девочки, что она явно не понимает, о чем речь, Нанетт сказала:

— Очень уж она жадная. Так понятнее?

Пьер прыснул. Нанетт была рада возможности поболтать с гостьей, приехавшей из большого города, а значит, никогда не слышавшей местных прессињьякских сплетен, поэтому поставила к очагу, поближе к сыну, стул, села и стала рассказывать:

— Наша хозяйка-то нерода, наверное, поэтому она такая злая. Я всегда говорю Жаку, что, если бы у нее была парочка озорников, она была бы помягче. Да и хозяину было бы кому оставить свою землю... У него сердце сжимается при мысли, что все его леса, луга, скотина — все перейдет в руки этого Макария, никчемного племянника муссюра! А уж этот молодчик быстро все распродаст, помяните мое слово!

Мари едва заметно кивала. Она боялась огорчить Нанетт, которая отнеслась к ней с явной симпатией, поэтому не стала спрашивать, что такое «нерода». Слово это звучало, конечно, лучше, чем «ведьма», но все же таило в себе злое начало.

Открыв дверь локтем, в дом вошел Жак. В руках у него был матрас, обтянутый серой в розовый цветочек хлопчатобумажной тканью. Этот матрас показался Мари самым красивым в мире.

— Это для девочки! Хозяева дали.

Нанетт встала. Муж передал ей матрас, и женщина прижала его к груди.

— Пьер, отнеси-ка это в каморку под крышей, — сказала она после недолгого колебания. — И дай Мари простыню и одеяло.

Жак с женой обменялись парой слов на патуа, и девочка подумала, что речь идет о подозрениях хозяйки относительно вшей в ее волосах. Краснея, она поспешила заверить Нанетт, что монахини всегда тщательно следили за гигиеной.

— Могла бы мне этого и не говорить. Как будто у нас есть время думать о таких мелочах! К тому же считается, что вши — признак отменного здоровья и приносят счастье!

Мари пошла следом за Пьером, который в одной руке нес матрас, а в другой — подсвечник со свечным огарком. Дети поднялись по лестнице, первые ступеньки которой отчаянно скрипели.

«Каморка под крышей» оказалась на деле чердачным помещением, где приятно пахло фруктами и зерном. Жак с женой сушили на чердаке яблоки, каштаны и орехи, хранили крупу и фасоль в больших плетеных емкостях красивого, теплого золотистого цвета. Эта непривычная раскраска очень понравилась Мари.

Пьер бросил матрас на сероватый пол, убежал и вернулся, неся на вытянутых руках простыню и одеяло. Он протянул белье Мари, оставил девочке подсвечник и тут же повернул назад.

— Спасибо, — прошептала она.

Девочка осталась одна. Это случилось с ней впервые в жизни. В приюте она спала в общей спальне, которая никогда не пустовала. Лежа в постелях, воспитанницы болтали перед сном. Старшие часто на цыпочках прокрадывались в спальню к маленьким, чтобы утешить тех, кто боялся темноты.

Мари аккуратно разложила свое пальто и шапку на одном конце своего импровизированного ложа. Дрожа в промокшем платъице, она сняла такие же мокрые чулки. Потом легла и натянула одеяло до самого носа. Прижав к груди фотографию Святой Девы Обазинской, она прочла молитву.

Свеча вскоре угасала. Ее танцующее пламя отбрасывало на потолок тени странной формы. Мари закрыла глаза. Снизу доносились голоса Нанетт и ее мужа, говоривших на патуа.

Она не понимала ни слова из их разговора, поскольку в приюте воспитанниц учили изъясняться на правильном французском.

Мари думала о суровой мадам Кюзенак, о большом доме на вершине холма и о том, какая жизнь ждет ее здесь... О деревне и ее жителях, о которых она ничего не знала... И все-таки она дала себе обещание стать счастливой вопреки всем и вся, потому что умела во всем находить хорошее и верила, что если очень хотеть, то мечта непременно исполнится...

В первый раз Мари уснула на землях поместья «Волчий Лес», не имея понятия о том, что наступит день, когда она всей душой полюбит эти места.

Глава 3

Радости деревенской жизни

На следующее утро Мари чувствовала себя такой слабой, что не смогла встать. Она стучала зубами от озноба и кашляла не переставая. Пьер, которого послали ее разбудить, кубарем скатился вниз по лестнице с криком:

— Мама, она заболела! Скорее иди сюда!

Нанетт поторопилась подняться на чердак. Она сразу поняла, что девочка простудилась. И в этом не было ничего удивительного. Бормоча под нос проклятия, она принялась за дело:

— Пьер, помоги мне! Мы снесем ее вниз и уложим на большую кровать. Потом беги в «Бори» и предупреди хозяйку. Скажи, что девочка заболела и не сможет к ним прийти. Бедная крошка! Но уж я-то поставлю тебя на ноги, слово Нанетт!

Известие о болезни девочки Амели Кюзенак восприняла на удивление спокойно. Похоже, ее не слишком заботило, скоро ли Мари приступит к работе. В доме оставалась старая служанка Фаншон, которой вполне по силам убрать в комнатах и приготовить обед...

Нанетт испробовала на Мари несколько домашних рецептов от простуды, которые не раз ее выручали. Ведь в деревне никто не станет вызывать доктора к больному, если тот всего лишь простудился!

Именно в эти дни сирота маленькими шажками вошла в сердце фермерши... Нанетт не переставая сетовала на то, что девочка такая маленькая, худенькая, почти прозрачная, и кушает, как воробышек.

Добрая женщина при каждой возможности хватала свое шитье и усаживалась у изголовья кровати, время от времени прикладывая руку к горячему лбу Мари. Она старалась развлечь девочку разговорами, но так, чтобы не слишком ее утомлять. Прошло три дня, однако кашель у больной только усилился, в груди горело огнем. И вот настал момент, когда она не смогла сделать глоток. Жар не спадал.

Жак, муж Нанетт, уведомил об этом хозяйку. Амели Кюзенак с раздражением ответила, что мужа дома нет, а сама она не знает, как лучше поступить.

Встревоженный состоянием Мари фермер позволил себе проявить настойчивость:

— Хозяйка, думаю, пора позвать доктора. Девочка может... Я хочу сказать, она очень плохо выглядит, поверьте, очень плохо! Жена уж не знает, что и делать!

Кусая губы, мадам Кюзенак сердито сказала:

— Я пришлю к вам доктора Меснара.

Доктор явился на ферму только через два дня. В тот самый вечер, когда Пьер, который не обменялся с девочкой и парой слов, испугался, видя, что ей очень плохо...

Девочка балансировала между реальностью и бредом, свернувшись калачиком на кровати и прижимая к груди фотографию Святой Девы Обазинской. Временами к ней возвращалось сознание, но потом она снова начинала бредить. Едва слышно она повторяла «папа, мама», потом начинала звать женщин, которых Нанетт знать не могла, — сестру Юлианну и мать Мари-Ансельм...

Доктор тщательно обследовал больную. В глазах его горел гнев, когда он сказал, качая головой:

— Девочка в двух шагах от смерти! Скажите, чего вы ждали, почему не позвали меня раньше?

После отчаянной борьбы за жизнь и благодаря прописанным доктором Меснаром лекарствам Мари все-таки победила начинающуюся пневмонию.

Прошло больше недели с того дня, как она приехала в поместье «Волчий Лес». За это время сирота ни разу не виделась ни с мадам Кюзенак, ни с ее супругом — муссьюром, о котором Нанетт отзывалась с большим уважением и даже сочувствием.

Выздоровливала девочка медленно. Чтобы поправиться, ей нужен был отдых, солнечный свет и хорошая пища. Жан Кюзенак, которому фермер ежедневно сообщал, как себя чувствует девочка, с очевидным сожалением распорядился, чтобы Мари оставалась с Нанетт, пока совсем не выздоровеет.

Со слов Жака выходило, что Амели Кюзенак такое положение вещей совершенно устраивало.

— Я и не удивляюсь! — сердито бросила мадам Кюзенак своему супругу. — Она ведь незаконнорожденная! Неизвестно, чем болела ее мать. У таких женщин здоровые дети не рождаются. Пусть себе живет на ферме. Чем реже я буду ее видеть, тем для меня лучше!

Весна 1906 года обещала быть теплой и солнечной. На завтрак Мари, к которой понемногу возвращались силы, получила чашку подкрашенного цикорием молока и несколько ломтей хлеба. Нанетт, стоявшая у печки, уперла руки в бока и сказала:

— Моя девочка, наконец-то тебе лучше! Сегодня, пожалуй, сможешь мне немного. Работы у нас на всех хватит! Когда хозяйка захочет взять тебя в дом, она скажет.

Девочка не знала, что и думать. Зачем было приезжать за ней за тридевять земель, если хозяйке она не очень-то и нужна?

Однако, подумав немного, Мари решила, что для нее, конечно же, будет лучше остаться в этом скромном, но гостеприимном жилище фермеров, чем угождать женщине, в присутствии которой у нее кровь стыла в жилах от страха.

Мари с охотой принялась за работу. Нанетт показала ей хлев, овчарню, выгон. Девочке не в новинку было ухаживать за животными: ферма Жака и Нан напоминала ферму в приюте, только была намного больше.

По совету мсье Кюзенака Жак разводил коров лимузенской породы. Но было у него и две нормандских, купленных за баснословные деньги. Именно эти две коровы снабжали фермеров таким необходимым молоком. Жак сам их доил. Мадам Кюзенак предпочитала, чтобы десерты и выпечку готовили из парного молока. Из оставшегося молока Нанетт изготавливала творог.

Мари с удовольствием помогала фермерше и перенимала ее умения. Она мешала молоко, мыла цедилки для сыворотки. Эта работа не была для девочки внове — она не раз видела, как сестра Юлианна делает творог. Таким образом, деревенская жизнь, которую открывала для себя Мари, одновременно была для нее полной новизны и хорошо знакомой. Очень скоро она прониклась симпатией к крупным рыжим коровам и подолгу что-нибудь им рассказывала. Не меньше ей нравились и овечки, чей покорный взгляд трогал девочку до глубины души.

Но больше всего Мари любила кормить кур. Нанетт дала ей пару старых сабо, и, переобувшись, девочка прохаживалась по двору, сзывая птицу криком «Кието! Кието!», как это делала фермерша, а потом разбрасывала вокруг себя зерно. Куры торопливо собирались у ее ног, и Мари приходила от этого в полный восторг.

Несмотря на постоянную занятость, Мари открыла для себя ощущение свободы. Когда у нее была свободная минутка, девочка шла гулять по проселочной дороге в компании фермерского пса Пато. Этот рыжий пес не имел себе равных в охране коров и овец. Они с Мари быстро подружились.

Март выдался необычайно погожим, и луга покрылись разливами желтых одуванчиков и лютиков...

Чем больше проходило времени, тем сильнее Мари хотелось, чтобы все оставалось как есть и ей не пришлось идти служить в дом мадам Кюзенак. Девочка привыкла работать на ферме, привязалась к ласковой Нанетт. Чета фермеров о ней заботилась, и девочка всегда ела столько, сколько ей хотелось.

А вот хозяйский сын, Пьер, сторонился Мари, и девочку это очень огорчало. Она надеялась, что они подружатся, но мальчик никогда с ней не разговаривал и вел себя так, будто она совсем чужая.

Мари не понимала, что ее изысканные манеры, правильная «городская» речь и особенно ее красота произвели на мальчика неизгладимое впечатление. В своих мыслях он осмелился даже сравнить ее с позолоченной Мадонной из церкви в Прессиньяке, у которой тоже было прекрасное лицо. Пьер избегал общества Мари потому, что стеснялся и чувствовал себя слишком грубым, слишком глупым по сравнению с ней, умеющей читать куда лучше, чем он сам.

Часто по вечерам Нанетт, увидев, что Мари полушепотом читает свой молитвенник, просила ее читать громче, чтобы вся семья могла ее слушать. Пьер тоже слушал, не отрывая взгляда от губ Мари, без труда произносивших таинственные и мелодичные слова. В свои тринадцать он уже не ходил в школу, потому что, к великому огорчению Нанетт, так и не смог получить свидетельство о начальном образовании. Однако сам Пьер не слишком расстраивался по этому поводу. Он помогал отцу на ферме и предпочитал работу на земле и со скотом сидению на школьной скамье.

* * *

На ферме у Нанетт было много работы, и все же она с удовольствием посвящала свободные минуты Пьеру и Мари. Именно по настоянию своей доброй жены Жак отвез детей к местному саботье — мастеру, изготавливавшему сабо. По мнению Нанетт, башмаки на деревянной подошве, которые привезла с собой девочка, совершенно не подходили для фермы, и муссюр без возражений дал денег на новые сабо.

Так девочка в первый раз попала в ближайший городок — Прессиньяк. Для нее это был абсолютно новый мир: бакалейная лавка, таверна, мастерские тележника и ткача, булочная... и даже лавка торговца

растительным маслом!

Мастерская саботье показалась ей таинственной пещерой, полной разнообразных сверлышек, стамесок, ложек и резцов. Мастер на мгновение оторвался от работы и протянул Мари сверток со словами:

— Держи, девочка, свою обувку. Я потратил на них целый день, — добавил он, наклеивая на каждый сабо маленькую этикетку, как он делал всегда.

Мари долго любовалась выточенными из орехового дерева башмачками. Мастер вырезал на сабо цветы и раскрасил их в разные цвета. Никогда не было у Мари такой восхитительно красивой вещи!

Когда с делами было покончено, Жак оставил детей дожидаться на площади, а сам отправился к Марселю за стаканчиком местного бледно-красного вина — так, промочить горло.

Местная детвора с любопытством посматривала на Мари. Дети тараторили на патуа, что было очень удобно — можно открыто говорить то, что незнакомой девочке лучше бы не слышать.

— Видел, какое у нее странное пальто? И причесана не по-нашему!

— Она что, думает, в город попала?

— Мадам Кюзенак могла бы взять в услужение кого-то из наших! Зачем было ездить так далеко?

— Говорят, что теперь мадам не хочет брать ее в дом! Девчонка живет и работает у Нанетт.

Пьер что-то сердито сказал на патуа. Дети тут же бросились врассыпную.

Мари и Пьер забрались на сиденье экипажа, в который был впряжен Плут. Когда вернулся Жак и они пустились в обратный путь, Мари запела песню.

— Подпевай, Пьер, вместе получится еще лучше! — подбадривала она мальчика, который смотрел на нее как зачарованный.

Пьер робко подхватил своим более низким, чем у девочки, голосом веселый припев. Мари поняла, что еще немного — и мальчик перестанет ее стесняться.

— Если хотите, могу и я спеть с вами, — пошутил Жак на патуа. Вино привело его в веселое расположение духа. — Но не говорите потом, что я вас не предупреждал! Когда я пою, мертвые из могил встают от страха!

Пьер перевел, и дети от всего сердца посмеялись над шуткой.

Глава 4

День птичьих свадеб

Было воскресное утро, и Нанетт собиралась к обедне с певчими; служба должна была начаться в одиннадцать. Жак и Пьер были готовы к выходу и ждали мать семейства возле очага. В нарядной одежде, которая надевалась не чаще раза в неделю, оба чувствовали себя неловко.

Мари в своих новых, вымытых с мылом сабо сидела перед домом на деревянной колоде. До этого девочка побывала в Прессиньяке всего раз, и теперь радовалась, что поедет туда снова. Ей очень нравилось гулять в солнечную погоду, хотя на улице было еще довольно прохладно.

Услышав стук лошадиных копыт, девочка подняла голову и увидела приближающегося всадника. У мужчины с украшенной фазаньим пером фетровой шляпой на голове, одетого в добротные, хорошего кроя куртку и штаны и кожаные гетры, было доброе лицо и усталый, грустный взгляд. Несмотря на это, он производил впечатление человека сильного и властного.

Мари узнала его в одно мгновение. Это был тот самый мужчина, которого она видела в приюте несколько месяцев назад.

«Что он здесь делает?» — спросила она себя.

Поравнявшись с девочкой, всадник остановил коня и внимательно посмотрел на нее. А потом спросил мягко:

— Это ведь ты — Мари?

— Да, мсье! — ответила девочка с милой улыбкой.

— Тебе здесь нравится?

— Да, мсье... Нанетт очень добра ко мне.

Всадник в замешательстве передернул плечами. Он хотел было задать следующий вопрос, но передумал. Мари закусил губу. Неужели она сказала что-то не так, и мсье недоволен?

Из дома вышел Жак, а следом за ним — Пьер. Стягивая с головы картуз, Жак сказал:

— Доброе утро, хозяин! Мы собираемся на мессу. А что, мадам заболела? Сегодня она не просила экипаж.

В ответ мсье Кюзенак неопределенно махнул рукой, повернул коня и ускакал по направлению к господскому дому. Оглянулся он только один раз — чтобы еще раз посмотреть на Мари. Девочка приуныла. Она почему-то

была уверена, что не понравилась ему.

Зато теперь она знала, каков из себя муссюр, о котором так часто упоминала в разговоре Нанетт...

* * *

Дорога тянулась по самому низу долины. Мари с Пьером шли впереди, Нанетт с Жаком — за ними.

Солнце весело проглядывало сквозь листву деревьев. Справа извивался ручеек, вода в нем почему-то казалась красновато-коричневой. И только в тех местах, где близко к поверхности подступали камни, было видно, что она прозрачная. Мари была в восторге. Она и не думала, что природа в сельской местности может быть так прекрасна. Девочка не уставала любоваться радостными весенними пейзажами, залитыми солнечным светом. В теплом воздухе разливались новые, незнакомые ароматы...

От фермы до Прессиньяка было не слишком далеко. Вскоре впереди показалась церковная колокольня.

— Вот-вот проснется Мария-Антуанетта и станет торопить тех, кто припозднился! — весело сказала Нанетт.

Жак в ответ пожал плечами и присвистнул. Он прекрасно помнил день, когда из Шабанэ приехал кюре, чтобы освятить новый прессиньякский колокол и дать ему новое имя — Мария-Антуанетта. В то время он был еще маленьким мальчиком и вместе со всеми хлопал, когда над округой поплыл его низкий, глубокого тона звон. Это было в 1874 году...

Мари ускорила шаг. Она твердо решила на обратном пути спросить, кто такая эта Мария-Антуанетта. А пока, опьяненная буйством красок и легким весенним ветерком, девочка весело шагала по дороге.

Стоило им ступить на площадь в Прессиньяке, как раздался колокольный звон.

Нанетт локтем подтолкнула Мари и сказала с улыбкой:

— Слышишь? Это и есть Мария-Антуанетта! Красивый у нее голосок?

Мари покраснела от смущения. Пьер улыбнулся. В воздухе пахло праздником. Жители Прессиньяка торопились в церковь. Женщины надели по такому случаю накрахмаленные и тщательно отглаженные чепцы.

Мари держалась скованно из-за того, что на нее все смотрели. Некоторые дети даже показывали на нее пальцем. Пьер каждого маленького нахала награждал сердитым взглядом. Однако это не остановило высокого

светловолосого мальчика, который был выше него на голову. Он выкрикнул что-то, но Мари не поняла ни слова.

— О, а вот и безотцовщина!

Светловолосый мальчик начал кривляться и зубоскалить.

Жители поселка уже знали, что Кюзенаки взяли девочку из приюта. В начале XX века женщин, родивших детей вне брака, общество подвергало таким гонениям, что многие предпочитали отказаться от ребенка, зачатого вследствие прелюбодеяния. Поэтому бытовало мнение, что ребенок из приюта — непременно незаконнорожденный.

На глазах у Мари Пьер подбежал к белобрысому и ударил его что есть силы.

Тот ответил ударом на удар, но на этом драка закончилась: багровый от гнева Жак поймал сына за шкирку и оттолкнул высокого мальчика.

— Стыд потеряли! Устроить драку перед церковью... Луизон, марш к родителям! А ты, Пьер, веди себя пристойно!

Во время мессы Мари то и дело поглядывала на мсье Кюзенака, сидевшего на передней скамье вместе с самыми уважаемыми жителями городка. Он был без шляпы и выглядел задумчивым.

И чем дольше девочка его рассматривала, тем более мудрым и спокойным он ей казался. Мари вдруг вспомнился вопрос, который он задал в приемной, во время их первой встречи: «Тебе хорошо живется у сестер? Тебе бы хотелось уехать из приюта и жить на природе?»

Был отчаянный момент, когда она решила, что этот нарядно одетый вежливый господин хочет ее удочерить... А оказалось, что он просто искал себе прислугу. Именно поэтому позже он прислал посмотреть на нее свою супругу. И та решила, что Мари им подойдет...

Однако девочку это умозаключение ничуть не огорчило. Она, конечно же, очень скучала по монахиням, которые ее вырастили, но жить на ферме ей очень нравилось. Она так и написала матери-настоятельнице. В приюте воспитаннице раннего возраста приучали к строгой дисциплине, поэтому Мари воспринимала происходящее как должное, ей и в голову не приходило выражать недовольство или пытаться изменить свою жизнь...

Кюре закончил проповедь призывом к пастве посвятить день Господу и не братья сегодня ни за какую работу.

Некоторые мужчины понурили головы, потому что прекрасно знали — после обеда им все равно придется выйти в поле и пахать или чинить ограду.

Остальные выглядели вполне довольными жизнью. Они точно знали, где проведут остаток дня — в бистро у Марсея... Было заранее условлено,

что сегодня до самого ужина там играют в манию [\[10\]](#).

Когда служба закончилась, прихожане неторопливо потянулись из церкви. Яркий дневной свет ослепил Мари. Пьер робко похлопал ее по плечу:

— Посмотри, вон племянник муссюра, Макарий. Он как раз заводит машину...

Пьер, пританцовывая от возбуждения, таращился на автомобиль. На противоположной стороне площади Мари увидела хорошо одетого юношу, который как раз садился в сверкающую машину.

— Это «Бразье» [\[11\]](#) его отца. Он может ехать со скоростью тридцать километров в час, и даже больше!

Мотор автомобиля, заводимый при помощи пусковой рукоятки, наполнил окрестности тревожным ревом.

В Обазине во время прогулок Мари доводилось видеть автомобили, поэтому она не удивилась. Куда любопытнее было взглянуть на этого Макария, «никчемного племянника муссюра» — Нанетт его иначе и не называла.

Юноша с улыбкой развалился на водительском месте под любопытными и встревоженными взглядами жителей Прессиньяка.

Мари вместе с остальными смотрела, как машина проезжает мимо, рыча и издавая негромкий металлический скрежет. На distinguished Макарии был картуз в тон костюма. Юноша показался девочке худым и некрасивым — у него был желтоватый цвет лица и выступающий подбородок. Однако осанка у него была горделивая — в те времена и особенно в сельской местности автомобилем обладали единицы.

Нанетт завела разговор с тремя женщинами. Она не заметила, как к ней подошел мсье Кюзенак, и вздрогнула, услышав его негромкий голос:

— Самодовольный глупец! И мне придется терпеть его в своем доме до самой ночи!

Нанетт посмотрела на хозяина. Тот недовольно хмурил брови, думая о чем-то своем. Вдруг, словно очнувшись от сна, мсье Кюзенак посмотрел на Мари и сказал со странной интонацией:

— Ну что, Мари? Как твои дела?

— Хорошо, мсье!

— Ты ни в чем не нуждаешься?

— У меня все есть, мсье!

— Держи! Пойдите с Пьером к Марселю и купите себе конфет!

Мсье Кюзенак достал кошелек и протянул девочке несколько су. Мари

замерла, не решаясь взять подарок. Тогда он развернул ее кулачок, вложил монеты и сжал пальчики. После этого, явно смущенный, он быстро пошел прочь.

Пьер все это видел и от злости искусал себе губы. Мари и в голову бы не пришло, что причина этому — банальная ревность. Радостная, она кинулась к нему с криком:

— Мне дали десять су или даже больше! Пьер, пожалуйста, сходи за конфетами вместо меня! Ты сам выберешь, ты умеешь говорить на патуа, ты...

Подошла Нанетт. Она наблюдала эту сцену и теперь подталкивала обоих детей к лавке Марселя Прессиго:

— Бегите! И мигом назад! Я оставила суп на плите...

Обратно на ферму они возвращались торопливым шагом. Нанетт с Жаком переговаривались на патуа, и, судя по тону, разговор был не из приятных. Девочка несла конфеты в пакете из промасленной бумаги. Пьер убежал вперед, в роццу, и Мари видела, что он что-то собирает с земли.

Вдруг со стороны Прессиньяка послышался громкий рокот. Шуму мотора вторил крикливый сигнал клаксона.

— Мари! Пьер! Быстро на обочину! — крикнула детям Нанетт.

Макарий как раз заложил резкий поворот — впечатляющее зрелище на фоне мирных лугов и зеленеющих роцц. Поднимая тучи пыли, машина зигзагами неслась по дороге.

Проезжая мимо, водитель кивнул фермерам. Разозленный Жак сплюнул комок жевательного табака:

— Кретин! Кто-нибудь угодит-таки ему под колеса!

Поравнявшись с детьми, юноша окинул Мари взглядом, полным неприкрытого презрения. Инстинкт подсказал ей, что от этого щеголеватого молодого человека нужно держаться подальше. И не только потому, что он не слишком заботится о тех, кто оказался на пути его автомобиля. Как и в присутствии мадам Кюзенак, его тети, при взгляде на него Мари охватывала тревога.

Когда Макарий проехал мимо, Мари хотела было спуститься с обочины на дорогу, но Пьер удержал ее за руку. Кивком он указал ей на приближающегося галопом всадника.

— Это хозяин! — прошептал мальчик. — Каждое воскресенье Макарий обедает в господском доме. Но мсье Кюзенак никогда не садится в машину. Ему лучше в седле...

Всадник пронесся мимо фермеров, не удостоив их взглядом, хотя все семейство поспешило его поприветствовать. Нанетт только пожалала

плечами и пошла дальше. Жак последовал за женой.

Мари только теперь заметила, что в левой руке Пьер держит букетик фиалок. Он протянул ей цветы и сказал тихо:

— Это тебе... Они всегда растут вдоль дороги, там, где начинается лес. И хорошо пахнут.

Мари бережно взяла цветы и вдохнула их аромат.

— О, Пьер! Какой чудесный запах!

Мальчик покраснел от удовольствия, увидев, как она рада подарку. Спрыгнув с обочины, он побежал вперед по дороге. Она догнала его и сказала:

— Пьер, спасибо! Спасибо за чудесный подарок! Скажи, они ведь постоят немного, если я поставлю их в стакан с водой, рядом с постелью?

— Конечно постоят! Ты правда рада?

— Очень-очень!

Мари была чуткой и умной девочкой. Она догадалась, что Пьеру хотелось преподнести ей подарок. От нее не укрылось, что мальчик расстроился, став свидетелем щедрости мсье Кюзенака, поэтому она добавила с сияющей улыбкой:

— Знаешь, Пьер, я больше люблю цветы, чем конфеты.

Пьер приосанился и гордо поднял голову. От слов Мари ему захотелось петь.

Во двор фермы они вошли рука об руку. Нанетт, которая как раз закрывала загородку, мешавшую курам проникать в дом, удивилась, увидев, как увлеченно они болтают друг с другом. Удивилась и обрадовалась...

Оказавшись у себя в каморке, Мари поставила стакан с фиалками прямо на пол возле матраса. Потом разобрала рамку с фотографией Мадонны и вложила в один из уголков несколько цветочков. Спрятав драгоценный талисман под матрас, она, напевая, спустилась в общую комнату.

Остаток дня прошел спокойно и радостно. Нанетт вынесла стул на солнышко и, устроившись поудобнее, занялась штопкой. Праздничный обед пришелся по вкусу всем — паштет из зайчатины с добавлением чеснока, капустный суп, в котором плавал хороший кусок сала, и на десерт — молочно-яичный крем под карамельной корочкой. Нанетт редко готовила десерты, но девятнадцатого марта, на Праздник святого Иосифа, совпавший с Днем птичьих свадеб, она сделала исключение из правил.

Жак снова ушел в Прессиньяк играть в карты, дав себе обещание, что на обратном пути, в отличие от остальных выпивох, не будет петлять по дороге.

Мари долго играла с Пато. Пьер перочинным ножичком, полученным в подарок в день первого причастия, вырезал себе свисток из орехового дерева.

Стоящий на высоком холме хозяйский дом, «Бори», казался безмолвным. Мари часто ловила себя на мысли, что он производит впечатление пустого и давно заброшенного. Единственным доказательством обратного было то, что в его высоких окнах по вечерам загорался свет.

Девочке часто хотелось подойти к дому поближе, но она не решалась. Ей было бы интересно посмотреть, как в нем расположены комнаты. И почему она ни разу не видела мсье Кюзенака прогуливающимся под руку с мадам? И кто служит в доме? Был у Мари еще один вопрос, который очень ее мучил: почему ее, служанку, за которой ездили за много-много километров отсюда, держат на ферме?

Но Мари от природы была девочкой терпеливой. Она успокаивала себя тем, что рано или поздно получит ответы на все вопросы. Она еще не знала, что сегодня ее любопытство будет отчасти удовлетворено. После ужина, когда все собрались у очага, Нанетт вытянула ноги к огню и, умиротворенная после прекрасно проведенного дня, почувствовала потребность поговорить...

Глава 5

Рассказ Нанетт

Пламя танцевало на каштановых поленьях. Время от времени с сухим щелчком на глинобитный пол выскакивали непрогоревшие угольки.

Мари и Пьер сидели по разные стороны очага на низких скамеечках. Жак уже улегся спать на большой кровати с пологом. Его храп постепенно набирал силу, а потом обрывался, и все начиналось сначала. Временами он вздыхал во сне.

Нанетт позабавило удивление Мари, хотя она знала, что девочка никогда не жила бок о бок с представителями противоположного пола.

— Женщины тоже храпят, моя крошка, — сказала ей Нанетт. — Моя мать выводила такие трели, что мне приходилось вставать ночью и шептать ей на ухо, чтоб перестала. И она сразу замолкала...

Нанетт явно хотелось поговорить. С воспоминаний о своей покойной матушке она и начала рассказ:

— Бедная моя матушка... Шестой доконал ее, мой братец Поль. Мне было десять, когда она умерла. За домом стала смотреть моя старшая сестра, Онорина. Когда мне стукнуло пятнадцать, она устроила меня прислугой к богатым торговцам, Геренам. В их доме я убирала, готовила, стирала и была на побегушках у мадемуазель Амели, противной двенадцатилетней девчонки... Уж поверьте, мне так хотелось надавать ей оплеух, да не один раз за день! И это желание посейчас живо...

Мари нахмурилась. Нанетт поспешила пояснить:

— Я говорю об Амели Кюзенак, хозяйке. В доме у Геренов прислуга ходила по струнке. Все должны были говорить на правильном французском, как ты, моя крошка. Если мне случалось сказать хоть слово на патуа, мамаша Герен делала такие страшные глаза! Не подумай, что они не понимали местного наречия! Прекрасно понимали! И даже неплохо на нем говорили, когда это было в их интересах! Папаша Герен был тот еще пройдоха, да и не думаю, чтобы на ярмарках в Шабанэ и Сен-Жюньене торговцы говорили на хорошем французском. И, несмотря на это, не желали слышать «речь мужланов» в своем доме. Я привыкла говорить правильно и теперь очень этому рада, да и соседкам легче заткнуть рот... Пьер, дай-ка мне стаканчик пикетта [\[12\]](#)! Когда долго рассказываешь, пересыхает в горле...

Мари смотрела, как пустеет стакан. Она представляла Нанетт в Сен-Жюньене, но картинка получалась расплывчатой — сирота черпала вдохновение из своих впечатлений о посещении Брива. В Сен-Жюньене она не бывала, да и представить себе супругу Жака пятнадцатилетним подростком оказалось непросто.

— И вот однажды мадемуазель Амели захотела замуж. Надо сказать, в ту пору она была хороша собой — худенькая, с красивой грудью, и одевалась по последней моде. Ткань на ее наряды покупали за сумасшедшие деньги. Четырнадцатого июля ^[13] на балу она познакомилась с Жаном Кюзенаком. Уж вы мне поверьте, в те времена наша мадемуазель была страшно жеманной и улыбалась куда чаще, чем теперь. Наш муссюр враз потерял голову. В сентябре они обручились. Хозяину было тридцать, и характер у него был бархатный. Геренов же больше всего радовало, что он богатый: ему принадлежало поместье «Волчий Лес» и «Бори», огромный каменный особняк. Еще у хозяина был дом в Сен-Жюньене и несколько ферм в округе Конфолан. Я прислуживала за столом, когда по воскресеньям, уже будучи женихом мадемуазель, он приходил к Геренам на обед. Сама я давно засиделась в девках и даже не мечтала найти такого доброго мужа...

Мари потеряла нос и зевнула. Ей уже хотелось спать, но было очень интересно слушать рассказ о семье Кюзенаков. Поэтому она быстро спросила у Нанетт, стряхивая с себя сон:

— Нанетт, а что значит «засиделась в девках»?

— Это когда весной тебе стукнет двадцать пять, а мужа как не было, так и нет! Можешь представить, как я переживала! После свадьбы Жан Кюзенак привез жену сюда. Она переезжать не хотела. Она бы с большим удовольствием осталась жить в Сен-Жюньене или переехала бы в Лимож и открыла бы там какой-нибудь магазин... Но на этот раз наш муссюр на уступки не пошел. Амели пришлось смириться, и я знаю почему. Родители вправили ей мозги, и очень быстро, уж вы мне поверьте! Я поехала с ней. Так я и оказалась в Прессиньяке...

Пьер спал, согнувшись пополам и положив голову на скрещенные руки. Нанетт потрясла его за плечо:

— Иди спать, мой мальчик. Не приведи Господь, свалишься в очаг и опалишь себе волосы! Я с тобой и так немало натерпелась... А ты, Мари, спать хочешь?

— Нет, Нанетт! Я еще с тобой посижу!

Когда Пьер улегся на свою кровать, стоявшую в углу комнаты, узкую,

но с большим одеялом, Нанетт налила себе еще стакан пикетта, потом плеснула немного в другой стакан и протянула его девочке:

— Ты долго сидишь у огня, Мари, и тебе, наверное, тоже хочется пить...

Мари вдруг почувствовала себя очень счастливой. Лицо Нанетт показалось ей самым добрым на свете. Было тепло, и золотистые отсветы огня, словно вуаль, смягчали впечатление нищеты и скудости, которое производил фермерский дом. Напиток с приятным вкусом винограда и осени пощипывал ей язык.

Нанетт какое-то время молча смотрела на девочку. Какая она все-таки хорошенькая: губы цвета спелой вишни, красивые глазки и восхитительные темные вьющиеся волосы, такие мягкие и легкие... Добрая женщина задумалась, потеряв нить своего рассказа.

— А дальше? Что было потом, когда вы переехали в Прессиньяк? — шепотом спросила Мари.

— Ну да, как раз на этом я остановилась... Мне пришлось привыкать называть мадемуазель Амели «мадам» и прислуживать ей в большом хозяйском доме. Работы стало побольше, чем в Сен-Жюньене. Сначала пришлось все как следует перетрясти и почистить, натереть воском мебель, пошить новые шторы, перемыть полы во всем доме. Мсье Жан здорово потратился, чтобы доставить удовольствие своей женушке! Ему очень хотелось детей, я слышала, как они говорили об этом за столом. Хозяин все повторял: «Если первым родится мальчик... А если это будет девочка...» Сколько у него было планов! Больше всего он думал, как бы сохранить и приумножить свое имущество, и все ради своих будущих деток. Но у мадам детей все не было и не было. Это было пятнадцать лет назад. Скоро муссюр и мадам начали ссориться. У нее начались капризы, она стала бить посуду и как только не обзывала бедного мсье Жана! Он на нападки не отвечал, седлал коня и уезжал подальше... Он не был счастливым, нет! Думаю, муссюр быстро понял, кому надел обручальное кольцо на палец. Я жалела его всем сердцем. Готовила для него вкусные супы и десерты. Мадам это не нравилось. Однажды в кухне я увидела незнакомого мужчину. Он снял свой картуз и предложил мне выйти за него замуж. Это был мой Жак. Но представь себе, Мари, поженить нас решила мадам Амели! Она не хотела, чтобы я оставалась в доме...

Мари от волнения кусала губы. Куда и девалась ее сонливость! Нанетт же помешала угли в очаге и с задумчивым видом продолжила:

— Я-то недолго думала! Жак был с виду крепким, доброго нрава и не старый. Через неделю мы обручились, а в июне поженились в

прессиньякской церкви. Я была очень рада, что не умру старой девой и что мне, слава Богу, уже не придется прислуживать мадам Амели. Мсье Жан дал мне приданое: постельное белье, кое-какую мебель и домашнюю птицу. А в придачу — три золотых луидора, я их до сих пор берегу. Не прошло и двух лет, как у меня родился Пьер. Когда хозяйка об этом узнала, она перестала показываться мне на глаза. Чуть не умерла от зависти...

Нанетт вытянула из-за манжеты носовой платок. Глаза у нее блестели от слез.

— Потом у меня родилось еще трое, но ни один не прожил больше года, — тихим голосом продолжила она рассказ. — Две девочки и мальчик. Сколько я слез о них пролила! Особенно о маленькой Элизе! Она умерла, когда ей было полгодика. Я уж решила, что эту девочку сберегу, но нет! Счастье еще, что всех мы успели покрестить и они не вернулись в наш мир блуждающими огоньками [\[14\]](#)...

Мари, всхлипывая, подошла к Нанетт и обняла ее руками за шею. Не говоря ни слова, девочка стала целовать ее мокрые щеки.

— Моя добрая крошка! Я очень рада, что ты теперь у нас есть. Не знаю, кто твои родители, но если бы я родила тебя на свет, то никогда бы не оставила на чужом пороге...

Мари закрыла глаза. Щеки девочки пылали. Нанетт коснулась больного места. Девочка часто и подолгу думала о своих родителях. Они не захотели оставить ее у себя. А может, они давно умерли...

Она не раз пыталась расспросить сестру Юлианну, но та отвечала только: «Если бы я знала! Единственное, что нам известно, так это что однажды вечером кто-то принес тебя в больницу в Бриве. Потом ты попала к нам, тебе тогда едва исполнилось три. Больше, моя девочка, я ничего не могу сказать».

Мари смирилась. Смирилась с мыслью, что никогда не увидит ни своей матери, ни своего отца. Она еще крепче обняла Нанетт, словно умоляя женщину не бросать ее.

— Да ты меня задушишь, глупышка! Не убивайся так! Иногда лучше не иметь родителей. Бери свечку и марш в постель!

Мари послушалась. Когда она укрылась одеялом и уже готова была задуть свечу, взгляд ее упал на букетик фиалок.

Со дня приезда в Прессиньяк каждый вечер перед сном девочка обязательно прижимала к сердцу позолоченную рамку с фотографией Святой Девы, теперь украшенной фиалками, читала молитвы, которым ее научили монахини, а потом с легким сердцем засыпала.

Глава 6

Время работать и время праздновать

В Пальмовое Воскресенье дети вместе с матерью Пьера побывали на праздничной мессе. Выйдя из церкви, они отнесли освященные веточки самшита на могилки детей Нанетт и Жака. Потом вернулись на ферму, не забыв купить знаменитые «уголки» ^[15], которые традиционно продавались всюду в этот праздничный день.

Погода была так хороша, что после полудня Мари решила прогуляться. Пьер не смог составить ей компанию, потому что они с отцом заранее условились пойти на рыбалку. В сопровождении Пато девочка пошла по дороге, ведущей к выгону. В воздухе пахло цветущими яблонями, жимолостью, диким лавром, мхом и корой. Девочка присела у обочины и, прислонившись спиной к большому камню, подставила лицо солнцу. Было так приятно ощущать тепло камня, нагретого благотворными лучами! Внезапно безмятежность сельского пейзажа нарушил шум мотора. На дороге появился рычащий автомобиль Макария. Мари подумала, что он проедет мимо, но, к ее огромному удивлению, юноша остановил свой «Бразье» и выскочил из авто. От неожиданности девочка потеряла дар речи.

— Здравствуйте, мсье! — наконец выдавила она, стараясь улыбнуться.

Макарий смерил ее презрительным взглядом.

— Дура дурой, а строишь из себя гранд-даму! «Здравствуйте, мсье!» — передразнил он девочку. — И как только дяде взбрело в голову притащить на ферму такую образину! Худая, как гвоздь, неприглядная, да еще и одета в обноски! Если нужна была служанка, так в городке полно девушек из приличных семей! Нет же, надо было повесить себе на шею безотцовщину! Когда-нибудь все эти земли станут моими, и, попомни мое слово, ты сразу вылетишь отсюда вместе с вещичками!

Слушая эти жестокие слова, Мари словно окаменела. Такой словесной атаки девочка не ожидала.

Первой мыслью, пришедшей ей в голову, было убежать. Со слезами на глазах девочка бросилась через дорогу, но Макарий успел подставить ей подножку. Мари упала в грязь.

— Ты родилась в грязи, в нее и вернулась! Очень даже справедливо! — насмешливо бросил юноша и вернулся к машине.

Он завел рукояткой двигатель и добавил угрожающим тоном:

— Если надумаешь здесь задержаться, помни, что я тебе пообещал. Имеющий уши да услышит! До скорого!

Мари встала. С одежды капала грязная жижа.

Почему Макарий так с ней обошелся? Девочке было очень стыдно, и она решила ничего не рассказывать Пьеру и его родителям. Она знала, что Жак запросто может пожаловаться хозяину в надежде, что тот приструнит племянника. Но ведь тогда Макарий ее просто возненавидит!

— И где это наша девочка умудрилась упасть? — удивленно спросил Жак, когда она вернулась домой.

— Зацепилась башмаком за корень и упала в лужу, — быстро ответила Мари и опустила голову.

— Боже мой, ты же такая осторожная... Хоть не поранилась? — заволновалась Нанетт. — Посиди у очага, пока одежка просохнет! Не хватало, чтоб ты опять заболела! Как будто мало прошлого раза!

Однако обмануть фермершу оказалось не так-то просто. Мари все еще дрожала, и не только от холода, но и от страха.

«Наверняка ее обидел кто-то из деревенских шалопаев», — подумала Нанетт.

Добрая женщина дала Мари сухие чулки и свое старое платье, потом набросила ей на плечи шерстяную шаль. Усадив девочку перед очагом, она заставила ее выпить горячего бульона.

* * *

В Пасхальное Воскресенье утро началось с поиска яиц. Нанетт упрямо придерживалась этой традиции, хотя Пьер и Мари уже вступили в подростковый возраст. Яйца были раскрашены в яркие цвета. Нанетт потратила на их украшение много часов и, конечно же, работала тайком и по ночам. И вот в праздничное утро подарки, словно по волшебству, появились в зарослях кустарника, окружавших ферму. Но и до Пасхального Воскресенья дети успели собрать немалый «урожай»: вместе со сверстниками они всю неделю, предшествующую большому празднику, ходили от фермы к ферме и с удовольствием пели традиционные лимузенские песни на французском и на патуа, за что их тоже одаривали яйцами.

Мари с недавних пор чувствовала себя уютнее в компании местных детей и почти перестала бояться насмешек.

После полудня подростки постарше, юноши и девушки, собрались,

чтобы вместе съесть огромный омлет и потанцевать под звуки виолы и лимузенской волынки. Пьер попросил у родителей позволения отправиться на эти посиделки вместе с Мари, но Нанетт эта идея пришлась не по душе:

— Вы еще маленькие. На танцы, сынок, пойдешь в следующем году. И Мари отправится с тобой, если муссюр разрешит.

Запрет на танцы вовсе не огорчил девочку. Она прекрасно знала, что до «следующего года» они с Пьером придумают себе немало других развлечений.

Время от времени она видела на дороге мсье Кюзенака верхом на своей кобыле. При встрече они обычно здоровались, реже обменивались парой фраз.

Хозяин каждый раз спрашивал одно и то же: хорошо ли кормят девочку на ферме и не слишком ли тяжела для нее работа. Мари эти расспросы смущали, и она едва слышно отвечала «да» и «нет». В присутствии хозяина она всегда робела и даже немного его боялась.

К середине весны окрестные пейзажи стали такими чудесными, что Мари после работы, распустив волосы, чтобы их трепал ветер, часто гуляла по тропкам и холмам. Она старалась держаться подальше от дорог, где мог проехать автомобиль, чтобы не повстречаться лишней раз с Макарием. Свежий деревенский воздух и постоянные заботы Нанетт сделали свое дело: щечки девочки стали румяными и пухленькими, она подросла на три сантиметра.

Не только тело Мари росло, развивался и ее ум. Тысячи мыслей и вопросов обуревали девочку. Она размышляла о том, как устроен мир, и обо всем, что видела и замечала, — почему временами сердится Жак, а Нанетт грустит, почему Макарий так на нее, Мари, сердится... Еще девочка тщетно пыталась понять, почему мадам Кюзенак, хозяйка, такая желчная и недобрая.

В середине апреля исполнилась одна мечта Мари: ей удалось, наконец, подойти поближе к хозяйскому дому, «Бори». И все благодаря традиционной большой весенней стирке.

У Амели Кюзенак были свои, порой довольно оригинальные представления о чистоте и порядке в доме. Так, по приказанию хозяйки каждый год перед праздником Пасхи или сразу после него прислуга собирала все имеющиеся в доме простыни, наволочки, скатерти и прочее белье, и затеивалась грандиозная стирка. Процессом руководила старуха Фаншон, которая сменила Нанетт и вот уже много лет убирала в доме и

готовила для хозяев еду. Жена Жака на пару с молоденькой Элоди, племянницей все той же Фаншон, ей помогала. На этот раз Нанетт, недолго думая, взяла с собой Мари. Чем больше рук, тем лучше, ведь нужно и вещи рассортировать, и следить за тем, ровно ли горит огонь под большими глиняными чанами, и тереть мокрое белье... Да и работа, разделенная на четверых, покажется легче. Нанетт дала девочке свою деревянную дощечку, на которую становится женщина, когда полощет белье, и валёк из древесины тополя. Шли они молча, и металлические набойки на их сабо скрежетали о камешки.

И вот, наконец, Мари, волнуясь, ступила на землю, прилегающую к огромному, полному тайн хозяйскому особняку.

Девочка смогла рассмотреть поближе ели, самшиты и кусты красных роз и даже осмелилась пройти мимо фасада с тремя ступенями перед парадным входом и двустворчатой лакированной дубовой дверью. Пробежав взглядом по окнам, она бросилась наутек: девочке показалось, что из одного окна на нее смотрит Жан Кюзенак. И такая мука была написана на его лице, что Мари испугалась.

В полдень женщины сели перекусить на скамейке, тут же, на улице, не спуская глаз с кипящего на медленном огне белья, пока вода и угли делали свою работу.

На следующий день еще теплое белье повезли к реке — полоскать. Мари толкала впереди себя тележку, напевая вполголоса. Она стеснялась Элоди и Фаншон, которые слишком часто с любопытством на нее поглядывали.

После этих трех «постирушечных» дней у Мари осталось впечатление одновременно приятное и горькое. Она увидела Большой дом, сад, конюшню... Амели Кюзенак даже не вышла поздороваться со своими прачками. Жилище хозяев осталось «запретной территорией» со своими секретами и сокровищами — священное место, тщательно оберегаемое от глаз простолюдинов...

* * *

Пришло лето, сезон жатвы. На поле появилась молотилка. Чудовищная машина вызвала у детей живой интерес, замешанный на страхе и восхищении, а вот старики опасались к ней даже близко подходить.

Жан Кюзенак первым в округе решил пустить агрегат на свое поле, несмотря на свою нелюбовь к технике. Он по достоинству оценил

экономии времени и людского труда, которую давала обработка полей с помощью молотилки.

К счастью, Макарий на поле не появился. Памятуя о неприятной стычке на Пальмовое Воскресенье, Мари, чтобы не вызвать у Нанетт подозрений, спросила как можно более беззаботным тоном:

— Племянник хозяина, конечно, приедет на праздник?

— Ну уж нет, в этот день он не явится! Вдруг попросят подсобить? Земля для него слишком грязная. Поверь, этот лентяй отродясь в руках ничего тяжелее ложки не держал!

Мари вздохнула с облегчением и стала помогать Нанетт готовить еду. Пиршество решено было устроить прямо за фермой, на лугу, где обычно паслись овцы. Пьер не отходил от девочки ни на шаг, ревниво стреляя глазами в каждого, кто осмеливался на нее посмотреть.

Мальчишек одних с ним лет в поселке было предостаточно, и Пьер не задумываясь ввязывался в драку, если кто-то обижал Мари. Луизон тоже пришел на праздник, а уж он не упускал шанса над ней поиздеваться. Девочка так и не узнала, Луизон или другой озорник засунул ей в постель, прямо под одеяло, лягушку. Но как же она испугалась, когда легла спать! Жак и Нанетт, узнав об этой шутке, смеялись до слез, но Пьер жутко разозлился и пообещал себе, что как следует наподдаст шутнику. На следующий же день случилась жестокая драка, после которой у Луизона оказалась разбитой верхняя губа и распух нос. Сам Пьер отделался поцарапанной щекой и синяком на подбородке.

В тот вечер Мари поняла, что, пока Пьер жив, ей будет на кого положиться, и это было замечательно!

На следующее утро, едва пропел петух, Пьер предложил Мари вместе сходить в Волчий лес.

Девочка вспомнила, что об этом лесе упоминал Жак в вечер ее приезда в Прессиньяк. И вот она ступила под полог из дубовых ветвей. Пальцы ее покоились в теплой ладони Пьера.

— Когда я был маленьким, мы с отцом ходили в этот лес за белыми грибами, — стал рассказывать мальчик. — Еще здесь было полно ежевики и боярышника. Тропинка вела к источнику. Я знаю, где его искать...

Мари пробиралась в зарослях папоротников. Она спросила с легкой тревогой:

— А почему лес так называется?

— Да потому что в этот лес с давних времен приходят волки! Мы с тобой сейчас стоим на краю леса, а вообще он очень большой. Отсюда лес тянется до самой долины Помперр. Прошлой зимой один охотник набрел

здесь на огромного волка. Но ты не бойся, волки так близко к домам не подходят, тем более в разгар лета... Мари не заметила лукавой усмешки мальчика, который крепче сжал ее руку. Наконец они дошли до места, где журчал ручей. Он брал свое начало прямо из мшистой земли, меж двумя каменными глыбами. Здесь деревья росли не так густо.

Пьер усадил Мари на камень, а сам стал прямо перед ней.

— А сейчас, Мари, ты скажешь мне, о чем мечтаешь! — серьезно произнес он. — Об этом источнике слава идет по всему краю. Если вслух сказать ему, о чем мечтаешь, все сбудется...

Пьер немного покривил душой, но у него была одна задумка. Старуха Маргарита, местная целительница, рассказала Нанетт, что вода источника в Волчьем лесу освящена самим Господом. Местные жители верили, что, испив здешней водички, выздоравливают больные падучей, а девушке, которая выпьет из ручья и бросит в него монетку в одно су, ночью обязательно приснится будущий супруг...

Мари долго любовалась ручейком, с журчанием струившимся между камнями. До сегодняшнего дня она ничего не знала о чудодейственных силах здешней воды, поэтому сказала с улыбкой:

— Если это правда, говори первым, Пьер!

Загорелое лицо мальчика зарделось. Он не осмеливался поднять глаза. Хитрость обернулась против него самого.

— А ты не станешь надо мной насмехаться? — спросил он едва слышно.

— Конечно нет! Обещаю!

Голос Мари прозвучал так ласково, что Пьер сдался.

— Моя мечта — жениться на тебе, когда мы вырастем. Больше мне ничего не нужно. Когда я тебя увидел в тот первый вечер, то подумал, что ты красивая, как фея. И добрая. И тогда я сказал себе, что, если ты захочешь, однажды я стану твоим мужем.

Теперь пришел черед краснеть Мари. Девочка отвернулась и отщипнула кусочек мха.

— Теперь твоя очередь! — шепотом сказал Пьер. С бьющимся сердцем мальчик ждал ответа.

Мари колебалась. Она не любила врать. «Если источник и правда исполняет желания, надо говорить правду», — подумала она.

— А я мечтаю стать учительницей в школе! В приюте мать-настоятельница разрешала мне проводить уроки у самых маленьких. Я учила их писать и считать. Я даже сдала экзамены и получила свой первый документ — свидетельство об образовании. С очень хорошими оценками!

И если бы у меня были родители, я могла бы закончить школу и поступить в Эколь Нормаль ^[16] в Лиможе. Я была бы так счастлива! На занятия я бы приходила в красивой черной юбке и наглаженной блузке. И не стала бы ругать учеников, ни за что бы не стала...

Слегка разочарованный Пьер заставил себя улыбнуться:

— А я никогда не любил школу. Учитель у нас был очень строгий. И часто кричал. Но я уверен, что ты станешь хорошей учительницей. У тебя хорошая мечта, Мари.

Солнечные лучи пробивались сквозь листву и танцевали на воде. Мари встала:

— Скоро Нанетт нас хватится! Пойдем лучше домой.

— Пойдем. Мне еще нужно помочь отцу...

Мари поправила свое платье. Пьер стоял в золотисто-зеленом свете и улыбался ей. Девочка сказала тихо:

— И твоя мечта, Пьер, тоже очень хорошая.

Они взялись за руки. Оба вдруг испытали необъяснимую тревогу. Соединенные обещанием, дети пошли прочь от источника.

Жан Кюзенак с приличного расстояния наблюдал за происходящим. Опершись спиной о ствол старого каштана, он смотрел им вслед, пока дети не скрылись за зарослями колючего кустарника, в которых прятался источник.

Еще долго после их ухода он стоял, нахмурившись, погруженный в тяжелые раздумья.

* * *

В июле жители Прессиньяка традиционно устраивали праздник в честь покровителя своего городка, святого Мартина. Нанетт дала детям несколько су на покупку леденцов и лотерейных билетов. На аттракционе для силачей Пьер продемонстрировал свое умение — он с такой силой ударил молотом по наковальне, что груз взлетел на самый верх рельса. Он вытянулся, окреп. Робкий мальчик постепенно превращался в подростка, которому хотелось нравиться и вызывать восхищение. Пьер поучаствовал и в популярных на любом сельском празднике тех времен гонках на тачках с лягушками ^[17]. Вот было смеху, когда то одному, то другому приходилось останавливаться, чтобы поймать и вернуть на место строптивую квакушку!

Мари понемногу привыкала наслаждаться простыми радостями,

которые дарили детям религиозные сельские праздники. В приюте их отмечали совсем по-другому.

Веселые и довольные хорошо проведенным временем, смеясь и перебрасываясь шутками, дети возвращались на ферму. Внезапно автомобиль Макария с оглушающим рычанием пронесся мимо по дороге. Дети едва успели вспрыгнуть на обочину. Мари подумала, что хозяйский племянник не станет обижать ее при Пьере и проедет мимо. Но машина притормозила, а потом и вовсе дала задний ход. Макарий вышел из «Бразье», не выключив двигатель, и стал, уперев руки в бока, уверенный в своей силе:

— Что, карапузы, ходили кататься на карусельке? Небось, Нанетт отвела вас на праздник за ручку! А ты, Мари-ни-отца-ни-матери, что, не могла себя в порядок привести? И так дурнушка, да еще и ходишь неряхой! И не мечтай, тетушка ни за что не пустит такую к себе в дом!

Пьер бросился на Макария. Сейчас он задаст жару этому гаду! Но в свои тринадцать ему рано было меряться силой со взрослым мужчиной. Макарий ударил первым, и мальчик рухнул на дорогу.

— А тебе, хиляк, надо поднабраться сил, прежде чем играть роль рыцаря при этой Золушке!

Громко хохоча, он сел в машину и дал газу. В облаке пыли и дыма автомобиль понесся вперед, к хозяйскому дому.

— Сегодня ты оказался сильнее! Но придет день, и ты мне за это заплатишь! — вставая и потрясая кулаками, крикнул Пьер вслед Макарию.

Глава 7

Когда приходят холода

Нанетт часто повторяла: «Зима в этом году будет холодная». И в доказательство своей правоты показывала луковицу в многослойной «шубке» из шелухи.

Мари успела полюбить этот край поросших лесом небольших долин, край лугов и весело бегущих рек. Каждая прогулка доставляла ей огромную радость.

В Прессиньяке на нее давно перестали коситься с опаской. Время стерло воспоминания о прежних обидах, угомонились и недобрые кумушки-сплетницы. Девочка стала настоящей работницей фермы — занятие, к которому в поселке относились с уважением.

Мари теперь хорошо знала жителей Прессиньяка, ей были известны их семейные и родственные связи, их судьбы. Все сведения девочка получала от Нанетт, а эту даму в городке уважали. Нанетт доподлинно знала, что происходит в округе. Например, что Элоди, племянница старой Фаншон, «поставила телегу впереди лошади», и виновнику, сыночку Марселя Прессиго, пришлось срочным порядком на ней жениться, чтобы «прикрыть грех». Рассказала Нанетт и о том, что в свое время намучилась с маленьким Пьером. Когда мальчику было шесть, он каждую ночь плакал от страха и будил родителей своими криками...

— И вот пошла я к знахарке, к Маргарите. Она принесла миску с водой и дубовый уголек. А потом стала перечислять имена святых. Когда очередь дошла до святого Павла, уголек всплыл. Тогда Жак попросил у хозяина экипаж, и мы отправились в Массиньяк. Я несколько раз обошла вокруг церкви, читая молитвы и касаясь семи статуй святых. И попросила у святого Павла прогнать страх из тела Пьера. Потом поставила свечку, и мой мальчик снова стал спать спокойно...

На зиму Нанетт сшила для Мари платье из своего старого траурного одеяния. И Господь Бог, и все в городке знали, сколько раз женщине пришлось носить траур, оплакивая своих почивших малышек... Но изношенная материя совсем не грела, и девочка постоянно куталась в шерстяную шаль.

— Крошка моя, тебе непременно нужна теплая накидка с капюшоном.

Из пальтишка-то ты выросла!

И это была правда. За несколько месяцев тело Мари изменилось, и это немного смущало девочку. Как спрятать эти округлые груди, вздымающие сорочку? Монахини ничего не рассказывали своим подопечным о переменах, которые происходят с девочками, когда они взрослеют. Однако жизнь в сельской местности открыла девочке многие волнующие тайны природы.

Нанетт тоже была щедра на советы:

— Месяц назад ты стала девушкой, Мари! Держись подальше от взрослых парней из поселка! Уж эти наврут с три короба, не вздумай им верить!

Взволнованная Мари пообещала, что во всем будет слушаться свою Нан. Правда, девочка не слишком боялась чужих парней, потому что рядом всегда был Пьер.

День стал таким коротким, что темнота наступала еще до ужина. Мари готовила еду и подбрасывала в очаг дрова, а Нанетт тем временем помогала Жаку в хлеву или в овчарне.

* * *

В один замечательно солнечный, но прохладный денек в конце октября Жак объявил, что пришла пора наведаться в каштановую рощу. Подхватив каждый по корзине, все семейство отправилось в долину Помперр. Настроение у Нанетт было прекрасное:

— Сегодня вечером устроим себе праздник! Открою бутылочку сидра... Ты пробовала сидр, Мари? Я уверена, что тебе не довелось отведать жаренных на огне каштанов!

— А вот и нет, моя Нанетт! Вокруг Обазина полно каштановых рощ! Мы приносили полные карманы каштанов, и сестры жарили их в большой печи. А недалеко от рыбного садка у нас рос мелкий виноград. Вино из него получается очень кислое, и монахини по своему секретному рецепту готовят из него что-то похожее на сидр. Но я с удовольствием попробую твое угощение!

У Жака были свои планы. Он привел семью в особенную каштановую рощу — одну из немногих в округе, где росли деревья возрастом в несколько сотен лет. У этих каштанов была прекрасная древесина, из которой изготавливали доски для полов, потолочные балки, вехи. Так и получилось, что местные жители понемногу повырубывали старые

каштаны на хозяйственные нужды.

— И это настоящее несчастье! — высказал свое мнение Жак на своем привычном патуа. — Новые деревца хилые, и до такой высоты им ни за что не вырасти. И плоды у них маленькие, совсем не такие, как у этих великанов!

Пьер переводил для Мари слова отца. Девочка кивала, не отрываясь от работы. Нанетт дала ей шерстяные рукавицы, но оцетинившиеся колючками оболочки каштанов все равно искололи пальцы.

Вечером Мари с удовольствием вспоминала о дне, проведенном за нелегкой работой. Она вдоволь наелась белой, сладкой и мучнистой мякоти каштанов, запивая ее сидром.

После щедрого угощения от самой матушки-природы Нанетт села рядом с Мари на деревянную скамеечку и стала вслух вспоминать о прожитых годах. Всегда такая сильная, она вдруг показалась Пьеру и Мари ранимой и слабой, когда, глядя перед собой невидящими глазами, стала рассказывать о своем нелегком детстве. Дети слушали ее, затаив дыхание.

— Один-единственный раз я была на родине матери, близ Обжа, к северу от Брива. Хоть это и далеко, а ехать пришлось: умер мой дед. Его убило молнией. Он был еще совсем нестарый, только-только исполнилось пятьдесят... Гроза началась, когда он шел по пастбищу. Обожженное тело нашла бабушка. Она чуть не сошла с ума от горя, бедняжка. Вот мы и поехали, чтобы забрать ее к себе. С тех пор она жила у нас, в Сен-Жюньене. Через год она сама упала, как подкошенная. Что-то случилось с сердцем. И опять нам с матерью пришлось надеть черные платья. Зачем я вам все это рассказываю? Да так, к слову пришлось. Вообще-то я хотела сказать, что людям в тех краях, возле Брива, живется еще тяжелее.

Мари посмотрела вниз, на черную ткань, обтянувшую ее бедра. Ей вдруг показалось, что многие дни траура, пережитые семьей Нанетт, словно тяжелый груз, давят на тело.

Нанетт между тем продолжала рассказ:

— Знаю, я часто рассказываю страшные истории. Но что вы хотите, я ведь на них выросла, мне их часто рассказывала моя мать. Истории, конечно, жутковатые, но, если подумать, иные детские сказки еще страшнее! Вот, помню, когда мать рассказывала про оборотней, я полночи не могла заснуть. Оборотни — это такие люди, которые ночью в полнолуние превращаются в волков. Они бегают по округе и убивают все живое, что попадает им на пути. Говорят, что это души грешников, наказанные Господом. Лучшая защита от них — держать на руках маленького котенка...

Мари посмотрела на Пьера. Тот, раскрыв от удивления рот, слушал мать, и в его черных глазах, казалось, мелькали отсветы давно забытых страхов.

— А болота? — вздохнув, продолжала Нанетт. — Да мы боялись даже близко к ним подходить! Мать говорила, что там живет Драк, воплощение дьявола, который только и думает, как бы кому навредить. Временами он пробирается в конюшни и до смерти пугает лошадей, а в придачу спутывает им гривы.

За стенами дома свистел ледяной северный ветер. Мари поднялась к себе на чердак. Как бы ей хотелось лечь спать внизу, поближе к огню! Пьеру везло больше — он спал в большой комнате, в двух шагах от родителей.

На чердаке пахло сыростью и было очень холодно. Мари легла одетой и натянула на себя одеяло. Девочке было холодно и страшно. Когда свечка погасла, темнота словно сгустилась, а ветер под крышей выл совсем как настоящие волки...

Мари заплакала от страха.

Заскрипели ступеньки лестницы. Мари, трясась от ужаса, приподнялась на постели. Дверь стала медленно открываться. Казалось, сквозь растущую щель в помещение проникают свет и тепло общей комнаты. Чей-то голос позвал шепотом:

— Мари! Что с тобой? Ты заболела?

Это был Пьер. Девочка облегченно вздохнула и ответила шепотом:

— Со мной все хорошо. Просто я замерзла, но скоро согреюсь.

Мальчик сказал тоном, не терпящим возражений:

— Спускайся и ложись на мою постель. Там тебе будет лучше, чем здесь. Я холода не боюсь. Мать могла бы и сама до этого додуматься!

Мари не осмелилась спорить. Стуча зубами, она поблагодарила Пьера и в первый раз потянулась, чтобы поцеловать его в щеку. Мальчик в недоумении повернулся к ней лицом, и их губы соприкоснулись. Смущенная Мари бросилась вниз по лестнице.

Никогда не забыть Мари момент, когда она улеглась под тяжелое красное пуховое одеяло и прижалась щекой к подушке, хранящей тепло Пьера! Умиряющее пламя в очаге наполняло комнату неярким розоватым светом.

Пьер лежал на чердаке. Ему в жизни не было так жарко. Неловкий поцелуй Мари зажег пожар в его крови. Засыпая, он думал об источнике в Волчьем лесу, о его чудотворной воде, которая знала его самую заветную мечту — взять Мари в жены, когда он вырастет и станет мужчиной...

Утром Нанетт очень удивилась, обнаружив девочку в постели Пьера. Но сын ее спокойно спал на чердаке, поэтому она тотчас же успокоилась.

— Мой пострел на самом деле не так глуп! Но я буду похитрее! Вот что: пока пусть поспит на чердаке, но когда придут настоящие холода, ты будешь спать со мной на большой кровати, а Жак — вместе с Пьером. Так всем будет теплее!

Первые заморозки серебристой вуалью укрыли поля и деревья. По утрам, несмотря на холод, Мари выходила из дома и шла к изгороди, чтобы полюбоваться на тонкие и прозрачные, как кристалл, кружева инея на мертвых листьях и ветках.

В начале декабря пошел снег. Нанетт потешалась над энтузиазмом девочки, которая вскоре ушла на прогулку в сопровождении Пьера и Пато.

Они успели вернуться как раз к обеду. Наевшись рагу с зайчатинной, несколько часов томившегося на огне, дети отправились в Прессиньяк.

Нанетт знала, что в этот день в городок должен был приехать Каиффа. За окном шел снег, значит, он остановится в центре и не станет ехать к домам, расположенным на окраине.

— Вот вам шесть су, купите мне полфунта кофе и немного корицы. Еще мне нужны иголки.

Мари всегда радовалась возможности посмотреть на Каиффу. Так звали хозяина передвижной бакалейной лавочки, переезжавшей из поселка в поселок. В качестве транспортного средства бакалейщик использовал трехколесный грузовой мотороллер, оклеенный картинками в восточном стиле.

Пьер и Мари пришли в Прессиньяк около двух пополудни. Укрытые снегом дома, улицы и голые деревья казались призрачными.

В бистро папаши Марселя уже горел свет, и сквозь желтоватые стекла было видно, как к потолку поднимаются завитки табачного дыма.

В набитых соломой сабо, кутаясь в шали, женщины поджидали бакалейщика, стоя на порогах своих домов. Они родились в этих краях, поэтому не очень боялись холодов. Радуюсь редкой возможности оторваться от хлопот по хозяйству, женщины перекликались друг с другом:

— Добрый день! Как дела?

— Все в порядке!

Мари без труда понимала этот диалог, хотя женщины говорили на патуа. С весны она слышала его много сотен раз.

Наконец прозвенел звоночек Каиффы. Все радостно бросились навстречу. Мари с Пьером не слишком торопились домой, поэтому постояли в очереди, с удовольствием наблюдая за торговлей. Бакалейщик

отвешивал требуемое, предлагал новые товары, соглашался сделать скидку, отпускал в кредит, и все это — с благодушным видом, хотя в душе проклинал недобросовестных плательщиков. Когда ушел последний покупатель, он тщательно закрыл свою передвижную лавочку и направился в бистро.

* * *

Наконец наступило Рождество. Мари любила праздник в честь рождения Спасителя, Иисуса Христа. В приюте монахини украшали часовню остролистом, а под алтарем Святой Девы сестра Гортензия ставила ясли и расставляла фигурки, которые сама вырезала из дерева и раскрасила. В аббатской церкви Святого Стефана, из года в год в одном и том же месте — в первом приделе, слева от хоров, — девочки устанавливали большие ясли и окружали их зелеными ветвями и атласными лентами.

За пару дней до Рождества состоятельные жительницы Брива приносили в приют старые игрушки и книги в подарок сиротам. Раздавали подарки обычно после ужина, устроенного в соседней с монастырской столовой комнате, рядом с кухней. Кроме книг девочки получали конфеты и другие сладости, пожертвованные приюту богатыми торговцами. Иногда дамы-благотельницы устраивали с девочками веселые игры или читали им вслух сказки и увлекательные истории о приключениях. Воспитанницы приюта в знак благодарности разыгрывали короткие театральные пьески или пели. В такие моменты сироты, как и те дети, что росли в семьях, чувствовали, что их любят и о них заботятся.

Мари вспоминала приют и сладость маленьких карамельных иисусиков розового цвета, вкус медовых пряников и шоколадных конфет, яркий свет тонких восковых свечей в медных подсвечниках. Этого было мало и много одновременно...

Первое Рождество в Прессиньяке прошло совсем по-другому. С наступлением темноты Жак положил в очаг огромное дубовое полено.

— Это «рождественское полено», — пояснила Нанетт. — Оно будет гореть до завтра. Утром я соберу головешки, они защищают дом от грозы.

Трапеза была более обильной, чем обычно. Нанетт подала на стол пирог с мясом, белую фасоль, запеченные утиные ножки, тушеные каштаны на «подстилке» из картофеля. На десерт был сваренный на молоке с корицей рис.

Потом все привели себя в порядок и переоделись в праздничную одежду. Жак зажег фонарь и надел свою плотную накидку. У Нанетт было всего две шали, и одну она предложила Мари.

— Мы идем к полуночной мессе! Хорошенько набей сабо соломой и надень две пары чулок! — посоветовала она девочке.

Все семейство отправилось по дороге, по которой много раз было хожено в теплое время года. В этот рождественский вечер было очень холодно. Луга и склоны холмов стали совсем белыми от снега. Жак и Пьер шли впереди. Желтое пятно света от фонаря качалось в ритме их шагов.

Нанетт взяла Мари за руку и стала рассказывать девочке о другом Рождестве. Тогда, десять лет назад, Пьер ехал в Прессиньяк у отца на закорках.

— Снег выпал такой глубокий, что мальчик проваливался по пояс! А на середине дороги Жак услышал волчий вой. Как же я перепугалась! Вот мы обрадовались, когда вошли в церковь! На обратном пути Пьер заснул у отца на спине, и Жаку пришлось идти, согнувшись вперед и придерживая его одной рукой. Я несла фонарь, стараясь держать его повыше. Когда мы дошли до Волчьего леса, я увидела, что среди деревьев что-то шевелится. Как я кричала! Волк это был или сам дьявол, не знаю — он удрал!

Мари сильнее прижалась к Нанетт. Скоро она увидела первые дома и церковную колокольню. Кюре зажег восковые свечи и фонари. У подножия алтаря Святой Девы стояли ясли, вокруг которых толпилась восхищенная детвора.

Все жители окрестных ферм, достаточно здоровые и молодые, чтобы не бояться холода и обледеневших дорог, собрались в церкви. Здесь же было и большинство жителей Прессиньяка. Мари с Пьером подошли к алтарю полюбоваться на ясли, ослика, бычка и Марию с Иосифом. Фигурки были такие же большие и красивые, как и те, что Мари видела в церкви Святого Стефана, но это Рождество отличалось от прежних, хотя девочка и не смогла поначалу определить, чем именно.

Потом верующие хором спели гимн «Родился Сын Божий».

Упоенная, Мари стояла между Пьером и Нанетт и, не думая ни о чем плохом, отдавалась пению. Ей казалось, что у нее наконец есть самое дорогое, что может быть у человека, — семья, которая ее любит и о ней заботится. Она теперь поняла, чем отличалось это Рождество от праздников прошлых лет.

Во время службы она почувствовала на себе чей-то взгляд и сразу поняла, кто на нее смотрит. Жан Кюзенак... Мари не хотелось в эту праздничную ночь впускать в сердце тревогу. В течение нескольких секунд

она выдерживала настойчивый взгляд его грустных глаз. И вдруг, не заботясь о том, что подумают нарядная мадам Кюзенак, сидевшая рядом с супругом, и их племянник Макарий, который приехал на праздничную мессу со своими родителями, Мари радостно улыбнулась муссюру.

Жан Кюзенак вздрогнул и закрыл глаза, словно эта улыбка ослепила его. Прихожане снова запели...

На следующее утро Пьер и Мари, которые, подчиняясь веселому приказу Нанетт, поставили по возвращении с мессы свои сабо перед очагом, нашли в башмаках по апельсину и горсточке шоколадных конфет.

Разумеется, они были слишком большие, чтобы верить, будто подарок им принес маленький Иисус, но все равно очень обрадовались.

Мари церемонно попробовала свой фрукт и сделала вид, что никогда такого не ела. Это была неправда, потому что благодаря щедрости состоятельных дарителей многие рождественские праздники в Обазине имели экзотический аромат апельсинов.

Но Нанетт так гордилась своим сюрпризом, что Мари не захотела ее разочаровывать. Такую ложь сестра Юлианна называла «ложь во благо»...

Глава 8

Подарок для Мари

Утром третьего января 1907 года, в трескучий мороз, Жан Кюзенак постучал в дверь фермерского дома. Нанетт открыла с тряпкой в руках.

— Здравствуй, Нанетт!

«Похоже, у хозяина хорошее настроение», — подумал Жак. Хозяин дома только что вернулся из хлева и присел к огню, чтобы согреть руки.

Взволнованная Нанетт отошла вглубь комнаты. Мсье Кюзенак бывал у них очень редко. Обычно Жак сам ходил в Большой дом, чтобы поговорить о делах. Фермер, решив, что хозяина привело какое-то дело, сказал на не совсем правильном французском:

— Корова больна, Русетта. Собирался послать Пьера сказать вам.

— Я пришел не из-за скотины, мой славный Жак. Я принес вам новогодние подарки!

Нанетт нахмурилась. Мсье Кюзенак, без сомнения, прекрасный человек и хороший хозяин, но о старинном обычае одаривать своих слуг в первый день нового года несколькими серебряными монетами он забыл много лет назад. И только Пьер получал от него в этот день леденцы из ячменного сахара.

Удивленная и смущенная женщина поспешно пригласила гостя к столу:

— Выпейте чашечку горячего кофе, муссьюр!

Жан Кюзенак улыбнулся: Нанетт никогда не переходила на патуа в его присутствии. Этим утром она изменила своему правилу, без сомнения, потому что разволновалась, увидев его на пороге.

— Чашечку кофе? С удовольствием!

Жан Кюзенак оглядел комнату, словно искал кого-то. Убедившись, что в комнате их только трое, он вздохнул и раскурил сигару.

— Мари и Пьера нет дома? — спросил он после паузы.

Нанетт поставила на стол кофе.

— Они в овчарне, — сказала она, пожав плечами, — кормят овец. Мари их просто обожает! И очень хорошо за ними ухаживает.

Жак тоже присел к столу и налил себе кофе. Опустив нос к чашке, он ждал, куда повернет беседа. Было в поведении Жана Кюзенака что-то необычное. Нанетт тоже это заметила и не осмеливалась больше сказать ни

слова.

В дом вбежали Мари и Пьер. Мари крикнула весело:

— Нан, я покормила еще и кур! Тебе не придется выходить на улицу! Тем более там так скользко...

Девочка замолчала, узнав гостя. Пьер поприветствовал хозяина, приподняв свой картуз, прошел в комнату и сел на лавку. Мари же осталась стоять между дверью и столом. Щечки девочки порозовели на морозе. Волосы волнами спускались на плечи, закутанные в старенькую шерстяную шаль.

Мсье Кюзенак с улыбкой смотрел на нее:

— Здравствуй, Мари! Желаю тебе счастливого Нового года!

— Спасибо, мсье! — шепотом ответила девочка.

Все присутствующие в комнате чувствовали себя неловко. Радость, испытанная при появлении гостя, испарилась, оставив на душе щемящую тоску. Наконец Жан Кюзенак бросил окурок в очаг, вынул из внутреннего кармана кошелек и стал столбиками выкладывать на стол монеты.

— Это вам, Жак! На табак и новую рубашку.

Жак пробормотал полное смущения «спасибо», и в комнате снова стало тихо. Хозяин продолжал:

— А это для тебя, Нанетт! И для вашего сына Пьера. Парень сильно вырос, и на эти деньги ты сможешь сшить ему новые штаны.

— Спасибо, наш добрый господин! Скажи «спасибо», Пьер!

Пьер издал несколько глухих звуков. Впрочем, можно было различить что-то похожее на «сибо!».

Мари бесшумно подошла к очагу. Она не сводила глаз с лица Жана Кюзенака. Было непривычно видеть его в фермерском доме, так близко и в таком хорошем настроении! Девочка решила, что денежные подарки к Новому году — обычное дело, и порадовалась за Нанетт.

— А этот луидор — для Мари! Разве не учит нас Евангелие, что следует хорошо платить за работу не только тому, кто трудится давно, но и тому, кто подрядился на работу недавно? И еще сказал Иисус: «Пустите детей приходиться ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие» [\[18\]](#). Все мы знаем, откуда к нам приехала Мари, знаем, что девочке не посчастливилось расти в родной семье.

Жан Кюзенак замолчал и нервно кашлянул. Стараясь не встретиться взглядом с Нанетт, он добавил:

— Я принес вам подарки, но у меня есть и другой повод посетить вас. Старушка Фаншон умерла на прошлой неделе. Элоди работала вместо нее два дня, но мы не можем оставить ее у себя. Моя супруга и я, мы решили,

что вместо Фаншон у нас станет работать Мари.

На этот раз в повисшем в комнате молчании ощущалось уныние. Жак застыл на стуле, Нанетт прижала руки к груди. Пьер дышал очень громко, словно после долгого бега. Мари пыталась убедить себя, что ослышалась.

Так вот зачем пришел хозяин! Он забирает ее в хозяйский дом! Забирает ее от Нанетт и от Пьера! А она-то решила, что еще долго-долго будет жить с ними, и ошиблась. Мари долго мечтала о том, как однажды войдет в Большой дом, о котором с таким уважением говорят в городке... Но теперь ей этого совсем не хотелось.

Глядя на расстроенные лица хозяев дома, Жан Кюзенак заторопился уходить.

— Что ж, собирай вещи, Мари! И в полдень приходи в дом, моя жена будет тебя ждать.

Мари посмотрела на него и вдруг разрыдалась. Нанетт подбежала к девочке и, обняв ее, попыталась найти оправдание слезам:

— Не ругайте ее, мсье! Она удивлена не меньше нашего, бедная крошка... Ей у нас нравилось, правда, Мари? Мадам не звала ее в дом, вот бедняжка и решила, что остается жить с нами...

Мари пыталась взять себя в руки. Не следовало ей плакать, по крайней мере на глазах у всех. Она сделала над собой усилие и оторвалась от Нанетт. Вытирая слезы, девочка сказала печально:

— Я уже не плачу. Простите меня, пожалуйста...

Странное дело, но ее слезы, похоже, растрогали мсье Кюзенака. Ласково улыбнувшись девочке, он сказал мягко:

— Мое дорогое дитя, я ведь не намерен увезти тебя на край света! Отсюда до Большого дома не больше пяти сотен метров! Тебе будет видно ферму из окон кухни. И я, смею думать, не такой уж страшный деспот. Если тебе захочется навестить Нанетт, никто не станет запрещать. И с Пьером вы будете видеться — он каждое утро приносит в «Бори» молоко и яйца. Ты все еще плачешь? Ладно, даю честное слово — каждое воскресенье после полудня ты будешь отдыхать. Договорились?

— Спасибо, мсье! Спасибо! — проговорила Мари сквозь слезы.

Жак вслед за хозяином вышел из дома. Нанетт громко высморкалась. Добрая женщина сама едва сдерживала слезы.

— Моя дорогая крошка! Надо же такому приключиться! Я-то уже знала, что старая Фаншон померла, но решила, что тебя хозяйка в дом точно не возьмет! Я думала, что она решит оставить тебя у нас. Господи, у меня сердце переворачивается, как подумаю!..

Пьер стоял и смотрел, как мать наливает себе стакан вина, что

случалось очень редко. Потом он подошел к окну. Как только Жан Кюзенак отошел от фермерского дома, мальчик воскликнул:

— Он не должен забирать у нас Мари!

Как раз в этот момент в дом вернулся Жак.

— Замолчи, Пьер! — отрезал он. — Хозяин знает, что делает, и не нам его учить. Мари — прислуга. Хоть в этом доме она живет, хоть в другом. Думаешь, у таких, как мы, станут спрашивать, чего мы хотим?

Пьер не ответил. Он уже много раз слышал из уст отца про «таких, как мы». Говоря это, он имел в виду тех, у кого нет ни земли, ни имущества, кто за гроши продает свои рабочие руки хозяину. Его отцу еще повезло стать фермером в имении мсье Кюзенака, в этих местах Жаку многие завидовали.

Мари же была подкидышем, воспитанным монахинями на средства, передаваемые монастырю милосердными состоятельными горожанами. «Хоть в этом доме, хоть в другом»... Это была чистая правда. Гнев мальчика утих. Мари не заберут далеко. Он будет навещать ее каждый день, предлог всегда найдется...

Мари присела за стол. Она все еще шмыгала носом. Девочка никак не хотела верить в происходящее. Может быть, она бы не так горько плакала и ей не было бы так грустно, если бы Жан Кюзенак не смотрел на нее так жадно и одновременно печально?

Перспектива жить под одной крышей с этим человеком пугала девочку больше, чем неизбежное расставание с Нанетт, Пьером, Пато и скотиной. Но кому можно рассказать о своем страхе? Да и мадам Кюзенак она совсем не понравилась. А еще девочка подумала, что отныне каждое воскресенье она будет дрожать от страха, ведь в этот день к хозяевам приезжает в гости их племянник Макарий...

Монеты так и остались лежать на столе. Увидев луидор, Мари сжалась от ужаса. Она взяла монету и протянула ее Нанетт:

— Возьми! Он мне не нужен!

— Ну нет, это тебе подарили! На эти деньги ты сможешь купить хороший отрез ткани. В поселке тебе скроят платье, а я его сошью, — отозвалась Нанетт.

— Возьми, прошу тебя! У меня никогда не было своих денег! И вообще, мне не нужно новое платье.

Нанетт с сокрушенным видом взяла монету. Но пообещала себе, что сохранит ее и однажды отдаст Мари, когда той понадобится красивый наряд...

Но кое-кто догадался о страхах девочки. Пьер вызвался проводить ее к хозяйскому дому. Впереди себя мальчик толкал тележку с соломенным матрасом и связанной в узелок одеждой. По дороге он попросил срывающимся от волнения голосом:

— Мари, если у хозяев тебе будет очень плохо, если муссюр захочет тебя поцеловать или еще что-нибудь, ты мне скажи, хорошо? Мне или маме. Мне не нравится, как он на тебя смотрит. Глаз не сводит...

— Мне это тоже не по душе, но, может, все хозяева так смотрят на слуг? В приюте сестры учили нас, что долго смотреть в глаза человеку — дерзко и неприлично.

— Может, муссюр так смотрит на тебя, чтобы убедиться, что у тебя на уме нет ничего худого? У них в доме полно красивых вещей, сама увидишь.

Они уже почти пришли. Мари остановилась и спросила у своего друга:

— Ты часто будешь приходить? Обещаешь?

— Каждое утро... И вообще буду приходить при любой возможности!

— Спасибо тебе, мой добрый Пьер!

* * *

— Вот твоя комната! М-да, поздравить мне тебя не с чем, с прошлого марта ты не изменилась! Все такая же грязнуля, одета неряшливо... И наверняка вши в волосах! Но ничего не поделаешь... Оставь здесь свои вещи и спускайся побыстрее в кухню. Готовить умеешь?

— Да, мадам. Я научилась у сестер. И у Нанетт...

Амели Кюзенак стояла, скрестив руки на груди, на приличном расстоянии от девочки. С выражением отвращения на лице она еще раз окинула девочку взглядом с головы до ног и повернулась, чтобы уйти.

— Я слышала, что ты умеешь читать. Я дам тебе книжечку с рецептами. Фаншон справлялась неплохо, но мне постоянно приходилось следить, чтобы она ничего не перепутала, объяснять ей все. Если за тобой не надо будет постоянно присматривать, я вздохну свободно. Да поторапливайся! Мсье, должно быть, проголодался.

Мадам Кюзенак вышла, не закрыв за собой дверь. Мари вздохнула. «Твоя комната»! Госпожа назвала «комнатой» клетушку под крышей. Пространство три на три метра было огорожено деревянными перегородками, на пыльном полу валялись клочья шерсти и осколки бутылки. В углу — деревянная рама с натянутыми поперек кожаными ремнями: кровать. Крохотный стол стоял возле единственного, затянутого

паутиной окошка.

— Я не должна плакать! — сказала себе Мари. — Я уберу позже. Здесь не так уж плохо.

Она запрещала себе думать о том, как ей будет одиноко вечерами. Ей будет холодно, будет страшно, но Пьер не придет ее успокоить.

Мари на цыпочках спустилась по лестнице. На площадке второго этажа она остановилась. До девочки донеслись обрывки ссоры. Говорившие находились в передней.

— Не обязательно было селить ее в этой грязной холодной каморке, Амели! Бедная девочка может заболеть.

— Ваша матушка отправляла своих горничных туда спать, и никто из них не умер! Вы поднимаете слишком много шума вокруг какой-то девчонки с фермы!

Хлопнула дверь. Мари боялась пошевелиться. Наконец она решилась, быстро спустилась на первый этаж и прошла в кухню, благо хозяйка показала ей, где та находится, как только они вошли в дом.

В кухне было очень жарко. Огромная чугунная плита ревела, как топка паровоза. Мари осмотрелась. Два шкафа для посуды, кладовая для провизии, чуланчик с дровами... За желтой занавеской обнаружилась этажерка с рядами бутылок и жестяных банок.

Неожиданно для девочки в кухню вошел Жан Кюзенак.

— Что ж, Мари, вот ты и на рабочем месте! — натянуто улыбаясь, сказал он. — Не бойся, мы не такие уж гурманы. Но по воскресеньям тебе придется потрудиться: наш племянник, Макарий, приезжает к обеду, иногда вместе с родителями. И раз в месяц у нас бывает господин мэр.

— Я буду стараться изо всех сил, мсье!

— Не сомневаюсь. Идем, я покажу тебе столовую.

Мари почувствовала, что страх отступает. Жан Кюзенак держался любезно, но... отстраненно. Он показал, где хранятся скатерти и салфетки, потом достал из шкафа новый, снежно-белый фартук.

— Я купил его вчера, держи! А теперь возвращайся в кухню, не будем сердить мадам.

Мсье и мадам Кюзенак пообедали чуть позже обычного омлетом, поджаренным на сале. Мари, несмотря на волнение, улыбалась, слушая, как забавно стучат ее сабо по паркету и по выстеленному плиткой полу в кухне. Совсем не так, как по глинобитному полу или по земле...

Ближе к вечеру, перебив посуду и наскоро съев ломоть хлеба и кусочек сыра, девочка поднялась на чердак с метлой, ведром воды и тряпкой. Свою комнату она мыла, напевая песенку, которой ее научил Пьер.

Когда каморка засияла чистотой, Мари вышла в сад, радуясь мысли, что теперь ей не надо прятаться. Торопливо сорвав три веточки остролиста, украшенные красными ягодами, она вернулась в комнату и поставила их в баночку с водой.

Девочка перевела взгляд на кровать... На матрасе лежала пара простыней, два толстых покрывала и прекрасное пуховое одеяло в синем атласном чехле. Удивленная и обрадованная, девочка решила, что обязана этим великолепием доброте мадам Кюзенак, и поспешно упрекнула себя в том, что так ошибалась в ней.

«Она неуживчивая и подозрительная, но в глубине души добрая...»

Вечером, когда за окнами повисли синие сумерки, Мари, сидя у плиты и помешивая суп, вдруг почувствовала себя очень счастливой. Она была рада, что волей судьбы все-таки оказалась в особняке Кюзенаков. Живя на ферме, девочка долго мечтала об этом доме, и теперь ей казалось, что она грезит наяву. Много месяцев вечерами она, словно зачарованная, поджидала, когда же на холме загорятся окна, вот эти самые, в которые она сейчас смотрит...

Теперь же она оказалась по другую сторону картинки, которую так часто представляла в своих мечтах.

Единственное, что огорчило девочку в этот первый день, проведенный в «Бори», так это тишина. Мсье и мадам Кюзенак она снова увидела только когда подала на стол ужин.

Мари ничего не знала о том, как они живут и чем занимают свое время.

После полуденной трапезы в дверь кухни, выходящую на задний двор, постучал седовласый мужчина.

— Я — Алсид Жанбар, много лет служу у мсье Кюзенака. Хожу за лошадьми, убираю навоз, работаю в огороде и в парке, а зимой слежу еще и за печками.

Войдя, он снял сабо у порога. В своих шерстяных носках он скользил по полу, как конькобежец.

— Старушка Фаншон всегда наливала мне рюмочку, когда на улице мороз...

Мари кивнула. Алсид взял стул и поставил его поближе к печке:

— Бутылка в шкафчике справа. И мой стаканчик там же. А вас как звать?

— Мари!

— Надеюсь, мы поладим. Нас, слуг, в доме всего двое и есть. Вы посимпатичнее будете, чем бедная старая Фаншон... Хлебнула она,

бедолага, горюшка с хозяйкой-то нашей! Лучше с ней не спорить.

С Алсидом Мари снова встретилась в семь вечера. Он вошел в кухню, а следом за ним — Пьер.

— Мать передала хозяйке простоквашу! — заявил мальчик, весьма гордый собой. И подмигнул Мари.

Та, чуть не прыгая от радости, ответила с улыбкой:

— Погрейся в доме, Пьер...

Алсид, в руках у которого была большая корзина с поленьями, пошел дальше, в столовую. Мари с Пьером остались в кухне вдвоем. Не зная, что сказать друг другу, они так радовались встрече, как если бы расстались много дней назад.

Когда мадам и мсье Кюзенак сели за стол в столовой, в отделанном черным мрамором низком камине уже жарко пылал огонь.

Люстра с плафонами из розового опалового стекла наполняла комнату мягким светом.

Мари подавала на стол, но движения ее не всегда были ловкими и уверенными. Жан Кюзенак подбадривал ее взглядом и даже похвалил суп. И все-таки девочка вздохнула свободно, только оказавшись в удушающе-жаркой кухне с ее черно-белым плиточным полом и стенами, обшитыми крашенными в желтый цвет деревянными панелями. Девочка пожалела, что ей нельзя бросить свой матрас в угол и лечь спать здесь, у огня, где ей точно будет тепло. Но ей вскоре пришлось покинуть казавшуюся такой привычной кухню и подняться по лестнице на чердак. Рассудив, что дом богатый и хозяева вряд ли станут возражать, Мари взяла с собой наверх не одну свечу, а две.

Открыв дверь своей каморки, девочка поежилась от холода. Она чиркнула спичкой и зажгла фитильки обеих свечей, которые предусмотрительно поставила в жестяные банки. Украшенная букетом остролиста и синим одеялом, комната показалась ей почти уютной.

Мари быстро легла в свою с виду уютную постель. Ноги ее наткнулись на что-то горячее. Девочка вскрикнула от удивления, потом рассмотрела неожиданную находку. Это была грелка — керамический сосуд из тех, которые обычно наполняют кипятком и кладут в постель больному, чтобы он скорее согрелся.

Обрадованная Мари прижала грелку к себе и задула свечи. Кто принес ее к ней в комнату? Амели Кюзенак или ее муж? Она решила, что лучше об этом не думать.

Много-много дней назад, покидая приют вместе с мадам Кюзенак,

девочка пообещала себе, что не станет задаваться вопросами о превратностях своей судьбы. И, несмотря на это, сколько раз, прежде чем заснуть, она искала ответ на вопрос, почему мадам и мсье не вместе, а по отдельности приезжали в приют, чтобы на нее посмотреть? Почему они не поехали искать себе прислугу в Лимож? Что заставило их отправиться в такую даль, в Брив?

Девочка положила под подушку фотографию Пресвятой Девы в позолоченной рамке и заснула.

Глава 9

Как быстро летит время...

Июнь 1909 года

Большой дом, который два года назад казался Мари полным тайн, теперь не имел от нее секретов. На следующий же день после того, как девочка перешла с фермы в дом, мсье Кюзенак показал ей все комнаты и уточнил, в чем будут состоять ее обязанности.

— В комнатах нужно подмести, потом смахнуть пыль с мебели. Раз в месяц мебель следует натирать воском. Окна всегда должны быть чистыми. Золу выносит Алсид, но печи в комнатах ты можешь чистить самостоятельно.

Мари прекрасно помнила, какой восторг ощутила, попав в просторную комнату, обшитую светлыми дубовыми панелями. При виде многих сотен аккуратно расставленных на полках книг она испытала острое чувство обиды — как если бы ее лишили чего-то, что она всегда очень любила. Какое сокровище хранится в этой комнате, и как бы ей хотелось обладать им!

Жан Кюзенак, должно быть, перехватил ее зачарованный взгляд.

— Мари, раз ты умеешь читать, я разрешаю тебе пользоваться моей библиотекой. Романы по твоему возрасту стоят на этой полке...

Всегда такая робкая, Мари не сдержала восторженного восклицания:

— Благодарю вас, мсье! Для меня это такое удовольствие!

Мсье Кюзенак улыбнулся, и вид у него был довольный. Он внимательно смотрел на девочку, и ей показалось, что еще секунда — и он шагнет к ней, сделает что-то, что разрушит невинное очарование этого момента. Но он, наоборот, отступил назад и ничего не сказал. Мари очень удивилась, не услышав указания, которое наверняка не преминул бы отдать любой хозяин: *«С книгами будь очень осторожна, и не забывай, что на первом месте стоит работа...»*

Девочка очень скоро поняла, что Жан Кюзенак совсем не тот «хозяин», каким она его себе представляла.

* * *

Мари вышла из столовой и направилась в кухню. Там она подняла крышку кастрюли и добавила в кушанье щепотку перца. Теперь уже шестнадцатилетняя, Мари открыла для себя прекрасное средство от скуки — совершенствование своего кулинарного мастерства.

На первых порах Амели Кюзенак настороженно относилась к попыткам новой служанки внести разнообразие в привычное меню, но вскоре она оценила более изысканную кухню. Со временем она стала реже выражать девочке свое презрение, а иногда даже приходила в кухню, садилась и с удовольствием наблюдала, как та работает.

В первые месяцы пребывания на новой службе Мари казалось, что ей никогда не переделать всю работу по дому. Дни пролетали для нее, как одно мгновение.

Девочка вставала в шесть утра, быстро приводила себя в порядок, надевала фартук и спускалась готовить завтрак, который должна была подать к восьми. В семь часов в кухню с сияющими от радости глазами входил Пьер. За чашечкой напитка из корней цикория дети немного болтали, а потом мальчик возвращался на ферму. Мари же принималась за уборку по заведенному порядку: сначала в столовой, затем в гостиной, в спальне мадам Кюзенак и только потом — лестницы и вестибюль.

Хозяин и хозяйка дома спали в отдельных комнатах, что очень удивляло девочку. Жан Кюзенак строго-настрого наказал прислуге: никто не смеет заходить к нему в спальню без его разрешения.

После полудня Мари мыла посуду, подметала задний двор, стирала полотенца. По многу раз в день ей приходилось доставать из колодца воду — тяжелая работа, которую на ферме всегда выполнял Пьер.

Вечером, несмотря на усталость, Мари с нетерпением открывала очередной роман, стораая от желания узнать, что же случится с героями дальше. Перелистывая страницы, девочка знакомилась с далекими странами, особенностями парижской жизни, любовными перипетиями, узнавала слабые и сильные стороны человеческой природы...

В воскресенье после полудня для Мари наступало прекрасное время полной свободы. Девочка рвала на лугах цветы и прятала букетики под изгородью, а на обратном пути их забирала. Нанетт и Пьер поджидали ее у фермы. Мальчик шел вместе с ней в городок, а его мать, наскоро обняв «свою крошку», довольствовалась тем, что торопливо пересказывала ей последние сплетни.

Когда Мари думала о Пьере, ее сердечко начинало стучать чаще. Худенький мальчик превратился в высокого широкоплечего юношу,

гордящегося пробивающимися уже усиками.

А вот Жан Кюзенак поглядывал на сына своих фермеров с беспокойством. Чтобы быть поближе к Мари, Пьер в апреле попросил муссюра взять его вместо Алсида ухаживать за лошадьми. Кроме того, он заявил, что ему вполне по силам заготавливать дрова.

На просьбу юноши хозяин ответил категорическим отказом:

— Алсид знает моих лошадей лучше меня самого. Ему всего пятьдесят, и он на работу не жалуется. Когда ты мне понадобишься, Пьер, я тебя позову. А пока продолжай помогать отцу...

Вечером в кухне господского дома разочарованный Пьер рассказал об этом разговоре Мари и добавил сердито:

— Он ревнует, наш мсье Кюзенак! Поклянись, Мари, что он относится к тебе уважительно и не просит ни о чем нехорошем!

— Клянусь, Пьер! Он очень добр ко мне.

Все-таки она старательно отводила взгляд. Пьер ревновал ее ко всем мужчинам в городке. Как же рассказать ему о том, что доброта мсье Кюзенака по отношению к ней временами переходит общепринятые границы? Она подозревала, что именно хозяин дома приносит ей грелку, потому что сосуд с теплой водой появлялся в ее постели каждый вечер на протяжении всей зимы. Однажды в воскресенье, когда Мари вернулась в дом с фермы, где гостила, она поняла, что кто-то поднимался в ее каморку на чердаке. На месте маленького шаткого столика теперь стоял письменный стол с ящичками, а на нем лежал бювар из зеленой кожи.

Станным образом получала она и свою плату. В конце каждого месяца под подушкой девушка находила конвертик с банкнотами. В первый раз сумма показалась ей огромной. Амели Кюзенак никогда не поднималась к ней наверх, но Мари, чувствуя себя при этом виноватой, все же приобрела привычку складывать деньги в жестяную коробочку и прятать ее под кроватью. Осознание того, что у нее теперь есть свое собственное «маленькое сокровище», иногда мешало девочке заснуть.

Она не осмеливалась сказать об этом Пьеру, но временами задумывалась о том, не пытается ли Жан Кюзенак ее задобрить или не планирует ли заставить себя полюбить, когда она, достигнув определенного возраста, сможет ответить на его «авансы».

В свои шестнадцать Мари была высокой, стройной и очень симпатичной девушкой. Она доверила свои страхи Нанетт, умоляя не рассказывать об этом Пьеру.

Добрая женщина, невзирая на глубокое уважение к муссюру, посоветовала ей быть настороже:

— Вообще-то такие делишки не в характере нашего мсье Жана! Хотя... С такой-то женой кто знает, что может прийти ему в голову? А ты такая хорошенькая... Можешь мне верить, моя крошка, случается, что хозяева затаскивают таких вот молоденьких служанок, как ты, в темный угол, чтобы поцеловать, а ночью приходят уже за другим... Тех, кто сопротивляется, быстро выставляют за дверь, и девушке приходится искать другое место. В конце концов наступает день, когда она уступает... А теперь слушай меня: если мсье Жан осмелится к тебе прикоснуться, передай ему от меня, глядя в глаза...

Бледная от волнения Мари напрягла слух, чтобы не пропустить ни слова из того, что прошептала Нанетт:

— Скажи ему: «Вспомните Волчий лес!» — и все. Слово Нанетт, он больше тебя не тронет!

Сколько раз Мари мысленно возвращалась потом к этой фразе! Что произошло в Волчьем лесу? И если Нанетт что-то знает, почему она не хочет ей рассказать? В воображении Мари, подпитанном множеством прочитанных романов, рождались тысячи предположений, но в конце концов она отчаялась найти отгадку.

Прошло два года. Дом был большим, и Амели Кюзенак маниакально следила за чистотой. Серебряная посуда непременно должна была сиять, равно как и окна, и плитка на полу. На мебели — ни пылинки... Раз в неделю, зимой и летом, ковры следовало выносить во двор и хорошенько выбивать.

«И все это — только для того, чтобы мадам была довольна», — думала Мари. Она быстро усвоила, что с понедельника по субботу гостей в этом доме не бывает.

Только Макарий, поменявший автомобиль и теперь красовавшийся за рулем «торпедо», приезжал по воскресеньям к обеду. Странное дело, но с тех пор, как Мари стала горничной в доме у мсье и мадам Кюзенак, она не слышала от племянника хозяев ни одного обидного слова. И только когда хозяин отворачивался, Макарий смотрел на девушку — холодно, с явной неприязнью.

* * *

Мари расправила складочки на салфетке, лежавшей под бронзовыми настольными часами. Потом грациозно повернулась, чтобы проверить,

всего ли хватает на сервированном к обеду столе.

Воскресная месса уже закончилась, и мадам с племянником вот-вот будут дома. Жан Кюзенак, верный своим привычкам, обычно возвращался из церкви верхом.

— Здравствуй, Мари! Как вкусно пахнет!

Удивленная девушка обернулась. В кухню вошел Макарий, одетый нарядней, чем обычно. На молодом человеке был костюм-тройка из серой фланели, белая сорочка и галстук. Шляпу из соломки он держал в руке. Его блекло-русые волосы были коротко острижены.

Макарий улыбнулся девушке. Почему вдруг он стал таким любезным? Мари насторожилась.

— Добрый день, мсье, — пробормотала она, запинаясь.

— Что ты нам приготовила?

— Рагу из телятины под белым соусом, печеный картофель и пирог с земляникой.

Макарий подошел ближе. Он был вынужден признаться самому себе, что эта девчонка, которую он так яростно ненавидел, теперь будила в нем вполне определенные желания. Он ненавидел ее и за красивое лицо, и за ее ум, и за умение держаться непринужденно, за жизнерадостность и за многие другие качества, которыми сам не был наделен. Но главным основанием для ненависти был интерес, который проявлял к девочке его дядя. Макарий и на этот раз не испытывал к Мари теплых чувств: для него она была всего лишь служанкой, в обязанности которой вменяется покоряться желаниям своего хозяина... Любым желаниям. Два года назад Мари показалась ему ничем не примечательной, но, поступив на службу к тете, она сильно изменилась, подросла и похорошела.

Сегодня, в своем летнем платье в цветочек, с оголенными от локтя руками, с перехваченной белым фартуком талией, она была чудо как хороша. Свои каштановые волосы Мари собрала в узел на затылке, и на ее стройной шейке подрагивали короткие завитки.

— Знаешь, что ты — самая красивая девушка в Прессиньяке?

Мари отшатнулась и ответила с удивлением:

— Не такие слова я привыкла от вас слышать! Я вам не верю, мсье. Говорят, ваша невеста — очень красивая девушка.

— Конечно, она красивая, но ты все равно лучше!

Мари покраснела от смущения. Макарий не просто не нравился ей — она его боялась. И теперь его наигранная веселость, его тяжелый взгляд не предвещали ничего хорошего.

Вдруг юноша схватил Мари за руку и притянул к себе. Потом грубо

повернул ее лицо к своему лицу. Девушка пыталась его оттолкнуть, но чем сильнее она отбивалась, тем крепче он ее обнимал. Макарий грубо поцеловал ее, довольный своей физической силой, позволившей добиться желаемого. Девушка вывернулась из его объятий, оцарапав наглецу щеку.

— Дура, подкидыш несчастный! Тебя точно зачали под каким-то кустом! Можно подумать, что ты не раздаешь поцелуи налево и направо! А за эту царапину ты мне дорого заплатишь! Я слов на ветер не бросаю!

Мари дрожала всем телом. Она поняла, что отныне ей придется, как огня, опасаться встречи с этим молодым самодовольным бесстыдником.

Она подумала о Пьере. Только он один и смог бы ее защитить. Но если Пьер узнает, то в порыве гнева может наброситься на Макария, и это плохо кончится...

Когда Мари подала обед, хозяева и племянник сидели с каменными лицами. Макарий объяснил царапину происшествием на дороге. Это объяснение почти убедило Жана Кюзенака, ведь племянник ездил весьма неосторожно, и аварии на дороге случались с ним не впервой. Однако юноша то и дело бросал на Мари презрительные взгляды и выглядел при этом весьма довольным собой. Девушка, у которой после той сцены в кухне все еще дрожали руки, поспешила закончить все свои дела.

В это воскресенье после полудня Мари выбежала из Большого дома, как бегут из проклятого места.

Июнь в этом году выдался прекрасным. Стоило девушке выйти на дорогу, как зеленые кроны деревьев, бесконечное птичье пение и теплое солнышко прогнали ее печаль.

Опершись об изгородь, ее поджидал Пьер.

Мари улыбнулась ему. Как же ей хотелось с плачем броситься ему на шею, ища утешения! К счастью, из дома послышался голос Нанетт:

— Ты пришла, моя крошка! Что-то сегодня ты рано!

Лицо Нанетт светилось радостной, доброй улыбкой. А сколько любви и счастья было в глазах Пьера! Мари перевела дыхание и сказала:

— Я так рада вас видеть! Нан, милая, обними меня покрепче!

Славная женщина не заставила себя просить дважды. Пьер остался стоять на месте, засунув руки в карманы. Нанетт сказала ему сердито:

— Иди и обними Мари, простофиля! Разве не видишь, что на девочке лица нет!

Нанетт решила, что они с Мари вместе сходят к вечерне. Но сначала она заставила девушку съесть кусок пирога с заварным кремом и налила ей в стакан немного «о-де-ви» [\[19\]](#).

— Изредка выпить не грех! — сказала она.

На службе в церкви Мари молилась от всей души. Стоя на коленях перед статуей Пресвятой Девы с Младенцем, она просила:

— Дева Мария, прошу, сделай так, чтобы Макарий перестал меня изводить и чтобы мсье Кюзенак отправил меня назад к Нан! Сделай так, чтобы мадам Кюзенак стала добрее, и умоляю, ради всего святого, пусть придет день, когда у меня будет свой дом и дети, будет хороший муж! Я прощаю всех, кто причинил мне зло, даже Макария. Прощаю родителей, которые меня бросили. Но только сделай так, чтобы я вернулась к моей Нанетт! К Пьеру, который так добр ко мне...

Пьер вызвался проводить девушку. Заходящее солнце набросило на мирный сельский пейзаж свою розовую вуаль. Они шли мимо луга, мимо коров, в поисках прохладной воды собравшихся у ручья. По другую сторону дороги под кронами Волчьего леса зарождались зеленые тени.

Мари спросила шепотом:

— Пьер, помнишь то утро, когда ты показал мне источник?

— Помню. Я часто вспоминаю тот день. И мое желание не изменилось, ты это знаешь. А ты? Ты все еще мечтаешь стать учительницей в школе?

Мари пожала плечами.

— Я скоро скажу тебе, о чем я мечтаю. Но не сегодня. Для этого нужно вернуться к источнику. Хочешь?

— Ты еще спрашиваешь! — отозвался Пьер пылко. — Я отведу тебя туда в праздник Святого Иоанна!

Мари протянула руку. Юноша взял ее и нежно сжал пальчики. Они уже стояли на дорожке, ведущей к Большому дому.

Из окна гостиной Жан Кюзенак видел, как они идут вместе, соединенные не только рукопожатием, но чем-то большим, возможно, это была любовь. Солнце образовало вокруг их фигур оранжеватое сияние, и в этой вспышке света они вдруг показались ему такими молодыми и красивыми, что он, ослепленный, закрыл глаза...

* * *

Как бы Мари хотелось, чтобы в этот день ей разрешили остаться ночевать на ферме! Но как осмелиться попросить об этом хозяев? И если бы она озвучила свое желание перед Нанетт и Жаком, они бы тотчас же заподозрили неладное. Не говоря уже о Пьере...

Поэтому девушка решила, что ей лучше вернуться в «Бори». Вечером не нужно было накрывать на стол, поэтому, не заходя в кухню, чтобы поесть, она поднялась напрямик в свою комнату, в свое убежище. Очутившись в постели, Мари сразу же свернулась клубочком. Поскорее заснуть, забыть все свои тревоги...

Посреди ночи Мари разбудил звук шагов. Кто-то поднимался по лестнице, ведущей в мансарду. Девушка тотчас же поняла, что ей грозит. В страхе она забилась в угол. Как ей защитить себя? Ведь на двери даже нет замка! Дверь ужасающе заскрипела. Макарий! Ну кто еще это мог быть! Значит, тетя уговорила его остаться в «Бори» на ночь! Девушка поняла, что оказалась в ловушке. Макарий опрокинул ее на матрас, зажав рот рукой.

— Не кричи, или я скажу, что ты сама меня сюда заманила! Поверь, тебе придется паковать чемодан, как я тебе обещал! Хотя, если понадобится, я просто тебя задушу!

Он сжал своими губами губы Мари, чтобы принудить ее молчать. К горлу девушки подкатила тошнота. Макарий навалился на нее всем своим весом. Одной рукой он удерживал руки девушки, другую запустил под ночную рубашку и стал лапать свою жертву. Мари вдруг с ужасом ощутила пальцы Макария на своей груди. Но это была неравная схватка... Он стащил с себя рубашку, и чем сильнее Мари вырывалась, тем крепче Макарий прижимался к ней голым торсом. Он снова навалился на нее всем телом, чтобы раздвинуть ей ноги. Его рука опустилась вниз по животу девушки, пальцы уже шарили в самом интимном месте...

— Если ты девственница, в чем я сомневаюсь, то ты ненадолго ею останешься! Но для девчонки с фермы это не имеет значения! И не говори, что тебе это не нравится! Твоя мать-потаскуха получила свою долю удовольствия, когда зачала тебя! Ты сама захотела жить под крышей дома моего дяди, Мари-подкидыш! Не говори, что я тебя не предупреждал!

Девушка решила, что все кончено, но тут дверь в каморку распахнулась. Мари моментально попыталась прикрыться простыней.

— Мерзавец! Подлый молокосос! Для тебя нет ничего святого!

На глазах у Мари, испытывавшей одновременно облегчение и стыд, мсье Кюзенак бросился на племянника, схватил его за плечи и отшвырнул в противоположный угол комнаты. Потом подбежал к Макарию и стал хлестать его по щекам.

— Не смей и пальцем прикасаться к Мари, ты понял? Никогда! Лазь под юбку к горничным своей матери! — кричал Жан Кюзенак. — В моем доме изволь держать в узде свои низкие инстинкты! Надевай рубашку и уходи! Чтоб ноги твоей здесь больше не было! Слышишь? Или я тебя

убью!

С трудом переводя дыхание от волнения, хозяин дома повернулся к Мари:

— Девочка моя, он не...

Мари заплакала, дрожа всем телом.

— Нет! — Это было единственное, что она смогла произнести.

Однако она сказала лишь половину правды. Жан Кюзенак успел вовремя, но кто знает, что хуже — осквернение души или насилие над плотью? Девушка чувствовала себя грязной. «Господи, только бы, кроме Макария и хозяина, никто об этом не узнал!» — взмолилась она, стгорая от стыда.

В этот момент в комнатухе появилась Амели Кюзенак. Мари решила, что теперь ее репутация окончательно испорчена. Хозяйка, которая последние дни пребывала в плохом настроении, остановилась возле мужа и племянника. Посмотрев на Мари, она перевела взгляд на Макария.

Наконец с ее губ сорвались слова, ранящие не хуже оскорблений:

— Бедный мой Жан! Эта девчонка затащила Макария к себе в кровать, а ты ее защищаешь! Вот до чего довело тебя твое пристрастие к этой бедной девочке, рожденной на чужом пороге!

Жан Кюзенак в мгновение ока растерял все свои хорошие манеры и обычную выдержку. Покраснев от гнева, он закричал:

— Еще минута, и этот мерзавец изнасиловал бы ее! Может, мне его по головке погладить? И прежде чем оскорблять эту девочку, вспомните о своем происхождении! Вы, Амели, из какого вы рода? Все знают, что вы родились в семье барышников, таких же жадных и злых, как и вы сама! У вас вместо сердца камень! Господи, как вы мне противны! Немедленно выйдите из комнаты! И если не хотите, чтобы я изувечил вашего драгоценного племянника, пусть он убирается из моего дома, и чем скорее, тем лучше!

Амели Кюзенак побледнела и, шатаясь, скрылась с глаз. Макарий проводил тетушку в столовую и захлопнул за собой дверь. Пока полыхала ссора, Мари не шевелилась. Ей хотелось оказаться как можно дальше от этого дома.

Жан Кюзенак повернулся к ней спиной, он не мог заставить себя посмотреть на нее. Из комнаты он вышел со словами:

— Прошу у вас прощения за них, Мари! И еще прошу — не принимайте близко к сердцу сказанное моей женой!

Когда все ушли, девушка в смятении села на постели. Да есть ли в этом мире место, оказавшись в котором, она смогла бы сказать: «Здесь я

дома!»?

Она только-только начала любить этот дом, но поступок Макария все разрушил. Мадам Кюзенак считает, что это она, Мари, виновата в случившемся. А мсье Кюзенак... Нет, она больше никогда не сможет заговорить с ним, не войдет в гостиную, не возьмет книгу...

Мари хотелось бежать из этого дома без оглядки. Но куда? Конечно же, не к Нанетт.

— Нельзя ничего рассказывать Пьеру! Господи, Дай мне сил промолчать! Нельзя никому говорить, что сделал Макарий...

Глава 10

Большие перемены

1911 год

Прошло два года. В середине марта Мари отпраздновала у Нанетт свой восемнадцатый день рождения. Если бы кто-нибудь попросил девушку рассказать, что случилось за это время в стенах «Бори», она бы не вспомнила ничего, кроме бесконечных недель тишины...

Макарий, к великому сожалению своей тетушки, больше не приезжал. У Амели Кюзенак вошло в привычку проводить большую часть времени в своей спальне за вышиванием или чтением газет и альманахов. Можно было подумать, что она сама заточила себя в четырех стенах. Оживилась и обрадовалась мадам только узнав о готовящейся свадьбе Макария, которую его семейство планировало сыграть в Лиможе.

На торжество мадам Кюзенак отправилась одна, сев на поезд в Шабанэ. Приехала она оттуда словно бы помолодевшей и снова взяла в руки ведение домашнего хозяйства, но вскоре все вернулось на круги своя.

Последние несколько месяцев Мари два-три раза в день относила еду в комнату мадам, потому что та не хотела спускаться и есть за одним столом с супругом.

Что до Жана Кюзенака, тот он купил себе новую лошадь. Муссюр настороженно относился к прогрессу, запрудившему улочки поселков рычащими автомобилями. Он по-прежнему верхом объезжал свои владения, а возвращаясь в дом, старался не встречаться с Мари взглядом.

Большой дом, казалось, поразило проклятие. Если бы не частые визиты Пьера и постоянное снование перед глазами Алсида, Мари впору было бы поверить, что в особняке Кюзенаков живет она одна...

* * *

В одно апрельское воскресное утро Мари, у которой как раз был выходной, тихо напевая, спускалась по дороге, ведущей на ферму.

Ей предстояло провести несколько свободных часов за разговорами,

перемежающимися смехом, в семье Нанетт и Жака, где ей всегда были рады.

Проходя мимо опушки Волчьего леса, Мари с умилением вспомнила, как год назад, в День святого Иоанна, они с Пьером вечером во второй раз отправились к источнику. Там она сказала ему:

— Мне бы очень хотелось стать школьной учительницей, но я знаю, что это невозможно. У меня есть другое заветное желание, и я обещала тебе о нем рассказать. Мое желание похоже на твое. Если ты захочешь, когда мы вырастем, я стану твоей женой перед Богом...

Бледный, взволнованный Пьер опустился перед ней на колени. Он обнял ее своими крепкими руками и прижался головой к животу девушки. Голосом куда более глубоким и звучным, чем голос подростка, каким он был год назад, Пьер ответил:

— Я не женюсь ни на ком, кроме тебя, моя маленькая Мари. Я так рад!

Это воспоминание навсегда запечатлелось в ее памяти, сладкое и обжигающее кровь. Оно помогало девушке переносить одиночество в комнатухе под крышей, часы тишины, капризы хозяйки.

Мари решила пройти через луг, чтобы поскорее добраться до фермы. Она обернулась, чтобы в последний раз посмотреть на Волчий лес. Что же произошло под кронами этих деревьев, возможно, у источника, много лет назад? Нанетт, как Мари ее ни просила, не захотела объяснить подоплеку таинственного совета, данного ею девушке два года назад. Как бы то ни было, Жан Кюзенак избегал любых контактов с юной горничной, поэтому той так и не пришлось произнести «магическое заклинание».

Поскуливая от радости, пес Пато бросился навстречу, стоило Мари открыть калитку. Растущий рядом с изгородью куст боярышника был весь в цвету. Во дворе искали корм куры.

— Нанетт! — громко позвала гостя.

Хозяйка дома как раз набирала из колодца воду. Она выпрямилась, крепкой рукой вытащила ведро, поставила его на край колодца и быстро пошла к Мари.

— А вот и наша мадемуазель! Пришла навестить свою старую Нан?

— Нанетт, ты нисколько не постарела! Не говори так больше, прошу тебя!

Они обнялись. Жак, работавший в огороде, приветливо махнул рукой. Мари искала кого-то глазами. Нанетт сказала со смехом:

— Пьер никуда не делся, не беспокойся! Я послала его в поселок за калийным мылом. Иди в дом, я как раз сварила кофе! И у меня есть свежие сливки!

Мари вошла в дом. Она всегда с волнением переступала порог жилища, так радушно принявшего ее несколько лет назад. Печь, большой стол, подвешенные к этажерке кастрюли, кровать за занавеской, на которой в зимние снежные ночи Мари спала, прижавшись к Нанетт...

Добрая женщина усадила гостью и спросила с нетерпением:

— Ну, что нового у муссюра?

Мари вздохнула. Если Нанетт вставляет во французскую речь словечки из патуа, значит, она чем-то взбудоражена.

— Все по-старому, — немного смутившись, ответила девушка. И быстро добавила, увидев, что открывается дверь и в комнату входит Пьер: — Хотя есть и новости. Мадам Амели хочет уехать. Вчера вечером она спустилась в столовую. Они кричали так громко, что я все слышала, сама того не желая. Мадам решила переехать жить в Лимож. Ты знаешь, отец оставил ей там небольшой дом.

Нанетт не верила своим ушам:

— Но что скажут люди, если мсье Жан останется с тобой один на один в этом огромном доме?

— Вот он ей сказал то же самое! Сказал, что она нарочно все делает, чтобы ему навредить! И что это, без сомнения, идея Макария, — продолжила Мари менее уверенно.

Нанетт не придавала значения ее последним словам.

— А, этот шалопай Макарий никогда ни о ком не думает, только о себе! — проворчала она. — Родители слишком его разбаловали! Что мадам Амели его обожает, стало ясно, еще когда она только переехала сюда! Она баловала племянничка, словно сама произвела его на свет!

Мари слушала вполуха. Со вчерашнего вечера она ломала голову, как сообщить эту новость Пьеру. Он и раньше боялся, что с Мари может случиться что-нибудь нехорошее, ведь она каждый день виделась с мсье Кюзенаком, но теперь... Да он потеряет покой и сон! Но Пьер все равно узнает, рано или поздно.

Пьер, войдя в дом, стал отряхивать свои сабо. Мари подбежала и поцеловала его в щеку. Молодые люди обменялись нежными взглядами. Нанетт улыбнулась: эти двое вскоре поженятся, и к ворожке не ходи...

* * *

Не судьба была Амели Кюзенак покинуть «Бори»: за три дня до предполагаемого отъезда мадам вдруг стало плохо, и она упала прямо

посреди своей комнаты.

Мари услышала звук падения. Испуганная девушка поднялась по лестнице и без стука открыла дверь. Увидев, что хозяйка без сознания, Мари стала громко звать на помощь.

Жан Кюзенак и Алсид в это время стояли на пороге дома и говорили о лошадях. Услышав крик Мари, хозяин бросился в дом. Свою супругу он нашел лежащей на полу лицом вниз.

— Мари, прошу тебя, ты попроворнее Апсида, беги за доктором...

Девушка была уже на пороге комнаты, когда он остановил ее:

— Нет, останься здесь. Алсид тебе поможет положить ее на постель, а я поеду в поселок. Мою лошадь еще не расседлали...

Время для Мари тянулось невыносимо долго, когда она сидела возле женщины, которую вполне можно было принять за покойницу. Алсид предпочел дожидаться хозяина в кухне.

— Смотреть, как хозяйка лежит и не шевелится... У меня кровь стынет в жилах! Пойду налью себе рюмочку...

Наконец за рулем собственного новенького автомобиля прибыл доктор. Жан Кюзенак обогнал его, пустив коня галопом.

Мари вышла из спальни хозяйки и поспешила в кухню, где Алсид выпил уже не одну «рюмочку».

— Ну что, как она?

— Пока я сидела с ней, мне сто раз казалось, что она отдала Богу душу! Но мадам еще дышит, правда едва-едва...

Алсид перекрестился и нетвердой поступью вышел из кухни. Мари попыталась вернуться к своим обычным делам, но она так разволновалась, что все валилось из рук. Девушка села и стала с тревогой прислушиваться к доносящимся со второго этажа голосам.

Спустя полчаса доктор и Жан Кюзенак спустились и заперлись в гостиной. Разговор вышел долгим. Потом хлопнула входная дверь и зарычал мотор автомобиля.

Жан Кюзенак вошел в кухню. Мари и представить себе не могла, каким облегчением для него в этот тяжелый момент было увидеть ее сидящей у печки, такую милую, хотя и озабоченную... Хозяин достал бутылку сливовой «о-де-ви», чистый стакан и наполнил его почти до краев. Глядя перед собой невидящим взглядом, он осушил стакан в три глотка и повалился на стул напротив девушки.

Первый раз с той ужасной ночи, когда ему пришлось защищать Мари от Макария и нападок супруги, Жан Кюзенак посмотрел Мари в глаза.

После продолжительного раздумья он сказал:

— Доктор думает, что это апоплексический удар. Он будет здесь завтра утром. Но надежды мало.

— Какое горе, мсье! Я буду от всего сердца просить Господа, чтобы мадам стало лучше! — пробормотала Мари.

Жан Кюзенак махнул рукой и горько усмехнулся:

— Это монахини научили тебя молиться за тех, кто причинил тебе зло?

Мари почувствовала, как кровь приливает к ее щекам, но ответила не опуская глаз:

— Мадам не сделала мне ничего плохого, мсье. Она не была счастливой. Иногда несчастье делает человека злым.

Жан Кюзенак поставил локти на стол и спрятал лицо в ладонях. Его плечи нервно задергались. Мари с ужасом поняла, что мсье плачет — здесь, в ее присутствии!

— Верь мне, Мари, я сделал все, что мог, чтобы она была счастлива! — наконец глухо проговорил мсье Кюзенак.

— Я верю вам, мсье!

Жан Кюзенак выпрямился, достал из кармана платок и вытер глаза. Он был очень расстроен.

— В первые годы после свадьбы я дарил ей все, что она хотела. Я покупал и покупал — мебель, красивые платья... Я посадил всюду розы, лилии, жасмин... Но главное несчастье — это то, что у нее не было детей. И ее сердце, и без того сухое, стало жестким, как камень.

Он встал и тяжело вздохнул:

— Пойду к ней. Можешь сварить легкий бульон?

— Да, мсье. Хотите, я пошлю Алсида за Нанетт?

— Пока не стоит. Я хочу побыть вдвоем с Амели. Надеюсь, она меня услышит, мне нужно с ней поговорить...

* * *

Амели Кюзенак умерла ночью. Супруг ни на секунду не отходил от изголовья ее кровати. Мари легла спать далеко за полночь, сама не своя от тревоги.

Ей было очень жалко хозяйку. Девушка не вспоминала о ее неуживчивом нраве и о том, с каким презрением хозяйка о ней отзывалась. Теперь для нее мадам Кюзенак была женщиной, которую поразила неизвестная и опасная болезнь. Она была жертвой... Мари долго молилась

о ее выздоровлении, когда вернулась в свою комнатку под крышей. Тогда же девушке в голову пришло, что отныне ее будущее под угрозой. Куда ей деваться, если мадам Кюзенак умрет?

Как сказала бы Нанетт, полному жизненных сил вдовцу не пристало оставлять у себя на службе молоденькую девушку. В поселке и так судачат, а что же будет, если...

Мари не сразу удалось уснуть. Было очень жарко, хотя окно она оставила открытым, да еще донимали комары. В памяти всплыло напряженное лицо Пьера. Он приходил в Большой дом сегодня в семь вечера. Она посоветовала ему говорить потише и шепотом объяснила, что мадам стало плохо.

Огорченный Пьер ушел. Трагическая атмосфера дома действовала на девушку удручающе. Она догнала Пьера на дороге, там, где густые ветви сосен давали освежающую тень.

— Пьер, мой хороший! Не расстраивайся! Твоя мать говорит, что мы сможем обручиться в следующем году!

И тут с ее красивых губ сами собой слетели слова:

— Пьер, я тебя люблю!

Юноша сжал ее в объятиях:

— Мари! Я счастлив это слышать! Значит, ты и правда меня любишь...

Губы Пьера нашли ее губы, но не настойчиво и не жадно. Этот поцелуй был уважительным, сладким и очень нежным. Он стер постыдные воспоминания о поцелуях Макария. Мари заснула, вспоминая этот драгоценный поцелуй, символ их взаимной любви. И ей казалось, что у Пьера хватит сил, чтобы защитить ее от любой напасти.

* * *

Похороны Амели Кюзенак состоялись в Прессиньяке, и на них присутствовали все местные жители. Мадам — женщину с большими претензиями, которая редко улыбалась, а смеялась и того реже, — в этих краях не любили, но она была супругой щедрого и работающего землевладельца и родилась на лимузенской земле...

Нанетт бодрствовала подле умершей вместе с Жаном Кюзенаком. Мари недолго побыла с ними, но от запаха расставленных по вазам веток самшита, от света свечей, от вида застывшего лица мадам ей стало так плохо, что Нанетт взглядом показала, чтобы она вышла из комнаты.

Половину ночи девушка провела в саду, на каменной скамейке. Росшие вокруг красные розы источали дивный аромат. Сквозь еловые ветви были видны клочки темно-синего неба, украшенные россыпью звезд.

Что чувствовала Мари, сидя в саду «Бори» в эту ночь, она расскажет только много лет спустя. Как объяснить это странное впечатление? Девушке вдруг показалось, что эти деревья, стены этого дома, эти розы и это небо нашептывают ей, что отныне она неразрывно связана с этим местом и что все здесь принадлежит ей...

Когда церемония закончилась и гроб засыпали землей, когда присутствующие по очереди подошли к мсье Кюзенаку и выразили свои соболезнования, хозяин «Бори» спросил у Нанетт, может ли он поужинать с ними, на ферме.

Вот так и вышло, что они впятером сели за большой стол в доме, который был Мари так дорог. В очаге спокойно горел огонь, Нанетт приготовила салат из овощей и омлет.

Ели молча, чувствуя себя стесненно из-за присутствия хозяина. Муссюр ничего не замечал. Он был погружен в невеселые размышления.

Когда Мари подала десерт — миску с творогом и варенье, — Жан Кюзенак посмотрел на девушку и сказал:

— Я не хочу, чтобы в моем доме что-то менялось. Мари остается на своем месте. Мне плевать, что скажут кумушки. Я доволен ее работой. И поскольку с вами я могу быть откровенен, то скажу сразу: теперь я буду жить так, как считаю нужным. Буду принимать старых друзей, господина мэра, двоюродных братьев из Шабанэ... Моя супруга, — да упокоится ее душа с миром! — не хотела видеть в доме гостей. И я никогда не понимал почему. Но ссориться не хотел, поэтому уступал. И только Макарию было позволено у нас обедать и даже класть ноги на наши кресла!

Нанетт, слушая хозяина, кивала на каждом слове, как если бы давно все это знала. Жак потирал подбородок. Пьер не сводил глаз с Мари, молчаливой и задумчивой.

Жан Кюзенак добавил:

— Мари — отличная повариха. Теперь у нее будет больше шансов продемонстрировать свой талант. Что ж, мне пора возвращаться.

Он встал, взял свою шляпу. И сказал, чуть понизив голос и обращаясь к Нанетт:

— Пусть Мари останется сегодня у вас! Ей нужно отдохнуть, а мне — побыть одному.

Они сидели и смотрели, как он выходит за дверь и пересекает двор. Мари даже не успела его поблагодарить. Этим вечером она словно увидела

хозяина совсем другими глазами. Оглядываясь назад, девушка пришла к выводу, что мсье Кюзенак всегда относился к ней с добротой и вниманием. Уже этим одним он заслужил ее уважение. А может, и сочувствие: ему не дано было в жизни вкусить такого блаженства, как взаимная любовь...

Пьер, не смущаясь присутствием родителей, положил руку Мари на плечо:

— Тебе не обязательно возвращаться к нему, Мари. Мадам Боннафи, жена мэра, ищет горничную. Она попросила меня переговорить с тобой. Я буду спокоен, зная, что ты работаешь в поселке!

Нанетт хотела было высказать свое мнение по этому вопросу, но подумала, что Мари достаточно взрослая, чтобы решать самостоятельно.

— Сынок, ты слишком торопишься! Вы ведь с Мари еще не женаты! — сказал, усмехнувшись, Жак. — Да и у нее умишко имеется, она сама решит, где ей работать!

Мари улыбнулась. Как это здорово — видеть их всех вместе, слушать их разговоры! Она теперь точно знала, кто ее настоящая семья... И все-таки это не помешало ей ответить твердо:

— Я останусь в Большом доме. Мсье Кюзенак — хороший человек, и я уже привыкла там жить. Не сердись на меня, Пьер! Не думаю, что ты смог бы являться в дом господина мэра по десять раз на день, без стука и в грязных сабо!

Нанетт рассмеялась, и Жак вслед за ней. Пьер почувствовал себя глупо, но присоединился к всеобщему веселью. Щеки Мари покраснелись. Девушка светилась от счастья...

Глава 11

Исповедь

Над «Бори», который Мари успела полюбить всем сердцем, собиралась гроза. Нанетт пришла в хозяйский дом вместе с ней. Стоило им войти в кухню, как за окном совсем потемнело и начался сильный дождь.

— Знаешь, мне все еще не верится, что мадам нет, — тихо сказала девушка, бледнея.

— Меня это не удивляет. Поэтому-то я и пришла с тобой. Пойду наведу порядок в ее комнате, если, конечно, хозяин позволит. Я ведь давно ее знаю! Когда я пришла работать в их дом, ей едва исполнилось пятнадцать.

Жан Кюзенак не стал возражать. И все же, как только Нанетт, сняв постельное белье и закрыв ставни, вышла, он запер комнату умершей жены на ключ.

— Когда-нибудь я отремонтирую эту комнату, и она послужит еще кому-нибудь. А пока я не хочу туда заходить.

В четыре часа дня Нанетт ушла. Дышащая свежестью природа радовалась вновь выглянувшему солнышку...

Мари со страхом смотрела в будущее. Однако жизнь в доме текла как обычно. Мсье Кюзенак спускался кушать в столовую, за столом он читал лиможскую газету, которую выписывал. После обеда он садился на лошадь и уезжал осматривать свои владения. Каждое утро он вежливо здоровался с девушкой, отдавал распоряжения, а вечера проводил в гостиной.

Через два месяца после похорон мадам в доме появился первый гость — животновод из Сен-Жюньена.

К началу зимы Мари не раз пришлось готовить изысканное угощение для гостей — хорошо образованных мужчин, приехавших к Жану Кюзенаку поговорить о политике, скачках или сельском хозяйстве. Они не скупались на похвалы молодой кухарке, и воодушевленная Мари каждый раз старалась превзойти самое себя.

Пьер, которому Мари, приходя на ферму, каждый раз рассказывала, что у нее все в порядке, все реже демонстрировал беспочвенную ревность: его будущая невеста была такой спокойной, вела себя так благоразумно, что у него при взгляде на девушку исчезали все дурные мысли.

Что до Мари, то девушке было нечего скрывать, кроме, пожалуй, того

удовольствия, которое она испытывала, ощущая себя полноправной хозяйкой Большого дома на холме...

В ноябре рано пришли холода, и однажды вечером привычный жизненный уклад в доме нарушился. Уже не первый год Мари мерзла в своей каморке под крышей. Вот и в этот вечер она снова пожалела, что нельзя лечь спать прямо в кухне.

Она как раз начала раздеваться, когда в дверь постучали. От удивления девушка потеряла дар речи. Сердце ее забилось часто-часто. Она вспомнила тот ужасный вечер, когда Макарий хотел надругаться над ней.

Вошел взволнованный Жан Кюзенак. Увидев выражение лица девушки, он воскликнул:

— Не бойся, дитя мое! Нужно было сказать тебе об этом за ужином, но я — старый дурак... Я от природы робок, а перед тобой и вовсе теряюсь...

Мари застыла, и только руки сильнее сжали шаль на груди. Он махнул рукой и сказал:

— Я не хочу, чтобы ты тут жила. Это была идея моей жены. Послушай, Мари, на втором этаже есть комната, где спала моя мать, когда приезжала к нам в гости. Я уже развел огонь в камине. Бери свою постель и ступай туда. Это теперь будет твоя спальня. Завтра ты там все приберешь и перенесешь остальные вещи.

Мари не знала, что и думать. Спать на втором этаже! Она поняла, о какой комнате говорил Жан Кюзенак, потому что не раз проветривала ее и натирала там мебель и паркет.

Девушка считала, что это — самая красивая комната в «Бори», окна ее выходили на юг, и из них были видны Волчий лес и луга. Камин был отделан розовым мрамором, а на каминной полочке стояла красивая бронзовая статуэтка — женщина с ланью.

Вспомнив предостережения Пьера, Мари пробормотала:

— Но мсье... Зачем? Мне и здесь хорошо. И что скажут люди, если узнают?

Мсье Кюзенак пожал плечами.

— Много месяцев я украдкой приносил в твою комнату грелку, — тихо сказал он. — Или ты думала, что это мадам заботится о тебе?

Мари отрицательно помотала головой. У нее было одно желание — чтобы хозяин ушел как можно быстрее. Пусть он поскорее выскажет все, что хочет, а потом она закроет дверь и спрячется под одеялом...

Но мсье Кюзенак подошел ближе, его глаза блестели. Девушка с

ужасом вспомнила, что сегодня вечером он выпил больше обычного.

— Крошка Мари, ничего не бойся! Я так одинок и чувствую себя таким несчастным! Я хочу, чтобы ты спала в этой комнате, в спальне моей матери, и у меня есть на то причины. Моя мать была такой же доброй и милой, как ты, и такой же красивой — в твои годы...

Силы оставили девушку. Минута — и случится то, чего она больше всего боялась. Нужно было бы закричать, оттолкнуть его, но она не могла. Никогда не доводилось ей быть в его обществе так долго, видеть этого мужчину так близко — это красивое лицо с прямым носом и ласковыми черными глазами, отмеченное увяданием, которое неизбежно приходит вместе с пятидесятилетним юбилеем даже к самым обольстительным красавцам и красавицам...

Жан Кюзенак долго смотрел на девушку, потом протянул руку и погладил ее по щеке.

Мари произнесла со слезами в голосе:

— Мсье, прошу вас! Уходите! Не поступайте со мной плохо! Скоро я обручусь с Пьером...

Произнесенное ею имя, казалось, потрясло Жана Кюзенака и вывело его из оцепенения. Мари решила было, что он рассердится, но этого не случилось. Поразмышляв минуту, он решился:

— Я схожу с ума, дитя мое! Придя сюда, я не подумал, что ты можешь испугаться. Мари, если бы ты знала, как я хочу обнять тебя, прижать к сердцу... Но прежде я должен тебе кое в чем признаться. Когда ты выслушаешь меня, сама решишь, как тебе поступить. Ничего не бойся и идем со мной. Нам будет уютнее в гостиной. Я приготовлю грог, и тебе сразу станет лучше.

Мари подчинилась, как подчиняются палачам. Она спустилась в гостиную и позволила усадить себя в кресло у камина. Жан Кюзенак подбросил в огонь новое полено. Потом Мари услышала, как он гремит посудой в кухне.

Слова, сказанные с волнением, заинтриговали ее своим скрытым смыслом: «Ты сама решишь... Если бы ты знала, как я хочу обнять тебя!»

Он вернулся, неся на подносе две дымящиеся чашки. Хозяйин и горничная, казалось, поменялись местами. И Мари еще не осознавала, насколько...

Жан Кюзенак сел по другую сторону камина. Так он мог говорить, глядя на огонь, а не на девушку. Чашки и вазу, полную конфет, он поставил на круглый столик на одной ножке.

— Угощайся, Мари! Или ты не любишь конфеты?

— Люблю, мсье.

Мари отпила пару глотков, съела карамельку. Происходящее казалось ей настолько нереальным, что она не осознавала, что пьет и что ест. Однако обжигающий напиток со спиртным сделал свое дело: мысли девушки прояснились, и она решила, что в случае необходимости будет отчаянно защищать свою честь. И все-таки ей не терпелось услышать, что же такое важное он хочет рассказать. Догадываясь, что происходит в душе у девушки, хозяин дома начал свой рассказ:

— Мари, мне было тридцать пять, когда я женился на Амели. Да, я уже не был наивным юношей. Моим родителям очень хотелось, чтобы я женился, и, скажу откровенно, Амели мне нравилась. Она была миленькой, веселой, но за этой привлекательной маской скрывалась ее истинная натура — она оказалась женщиной расточительной, холодной, раздражительной. Я очень скоро понял, что ошибся. Но, увы, было слишком поздно! К тому же я не знаю почему, но у нас не было детей. Скоро у меня вошли в привычку долгие прогулки на лошади — это был повод сбежать из дому... И однажды я повстречал девушку, прямо на дороге! Это случилось весной. Она была в розовом платье, с распущенными длинными волосами. Я вижу ее перед собой, как в тот день, — ее соломенную шляпку, ее восхитительное лицо и прекрасные глаза... Ведомый любопытством, я остановился и поздоровался. Она погладила моего коня. Я понял, что просто не могу от нее уехать. Я спешился, мы сели на траву и долго разговаривали. В этот день я узнал, что девушку зовут Марианна иона — актриса театральной труппы в Бриве. Но как она оказалась здесь, посреди полей и лугов? Ответ на этот вопрос я узнал позже. Но на тот момент меня это не интересовало. Она была так хороша! Я попрощался с ней, чувствуя смятение в сердце, и был уверен, что мы больше никогда не увидимся. Но на следующий день я приехал на то же место, и она была там! Я уже был влюблен в нее до безумия. Я не знал, что такое настоящая любовь, это чувство поймало меня в ловушку. Прошло сколько-то дней, и Марианна ответила на мою страсть. Я испытывал мгновения полнейшего счастья. Потом, не сказав мне ни слова, она исчезла. Я думал, что сойду с ума. Объехал весь край, спрашивая, не знает ли кто, где ее найти. Не сердись на меня, Мари, что я рассказываю тебе о таких интимных вещах, я должен это сделать, и ты скоро поймешь почему.

Наконец в маленьком поселке, что близ Массиньяка, я встретил престарелую женщину, которая сказала, что Марианна две недели жила у своей тети, приехала к ней отдохнуть. Я не осмелился нанести визит родственнице девушки, которая проживала в маленьком домике возле церкви.

Если бы ты знала, как я страдал, лишившись возможности видеть ее! Я любил ее всей душой, я хотел начать с ней жизнь заново, привезти ее сюда, в «Бори», баловать и нежить ее...

Всю весну я ждал, что она вернется. И вот в июне, когда я начал терять надежду, я встретил ее на опушке Волчьего леса...

Мари, слушавшая повествование с живейшим интересом, не удивилась, услышав его последние слова. Жан Кюзенак, все так же не отрывая взгляда от языков пламени, продолжал рассказывать:

— Я так радовался, что вижу ее снова! Марианна объяснила причину своего отсутствия. Она получила роль в пьесе и предпочла уехать не попрощавшись. Я тотчас же ее простил, потому что она все-таки вернулась! Ты знаешь, как красиво у нас в июне. Мне хотелось день и ночь быть вместе с Марианной! Мы встречались возле источника в Волчьем лесу. В то время его не окружали так плотно кусты и деревья. Я был на своей земле, и мой отец строго-настрого запретил местным жителям ходить в этот лес, потому что там росли белые грибы. Бедный отец! Это стало для него навязчивой идеей: собирать самые лучшие грибы, а потом исследовать их... Разумеется, я рассказал Марианне правду о своем положении — что я женат на женщине, которую не люблю и которая презирает меня за то, что я не сделал ее матерью. Но родителям я не мог даже намекнуть о разводе. Меня скорее бы простили, заведи я любовницу. Однако сама мысль так вероломно поступить с Марианной была мне противна. Марианна, со своей стороны, призналась, что к тете она приехала в надежде спрятаться от навязчивых ухаживаний одного богатого нотариуса. Она была так молода и так кротка... Мы решили забыть обо всех наших горестях и отдались во власть светлой и нежной любви, которая соединила наши души. Я даже осмелился поклясться, что буду ей верен и всегда смогу ее защитить. Это произошло там же, у источника, потому что старики в поселке говорили, будто он наделен волшебной силой. Марианна смеялась, ей это казалось ребячеством. В начале сентября, после нескольких счастливых недель она снова исчезла, но на этот раз оставила мне письмо. Я сжег его, не помня себя от гнева и горя. Я чувствовал себя преданным, покинутым. Мы виделись часто, и нам удавалось скрываться ото всех, поэтому я, как идиот, решил, что Марианна навсегда останется в наших краях. Я предложил ей

переехать жить в Массиньяк, у меня там был дом. Она не стала отказываться наотрез, думаю, ей этого хотелось... Однако новости о ней я получил только в следующем году, в марте, в письме, подписанном некой Катрин. Она писала от имени Марианны, которая была слишком слаба. Так я узнал ее адрес в Бриве. Я сел на поезд, но приехал слишком поздно, потому что моя дорогая Марианна умерла, подарив жизнь маленькой девочке. Она скрыла от меня свою беременность, без сомнения, чтобы не нарушать ход моей жизни, не беспокоить мою семью... Не портить эту беспросветную жизнь, не огорчать супругу, на которую я уже не мог смотреть... Новорожденная девочка исчезла. Роды у Марианны были очень сложные, и ей сразу стало плохо. Фатальный исход был неизбежен. Акушерка, ввиду бедности дома и тяжелого состояния матери, отнесла ребенка в больницу.

Мари затаила дыхание. Каждое слово ранило ее, но в сердце зародилась и стала расти робкая, несмелая радость. Жан Кюзенак выглядел подавленным. Он сказал тихо:

— Я поступил как трус, Мари. Более достойный человек перевернул бы вверх дном весь город, чтобы узнать, где обретается его ребенок. Я же отказался от поисков, будучи слишком удрученным смертью Марианны. Я пошел на могилу той, которую любил, и увидел простой холмик с деревянным крестом. Я плакал, молил о прощении, но осознавал, что все кончено. И тогда я подумал о своей новорожденной дочери. Какое будущее ждет ее, если я ее найду? Что я скажу Амели? Что хочу удочерить дитя неизвестных родителей? Моя супруга никогда не смогла бы полюбить ребенка, который не был бы ей родным по крови. Она уже отдала всю нерастратченную материнскую любовь своему племяннику, Макарию.

Я уехал из Брива сам не свой от стыда и горя. Я столько времени мечтал о ребенке — и вот теперь бросил на произвол судьбы маленькую девочку, которая, возможно, унаследовала красоту, добрый нрав и ум своей матери...

Прошло несколько лет, наихудших в моей жизни. Меня так измучила совесть, что я написал в епархию Брива с просьбой сообщить мне адреса всех приютов в департаменте.

Мари плакала. Слезы побежали по щекам сами собой еще в середине этой берущей за душу исповеди, открывшей ей тайну ее появления на свет. Родители, о которых она так долго мечтала, которых снова и снова пыталась себе представить... Теперь девушка знала, кто они. Жан Кюзенак не осмеливался поднять глаза. Он не видел этих слез счастья...

— В ходе переписки я узнал, что монахини конгрегации Святого

Сердца Девы Марии в Обазине взяли в приют девочку, которой едва исполнилось три года. Мать-настоятельница сообщила, что эта девочка родилась в марте 1893 года — это были месяц и год рождения моей дочери. Новорожденного младенца принесли в больницу Брива. Ее назвали Мари, по воле умершей матери. Втайне от супруги я стал регулярно помогать приюту в Обазине деньгами. Мне не хотелось, чтобы моя дочь, которой было изначально уготовано счастливое детство в моем доме, была обязана пищей и одеждой одним лишь щедрым благодетелям из Брива. Также я знал, что в приюте о воспитанницах очень хорошо заботятся. Но в глубине души я понимал, что этого недостаточно. И я решил съездить и посмотреть на свою дочь, хотя очень этого боялся. Что сказать этой маленькой девочке, которую я обрек расти без семьи, без любви? О Мари, прошу, прости меня! Скажи мне, что ты прощаешь...

Жан Кюзенак разрыдался, на его согбенных плечах, казалось, покоился груз ошибок прошлого. Мари, которая тоже плакала, не смогла произнести ни слова утешения. Он же решил, что она презирает его, сердится...

— Моя дорогая девочка! Ты показалась мне такой славной, когда я увидел тебя там, в приемной! Такая хрупкая, такая худенькая и с длинными темными волосами... Я сразу понял, что ты — моя дочь, потому что ты была похожа на Марианну и в то же время на мою мать, я видел ее портреты в твоём возрасте. Мне так хотелось забрать тебя с собой, рассказать правду, но я не осмелился. И я уехал домой с разбитым сердцем. У меня было одно желание — забрать тебя к себе, видеться с тобой каждый день. Вернувшись, я во всем признался Амели. Умолял ее простить меня. Ведь столько времени прошло! Я думал, что она сможет меня понять и согласится взять тебя к нам. Амели смотрела на меня долго, как если бы впервые увидела. Потом, с трудом сдерживая гнев, она заявила: «Я знала, что ты способен на такое, Жан. Ты — лжец и распутник. Ты презираешь Макария, моего бедного племянника, а сам хочешь навязать мне свою внебрачную дочь, плод давнишней любовной интрижки! Я не могу помешать тебе привезти эту девчонку в поместье, но у меня есть условие: она приедет, чтобы заменить Фаншон. Да, она будет жить в доме как служанка, но не как твоя дочка. Только так и не иначе. Хватит с меня того, что я буду видеть ее каждый день. Так что подумай хорошенько! Твоя Мари может поселиться в поместье, но она не будет знать, что она — твоя дочь. Этого еще не хватало!» У меня не было выбора. Нужно было смириться, если я хотел узнать тебя поближе, видеться с тобой. Я сказал себе, что настанет день — и ты узнаешь правду, и тогда я сделаю все, чтобы залечить

раны твоей души. Амели торжествовала, она предвкушала, каким для нее удовольствием будет видеть тебя служанкой в доме твоего собственного отца. Я уверен, она обо всем рассказала Макарию. И быть может, он издевался и пугал тебя именно с ее подачи. Такова, Мари, печальная реальность. И вот однажды она привезла тебя на землю, которая принадлежала тебе по праву. Бедняжка, ты чуть не умерла, оказавшись здесь, после той ужасной поездки под ледяным дождем! Твоя болезнь была на руку Амели. Она нашла повод не подпускать тебя близко к дому в первые месяцы. Она говорила мне, что ты ей не нравишься. И я покорялся из страха потерять тебя. Мари, теперь ты меня понимаешь? Я, по меньшей мере, имел счастье видеть тебя все эти пять лет, я пытался смягчить твою участь... Я сгорал от стыда, ведь моя дочь работала в моем доме горничной и кухаркой! И все-таки я мог хоть как-то заботиться о тебе, опекать тебя...

Мари не помнила себя от волнения. Этот удрученный человек, который каялся перед ней в своих ошибках, — ее отец... Только это имело значение. Он заботился о ней, тайно защищал, и теперь он просит у нее прощения... Он любит ее!

— Мсье, умоляю, не плачьте! — воскликнула девушка. — Я вас прощаю! Я так счастлива! Я боялась другого... Какая же я глупая!

Жан Кюзенак наконец поднял голову и выпрямился. Он увидел мокрые щеки Мари, ее счастливые и удивленные глаза. Личико ее стало почти детским — на нем были написаны и восхищение, и доверие...

— Мари, не говори мне больше «мсье»! — вскричал он. — Называй меня «папа»! Вот уже четыре года я мечтаю об этом денно и нощно! Мой Бог, если бы ты знала, как истово я молился после смерти Амели! Мне было стыдно за то, что я почувствовал себя освобожденным, я даже обвинял себя в том, что заставил ее страдать. Ночью, когда она была в агонии, я спросил: «Амели, ты меня прощаешь?» И мне показалось, что она смежила веки. И тогда я сжал ее руку в своей. Закрыв ей глаза, я поклялся, что остаток своей жизни посвящу тебе. Мари, отныне у тебя есть отец и есть дом. Я хочу сделать тебя счастливой...

Жан Кюзенак встал и протянул к Мари руки, и девушка бросилась в его объятия, плача и смеясь. Он нежно поцеловал ее в лоб, сам не свой от испытанного облегчения и счастья.

— Доченька, моя дорогая доченька!

Мари не осмелилась произнести вслух с таким нетерпением ожидаемое слово, но из души рвался крик: «Папа, папа, я люблю тебя!»

Им предстояло столько сказать друг другу...

Глава 12

Мари из «Волчьего Леса»

Проснувшись, Мари не сразу поняла, где находится. Ставни были закрыты, и в мягкой полутьме комната показалась девушке совсем не такой, какой она привыкла ее видеть по утрам последние четыре с лишним года.

И вдруг, в одно мгновение, она вспомнила события прошлой ночи. Исповедь Жана Кюзенака, слезы печали и радости...

Она уснула в прекрасной комнате, некогда принадлежавшей Аделаиде Кюзенак, ее бабушке. Мари снова и снова повторяла про себя слово «бабушка», и ей казалось, что за эти несколько часов она превратилась в другого человека. Вчера в шесть вечера она все еще была сиротой, которую взяли служанкой в дом некоего мсье Кюзенака, но наступило утро — и у нее есть отец, семья...

Еще полусонная, Мари услышала, как настенные большие часы в вестибюле пробили восемь. Сила привычки сделала свое дело: девушка моментально села в постели. Как могло случиться, что она не проснулась в шесть?! Не подала кофе! Не встретила Алсида!

— Господи милосердный! Пьер!

Мари соскочила с кровати. В спешке натягивая платье, она заметила, что в камине догорают угли. Так вот почему в комнате было так тепло...

Выходя из своей новой комнаты, Мари пыталась привести мысли в порядок. Панический страх обуял девушку, когда она предположила, что мог подумать Пьер. Юноша наверняка стучал в заднюю дверь кухни, когда увидел, что внутри не горит свет. Он вполне мог решить, что Мари заболела, и пойти будить мсье Кюзенака или попросить у Алсида запасной ключ и подняться наверх, в каморку под крышей. А Мари там не оказалось...

— Господи, сделай так, чтобы Пьер еще не ушел!

Девушка прошла по коридору, спустилась со второго этажа на первый все еще с ощущением нереальности происходящего, возникшим утром после пробуждения.

Дом выглядел абсолютно пустым, однако во всех каминах первого этажа горел огонь. Мари надела свой белый фартук и принялась за привычные дела. Прежде всего она сварит себе хороший кофе, а потом как следует все обдумает...

Она села за стол и подперла кулачком подбородок. Однако раздумья принесли больше вреда, чем пользы. Радость девушки вскоре померкла. Ведь Жан Кюзенак не предоставил никаких доказательств правдивости своих слов! Действительно ли он ее отец? Даже если это так, он не сможет представить в качестве дочери своим друзьям и соседям девушку, которая больше четырех лет работала в доме горничной. Люди решат, что он сошел с ума или просто лжет, и языки сплетников замолотят с новой силой.

Скромная и нетщеславная от природы, Мари понимала, что никогда не сможет комфортно чувствовать себя в новом качестве — дочерью зажиточного землевладельца. А как же Нанетт? И Пьер? Согласится ли Жан Кюзенак на то, чтобы они обручились? Она еще несовершеннолетняя, и слово отца будет решающим.

Мари подумала о Нанетт, вспомнила, с каким выражением лица та прошептала «магические слова»: «Вспомните Волчий лес!»

Но ведь это значит, что Нанетт знала! Знала о Марианне и Жане Кюзенаке! Но откуда? И почему она ничего не рассказала Мари?

Часы в вестибюле пробили девять раз, и девушка вздрогнула. Пришло время готовить обед. Скоро вернется Жан Кюзенак. Обычно он вставал очень рано.

Мари со вздохом поднялась. Она решила сделать то, о чем всегда мечтала. Алсид удивился, увидев, что девушка вошла в конюшню и замерла, с наслаждением вдыхая запах соломы и лошадей.

— Вот это да! Как ты тут очутилась, крошка Мари?

Девушка прошла вглубь помещения, с восторгом глядя по сторонам. Она знала, что отец обожает бывать в конюшне. Ее отец... Мари не смогла бы объяснить почему, но теперь она точно знала, что это правда.

— Я ищу хозяина, Алсид. Ты видел его утром?

— Конечно видел! Он оседлал свою кобылу и уехал, а вместе с ним — и этот противный северный ветер, от которого мерзнут руки!

Мари собралась уходить, когда Алсид добавил:

— Твоего Пьера я тоже видел! Он чуть было не разбил окно в кухне, пока ждал тебя, а ты все не шла. Я сказал, чтобы он оставил молоко на пороге и шел восвояси. На твоём месте, моя девочка, я бы не выходил замуж за такого ревнивого парня! Перед таким часто придется оправдываться...

Мари вернулась в кухню. Она постоянно посматривала из окна на дорогу, но никто не поднимался к Большому дому — ни всадник, ни черноволосый юноша. Когда ожидание стало нестерпимым, девушка взбежала по лестнице в свою прежнюю спальню, чтобы перенести вещи в

комнату на втором этаже.

На лестничной площадке она столкнулась с Пьером. К груди Мари прижимала свои немногочисленные одежды и несколько книг. Запыхавшийся Пьер посмотрел на нее растерянно. Потом, увидев, что за вещи у нее в руках, спросил глухим голосом:

— Что это ты делаешь? Мари, скажи, что происходит? Ты переезжаешь? Хозяин пронесся мимо нашего дома галопом сегодня утром...

— Пьер, не волнуйся! Идем в кухню, там ты согреешься. Мне надо кое-что тебе рассказать.

Положив вещи у стены, девушка взяла Пьера за руку и повела в кухню. Он пошел за ней послушно, как маленький ребенок.

Не прошло и десяти минут, как раздался крик Пьера:

— Я тебе не верю! Муссюр — твой отец! Ты все это придумала, чтобы скрыть от меня правду! Ты ему уступила! И теперь ты будешь жить в доме хозяйкой... Красивая спальня, деньги... Этот старый мошенник не придумал ничего лучшего, как украсть у меня невесту!

Мари заплакала. Она впервые увидела Пьера таким разгневанным, и ей стало страшно. Своими словами ее возлюбленный измарал и разрушил ее надежды на спокойную жизнь в окружении тех, кого она любила.

— Пьер, ты не имеешь права называть меня лгуньей! Я не сделала ничего плохого, клянусь в этом перед Господом и Пресвятой Девой Марией! Я так обрадовалась, что у меня теперь есть отец...

Пьеру вдруг стало стыдно. А что, если это все-таки правда? Мари всегда была сама честность, он это прекрасно знал. Рыдая, девушка сказала:

— Спроси у своей матери! Нанетт знает, что я не вру. Иди и спроси, тогда ты поверишь...

Пьер решил, что его выгоняют. Уходя, он оглянулся. Мари сидела за столом, уронив голову на руки, и плакала. И тут он понял, что причина его гнева — не только предполагаемая измена невесты.

Если Мари и вправду дочь Жана Кюзенака, то теперь им точно никогда не быть мужем и женой. Девушка станет общаться с людьми иного круга, превратится в хозяйку огромного дома... Разве такая выйдет замуж за сына фермера?

Он вышел пятясь, неловкий, несчастный. Алсид, явившийся узнать новости, стоял и смотрел, как Пьер, словно сумасшедший, несется вниз по дороге...

— Мари! Моя дорогая девочка! — донесся до девушки радостный голос Жана Кюзенака.

Она подняла голову с мокрой от слез подушки. Как бы ей хотелось поддержать игру, крикнуть весело: «Я тут, папа, в своей комнате!», но она решила, что это было бы нелепо.

Тяжелой была минута, когда Мари поняла, что ей придется выбирать между богатым отцом и бедным женихом. Она с трудом поднялась и села на край кровати. Жан Кюзенак постучал в дверь.

— Мари, ты тут?

— Да!

Мсье Кюзенак вошел, заранее радуясь тому, что увидит свое дитя в теплой и уютной комнате. Увидев же ее заплаканную, в черном поношенном платье, он испытал шок.

— Крошка моя, что случилось?

Мари наконец увидела в этом мужчине отца, чье сердце переполнено нежностью. Гневные слова Пьера очень ее расстроили, она снова и снова прокручивала их в голове...

— Ах папочка, мне так грустно... — жалобно пробормотала она. Мсье Кюзенак обнял дочь и стал нежно гладить ее по волосам.

Он баюкал ее, осыпал ласками, как если бы хотел стереть из ее памяти годы одиночества, унижений, страха и холода.

— А теперь, дорогая, расскажи, что произошло. Не хочу больше видеть тебя в слезах! Я с утра не нахожу себе места от радости!

Прижавшись к отцовскому плечу, Мари рассказала ему о своих горестях — о том, что Пьер с первого дня, как она переселилась в господский дом, стал подозревать нехорошее, о его ревности, о том, как он рассердился на нее сегодня утром...

Жану Кюзенаку Пьер всегда очень нравился. Еще два года назад он понял, какие чувства связывают их с Мари, и тогда же пообещал себе подумать над этой ситуацией. Но сегодняшней день мсье Кюзенак решил превратить в праздник, и он не мог позволить вспыльчивому юноше все испортить!

— Мари, не стоит так расстраиваться. Со временем все станет на свои места. У нас еще будет время об этом поговорить. Бросив тебя на произвол судьбы, я совершил самый большой грех в моей жизни. И должен искупить его. Я всем расскажу правду, и пусть пеняют на себя те, кто не захочет ее

принять. Мы проживем здесь счастливо и вдвоем, ты и я! Идем вниз, я приготовил тебе сюрприз! И помни: с сегодняшнего дня ты — мадемуазель Мари Кюзенак!

Часы показывали полдень. Бросив взгляд на циферблат, Мари, которая шла следом за отцом, удивилась. Столько времени она проплакала в своей спальне!

Жан Кюзенак казался теперь совсем другим человеком. Он говорил громким раскатистым голосом, смеялся, жесты и походка стали быстрыми и энергичными. Отец и дочь пообедали в столовой сыром и колбасой.

— Я выехал на рассвете и полдороги до Шабанэ неся галопом. Посмотри, что я тебе купил! Это только начало, скоро у тебя будет полный шкаф нарядов!

Мари смотрела, как отец открывает коробку и достает отделанное зеленой тесьмой коричневое бархатное платье. В другой коробке, поменьше, оказались муфта и шапочка из красивого золотисто-коричневого меха.

— Думаю, размер платья я угадал. Если нет, Нанетт его подгонит. Еще я купил тебе новые сапожки и шерстяные чулки. Мерку я снял с тех ужасных сабо, которые ты носишь...

— Вы правда это сделали?

На лице Жана появилась виноватая улыбка.

— Ты не представляешь, Мари, как я мучился, зная, что ты живешь на ферме! — ответил он. — Тебе часто приходилось возиться в навозе и грязи, тебе, моей дочери! Да и живя в доме, ты с достоинством носила эти ужасные обноски. Для меня было мучением видеть это! Скажи мне, дитя мое, почему ты не купила себе новое платье или сапожки на те деньги, что я подарил тебе на Новый год?

Жан Кюзенак смотрел на Мари. Девушка сидела в кресле и любовалась красивым бархатным платьем. Руки она сунула в меховую муфточку, на лице застыло мечтательное выражение.

— Папа, я очень благодарна вам за то, что вы ради меня ездили так далеко и встали так рано, — сказала она ласково. — Меня это очень трогает, но...

— И все-таки есть «но»! Говори смело, я успел немного узнать тебя, однако мне будет приятно, если ты станешь больше доверять мне в будущем...

Мари набрала в грудь побольше воздуха и решилась. Ей нужно это сказать, и чем скорее, тем лучше!

— Сегодня утром я много думала... Я очень счастлива, что у меня

теперь есть такой отец, как вы, но что скажут люди в Прессиньяке и ваши друзья? Овдовев, вы стали принимать больше гостей. Все, кто приезжал в «Бори», видели меня, ведь я подавала на стол, и в их глазах я всего лишь прислуга. Как объяснить им, что я вдруг стала вашей дочерью? Вам никто не поверит, они воспримут новость так же, как Пьер.

Жан Кюзенак вздохнул. Он с рассвета думал о том же.

— И я не буду чувствовать себя комфортно среди людей вашего круга, — продолжала девушка. — Я выросла в приюте, жила в доме Нанетт и была там очень счастлива. Я не осмелюсь надеть это красивое платье, в нем я буду ощущать себя... другой Мари, не той, что раньше. И мой Пьер! Я уверена, он очень расстроился, потому что весной мы собирались обручиться. И теперь он наверняка думает, что мы не сможем быть вместе. А ведь мои чувства к нему не изменились! Я не нарушу обещание, которое дала Пьеру, только потому, что я ваша дочь...

На глаза Мари снова навернулись слезы, и ее отец понуро опустил голову.

— Как странно устроен этот мир... Я хотел наверстать упущенное, обрадовать тебя подарками... Ты умнее меня, Мари. Мне казалось, все будет просто, когда ты узнаешь правду, но я ошибся.

— Если бы вы знали, как бы мне тоже хотелось, чтобы все было просто! — воскликнула она с печалью в голосе. — Как бы мне хотелось остаться здесь, с вами, потому что я чувствую, я полюбила бы вас всем сердцем!

Услышав ее последние слова, Жан Кюзенак затрепетал от радости.

— Мое дорогое дитя! Что мне до остальных, если ты меня любишь! Я врал и изворачивался многие годы. Пришло время быть честным. Ты, разумеется, права: мои друзья не поверят, если я расскажу им нашу историю. Ну и пусть, я перестану с ними встречаться, главное — у меня будешь ты, моя дочь! С сегодняшнего дня я перестану приглашать в дом гостей. И через несколько месяцев, если мне захочется повидаться с кем-то из старых друзей, я представлю тебя им как свою дочь. Что до жителей городка... У нас есть хороший союзник — твоя любимая Нанетт!

— Нанетт? — удивленно переспросила девушка.

— Именно! Ты отправись к ней немедленно! Тем более что тебе наверняка не терпится утешить Пьера. Надень новое платье, ступай к Нанетт и расскажи ей все, что я рассказал тебе вчера вечером. Она постарается, чтобы новость распространилась по всей округе. Люди какое-то время поговорят об этом в бистро, дома во время вечерних посиделок, а потом привыкнут. Господин кюре прочитает мне длинную проповедь, и к

следующей жатве все забудут, что когда-то было по-другому!

Мари улыбнулась. Отец всегда казался ей человеком немного рассеянным и далеким от мира сельских кумушек, но в этот раз он говорил истинную правду: как только схлынет первая волна удивления и любопытства, найдутся, как говорила Нанетт, новые «кошки для битья».

Мсье Кюзенак с радостью отметил, что в глазах девушки появилась надежда. После недолгого колебания он сказал мягко:

— Позволь мне дать тебе совет по поводу Пьера. Если ты и вправду его любишь, можешь быть спокойна. Я никогда не стану мешать твоему счастью, не пойду против твоей воли, потому что слишком много сам страдал оттого, что меня не любили и сам я не любил. Но ты еще очень молода, Мари, и ты не встречалась с другими молодыми людьми. Пьер необразован, он грубоват и ревнив. Подумай, в мире много других парней, которые могли бы тебе понравиться и с кем ты могла бы быть счастлива. Подумай хорошенько и не принимай поспешных решений. У тебя есть время. И вот еще что: скажи, тебе нравится этот дом?

Мари заговорила с энтузиазмом:

— Вы спрашиваете, нравится ли мне этот дом! Конечно! Когда я жила на ферме, я без конца смотрела на него. Мечтала переступить через порог и побывать во всех комнатах! Все эти годы, что я работала у вас, я все равно чувствовала себя счастливой, потому что жила в «Бори»...

Жан встал и взял дочь за руку:

— Значит, пока все хорошо. Иди переоденься, я хочу посмотреть на Мари «а-ля мадемуазель Кюзенак»!

Мари взяла новую одежду и поднялась к себе в спальню. В специальной комнатке она привела себя в порядок с помощью холодной воды, но к холодной воде она успела привыкнуть. Потом, сторя от волнения, надела бархатное платье. Из зеркала в большом шкафу на нее с изумлением смотрела румяная девушка. Нервно улыбнувшись, Мари стала расчесываться. Сапожки оказались чуть велики, но зато они были теплыми и удобными.

Наконец Мари решила, что готова. Легкой походкой она спустилась вниз и нашла отца в гостиной.

— Какая ты хорошенькая, моя крошка! Настоящая дама!

— Спасибо, папа! Вот только думаю, Пато меня теперь не узнает и не пустит за ворота!

Жан Кюзенак расхохотался:

— Собаке нет дела до нарядов и причесок! Для него ты всегда будешь Мари, его подружкой!

Повинуясь душевному порыву, девушка поцеловала отца. Как замечательно будет вечером вернуться от Нанетт в Большой дом! От радости Мари закружилась по комнате. И тут кое-что пришло ей в голову.

— Знаете, папа, как меня следовало бы звать?

— И как же?

— Мари из «Волчьего Леса»! Думаю, мне нужно взять старую шаль, потому что на улице наверняка очень холодно...

Оставшись в одиночестве, Жан Кюзенак предался размышлениям. У него была масса планов: одеть дочь по ее вкусу, купить ей драгоценности, красивые дамские вещицы — все то, чего она так долго была лишена. Но он уже понял, что для Мари все это имеет не слишком большое значение. Девушка не была кокеткой и нарядам наверняка предпочла бы книги, много книг. А еще, перед тем как выйти из гостиной, она сказала... Что же она сказала? Ах да, что хочет научиться ездить верхом!

«Это моя дочь, без сомнения!» — радостно подумал он.

Нанетт не сразу поняла, что за элегантная молодая женщина открывает калитку. Пато встретил ее как дорогую гостью. Прижавшись носом к стеклу, Нанетт тотчас же узнала милое улыбающееся лицо. Мари!

Нанетт ждала девушку и догадывалась, о чем пойдет разговор. Утром Пьер вернулся из господского дома не помня себя от огорчения, и матери долго пришлось отвечать на все его «почему?» и «как?».

После многочасового допроса матери расстроенный юноша ушел на чердак.

Мари вошла в дом. Вид у нее был смущенный. Но вскоре девушка забыла обо всем, так она была рада видеть свою дорогую Нанетт, которая раскрыла ей свои объятия:

— Иди я обниму тебя, моя крошка! Какая она приятная на ощупь, эта ткань! Ты пришла такая нарядная, а я как раз хотела попросить тебя помочь с овцами...

— Я помогу тебе, если ты дашь мне мой старый фартук!

— Я шучу, Мари! Ступай скорее на чердак, там кое-кто сидит и портит себе кровь! Я рассказала все, что знала, но легче ему от этого не стало.

— А что ты знала, Нанетт?

— Ну... О свиданиях нашего хозяина и красивой незнакомки немало говорили в городке. А потом я услышала, что вроде бы красивая дама из «Волчьего Леса» уехала, но она уже ждала ребенка. Поверь мне, Мари, когда мой Жак привез тебя к нам, пять лет назад, мне и в голову не пришло, что это ты — ребенок муссюра!

Мари поднималась по шаткой лестнице с ощущением, что наступает решающий момент в ее жизни. Она не торопилась, с каждой ступенькой в памяти всплывало новое воспоминание: Пьер дарит ей букетик фиалок; Пьер поднимается на чердак, чтобы лечь спать на ее месте, в темноте и холоде... Их зимние прогулки, клятвы, которыми они обменялись у источника в Волчьем лесу...

Она медленно открыла дверь. Слова отца звучали в сердце, как фальшивая нота: «В мире много других парней, с кем ты могла бы быть счастлива...»

Нет, для нее в мире существует лишь один — тот, кто, казалось, ждал ее пять лет назад, мартовским вечером, сидя у огня. Ее черноглазый, темноволосый Пьер, который так неловко пытается спрятать ото всех свое великодушие и свою любовь...

— Пьер, ты тут? Как здесь холодно!

Мари увидела, что юноша сидит, прислонившись спиной к стене, и в тусклом свете дня, проникающем через слуховое окошко, остругивает ножом кусок дерева. Он поднял голову и посмотрел на нее. Точно ли эта девушка в коричневом платье, с муфтой в руке — Мари? Ну да, это она. У нее одной такое милое лицо с нежным румянцем, такие густые темные локоны...

Пьер не знал, встретить ли ее насмешкой или попросить прощения. Но Мари не дала ему времени даже открыть рот. Она опустилась рядом с ним на колени, не заботясь о сохранности своего красивого платья, и робко коснулась его волос.

— Мой Пьер! Я пришла поговорить с тобой. Я так волновалась! Послушай меня! Я не изменилась, ну, может, совсем чуть-чуть. Я все та же Мари, твоя Мари из «Волчьего Леса». Отец пообещал, что разрешит мне выйти замуж за того, кого я сама выберу. А я уже давно выбрала тебя. Пожалуйста, перестань дуться...

Она обняла его, закрыла глаза и прижалась щекой к его щеке.

— Вот увидишь, скоро мы станем мужем и женой. А пока я хочу поближе узнать своего отца. Я не собираюсь ничего менять. Ты станешь приходить в Большой дом, когда захочешь, но уже как гость! Я сама буду убирать и готовить, как и раньше. Об этом мой отец, правда, пока еще не знает. Если он захочет взять в дом прислугу, я откажусь. Я хочу быть в этом доме единственной женщиной. А потом посмотрим, может, ты подаришь мне дочерей...

Пьер прижал ее к себе и прошептал с чувством:

— О, Мари, как я тебя люблю!

Потом поцеловал девушку. Голос Нанетт вернул их с небес на землю:

— Эй, голубки, спускайтесь-ка ко мне! Кофе горячий, да и блинчики на столе!

Они спустились с улыбками на устах, рука об руку. Нанетт по их счастливым лицам сразу поняла, что они поладили без долгих объяснений. Так и должно быть в жизни, когда человеку улыбается удача. В прошлом было немало темных дней, теперь пришло время радоваться. И чтобы понять это, достаточно было заглянуть в прекрасные сияющие глаза Мари из «Волчьего Леса»...

Глава 13

Мечта Мари

Февраль 1912 года

Жан Кюзенак наслаждался счастьем, домашним уютом, душевным спокойствием. Его жизнь полностью изменилась, и он часто спрашивал себя, как мог столько лет жить в атмосфере грусти, в тишине, нарушаемой редкими, оставляющими в душе отвратительный осадок ссорами.

Они с Мари читали в гостиной. Алсид заложил в камин поленья из старого дуба, которые, сгорая, давали много тепла, — последние дни зимы принесли с собой стойкие холода.

Как он и предсказывал дочери, все вскоре и без особых проблем стало на свои места. Нанетт выполнила свою задачу, разнеся по округе новость о том, кто такие на самом деле родители Мари. Люди удивлялись, отпускали иронические замечания, многие повторяли: «Я-то об этом сразу догадался!», но прошло немного времени, и эта тема перестала вызывать интерес.

И только Пьер, от природы замкнутый и раздражительный, продолжал дуться на всех в открытую. Юноша был уверен, что скоро потеряет Мари. Она казалась такой счастливой в Большом доме! Вопреки заверениям девушки, Пьер полагал, что она сильно переменялась.

Первое — Мари стала изысканно одеваться. Пьер считал это никому не нужным кокетством. Еще она стала редко навещать ферму под предлогом, что нужно учить историю или географию.

Что до Нанетт, то добрая женщина во всеуслышание заявляла, что крошка Мари осталась такой, как была — милой, услужливой, очень ласковой и «совсем не гордой».

Пьер же с каждым днем утверждался во мнении, что мадемуазель Кюзенак теперь не для него. Подпитываемые гневом, в его характере стали проявляться самые плохие черты: он стал завсегдатаем бистро Марсея Прессиге, пристрастился к игре в кости и не стеснялся присоединиться к шумной компании в субботний вечер, когда молодежь городка собиралась выпить красного вина или коньяка.

Мари об этом не догадывалась, равно как и Нанетт, которая бы не

поленилась обломать палку о бока своего единственного сына.

* * *

Мари с задумчивым видом закрыла книгу. Несколько минут она смотрела на огонь и вздыхала, сама того не замечая. Отец посмотрел на нее с любопытством и спросил:

— Что тебя беспокоит, дитя мое? О чем ты думаешь? О Пьере?

Жан Кюзенак прекрасно знал, что поведение молодого человека очень расстраивает Мари. Девушка заговорила быстро, с грустной улыбкой на устах:

— Нет, папа! Я не думала о Пьере! Он не приходил к нам целую неделю, а я не пойду его упрашивать! Он куда больший гордец, чем ты и я, вот что я скажу! Этот упрямец решил, что теперь недостойн меня, и поэтому всячески меня избегает. Тем хуже для него...

Жан Кюзенак спрятал улыбку. После этой тирады, озвученной сердитым тоном, Мари будет говорить, что не думает о Пьере?

— Оставь его, парню пора научиться вести себя по-мужски и обдумывать свои поступки.

Мари посмотрела на отца. Положив книгу на ковер, она подошла и опустилась на колени перед камином.

— Папа, послушай! Если бы у меня была мечта, как мне кажется, почти невыполнимая, ты помог бы мне ее осуществить?

— Моя дорогая девочка, конечно! Ведь по моей вине ты так долго была лишена стольких радостей! — ответил он не раздумывая.

— Вот уже много дней я никак не могу решиться поговорить с тобой об этом. Я боялась, что ты расстроишься...

Жан Кюзенак ласково погладил свою дочь по густым волосам. Он восхищался ее деликатностью, упивался ее красотой...

— Я слушаю тебя, Мари!

— Как ты знаешь, я учу историю и географию по твоим книгам. Я пытаюсь осваивать и другие дисциплины, но чувствую себя по-настоящему невежественной. В приюте я помогала матери-настоятельнице проводить уроки у малышей: учила их алфавиту, цифрам... В то время я наивно верила, что вырасту и стану учительницей. Эта мечта меня не покинула. Пять лет назад я отказалась от нее, так как думала, что буду прислужой всю свою жизнь. Теперь я говорю себе, что, возможно, у меня есть шанс, ведь я — твоя дочь... Если я смогу получить свидетельство о неполном среднем

образовании, то, может, поступлю и в Эколь Нормаль...

Мари не осмеливалась поднять голову, поэтому она не видела, как отец вытирает слезы умиления. Признание дочери тронуло его сильнее, чем та могла себе представить, — в Жане Кюзенаке в очередной раз проснулось чувство вины, от которого он никак не мог избавиться.

— Мое дорогое дитя! Если бы я сам воспитывал тебя, если бы не бросил, то твоя мечта уже скоро исполнилась бы! — сказал он дрожащим от волнения голосом. — Мари, даже если мне придется на время расстаться с тобой, что очень тяжело для такого старого эгоиста, как я, мы попробуем...

И только теперь Мари подняла к нему свое лицо. Она крепко-крепко обняла отца.

— Первое, что мы сделаем, — прошептал взволнованный мсье Кюзенак ей на ушко, — поедem в Обазин и поговорим с матерью-настоятельницей. Уверен, она даст нам хороший совет. Сегодня у нас воскресенье... Значит, поедem утренним поездом во вторник. Прекрасная возможность попутешествовать вдвоем! Ты рада?

— Да, папа! Я так рада! Я снова увижу своих подружек и дорогую сестру Юлианну!

— Вот и славно! А теперь идem спать.

Мари расцеловала отца и с замирающим от радости сердцем поднялась к себе в спальню. Походя она касалась рукой стен своего дома, к которому испытывала таинственное чувство сопричастности.

Оказавшись в спальне, девушка посмотрела на себя в зеркало большого шкафа. Узнают ли ее в Обазине?

* * *

Мари прокрутила в памяти, от конечной точки к начальной, путь, проделанный в обществе Амели Кюзенак. Ей тогда было тринадцать... Теперь все казалось ей иным. Она путешествовала с отцом, который сменил свои гетры и брюки для верховой езды на серый костюм-тройку. Жан Кюзенак хотел быть достойным компаньоном для своей дочери, которая тоже надела новый наряд.

В Шабанэ Мари привлекала взгляды прохожих, но не замечала этого. Тонкая талия, ясное личико с правильными чертами, красивые глаза, не говоря уже о природной грации, — все это создавало у каждого, кто смотрел на нее, впечатление, что перед ним неординарная девушка,

лишенная, однако, даже намека на кокетство.

Девушка радовалась и не думала ни о чем, она светила этой радостью, и создавалось впечатление, что ничто земное ее не волнует. На самом же деле Мари внимательно рассматривала город. Старинные дома с гранитными стенами, чьи крылечки были соединены с тротуарами посредством лестниц, казалось, таили в себе секреты многих тысяч закончившихся в них жизней... Река Вьенна спокойно катила свои темные, с серебристыми отблесками воды...

— Я помню эту площадь, этот мост и эту речку, — сказала девушка отцу, когда они шли к вокзалу. — Знал бы ты, как грустно мне было в тот вечер! Я рассталась с подружками по приюту, девочками, с которыми мы много времени проводили вместе. Я спрашивала себя, куда меня везут...

Жан Кюзенак сжал руку дочери.

— Не думай об этом! Кстати, ты сказала Пьеру, что мы уезжаем?

Мари, сразу погрузнев, передернула плечами:

— Нанетт ему скажет. Когда я пришла на ферму, Пьера не было дома. Похоже, он теперь часто навещает городок. Жак этим недоволен.

— Как только вернемся, я как следует отчитаю этого повесу! Если ты решила выйти за него замуж, даже речи быть не может, чтобы он относился к тебе неуважительно или огорчал тебя...

— Папа, не будем говорить об этом. Мне так хочется поскорее оказаться в Бриве!

По приезде на вокзал Брива на Жана Кюзенака нахлынули болезненные воспоминания о том, как он приехал сюда восемнадцать лет назад с надеждой снова увидеть Марианну...

Мари сразу же догадалась, о чем думает отец. Они решили пообедать в популярном ресторане. За столом девушка, как могла, старалась развлечь отца веселыми историями из своего приютского детства.

От центра города до приюта было недалеко. Мари обожала лошадей, поэтому они с отцом решили нанять фиакр.

— Вот мы и на месте, дорогая. Я телеграммой предупредил мать-настоятельница о нашем визите, — сказал Жан Кюзенак, беря дочь за руку.

Колокольня аббатской церкви будто касалась покрытого легкими облаками неба. Далекие холмы нежились в солнечных лучах. При виде знакомого пейзажа девушка разволновалась.

Пока они с отцом шли к той части здания, где обычно принимали посетителей, Мари вспоминала знакомые лица — маленькую Леони,

которая всегда получала от Мари свою порцию ласки, хозяйку кухни сестру Юлианну, постоянно сражающуюся с греховной любовью к вкусной еде...

Жан Кюзенак потянул за шнурок, и до них донесся звон колокольчика. В сопровождении одной из сестер они пересекли внутренний дворик, вошли в импозантное здание и поднялись на второй этаж. Через несколько минут к ним вышла мать-настоятельница.

— Мари, мое дорогое дитя! Как ты изменилась! И как любезно с твоей стороны приехать повидать нас!

С этими словами мать-настоятельница подошла к девушке и поцеловала ее в лоб. Потом она кивнула мсье Кюзенаку, который поторопился представиться:

— Жан Кюзенак. Не знаю, помните ли вы меня и мою супругу, ныне покойную. Я приезжал посмотреть на Мари пять лет назад. Потом вы доверили ее нам...

Мать-настоятельница окинула любезного господина внимательным взглядом и снова посмотрела на Мари. Жестом она указала им на стулья.

— Прошу вас, садитесь. Я прочла вашу телеграмму, мсье, но, признаюсь, цель вашего визита мне непонятна. Перед тем как вы расскажете, что привело вас к нам, позвольте мне поблагодарить вас за Мари, которая превратилась теперь в милую девушку. Я уверена, что ее почитают и ценят в вашей семье...

Жан Кюзенак уловил в голосе старой монахини угрозу. И это было понятно: не зная положения дел, она могла предположить наихудшее.

— Матушка, я должен вам открыться. Мое признание будет короче, чем то, что услышала Мари прошлой осенью, но оно столь же болезненно для меня.

Нежным взглядом Мари приободрила отца. Мсье Кюзенак рассказал об их с Марианной любви, о том, как он радовался, найдя дочь, о том, что она простила его, и, наконец, о мечте Мари...

Мать Мари-Ансельм нервно похлопывала рукой по полированной столешнице. Она знала, что не имеет права судить своего ближнего за прошлые прегрешения, но с трудом сдерживалась, чтобы не воззвать к совести неожиданного гостя. И только взяв себя в руки, она обратилась к нему с такими словами:

— Самое главное для меня, мсье Кюзенак, — это то, что вы искренне раскаиваетесь. Угрызения совести заставили вас найти вашу дочь и наверстать упущенное. Я очень рада за Мари. Вы не представляете, сколько горя вынесли все эти несчастные малышки, которые переданы на наше попечение и которые никогда не узнают, что такое расти в настоящей

семье! Мы посвящаем им все свое время, воспитываем и обучаем их, однако ничто не заменит им любви матери и отца. Больше я ничего не скажу. Мари, мое дорогое, мое замечательное дитя, давай поговорим о тебе! Значит, ты хочешь стать учительницей?

— Да, матушка! Это самая главная моя мечта!

— Если я не ошибаюсь, ты получила прекрасные оценки, когда сдавала экзамен на свидетельство о начальном образовании. У меня есть идея, но я ничего не могу обещать. Мари, ты сможешь восполнить недостающие знания и сдать в июле экзамены на свидетельство о среднем образовании? Хотя бы попробовать?

— Конечно! Я буду учиться с утра до вечера, и часть ночи тоже, если понадобится!

Лицо монахини осветила ласковая улыбка.

— Дорогая девочка, узнаю тебя! Ты не боялась ночных бдений у постели младших девочек, когда те болели. Мсье Кюзенак, должно быть, небо простило вас, послав вам такую добрую и самоотверженную дочь.

Жан Кюзенак молча кивнул.

Смущенная этим комплиментом, Мари покраснела.

— Прекрасно! А теперь я должна задать вам вопрос, — продолжила чуть громче мать Мари-Ансельм. — Можете ли вы сегодня же отправиться в Тюль? Медлить нельзя. Советую вам встретиться там с моей кухней Жанной, она директор местной Эколь Нормаль. Она сможет протестировать Мари, оценить ее знания и, по моей рекомендации, дать вам учебники, чтобы девочка могла как следует подготовиться.

Мсье Кюзенак невольно подумал, что эта святая женщина, очевидно, не имеет обыкновения откладывать дела в долгий ящик. Кроме того, в проявленном участии он видел свидетельство доброго и уважительного отношения к Мари и был этим очень тронут.

— Мы едем в Тюль! — заявил он. — Огромное вам спасибо, матушка!

Мари ликовала. Но в этих стенах она не решилась дать волю чувствам. И все-таки глаза девушки сияли, а губы растягивались в улыбку.

— Дитя мое, желаю тебе успеха! — сказала монахиня. — Я напишу кухне записку. А пока я буду этим заниматься, ты можешь навестить своих подруг и сестер. Мсье, поезд в Тюль отправляется в шесть вечера. Будет лучше, если вы переночуете в городе и с утра нанесете визит Жанне Десмонд.

— Так мы и сделаем, обещаю! — любезно отозвался Жан Кюзенак.

Мари повела отца по коридору. Сначала девушка решила зайти в кухню, уверенная, что найдет там сестру Юлианну. Она не ошиблась —

возле мойки она увидела кругленькую фигуру монахини.

— Сестра Юлианна!

Та обернулась и посмотрела на стоящую на пороге красивую девушку, которую сопровождал мужчина. Улыбка незнакомки, ее открытый доверчивый взгляд кого-то ей напомнили...

— Мари! — обрадованно воскликнула монахиня. — Моя дорогая крошка Мари! Как ты выросла и похорошела!

Сестра Юлианна вытерла руки о фартук и раскрыла девушке свои объятия. Мари подбежала и прижалась к ее груди.

— Теперь я выше вас на голову, милая сестра Юлианна, — заметила она, смеясь.

— Так приятно снова увидеть тебя! Воспитанницы скоро придут на полдник. И я знаю одну девочку, которая будет очень рада встрече!

Мари представила сестре Юлианне своего отца и в нескольких словах объяснила причину своего приезда. Монахиня сказала со слезами на глазах:

— Ты заслужила счастье, моя девочка! Я очень рада за тебя. Если бы ты знала, как я просила Пресвятую Деву беречь тебя!

Из коридора донесся шум шагов и приглушенные детские голоса. Еще мгновение — и в кухне появятся воспитанницы приюта... Взволнованная Мари отступила от двери вглубь помещения. При виде девочек, входивших, соблюдая строгий порядок, попарно, она словно вернулась в свое детство. Невзирая на то, что монахини всегда были добры к своим воспитанницам и неустанно о них заботились, девушка еще раз порадовалась, что у нее теперь есть любимый отец и собственный дом.

Девочки-сироты подошли к огромному столу, уставленному тарелками с поджаренным хлебом и чашками с молоком. И только одна, маленькая, бледная, с черными длинными косичками, застыла на пороге. Голубые глаза девочки внимательно рассматривали Мари. И вдруг девочка поднесла руки ко рту, сдерживая восторженный крик.

Мари заплакала. Леони сильно выросла, но она узнала бы ее из тысяч.

— Леони!

Они бросились навстречу друг другу и, смеясь и рыдая, обнялись.

— Какое у тебя красивое платье, Мари! Какая ты хорошенькая! Как фея, — прошептала Леони. — Скажи, ты вернулась насовсем?

— Нет, Леони. Я приехала по делу. Но я очень рада тебя видеть. Ты тоже стала очень хорошенькой!

Леони вырвалась из объятий девушки. Не сказав больше ни слова, она села за стол и стала есть. Мари хотела было ее удержать, объяснить, но

только что от этого изменится?..

Жан Кюзенак, которому было больно видеть дочь такой расстроенной, шепнул ей на ушко:

— Завтра мы приедем снова, если захочешь. А теперь нам пора, иначе опоздаем на поезд в Тюль.

* * *

Возница на фиакре ожидал их возле приюта, поэтому до вокзала они добрались очень быстро.

— Хорошо, что я не стал заказывать два номера в гостинице в Бриве, тогда бы нам пришлось ехать туда за вещами. Что ж, едем в Тюль, дорогая! Сегодня вечером мы поужинаем тет-а-тет, я хочу пригласить тебя в лучший ресторан города.

Мари прижалась лбом к отцовскому плечу.

— Папочка, дорогой, как ты добр ко мне!

Путь из Брива в Тюль был не слишком долгим, и все это время Мари думала о Пьере. Она не знала, как себя с ним вести. Юноша сильно переменился. Временами он был весел и нежен, потом вдруг становился отстраненным и раздражительным. Если бы он оставался таким же милым и заботливым, как раньше, кто знает, может, она и не испытывала бы такого сильного желания продолжить обучение, уехать из Прессиньяка, чтобы закончить Эколь Нормаль?

— Мари! Подъезжаем!

Голос отца отвлек девушку от размышлений. Мари вдруг осознала, что воспоминаний о тех нескольких годах, что она прожила в «Бори» в качестве прислуги, осталось очень мало. Дни текли, похожие один на другой, в ритме ежедневных занятий, в атмосфере тишины и несвободы...

Теперь же все было по-другому. Мари радовалась каждому мгновению, прожитому под крышей Большого дома. Она вздрогнула, увидев прямо перед глазами лицо Жана Кюзенака, смотревшего на нее с тревогой.

— Папа, извини! Я, кажется, задремала...

Поезд с пронзительным скрежетом остановился. Они вышли на платформу. На Тюль опустились эффектные золотисто-розовые сумерки.

Жан Кюзенак взял дочь за руку.

— Вот мы и в Тюле, Мари! Я здесь учился. Родители планировали послать меня в Ангулем, но моя мать родилась в этих краях, поэтому меня не стали отправлять в интернат. Я жил у своей бабушки Жюльетт.

— Значит, ты прекрасно знаешь эти места? — радостно подхватила Мари.

Мсье Кюзенак, занятый поисками фиакра, ответил уверенным тоном:

— Да, дорогая! Тюль — чудесный город! О нем говорят так: «Когда приезжаешь — смеешься, а уезжаешь — плачешь». Никто не может остаться равнодушным. Сколько приятных воспоминаний у меня с ним связано! Но довольно ностальгии, сегодня вечером я угощу тебя шампанским!

Жан Кюзенак решил, что останутся они в «Отеле-ресторане дю коммерс», — престижном заведении, расположенном возле собора, и там же поужинают. Он рассказал дочери, что однажды, когда ему было лет двадцать, ужинал там со своими бабушкой и дедушкой.

Мари не переставала удивляться всему, что видела. Комната в отеле показалась ей великолепной. Особенно ей понравились тюлевые занавески с цветочным рисунком.

— Какая прелесть! Папа, если бы ты знал, как я счастлива! В номере есть даже ванная! Как ты думаешь, я успею принять ванну перед ужином?

Мсье Кюзенак ответил:

— У тебя еще много времени. И надень красивое платье! Мне было бы приятно увидеть тебя в том, бежевом...

Мари вошла в зал ресторана одетая в бежевое шелковое платье, которое отец подарил ей две недели назад. Остромодный фасон подчеркивал ее тонкую талию и восхитительную грудь, а неброское жемчужное ожерелье на шее нежно оттеняло свежий цвет лица.

Усаживаясь напротив дочери, Жан Кюзенак подумал, что он — счастливейший из присутствующих в зале мужчин. При необычном освещении и в этом бежевом, почти перламутровом шелке, который удивительно ей шел, девушка показалась ему еще красивее, чем обычно.

— Мари, ты очень хороша! На тебя все смотрят!

— Папа, ты преувеличиваешь. Единственное, в чем я уверена, — так это в том, что чувствую себя так, будто это не я, а совсем другая Мари. Это платье, это ожерелье и это место... Я никогда не думала, что это может случиться со мной!

За едой они оживленно беседовали. В качестве основного блюда Жан Кюзенак заказал жареную гусятину с трюфелями. Мари никогда не пробовала такого деликатеса.

— Как вкусно! Но и каштаны, которые жарит моя Нанетт, ничуть не хуже! — сказала она негромко и лучезарно улыбнулась.

Отец смотрел на нее с нескрываемым восхищением. И не он один:

сидевший за соседним столиком элегантный молодой мужчина с белокурыми усиками и бородой не сводил с девушки глаз.

Мари, заметив, что на нее многие обращают внимание, смутилась.

«В публичных местах мы встречаемся с тысячами незнакомых людей, которых больше в жизни не увидим, — подумала она. — Сколько их сейчас в этом ресторане, в этом незнакомом городе!..»

Внезапно Мари ощутила острое желание оказаться в Прессиньяке, на ферме Нанетт и Жака или в Большом доме. Там она не чувствовала себя потерянной, и каждое дерево, каждый камешек были ей знакомы. Отец нарушил ее размышления:

— Дорогая, тебя весь вечер занимают какие-то мысли! Сейчас нам подадут десерт и шампанское. — И тихо, заговорщицким тоном добавил: — Ты заметила светловолосого юношу, он сидит слева от нас? Он не сводит с тебя глаз! Он очень симпатичный, правда?

— Папа, ты обещал, что расскажешь мне о Тюле и о его окрестностях. Мы не договаривались обсуждать других гостей ресторана!

Девушка смутилась и опустила голову. К их столику подошел метрдотель и, вступив в беседу с Жаном Кюзенаком, откупорил шампанское. Мари, несмотря на испытываемую радость, вдруг захотелось взлететь и очутиться возле чудотворного источника, под кроной дубов Волчьего леса...

* * *

Нанетт взбивала яйца со сладким молоком, собираясь приготовить флан. Она только что извлекла из печи несколько булок хлеба, их должно было хватить на целую неделю. Пока печь не остыла, в нее нужно было успеть сунуть сладкий пирог.

Щеки женщины покраснелись, руки все были в муке. На доносившиеся с улицы шумы Нанетт не обращала никакого внимания. Ее мысли занимал единственный сын. Парень совсем отбился от рук. Не наколот дров, забыл напоить овец... В городке Пьер побил младшего Прессиго, когда тот попытался выгнать его из бистро своего отца... Перечень прегрешений был очень длинным, и несчастная Нанетт не знала, какому святому ей ставить свечку...

Жак взялся было за ремень, но сын рассмеялся ему в лицо, заявив, что, если ему будет что-то не по нраву, он подастся в солдаты. Семья переживала нелегкие дни.

Да и Мари задержалась в Бриве, и это немного беспокоило славную женщину.

— Еще надумают оставить ее у себя, знаю я этих горожан! — бормотала она себе под нос, помешивая молоко.

Кто-то дважды стукнул в дверь. Не дожидаясь ответа, гость вошел. Нанетт подняла голову и увидела Мари в красивом и теплом меховом манто. Под ним у девушки было богатое шелковое платье.

— Нан, дорогая! Мы с папой только что приехали! И я решила, что нужно заглянуть к вам. У меня прекрасная новость!

Следом за девушкой в дом фермеров вошли мсье Кюзенак и хорошо одетая девочка лет двенадцати, с огромным удивлением смотревшая по сторонам.

— Муссюр! — воскликнула Нанетт и принялась вытирать руки. — Если бы я только знала, что вы придете! А у меня пирог не готов...

Мари сняла манто, сдернула с гвоздя свой старенький фартук (Нанетт из суеверия оставила его на прежнем месте) и принялась ей помогать. Через пару минут стол был чистым, а пирог сидел в печи.

— А теперь, Нанетт, присядь, отдохни. Мне так много надо тебе рассказать! — сказала Мари с улыбкой. — Мы были в Тюле. Представь, там я познакомилась с мадам Жанной Десмонд, директрисой Эколь Нормаль. Она задавала мне разные вопросы, потом устроила что-то вроде небольшого экзамена с диктантом и задачами по арифметике. Мадам Десмонд — кузина матери-настоятельница из Обазина. Она сказала, что, если я как вольный слушатель сдам экзамены и получу свидетельство об окончании средней школы, а потом смогу поступить в Эколь Нормаль, она посодействует тому, чтобы для меня сделали исключение, и тогда этой же осенью я начну посещать занятия! Мадам — замечательная женщина! Она даже пообещала, что поможет мне восполнить пробелы в знаниях, если я все-таки поступлю в ее институт. У меня появился шанс стать учительницей, представь себе! Ах, я так счастлива, мне так хотелось поскорее тебе все рассказать!

Мари проговорила все это на одном дыхании. Нанетт с ошеломленным видом «переваривала» новости, что не мешало ей с интересом поглядывать на незнакомую девочку, неловко жавшуюся у печки.

— Я очень за тебя рада, моя крошка! Так значит, скоро ты уедешь в Коррез, будешь жить далеко от дома?

Мари обняла Нанетт за плечи.

— Самое раннее — в октябре, моя дорогая Нан! Это значит, что у нас еще полно времени! Но мне придется упорно учиться. Мадам Десмонд

одолжила мне целую стопку книг. А сейчас я хочу познакомить тебя с Леони!

Леони, щеки которой порозовели от волнения, кивнула. Жан Кюзенак решил, что пришло время объяснений:

— Леони двенадцать. Это подружка Мари по приюту и ее подопечная. Раз уж Мари решила поступать в Эколь Нормаль, ей придется много времени проводить за книгами. Один бывший преподаватель из Шабанэ (он теперь не у дел) будет приезжать и помогать ей наверстывать упущенное. Мы сделаем все, чтобы она получила свидетельство о среднем образовании и поступила в институт. Кроме того, преподаватель будет заниматься с ней литературой, алгеброй и геометрией. Вы, Нанетт, не сможете в одиночку содержать в порядке два дома. Поэтому я подумал, что было бы неплохо взять Мари помощницу. К тому же Леони очень расстроилась, узнав, что ее старшая подруга снова уезжает. Девочка будет жить с нами.

Мари взяла Леони за руку. Говоря тихим, успокаивающим тоном, она показала девочке печь, ружье Жака, с которым он вскоре будет ходить на охоту, лестницу, ведущую на чердак, чан, в котором Нанетт месит тесто, низкую скамеечку...

— Смотри, Леони, по вечерам я обычно садилась вот тут, поближе к огню, а Нан рассказывала мне разные истории. Завтра мы придем сюда снова, и я покажу тебе коров, овец и моих курочек!

Леони молча кивала и все крепче прижималась к Мари. Девочке казалось, что ей все это снится — то, что она уехала из приюта, что отец Мари купил ей новую одежду, что они все вместе сели на поезд, а потом ехали в большом экипаже, запряженном парой лошадей! Теперь она воочию видела доброе лицо Нанетт, о которой Мари много рассказывала по пути, и собаку по кличке Пато, и столько всего интересного...

У Леони от радости замирало сердце. Выходит, чудеса и правда случаются! Мари вернулась и забрала ее с собой, именно ее, Леони Делапорт ^[20]. Эту фамилию девочке дали потому, что мать оставила ее на чужом крыльце.

А еще Мари рассказывала ей о Большом доме — «Бори», о конюшне и о библиотеке. Леони повторяла про себя магические слова «большой дом», и они звучали для нее, словно таинственная песня...

— Нанетт, Пьер не дома? — уже стоя на пороге, спросила Мари.

— Ох, этот парень совсем от рук отбился, это я, его мать, тебе говорю! Мари, скажи ему, чтоб одумался, иначе отец ему ребра переломает!

Жан Кюзенак нахмурился. Капризы и постоянные вспышки гнева «этого молодого шалопаля» были ему не по нраву.

— Нанетт, когда Пьер вернется, скажи ему, что завтра к девяти я жду его в «Бори», — сказал он недовольным тоном. — Хочу с ним поговорить. Я полагаю, что юноша, которому посчастливилось завоевать любовь такой девушки, как Мари, должен перестать повесничать и взяться за ум! Ты знаешь, что я дал свое согласие на обручение и на брак. Пусть одумается, или я заберу свое слово назад!

Июль 1914 года

— Только представь, Леони, в октябре я получу свою первую работу! Думаю, для меня найдется место в Бриве или в Тюле. Конечно, мне бы больше хотелось работать поближе к дому, чтобы чаще видеть папу, но нельзя желать невозможного!

Мари расставляла букеты красных роз в вазы в гостиной. Леони, которая превратилась теперь в симпатичную четырнадцатилетнюю девушку, сидела у распахнутого настежь окна, выходявшего в залитый солнечным светом сад.

— Я так рада! — с энтузиазмом отозвалась она. — Ученики будут обожать тебя, Мари!

— Надеюсь, что так, Леони. А пока давай поедим белых грибов, которые принес Пьер!

Жан Кюзенак вошел в комнату в тот момент, когда девушки собрались уходить. Глядя на них, привычно держащихся за руки, он вздохнул с облегчением. Два года назад именно он принял решение забрать Леони в Прессиньяк. Причина была проста: он хотел, чтобы у дочери появилась подруга и помощница, к тому же было очевидно, что Мари очень привязана к этому ребенку.

Он навсегда запомнил выражение огромного счастья на личике Леони, когда они на обратном пути из Тюля вернулись в приют, чтобы забрать ее.

К тому же, частенько думалось ему, этот поступок — прекрасный способ искупить ошибки прошлого.

В «Бори» Леони расцвела, как хрупкий цветок расцветает на плодородной земле под рукой заботливого хозяина, и удивительно похорошела.

Мари устроила подругу в маленькой гостевой спальне. Леони не покладая рук хлопотала по хозяйству, трудилась в кухне, но никогда не чувствовала себя прислугой.

Когда Мари, получив свидетельство о среднем образовании и успешно сдав вступительные экзамены, сияя от радости, уехала учиться в Тюль, Жан Кюзенак лишней раз порадовался, что в его доме живет послушный и веселый ребенок. Прошло не так много времени, а он уже баловал девочку не меньше, чем родную дочь.

В Большом доме царило спокойное счастье, такое безмятежное, что Пьер понемногу поддавался общему настроению и забыл и думать о своих выкрутасах. На первых порах, узнав о планах Мари и ее отца, он сильно разозлился. «Что ж, поезжай в свой Тюль и кокетничай там с парнями! Забудь меня, ты ведь этого хочешь!»

Эти слова ревнивца Мари услышала в октябре 1912 года, незадолго до своего отъезда в институт. Она восприняла их как оскорбление. Пьер стоял и смотрел, как она со слезами на глазах поворачивается и уходит, красивая, как никогда.

Первые месяцы расставания принесли свои плоды: получив нагоняй не только от отца, но и от мсье Кюзенака, сын фермеров стал реже наведываться в бистро и снова с удовольствием работал на земле.

Леони тоже приложила руку к этому маленькому чуду. С Пьером они познакомились в кухне «Бори». Он принес свежее молоко и яйца. Пьер так удивился, увидев возле печки незнакомую девочку, что, казалось, язык проглотил. Девочка же спросила, как его зовут, и, получив ответ, вскричала:

— Так это ты — Пьер! Жених Мари! Она так много о тебе рассказывала! Она сказала даже, что ты — единственный мужчина в мире, которого она любит. Не считая папы, конечно. Какой ты счастливый, она так тебя любит!

Эти произвольно вырвавшиеся, искренние слова еще долго звучали в голове у Пьера. Он запомнил их крепко-накрепко, как и сказанное Леони после отъезда Мари.

— Знаешь, Пьер, Мари очень расстраивается, когда ты ведешь себя плохо. Она сказала, что ее мечта стать учительницей скоро исполнится, а вот у тебя мечты больше нет! Скажи, а какая у тебя была мечта?

Девочка так доверчиво смотрела на него своими голубыми глазами, что Пьер опустил голову. Он вспомнил о поцелуе, которым они обменялись с Мари среди деревьев Волчьего леса. Как сказала бы Нанетт, «наконец-то к парню стал возвращаться ум»...

Он считал, что теряет Мари, а оказалось, что это он сам пытался прогнать ее из своего сердца, отказался от нее. Мари не изменилась, несмотря на красивые платья и свое желание учиться. Она шла своим путем, оставаясь верной детским мечтам, но никогда не переставала его

любить.

В одно осеннее утро Пьер ступил под сень Волчьего леса и сквозь заросли кустов и молодых деревьев пробрался к источнику. Шел дождь, всюду лежали мертвые листья, и от напитавшейся влагой земли исходил характерный запах осени.

Раздумье юноши длилось долго. Наконец он бросил в воду монетку в одно су, пообещав, что больше не будет обижать Мари, будет нежно ее любить и станет достойным ее любви.

Поэтому, когда девушка вернулась домой на Рождество, на дороге к ферме ее встретил совсем другой Пьер — с ясным и сияющим взглядом мальчишки, которого она полюбила. Он обнял ее и шепотом, на ушко, смиренно попросил прощения.

Нанетт, следившая за ними из окна, шутливо порекомендовала Мари, как только молодые люди вошли в дом:

— Смотри не наступи коту на хвост и не урони ни листочка из салатницы, когда станешь перемешивать латук! Сколько будет таких досадных промахов — столько лет нам, горемычным, придется ждать вашей свадьбы!

Они все от души посмеялись над забавными суевериями жителей Лимузена.

Через несколько месяцев Жан Кюзенак заговорил с Пьером о свадьбе.

— Единственное, о чем я прошу тебя, — сделай мою дочь счастливой!

И поскольку парень в будущем должен был стать его зятем, муссюр решил приобщить его к хозяйственным делам.

Нанетт хвалилась в городке:

— Да, наш муссюр хочет сделать моего парня своим управляющим. Возит его с собой по фермам, показывает бумаги. Пьеру это нравится. Представьте, он даже водит хозяйский автомобиль!

Престиж Нанетт рос как на дрожжах. Когда она видела сына за рулем машины мсье Кюзенака, ее сердце переполнялось радостью и гордостью.

— Давайте сходим погуляем после обеда! — как-то предложила Мари.

Они все обедали в столовой. В этот день на стол было подано рагу из курицы с белыми грибами и легкое прозрачное вино. Но не только от вина Пьер, Мари, Леони и Жан Кюзенак были веселы: на дворе стоял прекрасный жаркий июльский день.

— Я, дети мои, предпочитаю остаться в прохладе гостиной. Мне нужно просмотреть почту. Да и вам, молодым, без меня будет веселее!

Мари укоризненно посмотрела на отца, который, по ее мнению,

слишком рано примерил на себя роль патриарха, ведь ему не исполнилось и шестидесяти! И все-таки взгляд ее был полон дочерней любви.

— А я знаю, куда мы пойдём! — воскликнула Леони. — В Волчий лес! Там я нашла маленький источник...

Мари и Пьер расхохотались. Леони, девочка очень чувствительная, удивилась и даже немного обиделась.

— Почему вы надо мной смеетесь? — спросила она.

— Это секрет, милая Леони! — ответила Мари, обнимая девочку. — Я не стану тебе его рассказывать, но, думаю, сегодня мы замечательно проведем день!

Успокоенная Леони стала убирать со стола. Пьер ей помогал. Мари поднялась к себе в комнату переодеться. Ничто не доставляло ей большего удовольствия, чем прогулка по сельским дорогам и лугам, но сейчас ей хотелось ненадолго остаться наедине с собой. Оказавшись у себя в комнате, она в задумчивости остановилась у большого зеркала.

— Слишком много счастья для меня одной! Пьер скоро станет моим мужем, и мы будем жить здесь, в «Бори»!

* * *

Девушка посмотрела на кольцо, полученное в подарок в день помолвки, — скромный сапфир в серебряной оправе. Потом перевела взгляд на каминную полочку, где стояла фотография, запечатлевшая ее, Мари Кюзенак, в день двадцатилетия.

Глядя на свой черно-белый снимок, Мари вдруг подумала о матери. В Бриве отец водил ее к могиле Марианны, умершей в возрасте двадцати двух лет. Они положили под деревянным крестом букет тепличных цветов — белых лилий с пронзительным и сладким ароматом...

— Мамочка! — прошептала Мари. — Я знаю, ты там, на небе! Прошу, защити меня и всех тех, кого я люблю!

Глава 14

Туманная осень

Сентябрь 1914 года

Нанетт купила в бистро Марсея Прессиго немного табака для мужа и как раз выходила на улицу, когда увидела на площади мсье Элуа, местного полицейского. Старик стучал в барабан, и вокруг него уже начинали собираться любопытствующие местные жители.

У Нанетт неизвестно почему появилось плохое предчувствие, и она поспешила присоединиться к толпе. Мсье Кюзенак, каждое утро читавший газеты, не раз говорил, что скоро может начаться война. Нанетт мало что понимала из этих разговоров. Многие слова, упоминаемые муссюром, не имели для нее никакого смысла — Сараево, покушение...

Элуа достал какой-то документ и стал читать вслух. На этот раз все было понятно, но от этого не менее ужасно.

— «Всеобщая мобилизация»!

Гул голосов, испуганные и гневные крики... Молодые мужчины, жители Прессиньяка, собрались в кучку, обсуждая свой скорый отъезд. Раз нужно защищать Родину, значит нужно, они не из пугливых...

Встревоженная Нанетт бежала до самой фермы. Жак, который вышел ей навстречу, посмотрел на жену с удивлением: белый чепец съехал набок, щеки кирпичного цвета...

— Что случилось? Уж не с самим ли чертом ты повстречалась на дороге?

Едва переведя дух, она повторила слова старого Элуа: «Всеобщая мобилизация»!

Лицо Жака стало мертвенно-бледным. Он вошел в дом и налил себе стакан вина.

— Пьер не уедет! — сердито сказал он, стукнув кулаком по столу. — Он наш единственный сын! Я не отправлю его под пули этих пруссаков!

Нанетт, присев на низкую скамеечку у печи, где тушилось заячье рагу, заплакала.

— Ты слышишь, жена? Мой сын останется с нами. Муссюр все для этого сделает! Пьер ему уже как зять, и он не позволит нашему сыну

уехать!

Нанетт его слова немного успокоили, и она вытерла глаза. Но тут же вскочила и взмолилась со слезами в голосе:

— Жак, скорее иди в Большой дом и предупреди хозяина! Я пойду с тобой...

* * *

Жан Кюзенак обрадовался их приходу, но, услышав жалобные стенания Нанетт, нахмурил брови. Первое, что сказала бедная женщина, было: «Всеобщая мобилизация».

Известие не обрадовало хозяина. Похлопав Жака по плечу, он обнял всхлипывающую Нанетт:

— Не плачьте, дорогая! Пьер и Мари на ярмарке в Шабанэ. Думаю, они тоже слышали новость.

Леони, встревоженная визитом фермеров, которые крайне редко появлялись в «Бори» утром, тем более в будний день, прибежала спросить, что случилось.

— Что происходит, Нан?

Нанетт отдала всю свою любовь Мари, которую считала дочкой. К Леони она относилась доброжелательно, по-соседски, но не более того. Однако сегодня эмоции переполняли женщину, и она прижала девушку к своей пышной груди:

— Крошка моя, началась война! Наши мужчины уедут сражаться, и я даже не знаю куда! Пушечное мясо — вот что для них наши сыновья и мужья! А кто будет пахать и сеять, кто будет ухаживать за скотиной?

Испуганная Леони бросилась к Жану Кюзенаку:

— Папа Жан, вы ведь не поедете на войну, правда? Вы останетесь с нами?

Мсье Кюзенак ласково погладил девушку по волосам:

— Я слишком стар для армии, так что обо мне не переживай. Жак, Нанетт, идемте в кухню. Думаю, нам не помешает выпить по стаканчику — успокоить нервы.

Они проговорили уже больше часа, когда послышался шум мотора. Леони подбежала к окну.

— Машину ведет какой-то чужой мужчина, я его никогда раньше не видела! И Мари с ним одна, без Пьера!

Нанетт окаменела на своем стуле. Жак стянул с головы картуз. Он

словно потерял дар речи от изумления. В кухню вбежала Мари, а следом за ней вошел седовласый мужчина, в котором Жан Кюзенак узнал знакомого животновода по имени Андрэ Фор.

— Нан, Пьер уехал! — вскричала девушка. Плечи ее сотрясались от рыданий, когда она добавила: — Он попросил меня попрощаться с вами за него!

Мари бросилась в объятия отца. Чуть позже, все еще с трудом сдерживая слезы, она объяснила:

— Мсье Фор любезно согласился отвезти меня домой. Мы встретились на ярмарке. Папа, я хотела удержать Пьера, но он упросил меня его отпустить. Он сказал, что, если вернется домой, ему будет труднее решиться...

— Доченька, мне так жаль тебя! Но я горжусь поступком моего будущего зятя, он показал себя настоящим мужчиной! Он решил сражаться, чтобы защитить тебя и всех нас. Поверь, проклятая война быстро закончится...

Леони на цыпочках подошла к Мари и взяла ее за руку.

— Нужно утешить бедную Нан, — сказала она шепотом.

Через мгновение девушки обнимали Нанетт, утирающую слезы и всхлипывавшую. Для трех женщин, для Жана Кюзенака и для Жака, как и для тысяч других женщин и мужчин, для множества семей это были первые минуты долгого и мучительного ожидания.

Перед уходом Пьера Мари успела сунуть в карман его куртки, поближе к сердцу, фотографию Пресвятой Девы Обазинской в позолоченной рамочке, украшенной фиалками, которые он подарил ей в один прекрасный весенний день.

10 октября 1915 года

Мари задержалась в классе. Ее ученики только что вышли из школы и теперь под проливным дождем расходились по домам.

Рядом гудела большая чугунная печь. За окнами ночь, казалось, готова была обрушиться на опечаленный край. Прессиньяк потерял не меньше тридцати молодых и сильных мужчин. Тогда никто не знал, что до конца военных действий погибнет еще двадцать. Как тяжела наложенная войной дань! Война забрала славных парней, которые любили ловить карпов и щук в реке и танцевать вокруг огня на площади в праздник Святого Иоанна.

Луизон, сын кузнеца, Альбер, сын трактирщика... Племянница

Фаншон по имени Элоди осталась вдовой с двумя малышами, держащимися за ее юбку. Не вернутся домой Жанно, Люсьен и многие, многие другие...

Мари вздохнула. Учительницей в Прессиньяке она стала просто благодаря стечению обстоятельств. Ее предшественница отказалась от места, узнав о смерти своего жениха, который погиб на фронте в первые дни сражений. Мэр поселка, зная, что Мари уже может приступить к работе, поторопился уладить все формальности при активном содействии Жана Кюзенака. Хозяин «Бори» вздохнул с облегчением, узнав, что дочь останется с ним.

Для Мари это было большой радостью. Она не раз вспоминала свои детские мечты, проходя мимо этой школы. И вот, наконец, она «мадемуазель учительница» и ходит на работу в длинной черной юбке, бежевой блузке, а волосы укладывает в строгий узел. Каждое утро отец отвозил ее к школе на автомобиле, но вечером — и это было ее собственное решение — она всегда возвращалась в «Бори» пешком, в любую погоду.

Часто Мари заходила к Нанетт, чтобы подбодрить ее и поговорить о Пьере. От молодого солдата они получили всего пять открыток — хрупкие листки бумаги, которые доходили до Прессиньяка через много-много дней после отправки, судя по дате.

Последние два месяца писем от Пьера не было. Мари пыталась убедить себя, что ее жених все еще жив. Она писала ему письма, полные любви, и эта любовь, подпитанная разлукой, перерождалась в страсть. Мари никому об этом не рассказывала, но как же она сожалела о том, что сохранила целомудрие! Ну почему она не уступила мольбам Пьера, пылкого влюбленного, когда он просил ее подарить ему нечто большее, чем поцелуи?

— Он может умереть, — шепотом сказала она себе, — а я не дала ему то, что могла дать, хотя принадлежу ему столько лет! Ненавижу эту войну, я хочу, чтобы мой Пьер был со мной!

Сидя за столом, Мари положила голову на скрещенные на столешнице руки. Она долго плакала, позабыв о времени и о том, где находится.

* * *

Весь день она держала себя в руках, поэтому ученицы не догадывались, что творится на душе у их учительницы. Работа доставляла

Мари истинное удовольствие, несмотря на давящий страх, от которого невозможно было избавиться. Она радовалась, глядя на своих прилежных учениц в форменных фартучках, которые сидели за партами и ловили каждое слово учительницы. В обеденное время Мари присматривала за самыми маленькими, листала вместе с ними книги с картинками, разогревала для них еду.

Помимо того, что работала учительницей, Мари исполняла обязанности секретаря мэрии. В поселке многие не умели как следует писать, поэтому люди приходили к девушке с просьбой составить ходатайство или написать письмо на фронт. Письма солдатам Мари писала особенно охотно, зная, как тяжело родственникам выносить ожидание и какой радостью станут эти несколько строк для супруга, жениха или сына. Она не была одинока в своей печали. Она чувствовала себя членом огромной сплоченной семьи, которой стали все те, кто ждал...

За ужином Мари рассказывала отцу и Леони, как прошел день в школе, об остроумных шутках малышки Колетт и печалях маленькой рыжеволосой Мадлен...

Не раз она развлекала своими рассказами об ученицах и Нанетт, заставляя ее улыбаться. Мари не уставала повторять:

— Наш Пьер вернется, вот увидишь!

* * *

За окном чернела ночь. Мари встала из-за стола и стала торопливо расставлять стулья в классе, упрекая себя за то, что поддалась отчаянию. Огонь в печи потух. Девушка быстро надела мантию, ботинки и вышла из школы. Небо немного прояснилось, дождь прекратился.

Сегодня Мари с удовольствием доехала бы до дома на автомобиле, такой измученной она себя чувствовала.

— Что ж, в путь! Папа наверняка выйдет мне навстречу, он всегда волнуется, если я задерживаюсь на работе.

Ясно вырисовывалась дорога, пролегающая среди спящих холмов. Мари ускорила шаг, желая побыстрее оказаться в Большом доме, стоящем высоко на холме. Она решила на этот раз не заходить на ферму. Нанетт на нее не обидится.

Проходя мимо опушки Волчьего леса, девушка замедлила шаг. Запах грибов и влажной земли пробудил в памяти множество воспоминаний. Она тряхнула головой и посмотрела в сторону холма. В «Бори» ярко светились

окна, поэтому дом четко вырисовывался на фоне неба. Должно быть, Леони ждет ее возвращения. Мари успела рассказать младшей подруге все о своем прошлом, поэтому Леони по вечерам зажигала свет во всех комнатах.

— Так ты увидишь дом издалека!

Дорогая крошка Леони! С какой любовью и заботой она играет роль ангела-хранителя! Мари подошла к развилке. Одна дорога вела к Большому дому, вторая — в Шабанэ.

Девушка по привычке посмотрела по сторонам. Ей показалось, что по второй дороге кто-то идет.

Снедаемая волнением и любопытством, Мари решила немного подождать. Она не ошиблась — кто-то, как и она, куда-то шел сквозь тьму осенней ночи. Рядом журчал ручей, от него поднимались вытянутые лоскуты тумана, которые повисали в метре от земли, меняя форму и сгущаясь, чтобы потом растаять в лесу.

Половина неба совсем очистилась от туч, и показался серп луны. В голубоватом лунном свете туман заиграл всеми цветами радуги. Мари теперь не видела ничего на расстоянии двух метров, но звук шагов был отчетливо слышен. И вдруг ее осенила догадка. Конечно же, это ее отец!

— Папа! Папа, я здесь! — обрадованно воскликнула она.

Ей ответил молодой и сильный голос:

— Мари, это ты? Мари!

У девушки голова пошла кругом. Разве могла она не узнать этот голос?

— Пьер! Милый мой Пьер! — вскричала она, бросаясь ему навстречу.

Это был он! На плече Пьер нес рюкзак. Мари прижалась к его широкой груди, от счастья не чувствуя под собой ног.

— Пьер, ты вернулся! Спасибо тебе, Господи!

Пьер нашел губами ее губы. Мари почувствовала, что у него по щекам катятся слезы. Она еще крепче обняла его, растворившись в этом страстном поцелуе.

Когда же, наконец, ей удалось перевести дыхание, девушка воскликнула с волнением в голосе:

— Вот Нанетт обрадуется! И я тоже так рада, Пьер! Ты получил отпуск, да? Какое счастье! Идем скорее домой!

Но Пьер остался стоять на месте.

— Подожди, Мари! — сказал он наконец. — Я не в отпуске, я демобилизовался. Теперь я иду к родителям. С тобой я думал поговорить завтра.

Удивленная Мари отступила, и Пьер шагнул к ней. Потухшим голосом он сказал:

— Мари, неужели ты не видишь? Я хромаю! Это потому, что я потерял ногу. Я не решился вам об этом написать. Я был в госпитале с июня. Они сделали мне протез. И если ходить с ним долго, это больно.

Пьер вынул из внутреннего кармана куртки портрет Пресвятой Девы Обазинской.

— Еще меня ранило в грудь, с левой стороны. Удар штыком пришелся в самое сердце, но металл скользнул по стеклу, и оно даже не разбилось. Так что этот портрет спас мне жизнь. Штык раскроил мне бок, но рана быстро затянулась. Это настоящее чудо!

Мари снова прижалась к Пьеру.

— Но я думаю, было бы лучше, если бы я умер, — продолжал юноша с горечью. — Я теперь безногий, конченный человек! Я калека, Мари... Поэтому я возвращаю тебе твое обещание. На войне очень страшно. Если бы ты только знала... Скотобойня, смерть кругом...

Девушка заставила его замолчать поцелуем, более нежным и строгим. Она обняла его за шею, прижалась к нему всем своим молодым телом:

— Пьер! Пресвятая Дева сберегла тебя, ты жив! Ты здесь, ты вернулся, и я люблю тебя, как я тебя люблю! И всегда буду любить! Я хочу только тебя, и никого другого, Пьер, любимый! Ты пострадал, защищая нашу Родину, и в моих глазах ты герой, как и в глазах наших будущих детей! Пьер, прошу тебя, больше никогда не покидай меня!

Жан Кюзенак, которого и вправду обеспокоило долгое отсутствие дочери, спускался с холма. В месте, где сходились две дороги, он увидел обнимавшуюся пару. Он узнал голос Мари, которая повторяла: «Пьер! Пьер!»

Он все понял и повернул назад, к дому. Через полчаса, а может, завтра, он услышит рассказ Пьера. А пока влюбленных лучше оставить наедине друг с другом...

Глава 15

Долгожданный день

Мягкий солнечный свет лился на холмы, усеянные желтыми лютиками и маргаритками. На ферме Нанетт заканчивала украшать ригу, где было решено поставить праздничный стол. Леони, Пьер, Жак и Алсид задрапировали стены белыми простынями и украсили ветками с молодой листвой.

В «Бори» портниха и ее помощницы наряжали новобрачную. Жан Кюзенак взял Пьера управляющим и выплатил ему сразу три месячных оклада, поэтому юноша смог из собственных денег оплатить белое платье для Мари, однако, по лимузенскому обычаю, должен был впервые увидеть наряд невесты только на свадьбе.

Платье было простого кроя, с кружевами, перламутровыми пуговицами и пояском, украшенным букетом флердоранжа [\[21\]](#).

Мари сама захотела отпраздновать свадьбу по деревенскому обычаю. Ее отец охотно согласился, он был счастлив разделить радость с Жаком и Нанетт. К тому же Жан Кюзенак порядочно устал от буржуазных замашек своей покойной супруги Амели. Сегодня он с нетерпением ожидал появления дочери, чтобы отвезти ее в церковь в открытом экипаже, тщательно вымытом и украшенном цветами. Старый Плут, тот самый конь, что десять лет назад привез Мари в Прессиньяк, казалось, гордился своей ролью.

Наконец девушка спустилась на первый этаж — сияющая, под увенчанной цветами померанцевого дерева вуалью.

— Папа! Дорогой папочка! Едем скорее, Пьер, наверное, уже ждет!

Свадебный кортеж сформировался на ферме, где уже успели собраться все гости. Шаферы вручали подружкам невесты, в числе которых была и растроганная Леони, букеты цветов.

Мари шла под руку с отцом, а Пьер в красивом черном бархатном костюме замыкал шествие, рука об руку с Нанетт. У него был новый протез, и он наотрез отказался взять тросточку. Молодой и сильный, жених вовсе не походил на инвалида. Из Массиньяка пригласили скрипача, и теперь он шел перед кортежем, наигрывая на своем инструменте.

Вскоре новобрачные оказались перед мэрией. Там состоялось гражданское бракосочетание, после чего все отправились в церковь. Над

поселком разносился звон колокола — знаменитой Марии-Антуанетты. Об этом позаботился кто-то из шаферов.

Мари и Пьер, оба взволнованные и серьезные, обменялись обручальными кольцами. Приглашенный Жаном Кюзенаком фотограф увековечил торжественный обряд. Потом с песнями и смехом гости и молодожены отправились обратно на ферму. Нанетт три дня готовила праздничное пиршество, а мсье Кюзенак, не слушая ничьих возражений, заказал у лучшего кондитера в Шабанэ огромный фигурный торт.

Подойдя к риге, Мари увидела над дверью ленту с надписью «Счастья молодоженам!».

Тут уж невеста, которая во время церемонии не проронила ни слезинки, заплакала. К ней подбежала Леони:

— Входите скорее! Посмотрите, как мы здорово все украсили!

Гости стали рассаживаться за двумя столами, накрытыми белыми скатертями. Первым подали фирменный суп Нанетт, за которым последовали разнообразные блюда, в том числе жареное мясо и вкуснейшее рагу. Вино лилось рекой. Длилось пиршество допоздна.

Праздничные песни и танцы позволили собравшимся ненадолго забыть о тех, кто никогда не вернется домой, о плохих урожаях и страхе перед завтрашним днем.

Ночь с 30 апреля на 1 мая 1916 года

— Мари, Мари из «Волчьего Леса», дорогая, если бы ты знала, как я счастлив! Я так ждал этой минуты, когда ты, наконец, окажешься в моих объятиях! В окопе, чтобы не струсить, я думал только о тебе... и о дне нашей свадьбы. Это была прекрасная мечта, которая сияла в глубине моего сердца!

Мари прижалась щекой к плечу мужа. Наконец они остались одни в ее комнате на втором этаже Большого дома.

Жан Кюзенак решил на два дня оставить их в «Бори» одних, поскольку молодожены отказались от свадебного путешествия, а сам на это время уехал в Массиньяк к знакомому, владевшему гостиницей.

Пьер смотрел на нее взглядом мужчины, жадным и ласкающим. Потом он положил ладони на талию жены так, что пальцы коснулись ее груди.

Тело Мари напряглось. Несколько минут назад, когда Пьер, не испытывая особого смущения, вышел из ванной в ночной сорочке, с

голыми ногами, она покраснела от стыда. Он же бросился на постель и сказал, улыбаясь:

— Теперь твоя очередь, женушка, снять платье и украшения! Я жду тебя!

Девушка довольно долго приводила себя в порядок, запершись на ключ в маленькой комнатке, которую отец оборудовал умывальником и ванной. Раздеваясь, она думала о том, что ее ждет. Мари много лет работала на ферме, поэтому знала, как «это» происходит у животных. У нее не было никаких иллюзий относительно процесса зарождения новой жизни. И все-таки давящий страх сковывал ее движения, мешал почувствовать себя счастливой...

Устроившись на кровати рядом с Пьером, она с ужасом стала ждать мгновения, когда он попросит у нее нечто большее, чем поцелуи. Словно отвечая на ее мысли, молодой супруг стал ласкать ее.

— Ты такая красивая, Мари! Самая красивая в Прессиньяке!

Мари заставила себя улыбнуться, хотя на душе стало гадко. Пьер хотел польстить ей, но эти слова были девушке неприятны. От кого она слышала подобный комплимент? Ах да, от Макария! Он говорил так же, пытаясь изнасиловать ее...

Сгорая от нетерпения, Пьер потянулся к жене с поцелуем, но перед глазами Мари вдруг предстала та ужасная сцена, постыдные подробности которой она напрасно старалась изгнать из памяти...

Дыхание Пьера стало прерывистым. Он попытался проникнуть пальцами под кружева ночной сорочки Мари. Она стремительно отстранилась.

— Мари, дорогая! Что с тобой? Я так сильно тебя люблю!

Она ответила с виноватой улыбкой:

— Я очень волнуюсь, прости меня. Наверное, это все из-за папиного шампанского... Я не очень хорошо себя чувствую. И голова болит...

— Мари, не бойся! Я знаю, что для тебя это в первый раз. Я не буду грубым...

Девушка отодвинулась еще немного. Слова Пьера показались ей хорошим поводом, чтобы отвлечь его разговором.

— А для тебя, Пьер, это первый раз? — спросила Мари, и голос ее дрогнул.

Смущенный Пьер кашлянул. Как объяснить девушке с такими невинными глазами, что жизнь заставляет солдат искать забытья и удовольствий в объятиях легкодоступных женщин? Он погладил жену по щеке и ответил едва слышно:

— Нет, Мари! Больше года назад, когда я уезжал, я мог бы поклясться, что никогда не целовал ни одной женщины, кроме тебя. Но на фронте, получив увольнительную, я всюду следовал за товарищами. Я спал с женщинами, которым только этого и было надо. В этих связях не было любви, ты должна это понять. У мужчин есть свои потребности, особенно если они знают, что до завтра можно и не дожить. Но тебя, моя Мари, я люблю, сильно-сильно люблю уже много лет...

— Я не сержусь на тебя, мой Пьер! Ты вернулся, и мне не придется всю жизнь тосковать без тебя. Ты жив, и я — твоя супруга перед Богом и людьми!

Пьер не мог больше сдерживать желание, обжигавшее ему чресла. Решив, что пришло время действовать, он снял сорочку. Вот так, с обнаженным торсом, он показался Мари красивым и в то же время внушающим страх. Она сделала над собой усилие, чтобы расслабиться, но тело ее не слушалось.

— Пьер, мне страшно! Будь со мной нежен, прошу тебя! Я люблю тебя, ты знаешь, что люблю, но мне страшно...

Мари спрыгнула с постели. Пьер выругался, когда жена бегом выскочила из комнаты.

— Мари, ты куда? Мари!

Это было настоящее бегство — бессмысленное, безумное. Мари пришла в себя, очутившись в кухне. Здесь она когда-то чувствовала себя такой счастливой... Это было давно, ей тогда было пятнадцать, и Пьер обожал ее, защищал, не требуя большего... В то время она чувствовала, что он ее любит, но теперь он стал для нее чуть ли не врагом. Прижавшись к стене, она зарыдала.

— Я не хочу! Он не имеет права!

Услышав голос Пьера, она вздрогнула. Юноша беззвучно вошел в кухню, с голым торсом, но в штанах.

— Мари! Ты меня не хочешь, в этом все дело?

Она не нашлась, что ответить. Ни слова утешения не сорвалось с ее губ. Увидев выражение его лица, Мари по-настоящему испугалась, но смогла только отрицательно покачать головой. Пьер подошел ближе и замер возле стола.

— Послушай, Мари! Мне хочется верить, что ты плохо себя чувствуешь, а может, просто боишься стать моей женой этой ночью! Мне это неприятно, и... я не могу понять, почему. Но я слишком сильно люблю тебя, Мари, и не стану заставлять. Я слышал из спальни, что ты плачешь...

Девушка выпрямилась, охваченная жалостью.

— Пьер, единственное, чего я прошу, — дай мне немного времени! Я люблю тебя, клянусь тебе в этом перед Господом, но я не готова! Прости меня...

Он повернулся к жене спиной, чтобы не видеть ее — в полупрозрачной ночной сорочке, с распущенными волосами... Она была слишком желанна.

— Я пойду спать в гостевую комнату. В ту, где когда-то жила мадам Кюзенак. Нет, я ошибся, раньше в этой комнате ночевал Макарий, когда приезжал в гости. Шикарный парень, теперь он живет в городе! Наверное, ему бы ты не отказала, как мне, надень он тебе обручальное кольцо на палец!

Не осознавая жестокости своих слов, Пьер вышел из кухни и тяжелым шагом поднялся по лестнице. Мари же словно окаменела. Как он посмел сказать такое! Впервые в жизни девушку захлестнула горячая волна гнева.

* * *

Аромат кофе разбудил Мари и заставил встать с постели. Она плохо спала и теперь боялась встречи с Пьером.

Он завтракал в кухне, одетый для прогулки верхом. На столе стояла тарелка с ломтями хлеба, масленка и горшочек с вареньем.

Гладко выбритый, супруг ел с мрачным видом.

— Доброе утро, Пьер! — дрожащим голосом нарушила молчание Мари.

Он не ответил. Даже не взглянув на жену, Пьер вышел через заднюю дверь, которая вела во двор, к конюшне. Мари такое поведение супруга очень огорчило.

День тянулся невыносимо долго, и Мари сто раз собиралась спуститься на ферму, чтобы спросить у своей милой Нан совета, но... так и не решилась.

Перед ужином она закрылась в своей комнате. Постель она тщательно привела в порядок еще утром. Сколько воспоминаний пронеслось перед ее мысленным взором, пока она перетряхивала простыни и одеяла! Пьер, еще подросток, поднимается на чердак родительского дома, где она стучит зубами от холода... Мари вспомнила, как тогда было темно и как он приказал ей лечь в общей комнате в постель, еще хранившую тепло его тела.

Мари решила искать примирения. Надела синее атласное платье, уложила волосы в красивый узел на затылке, шею украсила подаренной

отцом ниткой жемчуга, чудесно оттенявшей ее слегка загоревшую кожу. Отражение в зеркале ей понравилось, но она не знала, что подумает Пьер, увидев ее такой — девушкой из обеспеченной семьи, наделенной, к тому же, естественной грацией и внутренним достоинством.

Они ужинали, сидя друг напротив друга, и молчали. Создавалось впечатление, что тишина Большого дома действует на обоих угнетающе. За десертом Мари наконец сказала негромко:

— Пьер! Мне очень жаль! Я думала, что сегодня мы сможем поговорить, погуляем вместе... Погода такая хорошая! Пьер, ответь ради бога!

Он вздрогнул — столько неприкрытой боли было в голосе Мари.

— Я знаю, что разочаровала тебя, — продолжала Мари. — Но разве это повод, чтобы дуться, как ты сегодня, избегать меня весь день?

Он резко поднял голову. Черные глаза Пьера не отрываясь смотрели на взволнованное лицо девушки. И такое искреннее непонимание, такая печаль отражались на ее лице, что твердыня гордости, в которой он заперся, зашаталась:

— Бедная моя Мари, ведь ты ничегошеньки не знаешь о мужчинах! В этом все и дело. Вчера я почувствовал себя униженным, смешным, обманутым! Я всю ночь мучился от неудовлетворенного желания. А ты еще удивляешься! К чему было жениться, если мы спим в разных комнатах — ты на втором этаже, а я — на третьем?

Мари не ожидала такого откровенного признания, и ее щеки запылали.

— Я не знала, что это так важно... — пробормотала она. — Я думала, что любовь может обойтись без желаний плоти!

Пьер расхохотался.

— Вот странное дело! — сказал он насмешливо. — Две недели назад, когда я тебя целовал, ты не казалась такой недотрогой! Откуда я мог знать, что остального тебе вовсе не хочется?

Мари спросила себя, нарочно ли Пьер выбирает такие грубые, вульгарные слова. Наверное, нарочно. Но разговаривая в таком тоне, они не помирятся. Девушка встала и подошла к мужу.

— Прости меня, Пьер! — сказала она. — Я обидела тебя, но это не повод быть грубым! Или ты думаешь, что меня легче будет соблазнить, если ты станешь вести себя, как эта свинья Макарий или твои приятели по бистро?

Удар пришелся в цель: Пьер, побледнев как полотно, налил себе вина в стакан и выпил залпом. Весь день он укорял себя за то, что обидел Мари, вспомнив о Макарий. Она все еще сердилась на него, это было очевидно.

Он украдкой посмотрел на жену и подумал, что она сегодня очень хороша. Даже слишком хороша для крестьянина, которым он был и навсегда останется. Да правда ли вообще, что эта девушка в элегантном платье, с правильной речью, — его жена?

— И ты прости меня! — сконфуженно пробормотал он.

Пьер притянул ее к себе и, чтобы не видеть лица Мари, прижался лицом к ее плиссированной юбке. Мари легонько погладила мужа по волосам. Пьер встал и обнял ее.

— Моя дорогая женушка! Моя милая Мари!

Он старался быть нежным, чтобы не испугать ее снова, но даже поцелуй его выдавал силу мужского желания. Мари закрыла глаза и позволила увлечь себя в спальню...

* * *

Следующие десять минут для стыдливой от природы девушки стали настоящей пыткой. Сжав кулачки, закрыв глаза, она боролась с собой ради того, чтобы удовлетворить желания мужа. Пьер, увидев, что она не сопротивляется, воспользовался моментом. Навалившись на нее сверху, он прошептал:

— Ты такая красивая, вот так, без одежды!

Вскоре Мари пронзительно вскрикнула. Острая боль терзала тело, а Пьер все повторял, забывшись, будто в сладострастном бреду:

— Ты моя! Наконец моя! Моя! Моя...

Через несколько секунд Мари уже рыдала, повернувшись к Пьеру спиной. Тот был искренне огорчен тем, что не смог сдержаться и обошелся с женой грубо. Желая ее успокоить, он провел пальцем по ее спине. Но Мари не испытывала ничего, кроме тоски и отвращения к телесной близости. Раньше их с Пьером поцелуи казались ей восхитительными. Юноша никогда не пытался даже прикоснуться к ее груди или бедру. А теперь, только потому что надел ей на палец кольцо, он повел себя, как Макарий. И даже еще хуже...

Мари пребывала в полной растерянности. Неужели она недостаточно сильно любит Пьера? Нет, это невозможно, она его обожает. От обручения до свадьбы прошло совсем немного времени, и в эти дни они с Пьером не раз оставались наедине друг с другом, и он всегда был с ней нежен и ласков. Рядом с ним она испытала новые ощущения — неясное томление во всем теле, робкое удовольствие... Почему же сейчас все по-другому?

Пьера в это же время одолевали совсем уж мрачные мысли. Что, если Мари отталкивает его физическая неполноценность? Он бы не удивился, узнай, что так оно и есть. Какая женщина захочет всю жизнь делить постель с калекой?

Но если это так, зачем она вышла за него замуж? Возможно, потому, что решила остаться верной обещанию, или из жалости. Нет, на такое он никогда не согласится. Внезапно Пьер вспомнил, что в конце свадебного пира к нему подошел мсье Кюзенак и шепотом попросил быть с Мари терпеливым и очень нежным. Какие у него были на то причины? Может, он знает что-то о своей дочери, что неизвестно ему, Пьеру?

Мари, натянув простыню до подбородка и уткнувшись лицом в подушку, все еще плакала. Девушке казалось, что все ее мечты о любви рассыпались в прах, что она очутилась в пустоте, лишившись того, чего так долго ждала. Ей казалось, что случилось самое страшное и ничего нельзя с этим поделать. Она принесла себя в жертву ради счастья Пьера, и теперь страдало не только ее сердце, но и тело. Но какой смысл вообще позволять делать с собой это, если каждый раз после акта телесной любви она станет испытывать такую обиду и отвращение? А так и будет, Мари была в этом уверена...

— Пьер, только не уходи! — взмолилась она в отчаянии.

Он не ответил. После этих слов молодой жены ему вдруг захотелось именно этого — убежать, поскольку мысли его стали совсем уж мрачными. Выходит, Мари его не любит. И клятвы, которыми они обменялись у источника в Волчьем лесу, детские обещания не помогли избежать этой минуты разлуки, этого безмолвного ожесточения...

Причину всему Пьер видел в проклятой войне, сделавшей его инвалидом. Он многое вынес, жил в грязи, сталкивался со смертью лицом к лицу каждый день, и все для того, чтобы потерять любимую женщину? Пьер не привык сдерживать свой гнев: когда он ударил кулаком по ночному столику, свеча упала и потухла.

— Признайся мне! — выкрикнул он. — Противно спать с калекой? Я тебе отвратителен? Скажи правду!

Мари села на постели. Она дрожала.

— Пьер! Прошу тебя, не говори так! Успокойся, ты меня пугаешь!

— Я проклиная тех, кто отправил меня на фронт! Они разбили мою жизнь! Проклинаю твоего отца и его хорошие манеры! Он тоже... Он украл тебя у меня!

— Пьер, замолчи! — отозвалась испуганная Мари. — Ты сошел с ума! Твоя жизнь не разбита, и отец никогда не пытался нас разлучить!

Ей захотелось приголубить его, и она протянула руки. Пальцы наткнулись на мускулистую грудь Пьера, на ощупь кожа оказалась такой теплой и гладкой... В порыве сострадания она прижалась губами к груди мужа. Мари думала, что своей нежностью сможет прогнать из головы Пьера мучившие его сомнения. С детства он, ее верный друг, был очень гордым и обидчивым. И как только она могла быть такой глупой? Конечно же, Пьер решил, что она недостаточно сильно его любит, и всему виной искалеченная нога...

Должно быть, он почувствовал себя униженным, испытал гнев от своего бессилия что-либо изменить...

— Дорогой, прости меня! Я так тебя люблю! Мой любимый Пьер из «Волчьего Леса», не сердись на меня! Ты — мой герой, и как только тебе в голову пришло, что я могу испытывать к тебе отвращение? Мне просто было очень больно!

Желая побыстрее успокоить супруга, Мари прибегла к ласке. Ее маленькие пальчики нежно пробежали по его груди, рукам. Он молчал, и это успокаивало ее. Она придвинулась еще ближе, прижалась к нему всем телом, и губы их встретились в бесконечном поцелуе.

Пьер колебался. Стоит ли верить Мари? Он знал, что она великодушна и у нее верное сердце. Но искренне ли она его любит?

И все-таки мало-помалу он переставал терзаться сомнениями. Соединивший их поцелуй был так чудесен, что Пьер ощутил, как его накрывает волна блаженства. Что до Мари, то она и не думала сопротивляться слегка пьянящему ощущению, охватившему ее тело и усиливавшемуся с каждым мгновением, в ритме биения ее сердца. Она забыла о своей наготе, о наготе Пьера. Одно имело значение — этот охвативший их обоих жар, подсказывающий вечные движения, дарящие наслаждение... Любовь восторжествовала, поправ горести и сомнения. Мари больше не было страшно. Знакомый голос уткнувшегося ей в шею Пьера шептал ласковые слова, и она отвечала на них восторженными вздохами. На этот раз она сама притянула его к себе, стгорая от любопытства и нетерпения. Когда Пьер снова вошел в нее, нежно, не торопясь, она воскликнула, открываясь ему навстречу:

— Мой Пьер, я люблю тебя! Люблю!

Глава 16

День, когда с неба падал снег

Декабрь 1916 года

— Леони, эта распашонка — просто чудо! У тебя пальчики сказочной волшебницы! Монахини из Обазина могут тобой гордиться. Когда ты берешься за иголку, тебе нет равных!

Мари не сводила восторженных глаз с крохотной белой кофточки, украшенной вышитыми цветами, с кружевом вокруг воротничка. Довольная похвалой, Леони ответила радостной улыбкой.

В «Бори» царила атмосфера праздника. Приближалось Рождество. За окном, словно спеша явиться в положенное время, тихо и густо падал снег.

Девушки часто смотрели из окна на покрытые белым пушистым одеялом поля и луга, испытывая при этом приятное чувство защищенности от всего плохого, в особенности от треволнений, связанных с войной. Когда они сидели вот так, друг напротив друга, у камина, им казалось, что они отрезаны от мира благодаря белой пелене, изменившей до неузнаваемости знакомые места.

— Как нам повезло, дорогая! — растроганно сказала Мари. — Не знаю, помнишь ли ты, но я вспоминаю один зимний день там, в приюте... Ты заболела, и я читала тебе сказку Андерсена о маленькой русалочке. У тебя была высокая температура, и я просила Господа поскорее послать тебе выздоровление. А сегодня мы здесь, вместе. И ты, Леони, шьешь прекрасные распашонки для моего малыша!

Молодая женщина положила руку на живот — жест, в последние месяцы ставший привычным, так что она его уже не замечала. Какая это радость — чувствовать в себе новую жизнь, ощущать движения своего первого ребенка...

Вся семья с восторгом ожидала рождения малыша. Счастлирое событие должно было произойти в последние дни февраля.

Довольная Нанетт не скрывала, что никак не дождетя момента, когда, наконец, сможет вдоволь понынчиться с младенцем, а пока проводила вечера за вязанием, и Жак, лежа на своей постели, терпеливо выслушивал, что нового выдумали соседи про обитателей «Бори».

Что до Жана Кюзенака, то он знал, что будет нежно любить внука или внучку, тем более что в молодости он был лишен радостей отцовства.

— По-моему, Пьер приехал! — воскликнула вдруг Леони.

Мари прислушалась. Кто-то шел по коридору.

— Но ведь Пьер с папой уехали в Шабанэ, они не могли вернуться так быстро, особенно если учесть, что днем выпало столько снега! — удивилась Мари. — Дороги наверняка в ужасном состоянии!

Леони встала и, убрав с лица непослушную прядь, сказала:

— Пойду посмотрю! Сиди, Мари. Может, они решили вернуться...

Девушка не успела дойти до порога, как дверь в комнату распахнулась. В дверном проеме появился мужчина и стал стряхивать снег с сапог прямо на навощенный паркет. Он был в шапке и полушубке, но Мари узнала его сразу же.

— Макарий! Но какое право вы имеете врывать ко мне, даже не позвонив в дверь? Вас никто не приглашал!

Леони осталась стоять, она совершенно растерялась. Бледность Мари испугала ее. Разумеется, девушка достаточно долго жила в «Бори» и не слышала о племяннике мсье Кюзенака, причем домашние отзывались о нем весьма нелестно. Однако она не знала, что Мари так сильно его боится.

Макарий вошел в комнату с насмешливой улыбкой на устах.

— Мадам строит из себя знатную даму? Когда мне об этом сказали, я не поверил! Давно ли ты, Мари, натирала паркет под присмотром тетушки и мыла грязные тарелки? А теперь посмотрите на нее — мы отдыхаем в гостиной!

Мари напряглась, готовясь дать отпор. Она бросила быстрый взгляд на Леони, желая убедить себя, что ей не придется «сражаться» с Макарием один на один. А тот, насвистывая, прохаживался по комнате, без стеснения трогал безделушки, касался мокрыми перчатками мебели. Наконец язвительным тоном он обратился к Мари:

— И где же твой неотесанный муженек и мой дядюшка? Мне, видишь ли, надо с ним переговорить.

— Они уехали на целый день, — ответила Леони, которая инстинктивно насторожилась, — молодой человек ей очень не понравился.

Макарий между тем подошел к девушке почти вплотную, внимательно посмотрел на нее и отстранился с вопросом:

— А это еще кто такая? Служанка? Если да, то как она смеет говорить со мной в таком тоне?

Мари вскочила с кресла, но вдруг ноги ее стали ватными.

— Леони моя подруга, — сухо ответила она, стараясь сохранить

выдержку. — Моему отцу не понравится ваше поведение, Макарий. Насколько я знаю, он запретил вам приезжать в «Бори». Поэтому советую вам уйти, и поскорее!

Макарий повернулся к Мари. Окинув взглядом ее пополневшую фигуру в элегантном платье, он криво усмехнулся:

— Вот оно что! Мадам нагуляла себе ребеночка! И кто же у нас отец? Хромой крестьянин?

Мари вздрогнула. Чувство, весьма похожее на ненависть, поднималось в ее душе. Ну зачем Макарий явился сюда? С его появлением разрушилась гармония этого чудесного зимнего дня. По какому праву он вообще находится здесь, оскорбляет ее?

Макарий же, несмотря на снедающую его злобу, отметил, что Мари все так же хороша собой. Эта девушка, даже с расплывшейся из-за беременности фигурой, как и прежде возбуждала в нем желание.

Еще много жестоких слов могло сорваться с его языка, но он уже переступил черту: услышав оскорбление в адрес мужа, молодая женщина бросилась к нему и вlepила звонкую пощечину.

Этот жест освободил Мари от долго терзавшего ее кошмара. Много лет она мечтала ударить Макария, однажды ночью попытавшегося ее изнасиловать. Ведь не поспей вовремя Жан Кюзенак, этот боров добился бы своего!

Макарий пару секунд стоял, не в силах поверить в случившееся. Она осмелилась ударить его по лицу! Сжав кулаки, он сделал шаг назад:

— Потаскуха! Моя воля, я бы задал тебе такую трепку, ты бы света белого невзвидела! Да кто ты вообще такая?!

Леони не помнила себя от ужаса, однако поспешила стать рядом с Мари, которая приготовилась защищаться. Молодая женщина испытала огромное удовлетворение: красный отпечаток ладони на щеке врага придал ей храбрости. Она указала Макарию на дверь:

— Уходите немедленно! Вы не имеете права оскорблять меня, и еще меньше — Пьера! Он, по крайней мере, сражался за Родину, и ранение — свидетельство его мужества. Не о каждом можно сказать так, не правда ли, Макарий?

Удар пришелся точно в цель. Родителям молодого человека удалось спасти его от участи солдата, за бешеные деньги купив справку о плохом состоянии здоровья. Мари узнала об этом от своего отца, которого возмутила трусость племянника.

Макарий колебался. Будь его воля, он бы ответил на упрек ударом, но он предусмотрительно сдержал свой порыв. Жан Кюзенак заставил бы его

дорого заплатить за любой неверный шаг.

— Уходите из моего дома! — жестко повторила Мари.

— Прекрасно! — проворчал он. — Я уйду! Я хотел поговорить с дядей, но это не срочно. А тебе, Мари, я кое-что скажу: я никогда не забуду этой пощечины. Рано или поздно ты мне за нее заплатишь!

Мари сделала вид, что не слушает. С безмятежным видом она вернулась к своему креслу. Взгляду Макария открылась ее изящная шея под тяжелым узлом волос, и он вспомнил, как нежна ее кожа... Но это было давно, и она тогда была всего лишь служанкой...

В три шага преодолев разделяющее их расстояние, Макарий склонился к Мари, взял ее за плечи, повернул к себе и внезапно прижался губами к ее губам. Поцелуй был коротким, грубым. Леони вскрикнула.

Макарий отошел от Мари и бросил злобно:

— Я приехал сообщить моему дорогому дядюшке, что моя жена ждет ребенка. Наш малыш уж точно не сын какого-то там пахаря! До скорой встречи, Мари! И передай мои наилучшие пожелания сыну фермеров. Вижу, он так и не научил тебя целоваться!

Мари прижала руки к лицу, словно желая скрыть позорную отметину. Она почувствовала, как огромная тяжесть навалилась на ее сердце и на ее счастье.

Леони подбежала и обняла подругу:

— Мари, ничего страшного не произошло, не плачь! Пьер сумеет наказать этого хама!

— Леони, умоляю, Пьер ничего не должен знать! Он убьет Макария! Ты же знаешь Пьера! Он ненавидит этого подонка. Я не хочу, чтобы случилось страшное...

На улице хлопнула дверца автомобиля и послышался рокот мотора. Девушки поняли, что нежданный гость убрался восвояси. Леони подвела Мари к дивану.

— Ты вся дрожишь! Ляг, я приготовлю тебе травяной чай. Господи, как он мог так с тобой поступить, ведь ты ждешь ребенка!

Мари легла и разрешила укрыть себя теплым одеялом. Забота Леони подействовала на нее успокаивающе, но губы все еще ныли. Она провела по ним кончиками пальцев.

— Леони, у меня кровь на губах... Он укусил меня, он хотел, чтобы у меня остался след от его омерзительного поцелуя! Как же я его ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Девушка не знала, что на это ответить. Лучшим выходом ей показалось что-либо предпринять, поэтому Леони бегом отправилась в

кухню и вернулась к Мари с влажной салфеткой в руке.

— Держи, вытри губы. Я намочила ее холодной водой. Кровь остановится!

Мари подчинилась, как ребенок. В течение многих часов после инцидента Леони старалась ее развлечь, заставить забыть о случившемся. После полдника Мари почувствовала себя лучше.

Когда стало темнеть и пришло время зажигать лампу, Мари присела на диван и взяла за руки Леони, устроившуюся рядом:

— Леони, я хочу доверить тебе секрет. Мне сделать это очень нелегко. Это позор, который я несу на себе уже много лет. Надеюсь, ты не будешь шокирована моим признанием... И ты поймешь, почему я хочу скрыть от Пьера поступок Макария. Это случилось в то время, когда я была в этом доме прислугой. Я спала тогда в каморке под крышей. Макарий не давал мне покоя своими издевками, а потом... Однажды вечером он поднялся ко мне в комнату...

* * *

Мари рассказала отцу о визите Макария, но, упомянув, что вел он себя невежливо, она умолчала об оскорблениях и постыдном поцелуе.

К чему, решила она, раздувать между дядей и племянником огонь вражды, тлевший вот уже много лет? К тому же теперь у нее появилась иная забота. Мари никому не решалась пожаловаться на боль, которая однажды возникла внезапно и стала навещать ее с пугающей регулярностью, заставляя по нескольку часов проводить в постели. Надеясь скрыть от всех свое недомогание, она стала поздно вставать, после полудня ложилась отдохнуть, и никому из домашних даже в голову не приходило ее беспокоить...

Приближалось Рождество. Однажды на рассвете Пьер отправился в Волчий лес за остролистом и омелой. Вместе с Леони они украсили зеленью столовую и гостиную.

— Мари пригласила моих родителей на праздничный рождественский ужин! В этот раз мы не пойдем на полуночную мессу, — объявил Пьер своей помощнице, которая была счастлива устроить Мари сюрприз.

— Нанетт приготовит пирог с дичью и сладкие пирожки. А я придумала просто королевское меню!

Они засмеялись. Жан Кюзенак, который как раз разбирал счета в гостиной, услышал их веселые голоса и вышел поздороваться.

— Признавайтесь, что вы замышляете?

Увидев расставленные повсюду букеты зеленых листьев в вазах, он растроганно закивал:

— Моя мать тоже украшала дом к Рождеству омелой и остролистом! Замечательная мысль! Нашей крошке Мари наверняка понравится. Пьер, как себя чувствует твоя жена? Мне кажется, последние несколько дней она выглядит бледной...

Пьер пожал плечами. Беременность жены льстила его мужскому самолюбию, однако он с сожалением вспоминал о первых месяцах их супружеской жизни, когда Мари пылко и с радостью отвечала на его ласки. Теперь же — и Пьер считал такое положение вещей абсолютно нормальным — она отказывалась от любовных игр.

— Мари чувствует усталость, но мама меня успокоила, — вздохнул он. — Сказала, что в ее положении это нормально. Когда малыш родится, ей станет лучше, я уверен. Пока у нее одно на уме — когда же можно будет власть с ним понянчиться.

Леони оставила мужчин наедине. У нее было много работы — до праздничного ужина оставалось всего четыре часа...

Пьер после разговора с тестем отправился в конюшню, а Жан Кюзенак на цыпочках поднялся на второй этаж и тихонько постучал в дверь спальни дочери.

— Входи, папочка!

Мари лежала на кровати. Опершись о подушку, она писала письмо монахиням конгрегации Святого Сердца Девы Марии в Обазине. Она не забывала своих благодетельниц и активно с ними переписывалась.

— Дорогая, как ты догадываешься, кто у двери? Ведь к тебе могла заглянуть Леони или Пьер!

Поправив одеяло, молодая женщина ласково улыбнулась отцу:

— Папа, ты стучишь по-особенному, и я узнаю твой стук из тысячи! Я так тебя люблю! Скажи, на улице все еще идет снег?

Жан Кюзенак, идя к окну, заметил выражение лица дочери и не на шутку забеспокоился.

— Да, идет снег. Послушай, Мари, я сегодня же позвоню доктору Видалену. Каждое утро ты говоришь, что у тебя ничего не болит, но мне не нравится, что ты почти все время лежишь в постели, бледная, с темными кругами под глазами. Ты крепкая молодая женщина, до родов еще два месяца, и то, что ты постоянно чувствуешь себя усталой, ненормально. Нанетт со мной согласна.

Мари не ответила. Она убедила себя, что боли, которые она постоянно

испытывала, — всего лишь небольшое недомогание, связанное с беременностью, но в глубине ее души уже успел зародиться страх. Поэтому она испытала огромное облегчение, одоббив намерения отца:

— Ты прав, папа. Позови доктора. Я и вправду временами чувствую себя обессиленной.

— Моя бедная крошка! Для меня огромная радость стать дедушкой, но я временами спрашиваю себя, не слишком ли рано для тебя и для Пьера это случилось?

Жан Кюзенак присел на край кровати. Мари, чьи волосы были распущены, была похожа на маленькую больную девочку.

— Мое дорогое дитя, сокровище мое! — сказал он растроганно. — Если бы ты знала, сколько радости ты даришь мне в каждую секунду моей жизни! Я этого не заслуживаю...

Мари села на кровать. Глаза молодой женщины наполнились слезами.

— Папочка, не говори так! Ты самый лучший на свете! Если бы только эта проклятая война поскорее закончилась!

О войне они старались не говорить, потому что Пьер при любом упоминании о боевых действиях выходил из себя. Но, встречаясь на ферме, Жан Кюзенак с Жаком с жаром обсуждали хорошие и плохие новости с фронта.

И города, и деревни выглядели опустошенными. Список погибших на поле брани и раненых становился все длиннее. Часто по вечерам Мари и Леони готовили корзину для военного госпиталя в Шабанэ, куда переправляли тяжелораненых. Хозяин «Бори» наделял нуждающиеся семьи продуктами и лекарствами, поскольку зима выдалась суровой. Не перестал он ежемесячно жертвовать и солидную сумму приюту в Обазине на содержание бедных сироток. Но когда же разрешится военный конфликт? На конец декабря ни одна из воюющих стран не имела перевеса в силе. Франция связывала свои надежды на победу со стратегией нового военачальника: Нивелль пришел на смену Жоффру.

Жан Кюзенак обнял дочь.

— Когда я думаю о том, что мой племянник прячется в теплом доме, в то время как его ровесники сражаются за Францию, мне за него стыдно!

Он ощутил, что Мари напряглась. И тут его осенило:

— Дорогая, что с тобой произошло? Если подумать, твое недомогание началось с того дня, когда этот негодяй явился в наш дом донимать тебя... Он ведь не обидел тебя?

Мари заплакала, прижавшись к отцовскому плечу, словно испуганный

ребенок. Жан Кюзенак понял:

— Ты не захотела сказать мне правду? Из-за Пьера?

— Да... Он ненавидит Макария. Если бы он узнал!.. Но ничего не бойся, папа. Леони была со мной. Правда в том, что Макарий говорил мне гадкие вещи, и я изо всей силы ударила его по щеке. Конечно же, он разозлился. И... Он поцеловал меня, как скотина! Папа, я его боюсь, я не хочу больше с ним встречаться... Прошу тебя, только никому не рассказывай!

В душе Жана Кюзенака вспыхнул праведный гнев.

— Да что этот подонок себе позволяет! Если бы я был дома, я бы вытолкнул его за дверь, да еще напододал бы ногой, и с огромным удовольствием! Редчайшее ничтожество! И каков хам! Но ты не волнуйся, дальше меня это не пойдет. Обещаю тебе! Однако я съезжу к нему и прикажу никогда не являться в «Бори»! — Чуть тише он добавил: — Девочка моя! Пока я жив, с тобой ничего не случится. Вытри слезы и спокойно жди доктора Видалена. Леони приготовит нам прекрасное рождественское угощение. Забудь о Макарий! Мы просто обязаны быть счастливыми ради малыша, который скоро появится на свет!

Мари почувствовала, что на душе стало легче. Отец прав: она должна улыбаться и верить в лучшее. Ради своего ребенка.

* * *

Рождественский ужин удался на славу. Нанетт согласилась со всеми, что Леони превзошла саму себя, а девушка в ответ не переставала восторгаться блюдами, которые принесла мать Пьера.

Чета фермеров так и не смогла привыкнуть к тому, что теперь в «Бори» их принимали как дорогих гостей и часто зазывали на обед или на ужин. Нанетт чаще всего придумывала причину, по которой никак не может прийти, а про мужа говорила, что он как раз сильно занят. Чаще всего в качестве оправдания упоминалась больная овца, собравшаяся отелиться корова или сосед, который «как раз сегодня заглянет на ужин».

Но отказаться от участия в рождественском застолье Нанетт и Жак не смогли. Мари восседала во главе стола, напротив сидел ее отец. Леони всюду расставила бронзовые подсвечники, и ласковый свет тридцати восковых свечей освещал лица сотрапезников.

Нанетт в новом корсаже и с тщательно уложенными в низкий пучок волосами пыталась вести себя, «как настоящая дама». Жак снял свой

привычный картуз и аккуратно причесал седеющую шевелюру.

Жан Кюзенак искренне наслаждался приятной компанией. Пьер много смеялся, с удовольствием играя роль хозяина дома. Этим вечером он показался Мари еще привлекательнее, чем обычно. Быть может, этому способствовали серый костюм и зеленый шелковый галстук, а может, короткая борода, которую он отпустил с недавних пор.

На столе появилось шампанское и домашние бисквиты, потом Нанетт, Пьер, Леони и Мари по очереди спели по песне.

Прекрасно исполнив в два голоса «Ave Maria», девушки предались воспоминаниям о праздновании Рождества в Обазине.

Леони рассказала о случае, имевшем место во время полуночной мессы под сводами аббатской церкви Святого Стефана. Маленькие воспитанницы приюта тогда здорово повеселились, поглядывая на сестру Юлианну, кончик носа и щеки которой были в муке.

— У сестры Юлианны одна страсть — кулинария! Она отправилась в церковь прямо от печки. Она пекла для нас булочки, бедняжка! Как забавно сестра Женевьева знаками пыталась дать ей понять, что нужно вытереть лицо!

Когда же Мари вспомнила о том, с каким обожанием всегда смотрела на младенца Иисуса в колыбели, то незаметно для себя положила руки на живот. Ребенок шевельнулся в ее чреве, и на губах будущей матери заиграла нежная улыбка.

— Я так любила Божественное Дитя, что мне было стыдно грызть розовые леденцы в форме младенца, которыми угощали нас дамы-благотельницы из Брива. Мне казалось, я совершаю грех, но это было так вкусно! Потом я просила прощения...

Жан Кюзенак расхохотался. Мари тоже залилась смехом, порозовев от удовольствия.

Нанетт присоединилась к общему веселью и сказала сквозь смех:

— Слово Нанетт: своего малыша наша Мари грызть не станет, она его зацелует!

Глава 17

Ангел февраля

Обитателям «Бори» стало казаться, что Нанетт всегда жила в хозяйском доме. Распоряжения славная женщина раздавала без счета и весьма любезным тоном, который, тем не менее, не допускал возражений.

Жану Кюзенаку не пришлось долго упрашивать мать Пьера пожить немного в одной комнате с Мари. Приближался момент родов, и всерьез обеспокоенная молодая женщина все настойчивее просила: «Хочу, чтобы моя Нан была со мной!»

Пьер перебрался ночевать в каморку на чердаке, в которой обреталась Мари в те времена, когда прислуживала мадам Кюзенак. Для него это стало настоящим облегчением, ведь теперь, оказавшись в одиночестве под крышей, он мог курить в свое удовольствие и спокойно спать не просыпаясь от малейшего шороха, чтобы убедиться, что с супругой все в порядке.

Наступила оттепель, однако после нескольких мрачных и грязных дней вернулись холода, а с ними и снег. Леони тщательно следила за тем, чтобы все печи в доме работали исправно, как если бы малейшее падение температуры угрожало жизни ее дорогой подруги.

Наконец однажды вечером Мари схватила Нанетт, которая как раз расправляла простыни на ее постели, за руку.

— Нан, я что-то чувствую... Мне больно!

— Значит, моя крошка, время пришло. Самое главное — не волнуйся. Торопиться-то нам некуда.

Всю ночь тело Мари терзали мучительные спазмы. Леони то и дело поднималась на второй этаж за новостями. Дважды стукнув в дверь спальни Мари, она заглядывала в узкую щелочку и спрашивала:

— Все хорошо?

— Конечно, — с достоинством отвечала Нанетт.

— Не пора ли послать за доктором?

— Пока рано, дорогая. Возвращайся на кухню и займись вязанием, раз уж не ложишься!

Несколько часов назад Леони заявила, что ни за что не ляжет спать этой ночью. Девушке хотелось, пусть и возле подруги, заботиться о ней и ребенке, который скоро должен был появиться на свет. Поэтому она

устроилась в столовой, поближе к камину, и всю ночь молилась о здоровье и благополучии тех, кого любила. Мари не жаловалась, но при каждой схватке по ее щекам текли слезы. Молодая женщина была бледна и сильно нервничала. Нанетт сообщила об этом пришедшему навестить дочь Жану Кюзенаку:

— Я все время говорю ей, что нечего бояться, но она вся сжимается, бедняжка! Ребенок еще высоко и родится нескоро.

В те времена через это испытание проходили все семьи. Мари больше не могла сдерживать крики боли, Леони ждала в кухне, без конца подогревая воду в больших кастрюлях. Пьер предпочел отправиться на ферму, чтобы помочь отцу в хлеву.

Ему давно не доводилось заниматься привычным с детства физическим трудом, и сегодня работа на ферме принесла ему облегчение. Жак прекрасно понимал, что сына снедает беспокойство. Они как раз накладывали вилами сено коровам в кормушки, когда он сказал ободряющим тоном:

— Мари — славная девушка! Маленький родится и без помощи доктора, не терзайся понапрасну. Давай лучше выпьем по капельке за его здоровье. Готов поспорить, он появится на свет еще до ночи!

Доктор Видален приехал в «Бори» около четырех. Доктор был немолод, имел обширную практику в Шабанэ и славился своими врачебными талантами на весь регион. Жан Кюзенак желал, чтобы рядом с дочкой был компетентный специалист.

Мари прижималась к Нанетт, повторяя умоляющим тоном:

— Мне страшно, Нан! Мне так страшно! Я не знала, что будет так больно! Если позвали доктора, это значит, что-то не так?

Славная женщина задавала себе тот же самый вопрос, но с улыбкой отвечала роженице:

— Мари, все идет хорошо. Добрый доктор внизу, ему надо подготовиться. Ну, и выпить чашечку кофе с нашим муссюрком...

В это самое время в гостиной Видален, озабоченно поджав губы, сказал хозяину дома:

— Ребенок идет попкой вперед. Слава богу, плод не слишком крупный. Но ситуация меня беспокоит, тем более что ваша дочь потеряла много сил... Сделаю все, что смогу!

Мари не отпускала руку Нанетт. На цыпочках в комнату вошла Леони и стала у кровати, с тревогой глядя на страдающую подругу. Она молилась всю ночь и не нашла ничего лучшего, кроме как снова обратиться к небу с просьбой о помощи.

— Господи, помоги мне! — взмолилась и Мари.

Нанетт вздрогнула. Леони, плача, бросилась к подруге:

— Дорогая, если бы только я могла тебе помочь!

По телу Мари прошла судорога, потом молодая женщина выгнулась и застыла, мертвенно-бледная, задыхающаяся.

— Леони, быстро зови доктора! — вскричала Нанетт.

Пьер не торопился уходить из отчего дома. Он удобно, как в прежние времена, устроился на низкой скамейке. Жак, желая отвлечь его от мрачных мыслей, рассказывал сыну о коровах и овцах, делился надеждами на обильный приплод.

Его слова текли приятным журчащим потоком, в котором растворялась тревога будущего отца. Внезапно пес по кличке Фаригул, сын постаревшего Пато, вскочил на ноги и залаял. Стукнув пару раз в дверь кулаком, в дом вошла Леони в присыпанном снегом манто.

— Пьер! Мсье Кюзенак просит вас поскорее вернуться в дом! Ребенок скоро появится на свет!

Пьер надел свою коричневую шерстяную куртку и берет. Что-то явно было не так. У Пьера появилось недоброе предчувствие — предчувствие опасности, которое не раз посещало его на фронте, в чаду сражения, в грохоте разрывающихся артиллерийских снарядов...

Он молча шел за Леони, но на середине дороги спросил жестко:

— Что происходит? Я по твоему лицу сразу понял, что дело плохо!

Девушка неслась вперед не глядя под ноги, хотя дорога была покрыта островками льда. С трудом переведя дыхание, она ответила:

— Ребенок идет попкой вперед. Мари очень мучается!

Пьер запаниковал и в одно мгновение возненавидел все и вся. По своей сути молодой мужчина оставался крестьянином, который вырос на земле и не привык думать о высоком. За последнее время мысль о том, что переселение в «Бори» и резкий подъем по социальной лестнице принесет им с Мари несчастье, не раз приходила ему в голову.

Если бы Мари оставалась сиротой, служанкой, если бы, поженившись, они стали жить на ферме, роды наверняка завершились бы благополучно. Вот что происходит, если случай вмешивается в естественный ход вещей! Мари решила поиграть в даму, хозяйку Большого дома, и вот теперь за это расплачивается...

Огорчение и гнев Пьера исчезли, стоило ему переступить порог «Бори»: слабый, похожий на мяуканье голодного котенка крик донесся со второго этажа.

Широко улыбаясь, Пьер через четыре ступеньки понесся вверх по лестнице. Жан Кюзенак ожидал его на лестничной площадке, слегка бледный, но счастливый.

— А вот и наш Пьер! Друг мой, у тебя родился сын!

— Сын! Маленький мальчуган!

— Да. Но тебе придется немного подождать. Нанетт приводит Мари в порядок. Наша дорогая девочка так измучилась! Идем выпьем коньяка, это пойдет нам на пользу.

Тесть и зять, улыбаясь от радости и облегчения, направились напрямик в кухню. Там они нашли Леони, которая уже успела повязать большой белый передник. Нанетт, не особо беспокоясь о том, что в доме хозяин Жан Кюзенак, а она — всего лишь прислуга, попросила его принести теплой воды. Леони, которая очень переживала о том, что, пусть и ненадолго, но покинула подругу, бросилась помогать. Теперь, когда просьба Нанетт была выполнена, она, увидев мужчин, воскликнула:

— Я сварила куриный бульон! Нан велела принести большую чашку для Мари. Я уже бегу наверх!

Жан Кюзенак тяжело опустился на стул, Пьер последовал его примеру.

— Какое испытание, Пьер! Я подумал было, что могу потерять мою дорогую девочку. Не знаю, смог бы я тебя простить, случись с ней несчастье...

Опустошив одним глотком стакан, Пьер возразил:

— Я ее не заставлял, мою Мари. Она просто мечтала о ребенке! Я, мой дорогой тесть, мог бы и подождать.

На красивом, но грубоватом лице Пьера ясно читались обуревавшие его эмоции.

— Не расстраивайся, Пьер! Я немало пожил, так что знаю жизнь. Когда у человека совесть не чиста, ему кажется, что наказание не заставит себя ждать...

Пьер понял намек. Он хотел было ответить, но появление в кухне матери избавило его от затруднения. Румяное лицо Нанетт сияло от счастья.

— Сынок, теперь можешь пойти проведать жену, она чувствует себя хорошо. И маленький тоже!

Пьер торопливо вышел и поднялся в спальню Мари. Нанетт тихо сказала хозяину дома:

— Мари потеряла много крови. Доктор Видален беспокоится из-за этого. Он уехал, но пообещал вернуться вечером, а может, и ночью — как получится. За малыша я тоже переживаю, он дышит с трудом. Ему, как и

мамочке, пришлось помучиться...

— Нанетт, я-то думал, что самое страшное позади, а тут появляешься ты с такими новостями!

— Кому же, кроме вас, я могу сказать, что думаю, мой муссюр? Моему обормоту сыну, который петушится по поводу и без повода? Леони? Да девочка и без того от тревоги за свою дорогую Мари с ума сходит! И конечно же, не Мари — ей нужно набираться сил.

У Пьера, как он ни старался, не получилось войти в комнату тихо. Стук подбитых гвоздями башмаков вырвал Мари из приятной дремоты. Она повернулась к супругу:

— Пьер, любимый! Я родила тебе сына! Иди посмотри на него!

Она протянула ему руку. Простые слова жены привели Пьера в замешательство. Он нерешительно подошел к кровати. Мари была бледна, как снег на полях за окном. Волосы, пропитанные потом, казались темнее обычного. Красивое изможденное лицо ее вдруг показалось Пьеру чужим — наверное, виной всему были черные круги под глазами.

— Мари! Дорогая! Роды были тяжелые?

— Да, но теперь все в прошлом. Посмотри!

Леони была тут же, в комнате, она тихонько сидела у окна. Чтобы не смущать своим присутствием молодую чету, девушка прижалась лбом к оконному стеклу. Однако уйти от постели подруги она бы ни за что не согласилась.

Пьер склонился над женой и увидел, что на руках она держит новорожденного. Фиолетово-красное личико сына не показалось Пьеру симпатичным. Малыш спал — такой крошечный, что с трудом верилось, что это не кукла, что он живет и дышит...

Мари подняла голову и посмотрела на мужа. Лицо ее светилось счастьем и гордостью.

— Ну, что скажешь? Правда же, он красивый? Этот проказник родился попой вперед, но еще хуже, что шейка была обмотана пуповиной. Наверное, ему было трудно дышать, но когда доктор Видален шлепнул его по попе, слышал бы ты эти крики!

— Я с порога услышал его плач, — отозвался Пьер. — Господи, да у меня камень с души свалился! Я уже думал, что потерял вас обоих, меня холодный пот прошиб...

Мари мягко улыбнулась супругу:

— Это могло случиться. К счастью, дорогой папочка обо всем побеспокоился. Доктор Видален сделал все необходимое.

Пьеру не хотелось огорчать молодую мамочку. Он нежно погладил ее по лбу и поцеловал в щеку:

— Я уверен, что ты тоже старалась изо всех сил! Я тебя знаю — ты сильная и смелая...

После непродолжительной паузы Мари сказала с улыбкой:

— Нашего сына зовут Жан-Пьер!

— Жан-Пьер? — эхом отозвался удивленный супруг.

— Да! Я соединила имена тех, кого люблю больше всех на свете — твое и папино!

— Забавная мысль, наверно, всем это понравится. Хотя я думал, что мы назовем его в честь моего отца Жаком.

Вошла Нанетт. Она услышала последние слова сына и передернула плечами:

— Вот еще! Хватит и одного Жака в доме! Мне придумка Мари нравится — Жан-Пьер!

На этом обсуждение имени новорожденного закончилось. Глаза у Мари закрывались сами собой, однако молодая женщина нашла в себе силы спросить:

— Нан, когда мне будет можно приложить маленького к груди?

— Сначала отдохни хорошенько! После двух кружек бульона ты уже выглядишь намного лучше. Поспи, а потом дадим нашему ненаглядному малышу попить молочка.

Пьер еще раз поцеловал свою жену, на этот раз в губы. Наконец он окончательно убедился, что с ней все в порядке, что ее муки закончились. Теперь у них есть сын, и очень скоро они снова смогут наслаждаться своей любовью.

Однако Нанетт, казалось, прочла его мысли. Выйдя вслед за сыном на лестничную площадку, она сказала:

— Послушай свою мать! Тебе нужно ее... побережь. Мари понадобится время, чтобы поправиться. Самое меньшее два месяца. Если она станет кормить грудью, не может быть и речи, чтобы ты сделал ей второго малыша! А теперь идем и поедим, я голодна, как волчица!

Пьер последовал за матерью в кухню. Он тоже был очень голоден.

* * *

Леони сидела у кровати Мари, сон которой был спокоен. Новорожденный тоже спал, сжав крохотные пальчики в кулачки. Причин

для волнения не было, и девушка решила на время покинуть комнату.

За дверью ее поджидал Жан Кюзенак.

— Леони, как они?

— Все хорошо, папа Жан! Кровотечение у Мари прекратилось, и ей стало лучше. Малыш все время спит, но доктор сказал, что так и должно быть. Он достаточно намучился, наш маленький херувим, ему тоже нужно отдохнуть! Нан говорит, что после первого кормления у него появятся и силы, и голос.

Жан Кюзенак вздохнул с облегчением. Леони ласково посмотрела на него.

— Вы тоже выглядите усталым, папа Жан. Идите отдохните, я присмотрю за Мари и Жан-Пьером.

— Жан-Пьером? — удивленно переспросил отец Мари.

— Да. Так зовут вашего внука.

— Вот как! Замечательная мысль! Ты права, Леони, пойду прилягу ненадолго. Знаешь, милая, я каждый день радуюсь, что ты с нами. Я давно хотел сказать тебе, что теперь не представляю, как бы мы жили без тебя. Спасибо, Леони...

На глаза девушки навернулись слезы. Не в силах сдержать чувства, она бросилась к Жану Кюзенаку, обвила руками его шею, и он ощутил на плохо выбритой щеке легкое прикосновение ее губ.

— Дорогое дитя! Знай, что ты навсегда стала членом нашей семьи! Мари любит тебя, как сестру, а я люблю тебя, как если бы ты была моей дочерью. Не беспокойся о будущем, Леони. Я всегда буду рядом.

Леони, задыхаясь от волнения, поблагодарила мсье Кюзенака, после чего он удалился в свою спальню. Глубокая, безмятежная тишина заполнила Большой дом, в котором отныне появился новый жилец.

* * *

Леони сидела за столом между Нанетт и Пьером. Они ели, весело переговариваясь. По очереди они поднимались к молодой матери, но Мари спала так мирно, что они решили оставить ее на какое-то время в покое.

Доктор Видален пообещал заехать вечером, и это придавало уверенности и успокаивало. Проголодавшийся Жан Кюзенак тоже спустился в кухню.

И тут Пьер стукнул себя рукой по лбу со словами:

— Какой же я все-таки болван! Я ведь пообещал отцу, что приду

рассказать новости, и сажу тут над тарелками, а он там волнуется!

Нанетт посмотрела на сына и усмехнулась:

— Да уж, наверное, извелся весь, новоиспеченный дедушка! Сходи за ним, сынок!

Пьер, просияв, выскочил из-за стола и вышел во двор, по привычке громко хлопнув дверью. Жан Кюзенак и Леони невольно вздрогнули. Нанетт принялась оправдывать своего отпрыска:

— Пьер так волнуется, ведь теперь он отец! Нужно будет научить его вести себя тихо, иначе малыш все время будет плакать. Это не дело — каждый раз просыпаться от страха!

Довольная вниманием «аудитории», Нанетт собралась было продолжить свою милую болтовню, когда с верхнего этажа донесся крик ужаса. «Так кричит смертельно раненное животное», — успел подумать Жан Кюзенак, вскакивая и прижимая руку к груди.

Леони едва сдержала крик, готовый сорваться с губ. Она первой бросилась наверх по лестнице, приговаривая:

— Господи, Мари! Господи! Пресвятая Дева, защити нас!

Мари прижимала сына к груди. Мальчик перестал дышать. Кожа у него была синюшная, личико сморщилось — на него было страшно смотреть.

У Леони словно ноги в пол вросли.

— Мари, что случилось? — только и смогла спросить она.

Молодая женщина молча плакала, как если бы в одном протяжном крике выплеснулась вся ее боль и нежелание верить в то, что случилось. В спальню вошли Нанетт и Жан Кюзенак. Они сразу все поняли, но где найти слова, которые могли бы утешить Мари?

Несчастливая мать наконец нарушила молчание:

— Я проснулась и захотела обнять его, приложить к груди, пока никого нет в комнате. А он не дышит! Я качала его, баюкала, но он уже умер! Умер! Мой маленький Жан-Пьер...

Перед глазами Нанетт молниеносно пронеслись ранящие сердце картины из ее собственного прошлого. Сколько раз довелось ей так же, как Мари сейчас, обливаясь слезами, прижимать к груди бездыханное тело ребенка, пытаясь согреть его своим теплом! Господь оставил ей только одного ребенка, Пьера, который еще не знал о постигшем их всех горе.

— Дай мне его, Мари! — тихо сказала она. — Тут ничего не поделаешь, маленький не проснется...

Леони рыдала, стоя в сторонке. Жан Кюзенак заставил дочь лечь в постель и опустил на колени у ее изголовья. Прижавшись лбом к

подушке, он заплакал. Мари, вся уйдя в свое горе, все же услышала, как отец бормочет:

— Почему за мои ошибки расплачивается моя дочь? Господь, лучше бы ты забрал меня, а не это невинное дитя!

Мари вздрогнула, когда Нанетт забрала у нее мертвого ребенка. Молодая женщина спрашивала себя, как долго ее сердце сможет выносить такую скорбь. Было мучительно видеть безжизненное тело сына и раздавленного несчастьем отца. Однако природная доброта заставила ее произнести:

— Папочка, дорогой мой папочка! Не обвиняй себя, умоляю! Мне еще больнее, когда я вижу, как ты мучаешься! Встань и обними меня!

Дверь распахнулась, и в комнату по очереди вошли доктор Видален, Пьер и Жак.

— Я как раз ехал в «Бори» и встретил этих счастливых на дороге! — радостно пояснил доктор. — Вот мы и явились всей компанией! Как себя чувствует малыш? Дедушка так торопился его поцеловать!

Доктор осекся, увидев, что Нанетт держит на руках ребенка и личико его прикрыто полотенцем. На кровати, прижавшись к плечу Жана Кюзенака, сидела заплаканная Мари.

Пьер, в лице которого не осталось ни кровинки, сделал шаг вперед:

— Что у вас тут происходит? Где мой сын?

— Пьер, будь мужественным! Малыш перестал дышать. Мари хотела покормить его, а он...

Жак снял картуз и сказал тихо:

— Жена, покажи мне внука. Я хочу поцеловать его в первый и последний раз!

Нанетт подчинилась. Она не хотела плакать, но скорбные слова мужа тронули ее сердце, и она стала всхлипывать. Доктор отвел чету фермеров в сторонку.

— Прошу вас, идемте в другую комнату. Возьмите ребенка с собой, Нанетт. Мне нужно его осмотреть, но я не хочу делать это в присутствии матери. Она и так в состоянии шока. Я оставлю вам успокоительное. Сегодня ночью она должна спать несмотря ни на что!

Пьер пребывал в состоянии ступора. Не успел он как следует рассмотреть своего сына, прикоснуться к нему, как все было кончено. Вдруг он сорвался с места и стал быстро ходить по комнате. Раскаты его голоса становились все громче:

— Сволочная жизнь! И не вздумайте теперь говорить мне о Боге и его святых! Сначала война забрала у меня ногу, сделав инвалидом! Теперь, не

успел я почувствовать себя счастливым, не успел наш ребенок родиться, как у нас его отняли!

Крики Пьера вывели Мари из горестного раздумья. Широко раскрыв глаза от удивления, она смотрела, как он размахивает руками, колотит себя в грудь. Как ему, должно быть, больно, раз он совсем потерял контроль над собой!

— Пьер, прошу тебя, успокойся! Мы должны подчиниться воле Господа!

Крик пронзил тишину — звонкое, полное гнева «Нет!». В этот крик Пьер вложил всю свою боль.

— Если бы мой сын родился на ферме, он был бы сейчас жив! — выкрикнул он.

Жан Кюзенак встал на ноги. Знаком попросив тишины, он холодно, с достоинством сказал:

— Пьер, я понимаю твою горе, но нам всем не легче. Поэтому советую тебе взять себя в руки...

Разъяренный Пьер вышел.

— Леони, прошу тебя, выйди, — продолжал Жан Кюзенак. — Я хочу остаться наедине с дочкой.

Мари опустила на подушки и устремила взгляд в потолок. Когда она осознала, что, кроме отца, в комнате никого нет, по ее щекам обильно заструились слезы, принося облегчение истерзанной душе.

Жан Кюзенак приблизился к ее постели.

— Плачь, пока хватит слез, моя дорогая девочка! Тебе станет легче. Наша страна воюет, и в многие семьи пришло горе, только разными путями. Нам всем нужно быть мужественными. Послушай, Мари! Давай вместе помолимся за нашего маленького Жан-Пьера! Ангел посетил наш дом, но не задержался в нем надолго. Но вот увидишь, придет весна, зацветут цветы и пригреет солнышко, и... Весна и забвение! Мои слова покажутся тебе сейчас жестокими, но ты еще не успела полюбить этого малыша, привыкнуть к нему. Твое горе было бы в тысячу раз сильнее, если бы драма случилась спустя какое-то время...

— Но папа, я сразу полюбила его! — возмутилась Мари. — Это ведь мой малыш! И Пьер... Как он мог меня упрекнуть?

Жан Кюзенак крепко обнял дочь.

— Ничего, забудь! Я говорю глупости, не сердись на меня. Мне так жалко вас обоих, что у меня помутился разум! Не принимай слова Пьера близко к сердцу, его устами говорили горе и скорбь!

Мари долго плакала, прижавшись к отцовскому плечу. Ну почему на ее

долю выпало столько страданий? Ведь ей казалось, что сбылись все самые заветные мечты: у нее есть отец, дом, муж и ребенок! Внезапно в голову молодой женщине пришла новая мысль... Так случилось именно потому, что все было слишком хорошо! В жизни нельзя иметь все сразу. Маленькая сирота, она имела счастье узнать любовь Нанетт, Пьера, а потом и своего настоящего отца, Жана Кюзенака, лучшего из мужчин.

Большой дом под названием «Бори», о котором она так долго мечтала, теперь принадлежал ей по праву. Сколько счастливых лет прожила она под его крышей!

Мари со стороны, словно прекрасную картину, вдруг увидела свою безоблачную, полную радости жизнь. Она стала учительницей, и ученицы обожали ее. Леони жила вместе с ней. И любимый Пьер вернулся, не сгинул в мясорубке войны...

Так может быть, не надо просить у неба слишком много?

Глава 18

Жизнь продолжается

Май 1919 года

День выдался прекрасным, и Мари подумала, что два года назад отец сказал чистую правду. Весна всегда возвращается, и пускай не приносит полного забвения, но всегда исполнена надежд.

Молодая женщина сидела на любимой каменной скамье в тени сосны. Восхитительный парк, прилегающий к дому, наполнился цветами и ароматами первых роз, жасмина и пионов.

Рядом на одеяльце, сжимая в ручке погремушку, сидела дочь Мари Элиза. Две недели назад девочке исполнился годик, и в семье по этому поводу устроили шумный веселый праздник.

Звук чьих-то шагов донесся с аллеи, и Мари прислушалась. Обернувшись, она увидела отца в неизменной соломенной шляпе.

— А вот и я, дорогая! Ты все читаешь? Как поживает наша Лизон?

Жан Кюзенак привык называть девочку Лизон, а не Элиза. Первой эту моду ввела Нанетт, которая была уверена: ребенок не должен носить имя умершего родственника — славная суеверная Нан имела в виду свою умершую в младенчестве дочь.

Мари отложила роман и встала:

— Папа, ты выглядишь усталым. Что с тобой?

— Сегодня я был в Лиможе, ты же знаешь, и там встретил моего негодяя племянника, причем случайно. Он не изменился. Макарий как был, так и остался редкостным наглецом!

Мари скрипнула зубами: «Макарий! Снова этот ужасный Макарий!»

— Забудь о нем! — с наигранной веселостью сказала она. — Он носа сюда не кажет — и уже хорошо...

Но Жан Кюзенак был, похоже, чем-то не на шутку озабочен. Сев на скамью, он погрузился в созерцание своей внучки. Девочка лепетала, радуясь голубому небу и чириканию воробушков...

Мари села рядышком и шепнула на ухо отцу:

— Тебя что-то беспокоит! Папа, признайся!

Жан Кюзенак пребывал в замешательстве.

— Понимаешь, дорогая, если я расскажу тебе, ты тоже начнешь переживать.

— И все-таки расскажи! Это касается Леони?

Отец вздохнул. Догадка Мари оказалась верна. У обоих, отца и дочери, перед глазами возникла Леони. Девушке недавно исполнилось двадцать, и она вот уже три месяца училась в школе медсестер.

Жан Кюзенак снял для нее небольшую квартирку в Лиможе и поручил заботам одной из своих кузин.

«Я буду гордиться тобой, Леони, когда ты наденешь белоснежную форму медсестры! Мне жаль с тобой расставаться, но я не могу мешать тебе идти по жизни своим путем...»

Леони же не призналась ни «папе Жану», ни тем более Мари, которую любила, как сестру, что заставило ее спешно уехать из «Бори».

Мари вскрикнула: Элиза встала на ножки, крепкие и ровненькие, без посторонней помощи и теперь с удивленным видом пыталась сохранить равновесие.

— Папа, посмотри на малышку! Она сама встала! Поверь, через неделю она начнет ходить! Когда я расскажу об этом Пьеру и Нан, как же они обрадуются...

Жан Кюзенак усадил внучку себе на колени. Светло-каштановые волосики девочки были коротко острижены. Какие же они мягкие! И как приятно пахнет ее нежно-розовая кожа! Он закрыл глаза, чтобы ничто не мешало ему насладиться этим мгновением счастья.

Пролетели месяцы, воспоминания о горестях и радостях потускнели, однако окончательно не стерлись из памяти. Хозяин «Бори» вспомнил трагическое февральское утро, когда они предали земле тело маленького Жан-Пьера, не прожившего и трех часов.

Вспомнил он и прошлую осень. С каким энтузиазмом они отпраздновали перемирие в Прессиньяке, а потом своей семьей в Большом доме! Однако к радости примешивалась благоговейная печаль — коммуна недосчиталась пятидесяти двух солдат, которые полегли на поле брани. Слишком большая дань для маленького городка с населением в тысячу триста пятьдесят человек...

Так вышло, что ноябрь 1918 года принес долгожданный мир и надежду, но вместе с тем наложил на выживших обязанность вспоминать о тех, кто никогда больше не порадуется приходу весны.

В первые дни мира Жан Кюзенак моментами испытывал глубочайшее счастье, несмотря на пережитое. Леони и Мари царили в «Бори» — две очень красивые молодые женщины, наделенные талантом наполнять дом

радостью, поднимать настроение. Но был еще Пьер со своим переменчивым настроением и вспышками гнева. В зяте, от природы работящем и находчивом, Жан Кюзенак успел разочароваться. Пьер был далеко не идеальным супругом для такой образованной и восприимчивой женщины, как Мари. Да и проводить свое свободное время с Элизой он тоже желанием не горел.

Жан Кюзенак бросил взгляд на утратившую привычную стройность талию дочери и покачал головой.

— Когда родится второй малыш? — спросил он ласково.

Нанетт задала ей тот же вопрос пару дней назад. Мари ответила с натянутой улыбкой:

— Думаю, это случится в конце ноября.

Жан Кюзенак стал быстро подсчитывать. По его мнению, с третьей беременностью следовало бы подождать. Он сердился из-за этого на Пьера, но держал свои мысли при себе. Мари взяла дочь на руки и встала:

— Папа, я хочу искупать Элизу, а потом мы будем полудничать. Я испекла флан с черешнями. Давай попробуем его вместе! Сварю тебе хороший кофе, он придаст тебе бодрости. И ты, наконец, расскажешь мне, что тебя беспокоит...

Есть Жану Кюзенаку не хотелось. Он сделал несколько глотков кофе, наблюдая за дочерью, которая старалась выглядеть веселой, но не слишком в этом преуспела. Он спросил сочувственно:

— Мари, когда Пьер вернется?

— Не знаю! — ответила дочь, пытаясь казаться спокойной. — Вот уже неделя, как он уехал, поэтому, думаю, скоро будет дома. В последнее время ему очень нравится ездить по ярмаркам. Ты же знаешь, мой муж собирает сведения о новых сельскохозяйственных машинах...

— Да-да, я знаю. Но представь себе, я и с ним случайно столкнулся в Лиможе! В тот же день, что и с Макарием.

Мари неторопливо допила свой кофе, однако внезапная бледность выдала ее с головой.

— Что ж... Папа, в этом нет ничего странного. А теперь расскажи мне, что там происходит с Леони.

Жан Кюзенак набрал в грудь побольше воздуха, потом с нотками обиды в голосе повел свой рассказ:

— Леони переехала на другую квартиру, никого не предупредив! Какая муха ее укусила? Такая серьезная девушка! Я ничего не понимаю. Я решил заглянуть к ней в гости, ненадолго. Купил цветы и конфеты. Соседка по

этажу сказала, что Леони съехала пять дней назад. И наша кузина Гортензия ничего об этом не знает!

Но Мари, похоже, эта новость не слишком удивила. Бледное лицо ее вдруг стало пурпурным.

— Папочка, последуй примеру Элизы — пойди приляг. На Леони не сердись. Ты правда выглядишь усталым, мне это не нравится. Если из-за нас ты заболеешь...

Жестом мсье Кюзенак заставил дочь замолчать.

— Ч-ш-ш-ш! Больше ни слова об этом! Ты права, поездка измотала меня. Да, я не против немного поспать. Продолжить разговор мы можем и через пару часов.

Мари смотрела на Элизу, спящую в своей кроватке под пологом из тюля. Девочка была очень спокойной, чем не уставали восторгаться все члены семьи.

«Бедный папа! — думала Мари, упираясь локтями в подоконник выходящего в парк окна. — Мне нужно проводить с ним больше времени... Но когда есть маленький ребенок, это нелегко!»

Молодая женщина положила руку на едва выступающий живот, в котором развивалась новая жизнь.

— Хоть бы это был мальчик! — сказала она со вздохом. — Пьер так обрадуется сыну!

Пьер... С января он почти не бывал дома. Всегда элегантно одетый, с ухоженными усиками... Нанетт не без гордости повторяла, что сын «все строит из себя муссюра». Мари вышла из комнаты.

Должно быть, отец услышал, как она спускается по лестнице, потому что негромко окликнул ее из своей спальни. Он лежал на кровати. Молодая женщина вошла. Опершись спиной о подушку и водрузив на нос очки для чтения, Жан Кюзенак листал какой-то журнал.

— Наша Лизон спит, как ангел?

— Да, папа. А ты читаешь?

— В этом журнале нет ничего интересного. Мари, известно ли тебе, что ты день ото дня становишься все краше?

Она пожала плечами. Заботы о ребенке заставили ее забыть о кокетстве.

— Послушай, Мари, у меня есть и другие заботы, кроме сумасбродств нашей Леони! В Лимож я отправился в надежде встретиться со старым другом, Норбером, он был нотариусом моего отца. Вообще-то мои дела ведет Рене Гильбер, нотариус из Шабанэ, и все-таки я хотел задать Норберу несколько вопросов, чтобы привести в порядок бумаги... Оказалось,

Норбер в Париже. Супруга пообещала сообщить ему о моем визите, но я, признаться, расстроился. Съезжу к нему на следующей неделе. Хочу, чтобы все было улажено.

Мари почувствовала, как у нее сжалось сердце.

— Папа, о чем ты? Можно подумать, тебе восемьдесят и самое время привести дела в порядок. Запрещаю тебе даже думать о плохом, это принесет несчастье!

— Дорогая, с самого первого дня, как ты стала жить со мной, я не перестаю радоваться жизни! И не замечаю, как летит время...

— И так будет еще очень долго! В Лимож поедешь не раньше чем через год, или я рассержусь!

Жан Кюзенак рассмеялся. Ему нравилось, когда дочь начинала говорить с ним в авторитарном тоне, хотя это было совсем не в ее духе. Внезапно с улицы донеслось ржание и бряцанье упряжи. Мари подбежала к окну.

— Папочка, это Пьер! Пойду встречу его!

* * *

Мари с Пьером слушали песню сверчка. Ночь была теплой. Окно спальни они оставили открытым, и теперь в его проеме трепетали голубоватые тени. Над вершинами сосен сияла полная луна.

— Пьер, расскажи, где ты был и что видел! Ты никогда мне ничего не рассказываешь...

Пьер погладил жену по плечу:

— Потом! Сними эту сорочку — тепло...

Мари, улыбаясь, легонько оттолкнула его:

— Нет, сначала поговорим! Если я уступлю, потом ты сразу заснешь, а завтра на рассвете снова уйдешь в конюшню.

Чего-чего, а упрямота Пьеру было не занимать: он поцеловал Мари и лег на нее, тяжело дыша от возбуждения.

— Мне больно, — попыталась протестовать она. — Я жду малыша, ты не забыл?

— Нет, не забыл! Самое время этим заняться, пока живот почти не заметен!

Губами Пьер нашел сосок под тонкой тканью, пока его руки поднимали подол сорочки жены. Мари хотелось нежности, и эта жадная, грубая ласка рассердила ее.

— Пьер! Прошу, не так быстро! Не так...

— Да что с тобой такое, Мари?

Мари выскользнула из объятий супруга и соскочила с кровати. Лампу у изголовья молодая женщина зажгла не с первой попытки, так дрожали ее пальцы.

Желтый свет лампы осветил комнату. Мари посмотрела на Пьера, и выражение его лица с резкими чертами ее испугало.

— Пьер! Папа видел тебя в Лиможе. Мне хочется верить, что в этот город ты приехал по делу, но я должна знать наверняка, не было ли у тебя другого повода...

Пьер смутился. Потом, решив, что лучшая защита — это все-таки нападение, он сказал, повысив голос почти до крика:

— Не знал, что твой отец теперь следит за мной! Браво! Вот это семейка! Ну все, мое терпение кончилось! А ты, ты думаешь только о дочке либо строишь из себя разгневанную мещанку!

Мари отшатнулась, прижав руки к груди. Она ожидала, что Пьер вспыхнет, и решила держать себя в руках:

— Не оскорбляй меня, Пьер! Не надо. Меня интересует только один вопрос. Когда Леони уехала, ты сильно изменился. Ты пытался увидеться с ней в Лиможе? Мне нужен честный ответ!

Мари не могла не пожалеть супруга. Пьер лежал на спине, сжав губы, и смотрел в потолок. Он никогда не умел жонглировать словами, поэтому сейчас, должно быть, мучительно выстраивал фразу, которая могла бы послужить оправданием.

Мари добавила:

— Пьер, я говорю это не случайно, сомнения появились давно. Леони, прощаясь со мной, выглядела очень расстроенной. Она обнимала меня снова и снова, и в глазах у нее стояли слезы. И что самое удивительное — с тех пор она ни разу не приехала в «Бори», хотя обожает этот дом! Сегодня папа сказал, что Леони съехала с квартиры в Лиможе и не оставила адреса. Хочешь знать мое мнение? Леони сбежала от тебя, потому что ты пытаешься добиться от нее того, чего никогда не получишь...

Муж не отвечал. Взяв с прикроватного столика табак, он сделал себе самокрутку.

Мари вышла из спальни. Часы в вестибюле пробили одиннадцать. Она спустилась на первый этаж и какое-то время стояла, наблюдая за движениями маятника.

— Мне нужно на воздух! Не могу здесь оставаться!

В ее истерзанном сердце проснулось детское желание увидеться с

Нанетт, прижаться к ее мягкой груди. На Мари была ночная сорочка. Она сняла с вешалки какую-то куртку и, как была, в тапочках, вышла из дома.

— Может, Нан еще не легла... Только бы она не легла!

Очень скоро молодая женщина оказалась перед дверью фермерского дома. Каким облегчением для нее было увидеть, что сквозь ставни пробивается желтоватый свет! Она дважды стукнула в дверь.

Послышался звук отодвигаемого стула, потом обеспокоенный голос спросил:

— Кто там?

— Нан, это я, Мари!

Через мгновение Мари уже рыдала в объятиях Нанетт, которая похлопывала ее по спине:

— Входи в дом, моя крошка, там нам будет уютнее! Жак давным-давно спит!

Женщины сели на скамейку у стены. Нанетт заговорила приглушенным голосом:

— Даже не стану спрашивать у тебя, что случилось! Готова поспорить, мой сын снова тебя расстроил.

— Ты почти угадала, — пробормотала в ответ молодая женщина.

— Что ж, у парня с детства крутой нрав... А потом еще эта война, ампутация... Он сказал, что протез больно давит на колено. Думаю, поэтому он часто злится без повода.

Мари, всхлипнув, спросила удивленно:

— Но почему он мне об этом не говорит?

— Потому что он гордый, дурачок! Он ни с кем не говорит о своем увечье. Но я мать, а матери можно сказать все... Взять хотя бы его помешательство на лошадях — целыми днями в седле, хочет что-то себе доказать... На платочек, вытри слезы. Мне больно смотреть, как ты плачешь. Я уже не раз тебе говорила... Сначала война, потом малыш, который умер, только появившись на свет. Мужчины устроены не так, как мы, женщины, они не умеют мириться с неизбежным. Вот и Пьер до сих пор ищет виноватых. Мой Жак, когда мы похоронили нашу дочку, просто с ума сходил от гнева. Целый год он орал на меня по пустякам, перестал спать по ночам...

Мари понемногу успокаивалась. Слова Нанетт были полны здравого смысла. Но оставалось еще ужасное подозрение, связанное с Леони... Она и раньше не решалась заговорить об этом со свекровью. Такие вещи не касаются никого, кроме супругов.

— Прости меня, милая Нан, что я пришла к тебе с моей печалью, —

сказала она уже спокойнее. — Думаю, ты права, я делаю из мухи слона. А еще, знаешь, я стала беспокоиться об отце. У него нет аппетита, и спит он плохо. Малышка с каждым днем требует все больше внимания. Ах да! Чуть не забыла: сегодня она сама встала на ножки!

Нанетт улыбнулась и трижды звонко поцеловала невестку — в лоб и в обе щеки.

— Возвращайся к себе, доченька! Достаточно тебе забот с отцом и Лизон. А с Пьером я поговорю. Это не дело — расстраивать беременную жену. Да смотри, чтобы он не завел себе зазнобу! Отсутствие ноги этому делу не помеха!

Эти грубоватые слова свекрови не шокировали Мари, наоборот, они ее немного успокоили. Нанетт сказала чистую правду. Быть может, Пьер стал увиваться за Леони потому, что почувствовал себя покинутым, ведь все внимание Мари теперь достается ребенку...

— Спасибо, Нан! Ты так добра ко мне! У меня камень с души свалился!

Мари пошла вверх по дороге, на которой знала каждый камешек. Странное ощущение радости охватило ее — так приятно было оказаться одной в ночи... Это ощущение свободы, как в юности, — когда она его утратила? Причиняющий боль ответ пришел незамедлительно — после замужества, точнее, после возвращения Пьера.

Молодая женщина замерла на месте, испугавшись этой мысли. Мари вспомнила начало своей преподавательской деятельности, когда она с огромной радостью открывала класс по утрам, ожидала учениц, здоровалась с ними. В полдень девочки, живущие за пределами городка, обедали в школе. Вечерами Мари задерживалась на работе, чтобы проверить тетради, а потом по этой самой дороге возвращалась в «Бори».

Иногда отец выходил ей навстречу. Он издали начинал улыбаться, а она все ускоряла шаг, чтобы побыстрее броситься ему на шею. Весело болтая и смеясь, они поднимались к Большому дому. Это были моменты счастья, украденные у страха за будущее, — дань, которую война наложила на всех, кто не был на фронте. Мари произнесла со вздохом:

— Ну почему у Пьера такой плохой характер? Он часто бывает жестоким и раздражительным...

Она снова пошла по дороге, ускоряя шаг. Бесплезно терзать себя такими вопросами. У нее есть Элиза, скоро родится второй ребенок, может быть, сын, которому Пьер очень обрадуется.

— Не так уж я несчастна, — прошептала она с улыбкой на губах. — Если я стану любить Пьера еще сильнее, может, он снова поверит в себя,

поверит в нас?

В парк усадьбы Мари вошла через открытую калитку. Кто-то неровной походкой шел ей навстречу по усыпанной гравием аллее. Пьер... Мари вдруг захотелось побежать к нему, ощутить снова невинное влечение, которое так волновало ее душу, когда она была юной девушкой... Ну зачем, зачем они так терзают друг друга?

Пьер был полностью одет и надел протез — значит, собирался идти ее искать. Этот поступок вернул Мари надежду, и она, наделенная способностью легко прощать обиды, подбежала к нему с восклицанием:

— Пьер! Я была у твоей матери!

Муж обнял ее за плечи. Выражение его лица в лунном свете показалось молодой женщине странным. Она немного отстранилась и спросила с беспокойством:

— Что-то случилось? Не молчи, Пьер! С Лизон все хорошо?

Он заговорил на повышенных тонах:

— С Лизон ничего не случилось! Но я испугался за тебя. Ты никогда не убегала из дома посреди ночи...

Мари пожала плечами и лукаво улыбнулась:

— А ты подумал, что я побежала на свидание к сердечному другу?

Пьер прижал ее к себе.

— Я не знал, что и думать! Испугался, что могу тебя потерять. Глупо, правда? Послушай, я подумал, что откровенный разговор — это лучше, чем изводить друг друга. То, что ты сказала про Леони, — это и правда, и нет!

Мари увлекла мужа к высокой ели. Там они сели на каменную скамейку. Ночь, безмолвная и теплая, располагала к откровенности. Мари старалась говорить твердо, но без излишней резкости:

— Прошу, объясни мне! Ты прав, откровенность — это лучше всего. Когда я вспоминаю о браке моего отца с Амели Кюзенак, построенном на лжи, я понимаю, что лучше принять горькую правду...

— Я не считаю, что поступаю хорошо, Мари, но мужчина есть мужчина... Для тебя теперь самое главное в жизни — Лизон. Ты кормила ее грудью, жила только ради ребенка! Я думал, что так и должно быть. Но я чувствовал себя лишним, ты перестала смотреть на меня, как раньше, перестала целовать...

Мари открыла было рот, чтобы возразить, но он жестом попросил ее помолчать.

— Только не сердись! Конечно, иногда ты целовала меня, когда дочка спала, — чмокала в щеку, как друга. Но ни вечером, ни ночью я не смел к тебе подступиться. Мать посоветовала мне оставить тебя в покое на время,

потому что этого требует природа. Но мне это ожидание показалось таким долгим! А Леони всегда была перед глазами, целыми днями... За столом... Она кружилась по дому, юркая, гибкая, веселая... Красивая девушка, к которой я не мог больше относиться как к сестре. Можешь назвать меня похотливым козлом, если хочешь, но когда я смотрел на нее, у меня кровь закипала в жилах, и я не мог удержать себя в руках.

Мари, которой вдруг стало трудно дышать, повторила ошеломленно:

— Назвать тебя «похотливый козел»? Но откуда ты взял это выражение?

— Так однажды назвала меня Леони!

Пьер опустил голову. Он хотел было взять жену за руку, но она не позволила. Теперь Мари почти кричала:

— Погоди-ка... Если Леони и вправду сказала тебе такую грубость, значит, ты зашел слишком далеко! О, Пьер, как ты осмелился?! Ведь она приехала в «Бори» маленькой девочкой! Я всегда любила ее, как родную сестру, и ты, мой супруг перед Господом, пытался ее соблазнить!

Мари встала со скамейки. Ей хотелось плакать, в крике выплеснуть свое отвращение, ударить Пьера... Открыв в сердце неисчерпаемые запасы гнева, она испугалась. Пьер тоже поднялся.

— Мари! Видишь теперь, от разговоров не становится лучше. Ты убегаешь? Что ж, пользуйся тем, что ты можешь бежать, а я — нет!

Она замерла как вкопанная. В голосе мужа, когда он намекнул на свое увечье, улавливалась искренняя печаль. Потом до нее донесся странный звук, похожий на сдерживаемое рыдание. Мари, задыхаясь, прислушалась. Пьер, оставшийся позади, плакал, бормоча:

— Мари, моя маленькая Мари из «Волчьего Леса», я только тебя люблю! Леони я всего лишь хотел поцеловать на Новый год! Как я жалею об этом поступке, если бы ты знала... Она дала мне пощечину, пристыдила меня...

Мари повернулась и, подойдя к мужу, добавила жестко:

— И поэтому бедняжка Леони решила уехать из дома, который был единственным ее убежищем! Из-за тебя! Ты теперь сожалеешь, но это не помешало тебе отправиться в Лимож, чтобы свидеться с ней и добиться желаемого!

Пьер не отвечал. Мари подошла к нему вплотную и стала трясти его за плечи:

— Ну, признавайся, это из-за тебя папа не нашел Леони на квартире? Соседка сказала, что она переехала, и теперь мы не знаем, где ее искать. Я с ума схожу, когда думаю об этом! Скажи, Пьер, тебе меня мало?

Он вдруг мрачно захохотал сквозь слезы, а потом заговорил словно пьяный или сумасшедший:

— Конечно, мне бы хватило тебя, дорогая, если бы ты думала обо мне, как я о тебе! Ты красивая, ласковая, я годами мечтал о тебе, но ты так и не смогла стать мне настоящей женой! Ты избегаешь меня, отталкиваешь! А я, хромой дурак, хочешь верь, хочешь нет, уже не один год, с самого дня свадьбы, твержу себе, что ты меня не любишь! О, поначалу мне казалось, что тебе хорошо со мной в постели, но после смерти нашего Жан-Пьера ты обо мне забыла, потом родилась Лизон. А у мужчин есть потребности. Я хочу нравиться, видеть, как женщина улыбается мне, желает меня. Но не обвиняй меня в том, что я поехал в Лимож за Леони, это неправда!

Мари была ошеломлена услышанным. Перед ней стоял ее супруг, но это был совсем другой Пьер, незнакомый ей. Нанетт оказалась права: став инвалидом еще в юности, Пьер нес свое увечье, как крест, сомневаясь в своей способности нравиться женщинам, в том числе и своей собственной жене...

— Пьер! Мне кажется, что голова у меня сейчас разорвется! Давай вернемся в дом. И прошу тебя, успокойся. Если папа увидит тебя в таком состоянии...

— Он будет счастлив! Он скажет про себя: «Скоро избавимся от этого кретина!»

Мари влепила мужу звонкую пощечину. Раньше с ней, от природы наделенной спокойным уравновешенным нравом, такого не случалось. Этот жест был выходом ее боли и гнева. Пьер потер щеку. Она зло посмотрела на мужа.

— Со мной можешь поступать как хочешь, но не смей плохо говорить о моем отце! Я запрещаю тебе!

— Ты мне запрещаешь? Нет, вы только послушайте! Бедная моя Мари, неужели ты до сих пор не поняла? В этом проклятом бараке со мной никто не считается! Ну конечно, ты скажешь, что меня сделали управляющим, вытащили славного крестьянского парня из грязи и вывели в люди! А ты — ты девушка из хорошей семьи. Твой отец таки вбил тебе в голову, что я недостойн тебя! Я хромой, но еще не ослеп и не оглох! А теперь вспомни: когда ты плакала на чердаке в доме моей матери, ты была рада, когда увидела меня...

Мари стояла не шевелясь, онемев от удивления. Пьер смотрел на нее с такой злобой, что она испугалась. Он заговорил снова, скрежеща зубами от гнева:

— Я еще кое-что скажу тебе! Даже если тебе будет больно, пускай!

Когда я ее поцеловал, Леони, мне показалось, что ей это вовсе даже не противно! И я думаю, учитывая мой опыт общения с женщинами, она не такая холодная, как ты... И если она и уехала, то именно поэтому!

— Замолчи, Пьер! Не разрушай все то, что я так люблю! Я обязательно поеду в Лимож! У меня есть адрес ее школы. Я сумею узнать правду. Леони не осмелится мне соврать, только не мне...

Супружеская чета молча поднялась по аллее к дому. Мари была вымотана до предела. В спальню они вошли, все так же сохраняя молчание. Мари подошла к кровати, чтобы убедиться, что дочка мирно спит, потом легла, постаравшись как можно дальше отодвинуться от мужа. Заснула она на рассвете, решив скрыть от родных терзавшие ее душу страхи и сомнения.

Глава 19

Семейные секреты

Мари как раз думала, в какой день лучше съездить в Лимож, когда пришло письмо от Леони. Конверт молодая женщина вскрыла дрожащими руками, однако страхи ее оказались напрасны — ужасных разоблачений не последовало.

Леони в нескольких словах объяснила причину переезда на новую квартиру:

Дорогая Мари!

Хочу сообщить тебе новость и мой новый адрес, чтобы ты могла мне написать. Я съехала с квартиры, которую снял для меня папа Жан. Если бы ты знала, Мари, как я нуждаюсь в тишине, когда занимаюсь по вечерам! А у Жанин, соседки с верхнего этажа, как назло, вошло в привычку после одиннадцати ночи, а часто и в полночь, заниматься уборкой.

Когда я вежливо напомнила ей, что следует уважать право других жильцов на спокойный сон, она чуть не выцарапала мне глаза.

В Прессиньяке, в моей любимой комнате, я привыкла заниматься в тишине, поэтому такое положение вещей было для меня невыносимым. В конце концов я нашла другую квартирку, поменьше, расположенную недалеко от трамвайной линии, и переехала туда. Может, этот квартал похуже, но я теперь могу спокойно спать и заниматься!

Я не сразу сообразила, что нужно предупредить вас с папой Жаном. Надеюсь, вы не сильно волновались, если кто-то из вас приезжал в Лимож навестить меня.

У меня все хорошо, мне очень нравится работать в больнице, и я еще раз хочу поблагодарить вас за то, что вы дали мне этот шанс. А уж как я буду довольна, когда получу диплом! Я жду с нетерпением дня, когда надену нарукавную повязку с символом Красного Креста!

Не сердись на меня, моя любимая старшая сестренка, за то, что я не приезжаю в «Бори». У меня мало свободного времени, а

когда выдается пара часов, я сажусь за учебники или иду гулять по городу в замечательном платье, которое ты мне подарила.

Крепко целую мою дорогую маленькую Элизу и папу Жана. Передай от меня привет Нанетт и Жаку.

Твоя Леони

P.S. Переехать мне помог приятель, мы вместе учимся. Мне не хотелось вас обременять.

Мари, вздыхая, перечитала письмо. Леони, как могла, старалась убедить ее, что все в порядке, но фальшь все равно пробивалась между строк. Девушка всегда была очень обязательной, она просто не могла забыть вовремя поставить их в известность о своем решении переехать — это первое. Второе — она не передавала приветов и поцелуев Пьеру, к которому, до определенного времени, относилась как к старшему брату.

— Милая Леони! Как бы я хотела знать, что у тебя на душе и что мне обо всем об этом думать...

Во входную дверь постучали, и Мари вздрогнула от неожиданности. Она поспешила открыть дверь, радуясь, что не останется наедине со своими сомнениями и страхами.

— Нан, милая!

Нанетт широко улыбалась, прижимая к боку корзину. Ее чепец слегка съехал набок, щеки покраснелись от быстрой ходьбы.

— Бежала вверх по холму, словно за мной дьявол гнался! Мой Жак мне говорит: «Пойди навести своих девочек, давно ты не тискала малышку Лизон!» Я взяла свое вязание, кое-что перекусить... Ты мне рада, признавайся?

Мари бросилась свекрови на шею. За эти годы она полюбила Нанетт, как родную мать.

— О Нан, как я тебе рада! Представь себе, я как раз собиралась взять Лизон, когда она встанет, и спуститься на ферму! Входи скорее, мне так хорошо рядом с тобой! Малышка скоро проснется.

В широко открытые окна кухни вливался яркий свет. Мари с Нанетт пили кофе и болтали. Лучи майского солнышка танцевали вокруг женщин, прыгали по листве в парке. Нанетт про себя отметила, что ее «крошка Мари» выглядит усталой, но не решилась ни о чем спрашивать. Мари много говорила и старалась казаться веселой. Неожиданно, устремив взгляд на соседние холмы, она спросила:

— Скажи, Нан, Жак обманывал тебя? У него были другие женщины после свадьбы?

— Право слово, крошка моя, чтобы это узнать, пришлось бы зажать ему руки в тиски или придумать что-нибудь похуже! Если что-то и было, я об этом не знаю. Наверное, сумел все сделать по-умному. Хотя, я думаю, он у меня не гуляка.

Мари нахмурилась:

— Но если бы он тебе изменил, как бы ты к этому отнеслась?

Нанетт села прямо. На ее лице, обрамленном белым чепцом, появилась сияющая улыбка:

— Да как к самой обычной вещи, моя прелесть! Все мужчины похожи на петухов, им нужно много курочек! Каждый хочет быть первым парнем на деревне. Что до моего Жака, то он не засиживается в бистро, рано ложится и тяжело работает. Поэтому, если бы в один прекрасный день ему захотелось бы потискать кого-то за чужим сараем, мне на это плевать!

Мари очень обрадовалась, услышав, что звонкий голосок доченьки зовет ее из спальни.

— Малышка проснулась! Сейчас принесу ее...

Нанетт, которая обычно впадала в экстаз при одном виде «своей куколки», как она звала Лизон, сегодня просто посадила крепенькую девчушку себе на колени. Их с невесткой взгляды встретились. Нанетт, не привыкшая скрывать свои мысли, воскликнула:

— Ну-ка рассказывай, почему ты задаешь мне такие вопросы? Я не от последнего дождя родилась! Мой сын снова тебя изводит? Если этот идиот пошел по бабам, я ему уши поотрываю!

Мари передернула плечами. Когда рядом была малышка Лизон, она забывала о своих горестях. Единственное, что имело теперь значение, — это ямочки на щеках дочурки, ее улыбки, аппетит или жажда. Поэтому Мари сказала:

— Давай не будем об этом. Малышке пора полудничать.

Нанетт стала, смеясь, подбрасывать Лизон на колене:

— А вот и нет! Она хочет покататься на лошадке! Мари, я жду ответа! Однажды вечером ты уже приходила ко мне, не зная, куда себя деть от тревоги. А сегодня заводишь разговор о Жаке!

— Это простое любопытство, Нан! Простое любопытство! Я недавно прочитала роман, и его герой обманывает жену с одной из ее двоюродных сестер. Вот я и подумала...

— Далась тебе эти книги! — пробормотала свекровь. — Сумасшествие какое-то... Кстати, что слышно от Леони?

Услышав имя подруги, Мари вздрогнула. С ним были связаны ее сомнения, тайные душевные муки. Она поторопилась ответить:

— У нее все в порядке. Леони скоро станет симпатичной медсестрой. Я очень горжусь ею. Нан, может, пройдемся?

— Хорошо, но только дай мне закончить жилетик для малышки. Возьми ее на руки, что-то она разбуянилась! Ты слышала про Элоди? Ну вспомни, племянница старой Фаншон, которая служила в доме...

Мари кивнула. Слушая Нанетт, она испытала облегчение: этот полный переливающихся чувств, грубоватый голос по-прежнему действовал на молодую женщину, как колыбельная. Она прижала к себе сидевшую на коленях Лизон и вдруг подумала, что здесь, под столетней крышей «Бори», ей нечего бояться. Пусть кто-то хочет страдать, хочет потерять свою душу, она отказывается видеть эту сторону жизни. Она будет любить мужа, закрывая глаза на его недостатки, и обожать их общих детей — Лизон и малыша, который появится на свет в ноябре. Сын, у них родится сын! Она представила, как счастлив будет отец и как обрадуется супруг, ее Пьер.

Заблудившись в своих мыслях, Мари не чувствовала, что по щекам текут слезы.

Декабрь 1922 года

Мари и Леони украшали гостиную «Бори». Приближалось Рождество. Молодые женщины сходили в лес за остролистом и омелой, не забыли прихватить и еловых веток.

Лизон, сидя на ковре, играла с куклой. Поль, ее маленький братик, спрятался под стол и испускал радостные крики, когда Мари, смеясь, громко спрашивала:

— Где же наш Поль? Куда он подевался?

У камина Дениза, гувернантка, кормила из бутылочки трехмесячную крошку Матильду.

В комнату вошел Жан Кюзенак. Со слезами умиления на глазах он любовался представшей перед ним картиной: Мари, стоя на стуле, украшала остролистом раму большого зеркала, а Леони ловко обвивала золотистыми лентами ветви елки... Не успел он и шагу ступить, как Лизон увидела дедушку и бросилась к нему:

— Дедушка, на шейку! На шейку!

Поль тот час же выбрался из своего укрытия и, оттолкнув сестренку, раньше нее добежал до деда:

— Давай играть в «самолетик»! Подними меня высоко-высоко!

Жан Кюзенак рассмеялся:

— Поль, ты стал тяжеленьким! В три года мальчики уже не летают, как самолетики! У меня не хватит сил тебя поднять, попроси лучше папу!

Подошла Леони. Она приехала в «Бори» после долгого отсутствия — несколько последних месяцев девушка провела в Англии. Ей удалось получить отпуск на праздники, и в Прессиньяк она приехала сегодня утром.

— Здравствуй, папа Жан! Как хорошо, что мы отметим Рождество все вместе!

Она замолчала, потому что из вестибюля донеслись тяжелые шаги. Мари шепнула детям:

— Папа вернулся из конюшни! Бегите и поцелуйте его скорее! Лизон, дорогая, попроси, чтобы он переоделся к ужину.

Лизон, прелестная четырехлетняя девчушка, с заговорщицким видом тряхнула кудрявыми волосами. Она схватила Поля за руку, и они вдвоем, подпрыгивая от радости, побежали через всю столовую к двери.

Леони на мгновение закрыла глаза. Четыре года она старательно избегала встреч с Пьером, когда ненадолго приезжала в «Бори». Расстояние и искренний интерес к учебе позволили девушке забыть некоторые эпизоды из прошлого, которые ей хотелось бы навсегда выбросить из памяти. Но в этот зимний вечер ее сердце забило быстрее: она увидится с Пьером, проведет неделю в непосредственной близости от него. Мари не заметила волнения подруги. Она рассказывала отцу о последних шалостях Поля.

Ужин прошел весело. Леони, розовая от смущения, объявила о том, что помолвлена, и принялась рассказывать о женихе:

— Он — врач. Мы познакомились в Париже. Его зовут Адриан. Мы стали общаться, так как выяснилось, что он тоже родился в департаменте Коррез, но только в Юзерше.

— Прекрасная новость! — обрадовалась Мари. — А сколько ему лет?

Леони ответила тихо, не сводя глаз с куска торта, лежавшего перед ней на тарелке:

— Он старше меня. В будущем месяце ему исполнится тридцать четыре.

— Ну и ну! — воскликнул Пьер. — Одиннадцать лет разницы! Они скажутся со временем. Что, этот парень падок на молоденьких?

Мари сердито посмотрела на мужа. Он слишком много выпил. В его словах она уловила нотки ревности и презрения.

К счастью, в этот момент подошла Дениза и сказала, что маленькая

Матильда никак не перестанет плакать.

— Наверное, у нее болит животик, мадам. Может, ей не очень подходит коровье молоко?

— Я поднимусь к ней, Дениза. Приготовьте настойку для мсье Жана!

Леони последовала за подругой на второй этаж. Наверное, Матильде приснился страшный сон. Стоило Мари взять ее на руки и покачать, как ребенок сунул в рот большой пальчик и заснул.

— Матильда куда капризнее, чем Лизон. Знала бы ты, Леони, сколько ночей я провела без сна! Кто бы мог подумать, что у такой крошки может быть столь громкий голос!

Девушка задумчиво улыбалась. Помолчав, она сказала:

— Мне тоже хочется поскорее родить ребенка. Адриан говорит, что мы поженимся этим летом. В июле. Он такой замечательный! Если бы вы познакомились! Он заботливый, ласковый, очень умный и начитанный. Он — само обаяние!

Мари обняла Леони:

— Я очень рада за тебя, моя милая!

Эти произнесенные шепотом слова разбудили в памяти Леони мучительные воспоминания. Никто и никогда не узнает, что произошло между ней и Пьером. Он много дней преследовал девушку, умолял, ходил за ней, стучал в дверь спальни по ночам. Леони никому об этом не говорила из страха причинить боль Мари или папе Жану. Теперь, вспоминая те дни, она понимала, что в происходящем была доля и ее вины... Пьер нравился ей, в его присутствии она испытывала странное томление...

Мари и Леони спустились в столовую. Как обычно на праздники, дом наполнился ароматами вина и горящих в камине поленьев. Мари с улыбкой подумала, что навсегда сохранит в сердце память об этом прекрасном, безмятежном моменте. Молодая женщина посмотрела на освещенное отблесками огня лицо отца и представила, как холодным утром они вместе пойдут гулять...

Это случилось в одно мгновение. Жан Кюзенак поднес руку к груди и, с глухим звуком втянув в себя воздух, стал клониться вперед. Лизон испустила испуганный крик, Пьер подбежал к тестю и схватил его за плечи как раз вовремя — еще секунда, и мсье Кюзенак мог бы упасть в камин.

Леони через всю комнату бросилась к «папе Жану». От ее крика «О нет, только не это!» у Мари кровь застыла в жилах. Дениза увела обоих детей на второй этаж, несмотря на их протесты. Пьер принялся было развязывать тестю галстук, но Леони отстранила его и сама стала уверенными движениями расстегивать сорочку.

— Папа Жан, папа Жан! — повторяла она.

Мари стояла, скрестив руки на груди, боясь пошевелиться. Пьер бросился к недавно установленному в «Бори» телефону, на ходу нечаянно толкнув супругу:

— Звоню Видалену!

Драматическую тишину в комнате нарушало только хриплое дыхание хозяина дома. Мари хотелось хоть чем-то помочь, однако она сама едва держалась на ногах. Леони уложила Жана Кюзенака на ковер и стала измерять пульс. Глаза ее расширились от страха, когда девушка воскликнула:

— Это сердце! Господи! Пьер, доктор придет?

— Да, но не сразу. В лучшем случае через час.

Леони встала. Глаза ее метали молнии:

— Значит, надо позвонить другому врачу! В Шабанэ!

Мари подошла к отцу. Глаза его были закрыты, нос заострился. На лице застыло выражение невыносимого страдания. Она взяла его руку и стала покрывать ее поцелуями.

Подошла Леони и спросила тихо:

— Папа Жан принимает лекарства? Может, они у него в спальне?

— Я ничего не знаю о лекарствах. Папа не жаловался на самочувствие, а может, просто скрывал от меня правду. Послушай, я хочу побыть с ним. Посмотри сама в ящичке прикроватного столика.

Пьер от волнения ходил взад и вперед по комнате. Мари знаком попросила его пойти наверх и успокоить детей. Жану Кюзенаку с каждой минутой становилось все труднее дышать, лицо стало мертвенно-бледным.

— Папа! Любимый папочка!

Мари склонилась над отцом и тихонько позвала:

— Папочка, скажи что-нибудь, умоляю!

Но он, похоже, ее не слышал. Во взгляде его плескалась безмерная боль. Мари, обмирая от горя и страха, села на ковер и осторожно положила голову отца себе на колени. Поглаживая его по лбу, она ласково приговаривала:

— Папочка, милый! Я так тебя люблю! Ты — самый замечательный в мире, ты подарил мне столько счастья, столько радости! От тебя я получила много подарков, но самый лучший подарок — это чувствовать, что ты рядом, что ты меня любишь! Умоляю, не оставляй меня, тебе рано уходить! Нам еще так много надо сказать друг другу, в стольких местах побывать! Вспомни, ты хотел, чтобы мы вместе отправились в Италию, в Неаполь! Не оставляй меня, ты мне нужен!

Мари умолкла. Пальцы отца, которые она сжимала в своих, шевельнулись. Жан Кюзенак вдруг сел и пробормотал, запинаясь:

— Мари, моя... крошка... дорогая... Я должен сказать тебе... быстро...

С выражением отчаяния на лице в столовую вернулась Леони. Лекарств она не нашла.

— Мари, как он? Пьер связался с врачом из Шабанэ, он уже выехал. Видален тоже приедет. Думаю, надо вызвать скорую. Если мы сумеем довести папу Жана до больницы в Лиможе, он спасен!

Мари жестом попросила тишины. Собрав последние силы и преодолевая боль, ее отец пробормотал:

— Дочь... послушай... в гостиной... иди скорее... Прошу тебя!

Леони правильно оценила ситуацию.

— Папа Жан, вам надо беречь силы! — взмолилась она. — Сейчас приедет доктор! Полежите спокойно, вам нельзя напрягаться!

Глаза Жана Кюзенака, хозяина «Бори», широко распахнулись. Он с трудом вдохнул воздух и проговорил:

— Я должен... сказать... Мари... Я должен сказать ей... быстрее... помоги мне!

Мари тихо плакала. Если отец не оставит попыток поговорить с ней, ему станет хуже, и виновата в этом будет она. Леони, по щекам которой тоже катились слезы, снова попросила:

— Папа Жан, ничего не говорите! Мы все обсудим позже, когда вам станет лучше... Полежите спокойно, прошу вас!

В вестибюле послышались шаги. Леони обернулась в надежде увидеть врача, но это был Пьер. Крик Мари заставил ее содрогнуться:

— Папа! Нет! Папа!

Подбежал Пьер, вслед за ним Дениза. Мари склонилась над безжизненным телом отца. Леони вне себя от горя обхватила ладонями голову Жана Кюзенака, повторяя приглушенным голосом:

— Папа Жан! Ну почему? Почему?

Потом она сказала громче, но по лицу ее было件нятно, что она все еще не верит в произошедшее:

— Его сердце не выдержало, а я ничего не могла сделать, ничего...

Леони почувствовала, как руки мужчины легли ей на плечи. Это неожиданное теплое прикосновение помогло ей прийти в себя. Девушка закрыла глаза. Пьер помог ей подняться и прижал к себе:

— Леони, успокойся, ты ни в чем не виновата!

Она, словно испугавшись чего-то, быстро высвободилась из его

объятий и нервно произнесла:

— Утешь жену, Пьер! Посмотри, как ей плохо!

Но Мари их не слышала. Не помня себя от горя, молодая женщина рыдала так, словно сила ее отчаяния могла вернуть отца к жизни. Вернуть к жизни... Это единственное, чего ей хотелось в эту минуту. Страстное желание маленькой покинутой девочки, напрасное желание, потому что Мари уже знала, что снова стала сиротой...

Глава 20

Дни траура

Похороны Жана Кюзенака стали событием регионального масштаба. Крупный землевладелец, представитель старинного рода, приветливый, чуждый гордыни и чванства, он имел много друзей, что в те времена было явлением достаточно редким, и сумел завоевать уважение местных жителей своей щедростью и скромностью.

Прессиньяк в день похорон заполнила разношерстная толпа: проводить хозяина «Бори» в последний путь приехали не только крестьяне из окрестных деревень, но и владельцы ферм, и именитые граждане из Шабанэ, Массиньяка и даже из Лиможа.

Многие вслух жалели Мари, одетую во все черное. Пьер с непроницаемым лицом поддерживал супругу под руку. Многие кивали в сторону четы, шепча соседу или соседке: «Вот они, новые хозяева усадьбы „Бори“!»

Нанетт дала волю слезам, оплакивая «своего муссюра», то и дело во всеуслышание заявляя, что потеряла «близкого и родного человека». Леони присматривала за Лизон и Полем, которых очень огорчало происходящее. Дети никак не желали понять, что дедушка ушел навсегда, и постоянно спрашивали, когда он вернется.

Кюре произнес надгробную речь. Мари ни на минуту не переставала плакать. Даже будучи окруженной близкими, молодая женщина чувствовала себя одинокой, без конца искала глазами отца. Она не могла смириться с мыслью, что больше никогда его не увидит. Годы, проведенные рядом с ним, несомненно, были самыми светлыми, самыми лучшими в ее жизни...

Когда гроб опустили в могилу, с губ Мари сорвался душераздирающий крик. Пьер сильнее сжал ее руку. Внезапная смерть тестя огорчила его, но помимо этого он сразу ощутил груз ответственности на своих плечах. Пьера это не пугало, поскольку Жан Кюзенак успел подготовить его к управлению большим хозяйством.

Поток соболезнующих казался нескончаемым. Мари была истерзана горем. Она испытала облегчение, выйдя на дорогу, ведущую к «Бори», как если бы, переступив порог Большого дома, надеялась увидеть там отца.

Нанетт последовала за ней. Славная женщина не захотела оставлять

наедине с печалью «свою крошку», чья бледность внушала ей сильное беспокойство. Лизон и Поль до самого дома держали бабушку за руки. Дети ее очень любили и радовались в предвкушении: сейчас они придут домой, бабушка сядет у огня и расскажет им удивительную сказку...

У Мари до сих пор не укладывалось в голове, что отец так рано покинул ее. Рыдая, как маленький ребенок, она то и дело входила в спальню Жана Кюзенака, оттуда шла в гостиную, повторяя едва слышно:

— Папа! Милый папочка! Почему ты ушел?

Да, его больше не было... Остались только безмолвные свидетели его пребывания в доме — одежда, ботинки, последние прижизненные фотографии, сделанные этим летом. Мари долго их рассматривала. Потом спустилась в кухню, где Леони развлекала маленькую Матильду.

Мари приобняла Леони и попросила негромко:

— Знаю, ты хотела второго января вернуться в Лимож. Но если бы ты смогла остаться ненадолго, хотя бы на неделю, я была бы так счастлива! Только с тобой одной я могу поговорить о папе, потому что ты хорошо его знала. Для Нанетт он остался муссюром, хоть мы с Пьером и поженились.

Леони задумалась. Несмотря на траурное настроение в доме, которому поддались все его обитатели, под крышей «Бори» ее часто посещало чувство сладкого опьянения, источник которого был ей отлично известен. Остаться? Что ж, выдержки ей хватит. Да и кто узнает, что каждый жест Пьера, каждый взгляд его темных глаз, каждая улыбка его сочных губ пробуждают в ней сильное, почти животное желание?

Единственным человеком в доме, кто догадывался о том, что творится в душе Леони, была Нанетт. К этой ситуации было вполне применима одна из ее любимейших поговорок: «Меня вокруг пальца не обвести!» Бывая в «Бори» утром и вечером, она пришла к определенным выводам и задумалась. Решение, делающее честь ее изобретательности, нашлось довольно быстро.

Вечером, посадив Лизон к себе на колени, она сказала, не обращаясь ни к кому конкретно:

— Мари, раз уж ты попросила Леони побыть с тобой подольше, хотя она, бедняжка, ждет не дождется свидания с женихом, пригласи сюда и его! Заодно мы все на него посмотрим.

Леони стала отказываться. Она ни за что не осмелится попросить Адриана взять отпуск, чтобы приехать в Прессиньяк. Однако Мари поддержала идею Нанетт:

— Нан права, милая Леони! Это и твой дом тоже! Уверена, твоего жениха обрадует наше приглашение. Вы будете гулять вместе, как раз

выпал первый снег... У вас останутся прекрасные воспоминания об этих днях. Думаю, папа сказал бы тебе то же самое!

Нанетт и Леони смотрели на Мари. На слове «папа» голос молодой женщины дрогнул. Леони сказала тихо:

— Я могу отправить ему телеграмму. Это так любезно с вашей стороны! В детстве у меня не было настоящей семьи, а теперь есть. Я столько рассказывала о вас Адриану! Описывала «Волчий Лес», дом, парк, конюшню... И о доброте папы Жана...

Пьер отправил телеграмму на следующее утро. Новый хозяин «Бори» спокойно воспринял новость о приезде жениха Леони. Находясь среди женщин, он часто терял почву под ногами, а Поль был слишком мал, чтобы завести с ним «мужской» разговор за бутылкой «о-де-ви»...

Ответ от Адриана Меснье пришел очень быстро: он принимал приглашение. Мари очень обрадовалась за Леони. Сама же девушка почему-то боялась приезда возлюбленного, но не подавала виду.

Словом, жизнь текла своим чередом. Уже неделю Жан Кюзенак покоился в лимузенской земле. Обитатели «Бори», несмотря на траур, занимались своими повседневными делами. Пьера с утра до вечера не было дома — он посещал фермы.

Нанетт практически переселилась в Большой дом и не скрывала своей радости, потому что теперь целыми днями могла возиться с Лизон и Полем. Мари же стала уделять детям меньше времени. Молодая женщина вставала поздно, по ночам она часто плакала или просто лежала без сна, а если засыпала, то ей снились кошмары. Однажды Пьер с удивлением обнаружил между ними на супружеской кровати малышку Матильду.

— Она так рада, что я взяла ее к нам в постель! Да и когда малышка рядом, я меньше беспокоюсь о ней.

Пьер что-то недовольно буркнул, но, укладываясь спать, с восхищением посмотрел на симпатичную мордашку младшей дочери. Мари удивилась, заметив этот нежный взгляд, и обрадовалась. Ей очень хотелось прижаться к груди супруга, насладиться его мужской силой... Однако между ними словно выросла преграда — невидимая, непонятная...

Этой ночью Мари приснился удивительный сон. В грезах к ней явился отец, более молодой и красивый, чем накануне кончины. Окруженный туманной дымкой, он укоризненно покачал головой: «Доченька, неужели ты решила загубить свою жизнь только потому, что я ушел туда, где меня ждала твоя мать? Я вовсе не несчастлив, мы с моей милой Марианной теперь навеки вместе. Будь счастлива, дорогая доченька, я люблю тебя и

всегда буду любить!»

Молодая женщина проснулась на рассвете и сразу вспомнила сон. Придя к убеждению, что отец не упокоится с миром, пока она будет слишком сильно о нем тосковать, Мари решила, что надо взять себя в руки. Обмываясь холодной водой, она говорила сама себе:

— Не переживай, папа, я буду сильной! Я скучаю по тебе, я всегда буду по тебе скучать, но мне нужно позаботиться о моей семье...

* * *

Пьер в этот вечер вернулся рано, до наступления темноты, потому что начался сильный снегопад. Мари с Леони пили чай в гостиной.

— Хочешь чаю, Пьер? — спросила Мари.

— Нет, спасибо! Уж лучше грог! У меня ноги отмерзли, вернее, одна нога.

Эта неловкая шутка не понравилась Леони. Почему Пьер все время напоминает себе и окружающим о своем увечье? Она предпочла сменить тему разговора:

— Я немного волнуюсь об Адриане. В Шабанэ он приедет на семичасовом поезде. Как думаешь, Пьер, можно послать кого-нибудь за ним на вокзал на машине в такой снегопад?

Мари сконфуженно произнесла:

— Я совершенно об этом не подумала! Что же теперь делать?

Пьер грел руки у огня.

— Что ж, запрягу Марино, — усмехнулся он. — Это бесстрашный конь, да и нагрузки ему сейчас маловато. Не переживай, Леони, съезжу я за твоим суженым на вокзал. Только меня не вините, если с городского мсье по пути шапочку сдует!

Мари в отчаянии всплеснула руками:

— Надеюсь, ты будешь с ним вежлив. Подумай о нашей милой Леони! Нехорошо насмехаться над человеком только потому, что он не знает сельской жизни!

Пьер насмешливо посмотрел на супругу. Ему казалось, что после смерти Жана Кюзенака Мари стала смотреть на него свысока, почти с презрением.

— Я думала, мы втроем поедem в Шабанэ на машине! Адриан удивится, не увидев меня на вокзале, — сказала Леони.

Мари не сводила глаз с чашки. Она постоянно совершала над собой

усилие, чтобы не плакать, чтобы говорить и улыбаться, и теперь очень устала. Когда в комнате одновременно оказались Леони, Пьер и дети, она вдруг почувствовала, что задыхается. Однако ей удалось проговорить довольно-таки будничным тоном:

— Значит, поедешь вместе с Пьером, Леони! Ты обязательно должна быть на вокзале. Дорогая, иди скорее одеваться. Адриану будет приятно ехать с тобой рядом в такой прекрасный зимний вечер!

Леони хотела было отказаться, но передумала. В предложении Мари нет ничего предосудительного!

— Прекрасная мысль! Уже иду!

Девушка торопливо вышла из гостиной, но в голове ее вертелась фраза, значение которой она отказывалась понимать: «Кости брошены!»

Что до Пьера, то он уже не улыбался.

* * *

«Наконец одна! Я осталась наедине с воспоминаниями о дорогом папочке, в гостиной, которую он так любил!» — думала Мари.

Дениза в прекрасном настроении вернулась от Нанетт, которая не захотела подниматься в «Бори». Матильда спала. Стоило Леони и Пьеру уехать, как Мари попросила гувернантку отвести Лизон и Поля в кухню.

— Побудьте с ними, Дениза, я хочу отдохнуть.

Дениза со вздохом, едва слышно пробормотав «бедные детки», увела малышей. Мари с огромным облегчением закрыла дверь гостиной. Она не могла разобраться в своих чувствах, испытывала одновременно ожесточение, нетерпение и тревогу, и это было так ужасно, что ей хотелось кричать.

— Одна, наконец-то я одна! Не могу больше!

Молодая женщина опустилась на колени перед камином. Заглянув в глубину своего сердца, она прошептала:

— Это все из-за Пьера! Мне кажется, он на меня злится. Что с нами случилось? Без папы я чувствую себя совсем потерянной! Но я не должна говорить так, не должна плакать! Все хотят, чтобы я была сильной... Но у меня нет сил...

Мари долго смотрела на огонь. На мгновение она представила себе экипаж на заснеженной дороге. На переднем сиденье — ее муж и красавица Леони. Эта картина навевала вопросы, внушала беспокойство, однако Мари отмахнулась от этой заботы.

— Леони может не опасаться Пьера! У нее есть жених. А если даже... Неважно. Я так устала...

Молодая женщина позволила себе то, что удивило бы Денизу и детей, — она легла прямо на ковер, желая расслабиться, прогнать из тела невыносимое напряжение. У нее вырвалось восклицание:

— Папа! Папочка, вернись! Мне страшно! Не знаю почему, но я боюсь...

Рыдания не дали ей говорить. Наконец Мари смогла выплакаться вволю, пребывая в уверенности, что никто не помешает ей и не станет приставать с утешениями.

* * *

Пьер предложил Леони устроиться на заднем сиденье, защищенном козырьком от северного ветра, но девушка отказалась:

— Мне хочется полюбоваться пейзажем!

И она села рядом с Пьером. Спрятав лицо в капюшон с меховой опушкой, Леони наслаждалась поездкой. Укрытые мягким снежным покрывалом деревья, кустарники, пригорки, луга и поля были фантастично красивы в синеватом ночном свете.

Мерно стучали копыта лошади, в такт покачивался ее мощный круп. Пьер не осмеливался заговорить. Они проехали уже не один километр. Временами их колени соприкасались. У него моментально становилось сухо в горле, неукротимое желание пробуждалось в теле...

— Пьер, посмотри, там лисица!

Он глазами проследил за юрким диким зверьком, улыбаясь ребяческому восторгу Леони. Девушка же пребывала во власти странного чувства. Темень, холодный воздух, кружащиеся на ветру редкие снежинки, близость Пьера — поездка вдруг показалась ей увлекательным приключением.

— Ты не будешь зажигать фонари? — спросила она.

— Нет пока. Дорогу хорошо видно, да и мало шансов, что нам встретится машина.

Пьер наконец осмелился посмотреть на Леони. Та, получив ответ на свой вопрос, тихонько вздохнула. Пьер любовался ее тонким профилем, прямым носом и розовыми пухлыми губами. В чертах нежного лица девушки было что-то страстное, дикое. Колено Леони снова скользнуло вдоль его бедра. Пьер закрыл глаза, стараясь прогнать навязчивые мысли.

Как бы ему хотелось вот этими руками, которые сейчас с силой сжимают вожжи, обнять Леони, ласкать ее тело... Ощувив укол совести, он сжал челюсти: «Нет, я должен держать себя в руках! Она помолвлена, а я женат. Я и так натворил много глупостей. Если Мари узнает правду, она вышвырнет меня из дома...»

Пьер стал думать о жене, но от этого ничего не изменилось. Последний раз он видел ее в гостиной — напряженное лицо, пустой взгляд... И она без конца указывает ему его место... А каково его место, кстати говоря? Мари не любит его так, как ему хотелось бы! Он спросил себя, а любит ли она его вообще...

— Пьер, осторожнее, или мы свалимся в кювет!

Леони схватила его за руку. Поздно — колесо соскользнуло в рытвину, разбив корку льда. Экипаж содрогнулся.

— Марино! Стой!

Лошадь немедленно повиновалась.

— Мне жаль, Леони! Я задумался. Сиди на месте, а я спущусь посмотрю, что случилось. Счастье, что мы выехали загодя.

Несмотря на протез, Пьер ловко спрыгнул на землю. Леони смотрела, как он, припадая на одну ногу, идет по снегу. Глубокая и горькая нежность, которую она всегда к нему испытывала, захлестнула сердце девушки.

— Леони, можешь мне помочь?

Она вздрогнула. Ее мысли унеслись так далеко, что она удивилась, услышав голос Пьера.

— Конечно, уже иду! Что надо делать?

Он объяснил на словах и показал жестами. Нужно было с помощью палки выволить колесо из рытвины и при этом заставлять лошадь тянуть экипаж вперед. Десять минут борьбы с грязным снегом, криков и смеха — и экипаж готов был тронуться в путь. Юбка и манто девушки оказались перепачканы грязью, у Пьера намокли рукава куртки. Передернув плечами, он сказал:

— Можно ехать! Мне очень жаль, что так вышло, Леони! Садись скорее, а я пока зажгу фонари.

Леони, которая все еще дышала учащенно, не шевельнулась. По ее телу, разгоряченному движением, пробежала короткая дрожь, восхитительная и одновременно причиняющая боль. Пьер зажег спичку. Он увидел, что Леони застыла в двух шагах от него со странным выражением лица. Зажигая фитиль второго фонаря, он мучительно боролся с собой, потому что прочел в глазах Леони желание. Инстинктивный призыв, который безошибочно поймет любой мужчина. Он отказался верить

очевидному:

— Садись скорее, Леони!

Девушка сделала шаг, но не к коляске, а к Пьеру. Он обнял ее, порывисто прижал к себе, нашел губами ее губы, и она ответила на поцелуй.

То, что творилось с ними, было похоже на сумасшествие. Опьяненные желанием, они забыли обо всем на свете, их тела прижались друг к другу, словно хотели слиться в одно. Конец опасной игре положила Леони:

— Пьер, прости меня! Нужно ехать... Прощу, не смотри на меня так! Я потеряла голову, не знаю почему... Наверное, это нервы...

Голос Леони, глухой и глубокий, выдавал ее волнение. Пьер потряс девушку за плечи:

— Не знаешь почему? Не ври, не пытайся меня обмануть! Я давно понял, что ты ко мне чувствуешь... Леони!

Это был крик отчаяния, искренний, полный огня. Она отстранилась, отрицательно качая головой:

— Ты неправильно меня понял! Не надо! Едем скорее! Иначе мы опоздаем на вокзал, и Адриан будет волноваться...

Пьер невесело усмехнулся:

— Дорогой Адриан! Знал бы он, что его невеста меня поцеловала... так, как никто в жизни не целовал.

Леони была тронута до глубины души. Значит, все-таки она была права, полагая, что Мари не дает Пьеру того, чего он жаждет вот уже много лет. Она прошептала:

— Жизнь несправедлива! Жестока!

Пьер быстро привлек ее к себе. Леони не сопротивлялась. Они стали целоваться, неистово и отчаянно. Наконец Пьер отпустил ее со словами:

— В дорогу, Леони... Пора... Ты права, не надо... мы не должны...

До самого вокзала они ехали молча. Леони устроилась на заднем сиденье, под защитой козырька. Всю дорогу взгляд девушки скользил по спине, шее, волосам и шапке Пьера, а он, испытывая боль от подавляемого желания, снова и снова вспоминал их неистовые поцелуи...

Глава 21

Под крышей «Бори»

Пока они ехали с вокзала, Адриан Меснье не уставал любоваться красотой заснеженных лимузенских пейзажей, однако когда впереди показался особняк «Бори», он затаил дыхание от восторга. В окружении высоких елей, на фоне ночного неба дом на холме напоминал старинную гравюру.

Леони шепнула ему на ухо:

— Правда, красивый? Признайся, я не соврала, когда рассказывала тебе о «Бори»!

— Захватывающее зрелище! Один из самых красивых домов, что мне довелось видеть. Но мы болтаем всю дорогу, и у Пьера, наверное, от наших разговоров уже голова болит. Пьер, мы утомили вас своей болтовней?

— За грохотом колес и стуком копыт мне ничего не слышно! Луна встает, сегодня будет морозная ночь... — степенно отозвался Пьер.

С момента приезда в Шабанэ Пьер был очень любезен, но почти все время молчал.

Леони вспомнила, как представляла мужчин друг другу на платформе:

— Адриан, это Пьер, супруг Мари, хозяин «Бори»!

Мужчины пожали друг другу руки. Пьер первым опустил глаза, неловко скрывая свое замешательство.

Экипаж въехал в широко распахнутые ворота. Почувывая конюшню лошадь громко заржала. Пьер, не оборачиваясь, крикнул:

— Пойду распрягу да оботру соломой моего славного Марино! Он заработал свой овес! Леони, предупреди Мари, что я немного задержусь. Старик Алсид наверняка уже спит дома...

Отметив про себя, с какой легкостью невеста прыгнула на землю, Адриан пошутил:

— Какая ты ловкая, Леони! Легкая, как белочка! А я чувствую себя неповоротливым медведем, который к тому же привык ходить по парижским тротуарам, совсем не знает деревни, поэтому ему всюду чудятся ловушки...

Он ожидал увидеть на лице девушки улыбку, но она смотрела на двустворчатую дубовую дверь, которая только что распахнулась. Взору Адриана открылся ярко освещенный вестибюль с черно-белой плиткой на

полу, огромные настенные часы и женский силуэт, четко вырисовывающийся на фоне золотистого света.

— Это Мари! — прошептала Леони. — Хочу тебе напомнить, она очень тяжело переживает смерть отца.

— Я помню, не волнуйся об этом. Я буду очень тактичен и постараюсь ее развлечь.

Держась за руки, жених и невеста подошли к порогу. Леони почувствовала комок в горле, мешавший говорить: ей было стыдно из-за того, что произошло между ней и Пьером. Однако даже этому стыду было не под силу утихомирить стихийную, неукротимую радость, от которой до сих пор вибрировало ее тело, — так ничто на свете не могло сегодня вечером помешать ей поцеловать его, даже огромная любовь, которую испытывала она к названной сестре...

Мари ждала их на пороге. На молодой женщине было новое платье, которого Леони прежде не видела, — модный туалет в духе моделей Поля Пуаре, знаменитого парижского кутюрье, осмелившегося укоротить женские юбки... На плечи Мари накинула палантин из той же мягкой материи, что и платье.

— Добрый вечер, мсье! Добро пожаловать в «Бори»!

Адриан снял шляпу и поклонился. Голос Мари показался ему столь юным, что с его губ сорвалось восклицание:

— Добрый вечер, мадам! Нет, Мари! Прошу, зовите меня Адриан, иначе я буду чувствовать себя очень неловко.

Мари вернулась в вестибюль, позволяя гостям войти. Грациозным жестом она протянула гостю руку, и тот, в лучших традициях светского общества, запечатлел на ней легкий поцелуй. Леони нервно засмеялась:

— Господи, какая галантность, Адриан!

Теперь в свете хрустальной люстры она смогла лучше рассмотреть Мари.

— Как ты хороша сегодня, Мари! — удивленно воскликнула она. — Платье просто волшебное!

— Я пообещала Лизон его надеть. Раз уж на Рождество не получилось...

Повисла пауза, всем взгрустнулось. Мари, которая опустила было голову, взяла себя в руки и ласково улыбнулась жениху и невесте:

— Устраивайтесь поближе к камину! Вы, наверное, совсем продрогли, ведь на улице так холодно!

Адриан не нашелся, что сказать. Как ребенок, он украдкой оглядывался по сторонам, избегая смотреть на эту стойкую молодую

женщину с глазами, полными печали. Леони сняла пальто и перчатки, он последовал ее примеру. С верхнего этажа донесся детский плач. Мари вздохнула:

— Матильда никак не хочет спать! Ей всего три месяца, но она уже проявляет характер! Страшно подумать, что будет, когда она подрастет...

И она с извиняющейся улыбкой посмотрела на Адриана. Встретив его понимающий взгляд, она внезапно почувствовала себя увереннее — в этих светлых глазах читалась такая доброта!.. Мари на мгновение забыла, где она и что происходит. Взгляд ее скользил по лицу этого мужчины, такого не похожего на Пьера...

У жениха Леони были тонкие черты лица, высокий и широкий лоб мыслителя, пепельно-русые вьющиеся волосы. В отличие от Пьера, неизменно носившего бороду и усы, гость был гладко выбрит.

Странная мысль вдруг пришла ей в голову: «Они с Леони не подходят друг другу!»

Мари сразу же упрекнула себя за подобные измышления и поторопилась предложить гостю пройти в гостиную. Переступив порог комнаты, Адриан не смог сдержать восторженного восклицания при виде библиотеки Жана Кюзенака.

— В этом вы с Адрианом похожи, Мари! Он тоже обожает книги! — заговорщицким тоном объявила Леони. — Ну что ж, теперь и мне пора пойти принарядиться!

Мари сама приготовила для гостя комнату, до недавнего времени служившую чуланом. Она предложила Адриану, не мешкая, отнести туда его вещи, но он взял с полки книгу и стал быстро ее листать.

— Невероятно! — воскликнул он. — Оригинальное издание «Собора Парижской Богоматери»! Судя по дате издания и иллюстрациям, одно из первых! Обожаю Виктора Гюго! А вы, Мари?

Молодая женщина подошла ближе:

— Да, я люблю Гюго. Замечательный автор, гений! Отец собрал все его произведения. Но, положив руку на сердце, мне больше всего нравятся его стихотворения.

Завязалась оживленная дискуссия. Жан Кюзенак часто говорил с дочерью о литературе, но в своей обычной манере, неторопливо и спокойно. Адриан же представлял собой полную его противоположность — он говорил быстро, увлеченно, глаза его сверкали... Мари была очарована и в то же время ощутила странное замешательство. С сожалением она перевела разговор в другое русло:

— У вас еще будет время познакомиться с папиной библиотекой. Я позову Денизу, нашу гувернантку, и она покажет вам вашу комнату. А! Вот и мой супруг!

Адриан ответил радостной улыбкой. Он думал о том, что не зря принял это приглашение. Гостиная, обшитая дубовыми панелями, огонь в камине, море книг, вкусные запахи, распространяющиеся из кухни... «Бори» казался ему настоящим маленьким раем. Еще ему в голову пришло, что хозяйка этого дома похожа на ангела со смиренным и ласковым выражением лица, какие до сих пор можно увидеть в иной церкви...

* * *

Мари никак не удавалось уснуть. Она прислушивалась к ровному дыханию мужа. К Пьеру, похоже, сон пришел быстро, и это было неудивительно. Мари подумала, что после дня, проведенного в седле, вечерней поездки на козлах и изысканной трапезы, орошенной лучшими винами из их погреба, любой мужчина заснул бы, что называется, без задних ног.

Она лежала, скрестив руки на груди, и молила Бога, чтобы Матильда проспала спокойно всю ночь. Мари хотелось в покое еще раз пережить приятные моменты этого вечера. Леони выглядела великолепно — с распущенными длинными волосами, в синем облегающем платье с большим декольте.

«Какая она красивая! Намного красивее, чем я. Такая стройная, живая!»

Пьер, сделав над собой усилие, переделался в нарядный костюм. Увидев его, Адриан пробормотал виновато:

— Если бы я только знал! Надо же быть такой бестолочью! Я решил, что раз еду в деревню, надо взять самую простую одежду!

Все собравшиеся за столом рассмеялись, даже Мари. Когда пришло время десерта, Пьер открыл бутылку с шампанским, потом еще две. Адриан оказался очаровательным собеседником. Он рассказывал о проведенном в Париже детстве, об учебе в Версале. Мари спросила, помнит ли он Юзерш, свой родной город в Коррезе.

— Я помню улицу, на которой мы жили, помню свою комнату. Но картинки расплывчатые... Я хочу, чтобы мы поехали туда в свадебное путешествие, если, конечно, Леони не против.

Услышав это, Мари прикусила нижнюю губу. Что-то было не так, но

что именно? И тут она поняла, что ее смутило: Леони не услышала слов жениха. А чем же она была так занята? Она наливала кофе Пьеру, шепча что-то ему на ухо. Это было странно: Леони склонилась к Пьеру, а тот смотрел на нее, и лицо его светилось от радости.

«Что ж, они помирились. И слава Богу! Теперь у Леони есть жених, и Пьер снова стал относиться к ней как к сестре! К тому же этот Адриан такой очаровательный...»

Мари стало стыдно. Щеки ее разругались. И причина тому — слова, которые она произнесла про себя, не вслух: «...такой очаровательный». Перед ее мысленным взором вновь предстало худое лицо жениха Леони, его голубые глаза... Искренность и живость мысли придавали его лицу особую красоту, интонации его голоса ласкали слух...

«Леони повезло!»

Молодая женщина закрыла глаза. Рядом шевельнулся Пьер.

«Хоть бы он не проснулся!»

Она не чувствовала в себе сил угождать желаниям супруга. Только не этой ночью... Ее сердце было настроено на волну умиротворения, тело казалось легким, как перышко.

«Это все из-за шампанского», — подумала она и наконец заснула.

Когда дыхание Мари стало спокойным и размеренным, Пьер перевернулся на спину и долго смотрел в потолок. Он подумал, что этой ночью все комнаты в доме заняты, а такое случалось нечасто. Вздыхая, он стал гадать, пришла ли Леони в комнату к Адриану. Такая девушка, как она, — пылкая, чувственная — не станет дожидаться свадьбы, чтобы лечь в постель с возлюбленным...

Он ощутил слабый укол ревности, но по большому счету эта мысль не очень его расстроила. Он без конца вспоминал их с Леони поцелуи, прикосновения гибкого девичьего тела. Крошка Леони не испытывала страха перед мужчиной...

Пьер подумал о Мари. За ужином она была как никогда оживлена. Прежде жена не рассказывала о книгах, которые прочитала, о своей учебе в педагогическом институте. Это была иная Мари, незнакомка, которая провела несколько лет в Тюле в компании учебников и соучениц.

И все-таки вспоминая лицо Леони, склонившейся к нему с кофейником, а не черты супруги, Пьер погрузился в сладкий сон...

Леони зажгла свечу. Она приготовилась к бессонной ночи, до такой степени ее душу и тело снедало возбуждение. Сколько мыслей и ощущений!.. Девушка представила себе Адриана, лежащего на кровати в спальне, соседствующей с комнатой гувернантки. Наверное, ее суженый читает или уже спит, сложив руки на груди; в такой позе — в виде лежащей фигуры — любят изображать святых на надгробных памятниках, какие часто встречаются в соборах.

Она ласково посмеялась над ним, когда после их первой ночи любви он заснул в этой немного странной, иератической позе.

Потом ее мысли перенесли к Пьеру. Его лицо с резкими чертами, страстный взгляд, сильные руки, крепко обнимающие ее. А вокруг — заснеженные леса...

Ну почему она это сделала? Бросилась ему на шею с поцелуями! Как могла она забыть о Мари и ее горе? Леони попыталась найти себе оправдание: «Я всего лишь восстановила справедливость! Мари очаровательная женщина, но она совсем забыла о Пьере, так ее занимают дети. Хуже того: их интимная жизнь не ладится. Она отталкивает его, вместо того чтобы приласкать!»

Лучше, чем кто бы то ни было, Леони знала причину холодности Мари — тот случай с Макарием. Но разве только этим объясняется отсутствие страсти в супружеской постели Мари и Пьера? Нет, нет и нет! После долгого раздумья Леони пришла к выводу, что между Пьером и Мари просто не проскакивает искра, без которой не горит огонь взаимного влечения.

Девушка задула свечу. Ей нужна была темнота, чтобы признаться самой себе: между ней и Адрианом эта искра тоже еще ни разу не проскочила. Ей никак не удавалось заснуть.

— Я с ума сходила от желания, это правда... И теперь я могу как угодно оправдывать себя, но все это самообман — мое поведение непростительно, — прошептала она. — И когда-нибудь мне придется дорого заплатить за мои грехи...

* * *

Адриану не спалось. Слегка опьяненный шампанским, он с любопытством прислушивался к ночным звукам. И ему казалось, что у этого Большого дома есть и своя душа, и свои секреты...

Эти старые стены, Адриан был в этом уверен, сохранили память о

многих радостных и горестных событиях — свадьбах, рождениях, похоронах...

Леони много рассказывала ему о «Бори» и его обитателях, он знал и о смерти первого ребенка Мари и Пьера, мальчика. Потом внезапно скончался глава семьи, Жан Кюзенак.

Завтра он узнает об этих людях и местах больше. Адриану не терпелось посетить ферму, познакомиться с Нанетт, побывать в конюшне, на чердаке... Ему хотелось посетить все укромные уголки усадьбы.

Усталость взяла свое, и он погрузился в сон, но тут же проснулся. Этих коротких мгновений в царстве Морфея ему хватило, чтобы увидеть себя рядом с Мари. В его сне молодая женщина споткнулась, он поддержал ее, а она поблагодарила очаровательной улыбкой...

* * *

Адриан Меснье принадлежал к числу счастливых, наделенных талантом нравиться всем без исключения. Не прошло и трех дней, как он завоевал симпатии Нанетт, Жака и старого конюха Алсида, не говоря уже о Лизон и Поле. Поскольку Мари относилась к Леони как к сестре, она посоветовала детям называть ее жениха «дядя Адриан».

В компании Леони или, что бывало реже, Пьера Адриан ездил в Прессиньяк, там он посетил церковь, кладбище, прогулялся по окрестностям. Однажды утром он довольно долго простоял в задумчивости перед фасадом школы, представляя себе Мари в классе, в образе доброжелательной наставницы.

Нанетт при виде его каждый раз предлагала «выпить кофейку и капельку спиртного, чтобы согреться». Адриану все было интересно, даже самые обычные вещи, он мог смеяться над любой шуткой.

По вечерам он учил Пьера играть в шахматы. Нельзя сказать, чтобы Пьер увлекся новым занятием, но все же находил игру интересной. Пока мужчины раздумывали над очередным ходом, Мари и Леони проводили время за шитьем и беседой.

Гувернантка внимательно наблюдала за происходящим. Она отметила, что «хозяйка» перестала украдкой плакать и даже снова стала подкрашивать губы и румянить щеки. Леони выглядела веселой, но ее явно снедала какая-то тайная мысль. Это читалось во взгляде ее голубых глаз, который она упорно прятала от Мари, Нанетт и Пьера.

Денизе единственной из всех обитателей дома новый гость не

пришелся по душе. Адриан не пытался добиться ее расположения. Леони он сказал:

— Мне не нравится, что эта дама, Дениза, следит за нами, прислушивается к разговорам. Мари следовало бы подыскать более надежную и искреннюю помощницу.

Девушке гувернантка тоже не очень нравилась, но она предпочла промолчать.

* * *

Стояла солнечная холодная погода, располагающая к прогулкам. Ночью же все вокруг сжимал в крепких объятиях мороз.

После обеда малышка Лизон с самой ласковой своей улыбкой сказала отцу:

— Папочка, ты обещал повести нас кататься на коньках на пруд Шоффи! Давай пойдем прямо сейчас!

Поль поддержал сестричку:

— Папочка, я тоже хочу кататься! Дедушка Жак сделал мне новые коньки! С румешками!

— Ремешками, Поль, — поправила сына Мари. — Кожаная ленточка, которой коньки привязывают к ботинку, называется ремешок.

Внезапно атмосфера в столовой показалась Пьеру удушающей. Менторский тон жены действовал ему на нервы.

— Ты усвоил урок, Поль? — насмешливо спросил он у сына. — И помни, если не выучишь как следует, мамочка настучит тебе линейкой по пальцам! Мне в школе здорово доставалось от мсье Жено, нашего учителя...

Лизон со смехом побежала к матери:

— Мамочка добрая! Она никогда не дерется! Папа, мы пойдем сегодня на каток?

Леони поймала девочку в свои объятия:

— Даже если Пьер не захочет, я пойду с вами кататься! Давно я не была на пруду Шоффи... Ты с нами, Адриан?

Мари быстро подняла голову. Пьер не заметил ее движения, он как раз смотрел на Лизон:

— Хорошо, моя крошка. Попроси Денизу одеть вас с Пьером потеплее. Ну, кто идет на пруд? Мари, пойдешь?

Адриан видел, что молодая женщина пребывает в замешательстве,

поэтому поторопился сказать любезным тоном:

— Послезавтра я уезжаю, и мы с Мари собирались сегодня навести порядок в библиотеке. У меня в этом деле корыстный интерес, потому что она разрешила мне позаимствовать несколько изданий. Поэтому, если вы не против, я останусь в теплом доме. Ты позволишь, Леони?

Девушка ответила рассеянной улыбкой и встала:

— Конечно! Что до меня, то я предпочитаю запаху книг свежий воздух. Да и должен же кто-нибудь присмотреть за детьми! Пьер — прекрасный папа, но я уверена, Мари будет спокойнее, если я пойду с ними!

Мари с радостью кивнула. Она нуждалась в покое и приятном занятии, которое отвлекло бы ее от грустных мыслей. И несколько часов в компании Адриана казались ей прекрасной альтернативой шумной прогулке.

* * *

Леони бодро шагала по дороге, ведущей к пруду Шоффи, держа Лизон и Пьера за руки. Дети хором пели песню, которой их научила Мари.

Пьер шел следом, неся коньки и сумку с едой.

Снежный ковер искрился в лучах нежаркого зимнего солнца. Поля казались бескрайними, а пейзаж в целом — почти незнакомым, словно сошедшим со страниц книги про далекую северную страну.

— Эй, Леони, куда ты так торопишься? — крикнул наконец Пьер, едва поспевая за девушкой. И добавил грустно: — Пускай малыши бегут, у них есть силы и возможность...

Она замедлила шаг, подтолкнув вперед брата с сестрой:

— Бегите, пострелята! Разомните хорошенько ножки! А я подожду вашего папу.

Леони нежно посмотрела на Пьера. Ее сердце сжималось от сострадания, стоило ему упомянуть о своем увечье.

— Когда еще мы сможем побыть вдвоем! — сказал Пьер, подходя к девушке.

— Ты прав, конечно. Но я старалась не оставаться с тобой наедине именно потому, что не хочу говорить о том, что произошло между нами в тот вечер.

Леони прикусила губу. Он пожал плечами:

— Но ведь ты наверняка знала, что мы останемся наедине, когда соглашалась идти с нами!

— Мы не одни, с нами дети. Они меня защищают!

Пьер покачал головой. Странно, но Леони вдруг показалось, что она видит перед собой другого человека, как если бы Пьер сбросил маску и предстал перед ней в своем истинном обличье.

Она спросила:

— Ты ничего не говорил Мари? Мне кажется, она ведет себя немного странно.

— Это последнее, о чем бы я стал ей рассказывать, можешь не волноваться!

Лизон, залиvisto смеясь, бежала к ним с большим снежком в руке. Леони с Пьером стали торопливо скатывать снежные шарики, чтобы было чем ответить на нападение.

Пару минут спустя Поль с радостным воплем пришел сестре на помощь.

* * *

— Мари, еще одно редчайшее издание! Ваш отец знал, что некоторые экземпляры его собрания очень ценные!

Молодая женщина вздрогнула, как это бывало каждый раз, когда кто-то упоминал при ней Жана Кюзенака. Имя отца до сих пор отдавалось болью в сердце, и с этим ничего нельзя было поделать. Адриан видел, как она побледнела. Он спустился с лестницы и подошел к ней:

— Простите меня за бестактность! Мои слова причинили вам боль. Вы недавно похоронили близкого человека, а я не думаю ни о чем, кроме книг!

— Не переживайте, Адриан. Вы не были знакомы с папой, для вас он — всего лишь имя и лицо на фотографии. А я очень ранима, а лучше сказать, даже слишком. Но я так его любила, если бы вы только знали!.. Он был очень добрым, милым...

Мари замолчала, глаза ее наполнились слезами. Она взяла в руки портрет Жана Кюзенака, который недавно показывала Адриану, и посмотрела на доброе лицо своего отца. В это мгновение в гостиную вошла Дениза. Дабы соблюсти приличия, она на ходу дважды стукнула в створку двери. Гувернантка с интересом посмотрела на разложенные повсюду книги.

— Мадам, Матильда проснулась и рыдает. Вы дадите ей бутылочку с соской?

Глаза Мари широко распахнулись от удивления:

— Дениза, вы разве не видите, что я занята? Ведь я просила вас не беспокоить меня! Вы здесь, чтобы заботиться о детях, поэтому сами сделайте что-нибудь! Весьма неосмотрительно с вашей стороны оставлять Матильду одну в комнате, она очень нервная девочка!

Дениза, недовольно поджав губы, вышла из комнаты. Адриан услышал, что, закрывая за собой дверь, она что-то сердито пробормотала. Он вздохнул:

— Я не специалист в этом вопросе, но манеры вашей гувернантки мне не по душе. Вам нужно найти другую помощницу, на которую можно было бы положиться.

Мари ответила задумчивой улыбкой:

— Ее нанял папа. Один его старый друг из Шабанэ дал этой даме прекрасные рекомендации. И мне не в чем ее упрекнуть.

— То есть до сегодняшнего дня вы были ею вполне довольны? — шутливо поинтересовался Адриан.

Они обменялись понимающими взглядами. Перед тем как перебирать книги, Мари надела халат из небеленого полотна и подвязала его кожаным поясом. Волосы она покрыла шелковым платком. В непривычной одежде она показалась Адриану почти незнакомкой, совсем юной девушкой.

Расставляя на полках издания, он украдкой поглядывал на Мари. Потом сказал с задумчивым видом:

— Мари, мне кажется, и это странно, что мы с вами когда-то уже встречались. Ваш профиль, этот поворот головы и этот серьезный взгляд... Это объяснило бы, почему мне так комфортно в вашем обществе!

Мари кивнула, на губах ее играла легкая, чуть насмешливая улыбка:

— Сейчас вы повторяете слова героев дешевых женских романов. Не будь вы женихом Леони, я бы сочла это дерзостью.

Бледное лицо Адриана окрасил пурпурный румянец стыда:

— Простите, если обидел вас! И все-таки заверяю вас, я говорю искренне! Разве мы не могли случайно встретиться в Лиможе?

Мари, хорошее настроение которой внезапно пропало, села в кресло:

— В Лиможе? Вряд ли. Я бывала там только на вокзале.

Он сел напротив, наморщив лоб в попытке вспомнить. Потом добавил негромко:

— Единственное, в чем я уверен, — это воспоминание приятное! Ну конечно! И как я сразу вас не узнал! Мари, я вспомнил! Это было в Тюле, вечером. Мне тогда было двадцать три, и мы с дядей обедали в ресторане «Ht el-Restaurant du Commerce», что рядом с собором. Я был ослеплен красотой девушки за соседним столиком. Это были вы, я знаю наверняка!

Мари смутилась, она не осмеливалась поднять глаза. Парой фраз он перенес ее на несколько лет назад. Наконец она прошептала:

— Когда мне было восемнадцать, я обедала в этом ресторане с папой. На следующий день мы должны были встретиться с директрисой педагогического института. Теперь и я вспомнила светловолосого юношу, который часто и настойчиво на меня смотрел. Мне это, кстати сказать, не понравилось, я сочла подобное поведение невежливым. Адриан, неужели это были вы?

— Да! А вы были просто очаровательны! Волосы убраны в шиньон, на шее нитка жемчуга... На вас было бежевое шелковое платье, которое вам удивительно шло!

Теперь настала очередь краснеть Мари. Адриан безошибочно вспомнил, как она выглядела в тот вечер. Она была ошеломлена.

— У вас исключительная память! Я же запомнила только, что у того юноши были светлые волосы, элегантный костюм и что он не отличался излишней скромностью.

С притворным отчаянием в голосе он воскликнул:

— Прошло одиннадцать лет, но я спешу принести вам свои извинения за недостойное поведение!

Мари ответила нервным смехом:

— Вы заслужили прощение тем, что сохранили память обо мне. Я уже не такая хорошенькая, и у меня трое детей!

Адриан отозвался, не раздумывая:

— Вы и сейчас очень красивы! И глаза ваши, к счастью, теперь смотрят на мир менее строго. Если бы я предложил вам стать моим другом, стереть воспоминания о первой встрече, когда я повел себя «невежливо», вы бы согласились?

— Конечно, с удовольствием! Только с вами я могу поговорить о литературе, — ответила Мари с самой очаровательной улыбкой.

* * *

Мари провела прекрасный вечер. Боль, терзавшая ее со дня смерти отца, ослабила хватку, чему способствовал царивший в доме покой. Леони настояла на том, чтобы на десерт собственноручно приготовить блинчики по фирменному рецепту Нанетт.

Адриан с энтузиазмом говорил о редчайших изданиях, которые ему посчастливилось отыскать на полках библиотеки в «Бори». Слегка

перебравший спиртного Пьер без усталости нахваливал ловкость и проворство, с какими маленькая Лизон осваивала коньки.

Мари время от времени представляла себе будущее, наполненное светом вновь обретенной дружбы с Адрианом, который вскоре станет супругом Леони. Они будут часто приезжать в этот дом, Мари была в этом уверена, и это ее радовало. Пьер снова стал спокойным и любезным, совсем как раньше... Несмотря на причиняющие боль мысли об отце, на молодую женщину вдруг снизошло умиротворение. Для детей, для нее самой и для ее супруга жизнь под крышей «Бори» текла своим чередом...

Глава 22

Незваные гости

Февраль 1923 года

Мари вертела между пальцами тонкую прядку каштановых волос. Она достала ее из миниатюрного золотого медальона в форме ракушки. Этот медальон на цепочке подарил ей отец в один февральский день... Из окна, как обычно зимой, сквозь оголенные кроны была видна колокольня в Прессиньяке. Там, на кладбище, покоится ее первый ребенок.

«Сегодня ему могло бы исполниться шесть», — подумала она, убирая прядку в медальон.

Она редко надевала его, но иногда, в зимние месяцы, все-таки носила это украшение. Этот ритуал она придумала, желая оставаться верной памяти умершего младенца, о котором в семейном кругу никогда не упоминали...

В зеркале отражалась пустая незастеленная постель. Пьер проснулся первым, еще до рассвета, и постарался ее не разбудить. В такую рань Лизон и Поль еще спали. Мари вдруг захотелось увидеть мужа. Если повезет, она найдет его в кухне за чашкой черного кофе.

С тех пор как Леони и Адриан вместе уехали в Лимож, Мари и Пьер ни разу не поссорились, в доме воцарилось некое подобие гармонии. Нанетт, отметив про себя это «чудо», решила, что ее сын угомонился, потому что наконец почувствовал себя в доме настоящим хозяином.

Мари не ошиблась в своих предположениях. Пьер заканчивал завтрак. В окна заглядывал румяный рассвет.

— Мари? Ты почему встала?

Он посмотрел на нее с легким беспокойством и любопытством. В длинной розовой ночной сорочке и с шерстяной шалью на плечах, с распущенными волосами, жена показалась ему красивой незнакомкой.

— Пьер, куда ты едешь так рано? С Полем стало трудно ладить! А ты на целый день оставляешь меня одну с детьми...

Мари неизвестно почему вдруг стало страшно. Она подошла к мужу и порывисто обняла его за плечи. От неожиданности он поперхнулся кофе.

— Пьер, побудь со мной сегодня! Мне холодно!

— Глупышка, я разжег огонь в кухонной печи. У меня много дел. Смотри, солнце встало, и день обещает быть погожим...

Не желая уступить, Мари прижалась щекой к темной, источающей знакомый аромат бороде мужа. Он усадил ее себе на колени:

— Что с тобой сегодня, Мари? Ты редко бываешь такой ласковой!

Молодая женщина дрожала. Прикосновение мужа разожгло в ней огонь желания. Закрыв глаза, она пылко поцеловала его в губы. Подобная провокация, особенно учитывая, что Мари прибегала к этому способу выражения чувств очень редко, всегда производила желанный эффект, и Пьер издал сладострастный стон:

— Ты права, дела подождут... Идем в гостиную, там тепло и есть удобный диванчик...

Мари пробормотала, словно в полусне:

— Только не в гостиной! В нашей постели, прошу тебя...

Пьер был согласен на все. Он встал, прижимая жену к себе. И тут, как в дурном сне, кто-то трижды громко бухнул кулаком во входную дверь. Пьер замер на месте, не веря своим ушам. Стук прозвучал снова.

— Кто мог прийти к нам на рассвете? — спросил он сердито.

— Господи, только бы с Нанетт или Жаком ничего не случилось! — воскликнула Мари, бледнея.

Они взялись за руки, оба во власти нерешительности и беспочвенного, казалось бы, страха. Наконец Пьер решился и направился к двери. Распахнув ее, на высоком крыльце он увидел Макария и незнакомого мужчину — невысокого, полноватого, дорого и изящно одетого.

Мари едва сдержала восклицание удивления и гнева. Ей было невыносимо стыдно предстать перед посетителями, пусть и явившимися в семь утра, в ночной сорочке, поэтому она спряталась за мужа.

Пьер пробурчал сквозь зубы:

— Черт побери! Вы к нам зачем?

Макарий не ответил на эту реплику, что было совсем не в его духе. Его компаньон откашлялся, чтобы скрыть смущение, и сказал:

— Можно войти, мсье? На улице довольно холодно.

Растерянная, обеспокоенная Мари пробормотала:

— Конечно входите! Но я не понимаю...

Пьер наконец отступил от двери, позволяя гостям пройти в дом. Макарий быстрым шагом, потирая на ходу руки, вошел в вестибюль. Окинув помещение одобрительным взглядом, он высокомерно изрек:

— Я устрою в «Бори» центральное отопление! Эти крестьяне до сих пор живут по старинке...

Фраза произвела на Мари и Пьера ошеломляющий эффект. Пьер сжал кулаки. Понимая, что сейчас разразится гроза, Мари прижалась к мужу и шепнула ему на ухо:

— Сохраняй спокойствие! Прошу тебя... Подумай о детях!

Потом спокойно сказала, обращаясь к посетителям:

— Господа, прошу в гостиную! Я оденусь и спущусь к вам. Дениза принесет вам кофе.

* * *

Одевшись и причесавшись, Мари ощутила в себе силы видеть неискреннее, мрачное лицо Макария. Однако сердце ее билось, как пойманная птица. Она безжалостно разбудила гувернантку и отправила ее в кухню. Пьер ожидал жену на лестничной площадке первого этажа. Останься он наедине с этими людьми, чьи взгляды не сулили ничего хорошего, мог бы не сдержаться. Он предусмотрительно решил подождать жену.

Ожидание не было долгим. Мари спустилась со второго этажа и попыталась приободрить супруга улыбкой. Словно вернувшись на мгновение в детство, переступая порог гостиной, они взялись за руки.

Макарий сидел в кресле, в котором часто сживал Жан Кюзенак. Руки он скрестил на груди, ноги вытянул вперед. Мари заметила, что с ботинок нежданных гостей на ковер натекла грязная жижа, но это были пустяки по сравнению с тем, что она услышала из уст малорослого краснолицего незнакомца:

— Позвольте представиться, мадам. Меня зовут Рене Гильбер. Я нотариус из Шабанэ. Я вел дела мсье Кюзенака, дяди мсье Макария. Мне очень жаль, но, тщательно проверив все бумаги покойного мсье Кюзенака, я выяснил, что его единственным законным наследником является Макарий Герен, сын брата мадам Кюзенак. Усадьба «Бори» со всем имуществом, прилегающими землями и фермами принадлежит ему по праву.

Мари стало трудно дышать. Новость произвела ошеломляющий эффект.

— Это шутка! — с усилием проговорила она наконец. — Я дочь Жана Кюзенака, он подарил этот дом мне...

— Докажи это, Мари! — подал голос Макарий. — Насколько я помню, ты вошла в дом моей тети как служанка, и это еще мягко выражаясь! Тебе удалось охмурить моего дядю, и он устроил тебе райскую жизнь, не успело

тело моей тети остыть!

Пьер шагнул вперед. Сейчас он запросто мог убить Макария — так убивают шершня, изготовившегося вонзить в вас свое жало. Но Рене Гильбер преградил ему дорогу:

— Держите себя в руках, господа! Если здоровью моего клиента будет нанесен ущерб, я подам жалобу, и вас упекут в тюрьму! А вас, мсье Герен, прошу не оскорблять этих людей. Ситуация и так достаточно болезненная.

Мари взяла Пьера за руку и внимательно посмотрела на нотариуса:

— Мэтр Гильбер, отец рассказывал мне о вас. Думаю, вы хорошо его знали. Он наверняка уладил все вопросы относительно наследства, я в этом уверена. Папа много раз говорил, что «Бори» принадлежит мне. Скажите правду, неужели вы сомневаетесь в том, что я — дочь Жана Кюзенака?

Нотариус, стараясь не показывать своего замешательства, опустил голову. Макарий встал и подошел к нему:

— Объясните ей все, Гильбер! Пусть заткнется, соберет свои великосветские наряды и убирается из моего дома вместе со своим мужем и карапузами! Сидони не терпит переехать, она обожает деревню...

Мари на секунду закрыла глаза. Это страшный сон, такое может происходить только в страшном сне... В дверь постучали, и появилась Дениза:

— Я принесла кофе, мадам!

— Спасибо, Дениза! А теперь поднимитесь к детям и побудьте с ними.

Нотариус тем временем вынул из своего портфеля какие-то бумаги и обратился к Мари:

— Мадам, вы попросили меня быть с вами честным, так вот, это качество я ценю превыше всего! Не могу отрицать, Жан Кюзенак много о вас рассказывал. В первый раз это случилось после кончины его покойной супруги Амели... Он сказал, что вы — его дочь, но официального подтверждения этому нет! Чтобы ваши отношения стали родственными в глазах закона, ему следовало бы вас удочерить, а подобные процедуры не по моей части.

— Да что вы такое рассказываете! — взорвался Пьер. — Мой тесть обожал Мари! Он не допустил бы небрежности в таком важном деле! Это какая-то позорная махинация!

Мари, с трудом сдерживая слезы, взмолилась:

— Пьер, держи себя в руках! Это правда, папа говорил, что нужно уладить некоторые вопросы по наследству. Бедный, он просто не успел...

Со вздохом Рене Гильбер продолжил:

— Если вы и правда его дочь... Досадно, весьма досадно... По моим

сведениям, мсье Кюзенак имел намерение обсудить проблему удочерения с мэтром Норбером Казенавом, своим старым другом. Увы, такая возможность ему не представилась. Ставлю вас в известность, что мэтр Казенав умер два года назад. По моей просьбе его супруга проверила документы покойного, но не нашла ничего, касающегося вашего дела. За отсутствием доказательств единственным наследником всего имущества мсье Кюзенака является присутствующий здесь мсье Макарий. Он желает жить в доме, в котором жила его нежно любимая тетушка и с которым связано множество приятных воспоминаний. Мне неприятно сообщать об этом, но вы должны уехать. Думаю, в моих силах выхлопотать вам неделю срока. Разумеется, вы можете забрать принадлежащее вам постельное белье и личные вещи.

Макарий налил себе кофе и зажег сигару. Не глядя на Мари, он принялся разглагольствовать:

— Мэтр, мне нужен ваш совет! Думаю, эту Денизу я оставляю себе. Она варит прекрасный кофе, да и дом содержит в образцовом порядке...

Пьер, в лице которого не осталось ни кровинки, предпочел выйти из комнаты. Он с трудом подавил в себе желание голыми руками проломить головы обоим, и Макарию, и нотариусу. Не мог он без боли смотреть на Мари, которая словно окаменела от горя. Она явно не желала верить в происходящее. Зря... Стоило ему переступить порог, как Макарий сделал мэтру Гильберу знак оставить его наедине с молодой женщиной. Нотариус с заискивающей улыбкой тут же засуетился, говоря, что надо бы сделать опись движимого имущества, от столового серебра до статуэток.

— Что теперь скажешь, Мари? Я предупреждал, что ты дорого заплатишь мне за ту пощечину! И сдержал слово!

Мари, которой до сих пор не удавалось собраться с силами, ощутила прилив холодной ярости:

— Я уверена в том, что вы уничтожили документы отца и дорого заплатили за услуги этого ужасного человека! Но я все равно не стану вас умолять! А если бы и стала, то только ради детей, которые здесь выросли! Им будет горько покидать родной дом...

Макарий подошел ближе, на губах его играла гаденькая улыбка. Даже сейчас он находил Мари очень красивой, несмотря на мертвенную бледность и слезы, застывшие в глазах. Он злился на себя из-за того, что все так же желал ее. Однако он не мог сейчас рисковать. Месть и так была жестокой и сладкой, пока можно было удовлетвориться и этим. И тут ему в голову пришла новая мысль:

— Послушай, Мари! Ты мне всегда нравилась. Да и я не такой уж

злодей! Может, ты и вправду дочка моего дяди. Если так, то твои дети мне в некоторой степени родня, даже без официальных бумаг. Мне не очень приятно будет вышвыривать их за порог. Мы можем как-то решить проблему...

Мари напряглась в ожидании продолжения. Макарий провел рукой по ее щеке и сказал тихо:

— Я могу оставить вас в доме. Твой муж будет работать в конюшне или, как раньше, на земле, а ты станешь прислуживать моей супруге. Жить переедете во флигель Алсида. Я в любом случае его уволю. Но ты, естественно, должна быть добра ко мне, ты понимаешь, о чем я? Раз уж ты так любишь этот дом, я даю тебе шанс остаться. Что скажешь?

Вместо ответа Мари плюнула ему в лицо и, подняв правую руку, влепила хлипкому Макарию такую пощечину, что он с трудом устоял на ногах.

— Вы — сволочь, мсье! Вон отсюда! Через неделю дом будет в вашем распоряжении, а пока... Вон, я сказала! А если нет...

Макарий выпрямился, потирая щеку:

— Если нет, то что, потаскуха чертова? Хотя ты права, мне пора! А я-то, дурак, решил пожалеть тебя... Учти, если через семь дней вы будете тут, вас вышвырнут жандармы! И передай муженьку: пусть его родители тоже собирают вещи. Мне такие арендаторы не нужны...

* * *

В полдень Мари с мужем сидели за столом в доме Нанетт и Жака. Они все рассказали родителям Пьера.

— Вот это горе так горе! — повторяла Нанетт, в третий раз протирая одну и ту же чашку.

Жак в растерянности тер подбородок. Много лет подряд он обрабатывал этот участок земли, выращивал для семьи Кюзенак домашний скот и птицу. Разве может кто-то вот так просто взять и выгнать его?

— Но Пьер, сынок, ты же не позволишь свершиться такой несправедливости, правда? — пробормотал он наконец. — Ты же родился в этом доме! Куда мы пойдём жить, твоя мать и я? Да лучше я себе пулю в голову пущу!

Мари разрыдалась. Нанетт подбежала и обняла молодую женщину:

— Не слушай его, моя крошка! Мой Жак, он еще не такое скажет, когда у него туман в голове! Каков все-таки мерзавец этот Макарий! Наш

муссюр ни за что не позволил бы, чтобы с нами так поступили!

Пьер передернул плечами. Положа руку на сердце, он происходящее не воспринял как такую уж неожиданность. Мысль, что тесть слишком доверяет людям и без должного внимания подходит к некоторым важным вопросам, посещала его не раз. Залпом выпив вино, он встал:

— Что толку говорить о том, что уже случилось? Я возвращаюсь в «Бори». Дети остались с Денизой, и я за них беспокоюсь. Эта мадам сразу почуяла, откуда ветер дует, и стала кланяться Макарию...

— Приведи детей к нам, Пьер! Сразу приведи! — с трагической миной потребовала Нанетт.

Жак грохнул кулаком по столу:

— У нас теперь нет дома! Мы будем скитаться, как цыгане...

Мари перестала плакать. Она обвела присутствующих взглядом:

— По-моему, я кое-что придумала! Не хочу говорить заранее, но может получиться неплохо... Пьер, я иду с тобой! Нужно собрать чемоданы. Нан права, дети пусть лучше пока поживут у нее. Они будут счастливы пожить с бабушкой и дедушкой!

Три часа спустя Мари отправила из почтового отделения в Шабанэ две телеграммы.

Пьер, который ждал ее на улице, спросил:

— Думаешь, у нас есть шанс?

— Конечно! Мы найдем выход!

* * *

Неделей позже Мари просталась с Прессиньяком. Она ушла из Большого дома не оглядываясь, взяв с собой воспоминания о многих счастливых месяцах своей жизни под его крышей. Приятных воспоминаний, связанных с «Бори», было так много, что она могла бы перебирать их в уме дни напролет. В каждой комнате таились отголоски смеха и детских песенок Леони. В саду Мари знала каждую травинку и каждый розовый куст...

Для Пьера самым трудным оказалось в последний раз войти в конюшню. Все кони оставались Макарию, даже кобылка, которую подарил Мари Жан Кюзенак на ее двадцать второй день рождения.

Леони, которая ничего не знала об этой драме, получила от Мари письмо. Искренние, исполненные достоинства слова подруги взволновали ее до слез:

Я перевернула страницу своей жизни в «Бори» — доме, в который мой любящий отец привел меня. Поверь, мне до сих пор кажется, что я живу в кошмарном сне, но — увы! — мне не суждено проснуться. Смерть папы, а потом этот Макарий, который прогнал нас из дома, словно мы воры... Все это ужасно. Ужасно!

Но я все равно гоню от себя отчаяние. Я должна стать опорой для моей Нанетт, которая не находит себе места от горя. Бедная, она тоже осталась без крыши над головой! Еще мне нужно думать о детях. Я сказала им, что мы проживем пока в другом месте, далеко-далеко, что это такое приключение. Они не будут горевать, главное — окружить их любовью.

Даю тебе наш новый адрес. Новость, конечно же, тебя удивит, но так уж распорядилась судьба...

Глава 23

Молодая учительница из Обазина

Обазин, июнь 1928 года

— Маги, прошу вас, повторите правило согласования времен, которое я только что объяснила! Мне кажется, вы меня не слушали!

Мари строго посмотрела на девочку. Маги, высокая худенькая девочка со светло-кариими глазами, переминалась с ноги на ногу, спрятав руки за спину. Пару минут она молчала, потом зашмыгала носом. По щеке девочки покатила слеза. Ее соседка по парте, сестра Маги по имени Роланд, прыснула со смеху и опустила голову.

— Маги, если я еще раз замечу, что вы отвлеклись, я вас накажу! Садитесь и подумайте о своем поведении! Было бы намного лучше, если бы вы, вместо того чтобы красть у садовника яблоки для подружек, лишний раз повторили спряжение глаголов. Образование, которое вы получаете в этой школе, — бесценный дар. Скоро экзамены, и к ним нужно хорошенько подготовиться...

По классу прокатилась волна уважительного и одобрительного шепота. Маги, чьи слезы уже успели высохнуть, скорчила гримаску. Их с сестрой отдали в обазинский приют, когда мама тяжело заболела. Отцу по работе приходилось много ездить по стране, присматривать за девочками оказалось некому, поэтому он скрепя сердце доверил их заботам монахинь.

Дребезжание звонка отвлекло Мари от грустных мыслей. Пять часов... За окном яркие солнечные зайчики танцевали на розовой каменной стене школы. Молодая женщина оказалась одна в пустом классе. Выглянув во двор, она увидела свою дочь Элизу с букетом в руке. Минута — и раздался стук в дверь.

— Входи, Лизон!

Девочка прижимала к груди большой букет пьяняще-пахучих белых лилий.

Мари с грустной улыбкой наклонилась к цветам. Их аромат перенес ее на два года назад, в тот июнь, когда Пьер нашел свою смерть на дороге в Тюль. Она тряхнула головой, словно желая прогнать воспоминания.

— Лизон, звонок только что прозвенел, а ты уже была во дворе! Уж не наказала ли тебя мадам Борда, твоя учительница? — спросила она.

Лизон ответила весело:

— Что ты, мамочка, не волнуйся! Я в ее классе лучшая ученица! Я все знаю наизусть! Мадам директриса разрешила мне уйти пораньше, чтобы я могла зайти к ней домой и забрать цветы. Ты же знаешь, эти лилии из сада, который мсье и мадам Борда арендуют у доктора Вердые, возле дороги, что ведет на вокзал! Мадам директриса сорвала их сегодня рано утром, чтобы я могла украсить часовню. А я решила сначала показать их тебе!

— Надеюсь, все, что ты рассказала, — правда. Скорее отнеси лилии в монастырь, а я подожду тебя здесь.

Лизон, пятясь, вышла. Девочке было уже десять лет, но ей не нравилось видеть мать такой строгой, в то время как ее красивые глаза наполнились печалью... Бабушка Нан часто повторяла:

— Твоя бедная мать и я, мы пережили столько горя, что любому женскому сердцу впору разбиться! Мои детки все умерли, даже мой Пьер, такой крепкий, а Мари потеряла и отца, и супруга! Уж будь послушной, Лизон, старайся радовать мамочку!

И Лизон, от природы прилежная и всегда готовая помочь, с усердием выполняла наказ бабушки. Девочку редко можно было застать без дела или с игрушками. А еще она было чудо как хороша со своими густыми кудряшками цвета гречишного меда! Жители Обазина, не говоря уже о ее матери, бабушке и дедушке, не могли ею налюбоваться.

Мари встала и подошла к окну. Напротив, через площадь, высились светлые стены древнего аббатства. Сам их вид воздействовал на нее умиротворяюще. Прихожане десятки лет приносили туда свои горести и обретали там покой. Возможно, причиной тому была целительная духовная сила, которой были наделены каждый камень постройки, земля и даже деревья монастырского сада.

«Как быстро летит время!» — подумала молодая женщина, и взор ее затуманился.

Она вспомнила, как они приехали в Обазин. Нанетт, как мул, груженная узлами и свертками, мрачный Жак в своем неизменном картузе... Они были похожи на группу беженцев, ищущих пристанища. На тележке, арендованной на обазинском вокзале, высились горой чемоданы и пакеты. Мсье Вассе, который со своей упряжкой обычно поджидал приезжих на вокзале, откуда до Обазина было не меньше пяти километров,

вызвался им помочь, и это было настоящим спасением. Пока он правил лошадьё, Пьер прижимал к груди отчаянно рыдающую Матильду.

Что стало бы с ними, не прояви новая мать-настоятельница Мари-де-Гонзаг столько великодушия и благородства! Хрупкая и болезненная на вид, она быстро заслужила уважение своим преданным служением Господу и интересам общины. Решительности этой славной женщине тоже было не занимать.

Перед смертью мать Мари-Ансельм вспомнила о Мари: «Это дитя выросло на моих глазах и превратилось в прекрасную молодую женщину. Она стала учительницей, а в свое время блестяще закончила Эколь Нормаль и получила диплом! Если вам доведется встретиться с ней, вспомните, что я очень ее любила».

Поэтому, узнав о невероятной несправедливости, разрушившей жизнь Мари и ее семьи, новая мать-настоятельница сразу же принялась за дело.

Одна из преподавательниц городской школы Обазина недавно вышла на пенсию, и супружеская чета директоров, мсье и мадам Борда, как раз подыскивали ей замену. Получив это место, Мари решила сразу две насущные проблемы: на ее жалованье можно было первое время содержать семью, и они получили служебное жилье, полагавшееся тем учителям, которые не имели крыши над головой. Было решено, что Жак и Нанетт станут жить вместе с сыном и невесткой. Администрации было все равно, сколько людей станет проживать в квартире, лишь бы новую преподавательницу устраивало жилище. Попросив своих друзей в Обазине пошарить по чердакам, мать-настоятельница раздобыла для семейства Мари самые необходимые в хозяйстве предметы обстановки — кровати, столы, стулья, рассудив, что с остальным можно и повременить.

Кроме того, мать Мари-де-Гонзаг нашла работу для Жака: приютский сад и огород нуждались в заботах садовника. Это был отличный вариант, поскольку Жак довольствовался скромной платой, которую ему могли предложить. К тому же ему полагалась часть выращенных овощей и фруктов. Нанетт заикнулась было о месте кухарки, но оказалось, что в ее услугах приют не нуждается. Это не расстроило славную женщину — ей хватало забот с тремя подрастающими внуками!

Пьер заявил, что станет работать коммивояжером — будет ездить и продавать сельскохозяйственную технику и прочее, но был вынужден отказаться от этой затеи из-за своего увечья. В его положении нечего было и думать о том, чтобы проводить почти весь день за рулем автомобиля. Пришлось смириться с очевидным. Когда они жили в «Бори», Жан Кюзенак закрывал глаза на проблемы, связанные с инвалидностью зятя,

теперь же Пьеру пришлось столкнуться с жестокой реальностью. Ситуация усугублялась тем, что он был недостаточно сведущ в вопросах сельского хозяйства. Однако мать Мари-де-Гонзаг скоро решила и эту проблему: ближайший сосед, землевладелец мсье Десмье, который еще и арендовал у приюта земельный надел в пятнадцать гектаров, был слишком стар, чтобы самостоятельно управлять всеми своими землями и фермами. Он доверил Пьеру управление несколькими участками в Обазине, Корни и Сент-Фортюнаде. Плата за работу была, однако, намного скромнее, чем в «Бори».

Мари не знала, как благодарить мать-настоятельница.

Молодая женщина установила для себя ритуал «перехода через площадь», часто совершаемого несколько раз за день, — она ходила навестить сестер Юлианну, Марию-дез-Анж, Женевьеву или мать Мари-де-Гонзаг.

А еще Мари подружилась с удивительной женщиной — мадемуазель Мари-Терезой Берже, уроженкой Люберзака, которая исполняла в приюте обязанности экономки и смотрительницы. Маленькие сироты называли ее «мама Тереза». И правда, она, как могла, старалась заменить каждой из них мать, благо была наделена удивительным даром исцелять раны не только телесные, но и душевные. Именно она заботилась о самых маленьких сиротках, не старше полутора лет. «Мама Тереза» всегда улыбалась и готова была обогреть весь мир. Само присутствие этой миниатюрной сгорбленной женщины было для малышей бесценным даром, ибо в душе «мамы Терезы» бил источник всеобъемлющей, абсолютной любви...

Вскоре жизнь Мари в Коррезе обрела более веселые краски. Она с удовольствием вернулась к учительской работе, которой в прошлом, еще до войны, успела посвятить совсем немного времени. На этот раз Пьер был вынужден дать свое согласие, потому что семья нуждалась в зарплате жены.

Услышав два громких удара в дверь, Мари, успевшая утонуть в воспоминаниях, вздрогнула. Она встала, открыла дверь и увидела перед собой румяное лицо сестры Юлианны:

— Мари, дорогая, может, поужинаешь с нами сегодня?

— О, сестра, как это мило с вашей стороны! Но, понимаете, Жак и Нанетт никак не оправятся после смерти Пьера, они расстроятся, если вечером меня не будет дома...

— Поступай, как подсказывает тебе чувство долга и Господь, моя крошка. Ты все время грустишь, и мне больно видеть тебя такой. Знай, если

тебе нужно излить кому-нибудь душу, я всегда рядом!

Излить душу... Если бы это было так просто! После смерти Пьера душу Мари терзало чувство, которое она старалась спрятать даже от себя самой. Этой болью она ни с кем не могла поделиться...

* * *

Небо чуть потускнело, затянулось белыми облаками. Вернувшаяся из церкви Лизон, перепрыгивая через две ступеньки, неслась вверх по лестнице, торопясь увидеть бабушку Нан, Поля и маленькую сестричку Матильду. Надо сказать, младшая дочь Мари в свои пять лет то и дело демонстрировала свой капризный, властный характер.

— Мамочка, посмотри, на переменке моя подруга Шарлотта дала мне черешен! Хочешь ягодку?

— Нет, спасибо, кушай сама. Ты ведь любишь черешни!

— Не хочешь? Тогда я отдам их Матильде. Она такая лакомка!

В этом была вся Лизон: девочка всегда думала сначала о других и только потом о себе. Доброта дочери растрогала Мари до слез. Если бы рядом не было ласковой и всегда веселой Лизон, ее жизнь имела бы куда более горький вкус...

Нанетт ждала их на пороге в своем старом сером переднике под цвет убранным под чепец седым волосам.

— Наконец-то пришли! А этот безобразник Поль сразу после уроков убежал гулять! Наверное, бродит сейчас с друзьями возле Канала Монахов... Был бы он моим сыном, вернувшись, получил бы хорошую трепку!

— Пусть побегает, раз ему хочется, — отозвалась Мари. — Сегодня на улице так хорошо! Ты сама знаешь, Нан, какой Поль непоседа.

Нанетт пожала плечами и прошла в комнату, давая им войти. В Обазине у нее было намного меньше работы, чем на ферме в «Бори», и все же она не переставая жаловалась на жизнь. Мари же, как могла, старалась ее утешить.

— Нан, хорошая моя, ты испекла для нас пирог!

Лизон кинулась бабушке на шею и звонко расцеловала ее в обе щеки. Охрипшим голосом Нанетт завела привычную тоскливую «песню»:

— Ах, добрый Господь сжалился надо мной! Он забрал у меня моих деток, но дал этих малышей! Сколько горя довелось мне пережить, но, к

счастью, я могу заботиться о внуках...

— Бабушка, а где Ману? — спросила Лизон, у которой в кармане лежали черешни.

— В шкафу под лестницей! — ответила Нанетт, и щеки ее стали наливаться краской. — У этой девчонки дьявол в крови, она ведет себя так, как не пристало доброй христианке! Я отшлепала ее и заперла час назад.

Мари охнула, всплеснув руками. Лизон же побежала освобождать сестричку. Матильда даже не подняла голову, так и осталась сидеть, прижав лоб к коленям.

— Ману, милая, идем! Я принесла тебе черешни! Бабушка тебя наказала, но ты уже можешь выходить, слышишь? Так сказала мама!

Это была ложь, но Лизон знала, что мать думает так же, как и она. Что до Матильды, то от наказаний ее характер не становился лучше ни на йоту. Девочка резко подняла голову. В глазах ни намека на слезы, рот перекошен гримасой гнева. Она пробормотала:

— Ба злая! Не хочу ее видеть! Уйду от вас насовсем!

Матильда не выговаривала некоторые буквы, и, слушая ее, все улыбались. Вот и сейчас Лизон постаралась не рассмеяться. Она ласково взяла сестричку за руку и вывела в коридор.

— Идем, Ману! Если мама разрешит, мы с тобой пойдем к каналу искать Поля!

— И целешню съедим там! Тогда ба ницего не полуцит!

Лизон вздохнула. Если бы мама это услышала, ситуация только ухудшилась бы.

— Послушай, Ману, подожди меня здесь! Я сама поговорю с мамой. Молчи и не сходи с места!

Матильда кивнула, соглашаясь.

Мари дала свое согласие. Завтра четверг, и молодая женщина рассчитывала провести день с детьми. Если повезет с погодой, они вместе отправятся на прогулку. А пока она мечтала только о том, чтобы немного отдохнуть и привести себя в порядок.

Нанетт налила ей чашечку напитка из цикория, отрезала кусок пирога. Потом резким движением протянула ей синий конверт. Сердце Мари замерло. Почерк Адриана она узнала мгновенно...

— Когда принесли письмо, Нан?

— Вскоре после полудня. Жак хотел отнести его тебе, но я сказала, что это подождет.

Мари не стала сразу вскрывать письмо. Поднявшись в свою комнату, она, опасаясь любопытства Нанетт, повернула ключ в замке. Потом

аккуратно развернула листы бумаги, исписанные элегантным убористым почерком.

*Дорогая Мари, милая моя изгнанница,
пишу тебе из Парижа. Ты знаешь, почему я избегаю бывать в Лиможе, особенно после смерти Пьера. Два года прошло — два года вдали от тебя, от твоего нежного лица, на котором так ясно отражаются мысли и эмоции... И все-таки ты всегда рядом со мной, каждый день, каждую ночь. У меня осталась единственная возможность не потерять тебя окончательно — писать тебе снова и снова...*

Я брожу в одиночестве по улицам столицы и стараюсь, но не могу забыть тот единственный поцелуй, который ты мне подарила за несколько недель до трагедии, обрушившейся на твою семью.

Судьба, верим ли мы в нее или нет, жестоко обошлась с нами четверыми — с Пьером и Леони, с тобой и со мной. Просвещенный ум мог бы предусмотреть драму, которая нас разлучила. Зачем снова говорю об этом? Потому что я не могу смириться с тем, что ты между нами воздвигла стену стыда и жертвенности.

Наверное, я повторяюсь, но я уверен в том, что люблю тебя с того самого первого вечера в Тюле, когда мы оба были еще молоды и свободны. И стоило мне увидеть тебя, такую прекрасную в серебристом платье, в гостиной твоего дома, «Бори», как эта любовь во мне проснулась.

Бедная моя Мари, как мучительно мне осознавать, что ты живешь в неподобающих условиях, в одной комнате со своими детьми, и отдаешь всю себя работе! Однако, прочитав эти слова, не подумай, что я сожалею о богатой и изысканной оправе, какой был для тебя «Бори»! Я готов любить тебя и одетой в лохмотья, под крышей самой убогой лачуги! Но ты так дорога для меня, что я желаю видеть тебя живущей в комфорте, достатке и безопасности... Я хотел бы защищать тебя, обожать, баловать, посетить с тобой все уголки мира, чтобы утолить твою жажду путешествий в незнакомые страны...

Моя работа в госпитале не приносит мне удовлетворения. Я хочу более спокойной жизни, поэтому думаю о переезде. Быть

может, я поселюсь в Юзерше, поближе к тебе. Разумеется, я предполагаю, что ты станешь по-прежнему отказываться от встреч, но, по крайней мере, я, как и ты, буду дышать воздухом нашего родного Корреза...

Я не получал новостей от Леони с момента нашего расставания, в котором ты не виновата. Я снова пишу тебе об этом на случай, если ты все еще не хочешь принять эту истину. Ты знаешь, что привело нас к разрыву после трех лет фактически совместной жизни. Леони — натура экзальтированная, свободная, и это, без сомнения, одна из причин, почему она отказывалась выйти за меня замуж. Я до сих пор испытываю к ней огромную нежность и уважение, потому что она намного честнее, чем я, чем ты.

Сообщаю тебе мой новый адрес. Ты и так знаешь, я мог бы не упоминать об этом, что твое письмо станет для меня огромным счастьем, яркой вспышкой озарит мою серую парижскую жизнь.

Адриан

Мари медленно сложила письмо, потом поместила его поверх предыдущих писем Адриана в металлическую шкатулку с замочком — ту самую, в которой в бытность прислугой хранила получаемое от хозяев «Бори» жалованье.

Раздался стук, и Нанетт спросила из-за двери:

— Мари, чем ты там занимаешься так долго? Спускайся, поговори со мной! Скоро вернется Жак, да и детишки тоже...

— Через минутку спущусь, Нан! Я переодеваюсь.

Молодая женщина надела выцветшее хлопчатобумажное платье, туфли сменила на тапочки. С наслаждением распустила тугий узел волос. Внезапно она вспомнила себя два года назад, в мае. Адриан, не предупредив, приехал в Обазин. В лавке бакалейщика мсье Лонгвиля, продававшего, кроме всего прочего, кофе и табак, он узнал адрес Мари.

В то воскресенье она как раз была занята приготовлением обеда, когда услышала, что какой-то мужчина окликает ее по имени. Обернувшись, она увидела его. По тому, как забилося сердце, она поняла, как много он для нее значит...

Адриан, как всегда любезный и словоохотливый, сел за стол вместе со всей семьей. Он все время пытался встретиться взглядом с Мари. После

обеда они пошли прогуляться вдоль Канала Монахов. Нанетт, ворча что-то себе под нос, согласилась присмотреть за детьми.

Мари вспомнила, как Адриан сел с ней рядом.

— Я никогда не забуду эту прогулку вдоль канала, — прошептал он.

Мари ответила очень серьезно:

— Я тоже. Мне сейчас так хорошо!

Почему в тот момент Адриан обнял ее рукой за плечи? Почему она подняла голову, а он, растроганный до глубины души, склонился к ней? Их губы встретились, они словно бы притягивали друг друга. Этот чувственный, романтический поцелуй взволновал их обоих. Он стал символом слияния двух душ, созданных, чтобы понимать друг друга. Прояви Адриан больше напористости, поцелуй он ее настойчивее, то, скорее всего, он бы все испортил. Мари посетило новое, прежде неизведанное чувство. Да, в то воскресенье она поняла, что желает этого мужчину.

Позднее Мари узнала, что произошло за несколько дней до их встречи между Адрианом и Леони. Однако у каждого из них была своя, тщательно скрываемая правда. Вечером Пьер, вернувшись домой, дружески похлопал Адриана по плечу, называя его по-прежнему «мой зять», хотя о браке Адриана и Леони уже давно никто не заговаривал. Они поужинали вместе, оживленно беседуя и смеясь, выпили вина.

На следующий день, проведя ночь на раскладной кровати, Адриан уехал.

В следующем месяце Пьер погиб в автомобильной катастрофе на дороге, ведущей в Тюль. Мсье Десмье, работодатель Пьера, был очень огорчен случившимся. В свое время он настоятельно рекомендовал своему новому управляющему ездить на двуколке, а не на автомобиле, или же нанять себе водителя. Однако и ему пришлось пойти на попятный, поскольку своевольный Пьер не считался с чужим мнением.

Черты Пьера и Адриана почти стерлись из ее памяти, и Мари не очень этому удивлялась, ведь она полагала, что оба эти мужчины навсегда исчезли из ее жизни. Однако это не мешало Адриану присылать ей в месяц по письму, на которые она не отвечала, окружив себя стеной молчания, хотя и винила себя за это.

* * *

— Мари, так от кого ты получила письмо? От твоей Леони? Что-то

давно ее не видно у нас...

Нанетт остановилась. В руке она держала скатерть, которую как раз собиралась постелить на стол. Настоящий инквизитор в юбке — подозрительно прищурился, поджав губы, она требовала ответа. Мари, хоть и ожидала этого вопроса, предпочла соврать:

— Да, письмо от Леони.

— И что хорошего она пишет?

— Ничего особенного, Нан, милая! Обычная жизнь. Пойду-ка я навстречу детям. Посмотри, который час, а они все гуляют!

Нанетт передернула плечами. После аварии, забравшей жизнь Пьера, она пристально следила за каждым шагом невестки. Мысль, что Мари снова может выйти замуж, ужасала ее. Хотя ей приходилось признать, что все свое свободное время Мари делит между работой, к которой относится очень серьезно, и детьми. Когда ей было искать себе возлюбленного?

Мари быстрым шагом направилась к каналу, испытывая приятное чувство облегчения оттого, что на какой-то час вырвалась из-под давящей опеки Нанетт.

«Бедная моя Нан, — думала молодая женщина, — у нее благие намерения, но временами с ней так тяжело!»

Молодая женщина шла по оживленным улицам маленького городка. По пути она обменялась приветствиями с Ирэн Дрюлиолю, женой мясника, — высокой брюнеткой, с которой она успела подружиться. Сидя на стуле у дверей своего дома, мадам Дрюлиолю качала на коленях дочку Мари-Эллен, которой едва исполнился годик. Малышка обожала Мари, которая никогда не забывала потрепать ее за щечку или поцеловать.

Сквозь сочно-зеленую листву деревьев на землю уже лился золотистый свет — предвестник продолжительных, мягких сумерек. Слева донесся шум голосов: ребятня с громким хохотом носилась среди кустов.

Мари увидела красную рубашку Поля, золотистые кудри Лизон, а чуть дальше — фигурку Матильды, которая стояла, сунув большой палец в рот. Было очевидно, что девочка на кого-то дуется. Приятели Поля, обазинские мальчишки Франсуа и Норбер, размахивали рогатками.

— Лизон, Поль! Домой сейчас же! И почему Ману плачет?

Внезапно повисла тишина. Норбер и Франсуа, хихикая, унеслись прочь. Они знали, что Мари не одобряет рогаток, считая их слишком опасной игрушкой. Лизон взяла за руку Матильду. Девочка отчаянно отбивалась, пиная сестру ногами. Поль подбежал к матери:

— Мама, мы так хорошо играли!

Мари молчала. Она обняла Матильду и, осмотрев ее со всех сторон,

спросила озабоченным тоном:

— Дорогая, где у тебя болит? Мне показалось, ты плакала!

Девочка, шмыгая носом, сказала плаксиво:

— Это Поль меня удалил! Больно! По голове!

— Если ты не обманываешь, я его накажу. Нельзя обижать тех, кто младше и слабее тебя, ты ведь знаешь это, Поль?

Поль, довольно щуплый для своих восьми с половиной лет, стал отчаянно защищаться:

— Мама, так нечестно! Ты всегда защищаешь Ману, а она злая! Она поцарапала бедную Лизон...

Мари на секунду закрыла глаза. Справляться с детьми, не ощущавшими твердую руку отца, становилось все труднее. Исключением была, пожалуй, Лизон — ласковая и послушная девочка. К счастью, у них был дедушка Жак, который при случае мог и прикрикнуть, поэтому дети перед ним робели. Он один мог добиться от Матильды послушания.

— Домой, и быстро! Ужин уже готов.

Лизон и Поль последовали за ней. Щечки у ребят покраснели от игр, но лица были грустные — им было не по душе видеть любимую мамочку в плохом настроении. Что до Матильды, то маленькая вредина, сидя у матери на руках и надув губы, торжествующе поглядывала на брата и сестру.

* * *

— Это невыносимо! Наверное, мне так плохо из-за духоты! Этой ночью обязательно будет гроза...

Мари говорила шепотом, из страха разбудить наконец уснувших детей. В шелковой ночной рубашке она лежала на кровати. Сквозь открытое окно в комнату вливался чудесный аромат — изысканный коктейль запахов зацветшей липы, роз и лилий.

Молодая женщина занимала одну из двух спален отдельной квартирki, расположенной на втором этаже здания приюта. Нанетт с Жаком обитали во второй спальне, отделенной от гостиной и просторной кухни миниатюрной прихожей. Для семьи из шести человек квартирka была маловата, но во времена, когда Пьер был жив, было еще хуже.

Мари предпочла забыть об этом периоде своей жизни. У мужа, стоило ему ее увидеть, было на уме одно — удовлетворить свои мужские потребности. Присутствие детей его не стесняло, в отличие от Мари — она

была категорически против. Постоянные отказы провоцировали немногословные ссоры, и Мари, снова и снова наталкиваясь на холодную ярость супруга, отчаивалась все больше, но все же не могла дать ему то, чего он хотел.

«Пьер, наша совместная жизнь не удалась! Когда я поняла это, мне захотелось умереть. Я наделала столько ошибок! И от осознания этого мне так больно!»

Мари встала, ощупью нашла на прикроватном столике свечу. Стараясь ступать как можно тише, она укрылась в чуланчике, где стоял гладильный стол.

«Я напишу Адриану ответ! Я должна сделать это! Я больше не могу молчать!»

Приняв решение, она решила не отступать. Одиночество душило ее.

Адриан,

я не нашла в себе сил оставить без ответа твое письмо, полное нежности и уважения, которых я не достойна. Сегодня необычный день: два года и неделю назад в аварии погиб Пьер. Я не стала смотреть на его изуродованное лицо, мне хотелось запомнить его таким, каким он был при жизни.

Ты, без сомнения, удивишься, получив наконец от меня письмо после такого продолжительного молчания. Знай, что, если бы не витал в воздухе сегодня сильный и сладкий аромат лилий, если бы не увидела я снова серебристые воды Канала Монахов, не попыталась в очередной раз прогнать все эти воспоминания, я бы не смогла открыть тебе свое сердце.

Сегодня я вспомнила, что почувствовала, когда ты поцеловал меня, я словно наяву увидела твое лицо, твой лоб, твои волосы, твои светлые глаза. Я ощутила себя одинокой, беззащитной перед горькими сетованиями моей Нан, которая очень быстро стареет, перед капризами Матильды. На работе у меня все замечательно. Ученицы очень меня любят, и я ими довольна. Уверена, они хорошо сдадут экзамены.

Самые ужасные моменты — когда я оглядываюсь назад и вижу крушение наших жизней. Знай, что после нашей последней встречи я вопреки всему лелеяла надежду, что снова увижу мою Леони! Но нет, она не дает о себе знать. Я запомнила ее потерявшей голову от гнева, бросающей мне в лицо правду о наших с Пьером отношениях...

Я не хочу причинять тебе боль, снова перебирая хаотически всплывающие в памяти детали этих событий, и все же ты можешь считать это письмо исповедью. Я должна высказать все, что накопилось в душе, чтобы просто продолжать жить дальше. Ты, как и я, знаешь, что Леони и Пьер полгода были любовниками. Правда и то, что, узнав об этом, я повела себя резко и безжалостно. Я оскорбляла их, я их проклинала! А ведь и я была не права, и позже признала это, после того как выслушала Леони.

«Ты сама подтолкнула Пьера к измене! Он молод и полон сил, а ты его не хотела! Неужели ты не понимала, что после этого ужасного ранения он желал получить подтверждение своей мужской состоятельности, а ты его постоянно отталкивала? Он все мне рассказал! Я дала ему то, в чем он нуждался! Стала для него настоящей женщиной...»

Как эти ее слова оскорбили меня! Я-то думала, что настоящая женщина — это работающая, серьезная, хорошая хозяйка и мать! Я не думала о физической стороне отношений, которая у нас с Пьером всегда была источником проблем и ссор...

Рука Мари замерла. В желтом свете свечи обстановка чуланчика стала фантастической, хотя здесь были всего лишь три метлы, закрытые полотняными шторами полки, никому не нужный хлам, ведро и кувшин под застиранной тряпкой. Она улыбнулась и снова взялась за перо.

Я только что поборола в себе желание сжечь листки, на которых излагаю эти абсурдные признания. Неужели я совсем потеряла стыд, если исповедуюсь тебе, моему давнему и дорогому другу? Я считаю, что говорить о плотской любви неприлично, но, возможно, это одно из многих моих заблуждений, которые мешали нам с Пьером в нашей супружеской жизни. Но когда я узнала о связи Леони и моего мужа, об их — скажу прямо — взаимной страсти, мне было невыносимо больно. Я возненавидела их, я их презирала, настолько меня ослепили мои принципы и моя наивность.

Когда же Леони сообщила мне ужасную новость, которой ты наверняка не знаешь, — что Пьер отец последнего ребенка Элоди, вульгарной разбитной вдовы сына семейства Прессиго,

погибшего на войне, остатки любви, которую я испытывала к мужу, иссякли.

Как смириться с таким предательством? Он ездил к ней в Лимож, хотя она на пять лет старше него, пользовался ею, как хотел, а потом возвращался в «Бори» и требовал от меня исполнения супружеского долга! Я не стала рассказывать об этом Нанетт — ни о ребенке Элоди, ни о связи Пьера с Леони. Но если связь с Леони я еще могу понять, ведь она такая красивая, такая соблазнительная, веселая и чувственная... Я не удивилась, узнав, что Пьер в нее влюбился. Признаюсь честно, меня удивляет другое: что могло толкнуть девушку, которую я поныне считаю своей младшей сестрой, в объятия такого грубого мужчины, каким всегда был мой муж?

Эта загадка не дает мне покоя. Я бы хотела задать ей этот вопрос, чтобы понять наконец. Но она не хочет ни видеть меня, ни говорить со мной, отгородившись от мира своей болью. Знаешь, Адриан, настоящая вдова Пьера — это она, Леони, а не я. И должна тебе признаться, что я тоже люблю тебя с того самого трагического Рождества в «Бори», когда твое внимание, твои беседы помогли мне пережить страшное горе, которым стала для меня смерть любимого отца. Те три года, пока вы жили с Леони вместе, я могла еще врать самой себе, подавлять чувство, которого сама стыдилась. Я завидовала смелости Леони, которая решила жить с тобой открыто, вне брака.

Этой ночью, сидя за закрытой дверью в чулане, как провинившийся ребенок, я открываю тебе свое сердце. Я люблю тебя, Адриан, но это чувство отличается от того, что я испытывала к Пьеру. Я мечтаю поделиться с тобой впечатлениями от прочитанного, восторгом от созерцания природы, которая так прекрасна в Коррезе, но нас разделяет стена. Я не могу представить себя в твоих объятиях, потому что я не настоящая женщина. Так сказал Пьер, это крикнула мне в лицо Леони, когда я, отчаявшаяся, ударила ее по щеке...

Я хочу, чтобы ты до конца жизни остался моим другом, от которого не ждешь большего, чем невинный детский поцелуй. Хотя, кто знает, может, ты один смог бы разрушить эту стену, прогнать мою тоску, разрушить оковы стыда. Я чувствую себя старой, утратившей женскую привлекательность. Я до сих пор ношу траурные одежды, не

желая, чтобы меня осуждали соседи и обазинские монахини.

Адриан, в спальне плачет Ману... Наверное, ей приснился страшный сон. Прощай, мой единственный друг, мой брат...

Мари

Матильде часто снились кошмары. Девочка просыпалась в слезах и начинала пронзительно кричать. Мари вернулась в спальню, взяла малышку на руки и уложила на большую кровать.

— Я так испугалась! — пробормотала девочка. — А тебя не было... Ты плохая, мамочка, я тебя больше не люблю!

Однако, говоря это, Матильда прижималась к матери, которая уже успела забыть и о письме к Адриану, и о своих надеждах на новую жизнь. Но как представить себе полноценные отношения с женщиной, когда малейшая царапинка на ручке Ману становится трагедией вселенского масштаба? Да и Нанетт никогда не смирится с таким поворотом событий.

Мари, прислушиваясь к дыханию засыпающей дочери, подумала, что напрасно поддавалась порыву. Письмо не дойдет до адресата. Адриан останется для нее сладкой несбыточной мечтой.

— Бедная Ману! — вздохнув, прошептала молодая женщина. — Ты ни в чем не виновата... Но я помогу тебе стать лучше.

В чуланчике догорала свеча. Письмо лежало рядом с заранее заготовленным Мари розовым конвертом. Комар присел на слово «Париж», а потом взлетел и, опустившись снова, увяз в ловушке из теплого воска.

Глава 24

Праздничное воскресенье

Мари разбудил голос Лизон: девочка просила Поля не шуметь.

— Пусть мама еще поспит! Сегодня ведь воскресенье!

Забота дочери растрогала молодую женщину. Белесый утренний свет проник в комнату. Рядом, прижавшись к материнской груди, спала маленькая Матильда. Мари невольно залюбовалась ее пухлыми губками и густыми ресницами.

Лизон охнула от досады, увидев, что мать жестом подзывает ее к себе.

— О мамочка, я так хотела, чтобы ты отдохнула! Я слышала, что ночью Ману плакала...

— Не беспокойся, дорогая. Я прекрасно себя чувствую. И все равно пора вставать — нельзя опаздывать к мессе! Я приготовлю вашу одежду.

Мари встала, не побеспокоив сон младшей дочери, но Лизон оказалась в чуланчике раньше нее. Девочка застыла, глядя на письмо и конверт.

— Ты писала дяде Адриану? — спросила она тихо. Лизон очень нравился жених Леони, и она привыкла называть его «дядя». — Это так здорово, мамочка! Я его не забыла! Скажи, он сможет приехать на наш праздник? Мы с сестрой Юлианной, мамой Тере и девочками-сиротками собрали столько целебных трав и цветов — липовый цвет, листья ежевики и мальвы! Мы будем продавать это на празднике! Хорошая придумка, правда же?

Каждый год Лизон с нетерпением ждала этого события. Проведение приютского праздника в Обазине стало хорошей традицией. Воспитанницы монахинь, сироты и пансионеры, разыгрывали сценки и одноактные пьески, пели популярные песни. На праздник собирался весь городок. В приютской столовой монахини устраивали некое подобие сцены. Здесь же продавались вещи, сшитые руками воспитанниц.

— Мамочка, так ты рассказала дяде Адриану про праздник? Три года назад, помнишь, они приезжали вместе с Леони!

— Да, я помню, Лизон, но с тех пор многое изменилось. Леони сейчас очень далеко, в Англии, а Адриан живет в Париже. И потом, они ведь расстались, я говорила об этом. А тебе, дорогая, я хочу напомнить, что нехорошо читать адрес на чужом письме, это бестактно.

— Прости меня, мамочка! Я не знала, что поступаю плохо.

Лизон внимательно посмотрела на мать. Под этим взглядом Мари почему-то стало неловко.

— Но, может, дядя Адриан с радостью приехал бы к нам в гости? — тихо спросила она.

— Может, и так. Лизон, давай поговорим об этом потом. А пока спускайся скорее завтракать, кофе наверняка уже готов. Поль, это и тебя касается. И скажите бабушке, что я скоро...

Когда дети вышли, молодая женщина торопливо сложила письмо и сунула его в конверт. Потом положила его на стол и задумалась. Нет, это письмо не попадет к адресату, она его сожжет! Поколебавшись минуту, Мари сунула конверт в свой бювар.

«Надеюсь, Лизон больше ничего не успела прочесть. Надо же быть такой дурой — легла спать и оставила письмо на столе!»

Походя Мари поймала свое отражение в зеркале небольшого одежного шкафа, купленного при переезде у соседей. С растрепанными волосами, полуголая в своей шелковой бежевой ночной рубашке, она показалась себе совсем еще нестарой.

— Да что это со мной?

Молодая женщина быстро надела юбку, блузку, стянула вьющиеся волосы лентой. Часы только пробили восемь, она еще успеет привести себя в порядок до начала мессы...

* * *

Выход прихожан из церкви по окончании службы давно стал настоящим ритуалом. В небе ярко светило солнце. Жители Обазина толпились перед храмом, обмениваясь приветствиями и свежими новостями. Говорили громко, с наслаждением вдыхая свежий весенний воздух...

Мужчины, все как один в воскресных костюмах, потихоньку двигались в сторону местного бистро, чтобы выпить по маленькой и выкурить трубку. Женщины оживленно болтали, не торопясь вернуться домой. Нанетт нашла себе подругу по имени Маргарита, которая тоже очень любила «посудачить о том о сем».

Мари с гордостью поглядывала на своих аккуратно причесанных, одетых в безукоризненно чистые костюмчики детей. По соседству проживало немало молодых матерей, и ей предстояло обменяться парой слов с каждой из них.

Сегодня первой к Мари подошла Ирэн, жена мясника. На руках у нее сидела маленькая Мари-Эллен.

— Здравствуй, Мари! Представляешь, только что наша малышка сделала свои первые шаги! Она увидела вас с детьми и стала кричать и проситься, чтобы я опустила ее на землю. А когда я ее поставила, она вдруг пошла! Конечно, почти сразу упала, но ведь пошла!

— Славная моя крошечка! — воскликнула Мари, улыбаясь. — А теперь у нас «бо-бо» на коленочке!

Мари-Эллен заливисто смеялась, пока обе женщины осматривали ее пухленькую ножку. Матильда, которая до этого вела себя примерно, потянула мать за юбку, хлюпая носом:

— Мама, хоцу кушать! Хоцу домой! Домой, домой!

— Простите меня, Ирэн, но у моей младшей не такой золотой характер, как у Мари-Эллен. До встречи!

Мари, статная и изящная в своем черном саржевом платье, направилась к дому. На душе у нее было светло и легко, казалось бы, без особых на то причин. Заметив Нанетт, она крикнула:

— Я отведу Ману домой и накрою на стол! О готовке сегодня не беспокойся.

Матильда бежала впереди матери, чтобы поскорее выбраться из оживленной толпы. На мессе девочка скучала, монотонная речь священника и песнопения на латыни действовали на нее угнетающе. Она бегом припустила к школе.

— Ману, не так быстро, упадешь! — крикнула ей вслед Мари и в ту же секунду увидела, что возле их дома стоит серый автомобиль.

За рулем сидела женщина с сигаретой в руке, на лицо ее падала тень от соломенной шляпки. И все же Мари мгновенно ее узнала. Леони...

В памяти молодой женщины эта сцена навсегда запечатлется в формате замедленной киносъемки. Вот Матильда, споткнувшись о камень, падает со всего маху. Она кричит от злости и боли, но даже не пытается встать. Мари бросается к дочери, чтобы ее утешить, в то время как Леони с испуганным видом выскакивает из машины:

— Бедняжка, у нее кровь идет носом!

Мари вздрагивает при звуке этого почти забытого голоса, но ее мысли снова переключаются на Ману, чье голубое платье теперь испачкано кровавыми потеками. Леони обнимает девочку:

— Ну же, Матильда, успокойся! Держи головку повыше, я тебе помогу! Подними ручку, да, вот так! Мари, открывай скорее дверь, на улице слишком жарко!

Пять минут спустя, благодаря заботам о маленькой Матильде, Мари и Леони почти удалось вернуть былое взаимопонимание. Конечно же, того требовала ситуация, однако сердца обеих трепетали от радости.

— Ты узнала Леони, Ману? Тебе повезло, что рядом так вовремя оказалась медсестра!

— Хоцу ее поцеловать!

Матильда обняла Леони за шею своими пухленькими ручками:

— Ты так холошо пахнешь! Мамоцка, поцелуй ее тоже! У нее такая незная щецька!

Леони не решалась посмотреть Мари в глаза. Та, заметив ее смущение, ее полные слез глаза, распахнула свои объятия:

— Ману права. Давай обнимемся, сестренка!

— О Мари... Мари!

Нанетт и дети, вернувшись, застали их в объятиях друг друга, Мари и Леони смеялись и плакали одновременно.

— Леони! — воскликнула Нанетт. — Вот уж сюрприз так сюрприз! Молодец! И письмо прислала, чтобы предупредить, что скоро приедешь!

Мари украдкой ущипнула Леони за руку и шепнула ей на ухо:

— Не возражай, ты написала мне письмо. Я потом объясню.

Своим обычным голосом она сказала, обращаясь к Полю:

— Беги скорее к мсье Бернади, его лавка еще открыта, и попроси бутылку хорошего вина. Скажи, деньги я занесу завтра. У нас в доме праздник!

* * *

Оправившись от потрясения, ставшего следствием неожиданной встречи, Мари отметила про себя элегантный наряд Леони, ее удобу и слишком яркий макияж. Она была очень красива, но в прекрасных голубых глазах затаилась печаль.

Нанетт по такому случаю достала заготовленный впрок заячий паштет, приготовила омлет с зеленью. Но неожиданная гостья почти не прикоснулась к угощению.

— Так странно быть здесь, с вами! Совсем как раньше... — сказала Леони, поднеся к губам чашку с кофе.

— Да, совсем как раньше, — повторила Нанетт. — Вот только моего Пьера с нами нет! Он теперь на кладбище, да что я тебе об этом говорю, бедная моя девочка!

Мари напряглась. Обычно после этих слов Нанетт начинала громко рыдать, чем приводила в ужас Лизон с Матильдой. Так и случилось. Жак обреченно махнул рукой:

— Жена, хватит лить слезы! Пусть мой сын спит спокойно, тем более в такой день, как сегодня.

Леони порывисто встала:

— Мне пора ехать, я и так задержалась! Я заехала просто поздороваться с вами...

Мари попыталась возразить, схватив ее за руку:

— У тебя ведь есть еще немного времени, правда, Леони? Мы с тобой могли бы прогуляться! Посмотри на Лизон, она так рада тебя видеть! Давайте сходим все вместе к руинам старинного монастыря. А домой вернемся по дороге, идущей вдоль канала. Дети, идемте! И возьмите с собой трость, в округе водятся змеи. А ты, милая моя Нан, ляг и поспи немного. Я уберу со стола, когда вернусь.

Леони не стала отказываться. Поль увлек ее за собой на улицу. У него была своя цель: мальчику ужасно хотелось забраться внутрь замечательного автомобиля, раньше он такого не видел.

— Можешь посидеть за рулем, Поль! К сожалению, машина не моя. Мне ее одолжил друг.

— Все равно тебе повезло, тетя Леони!

Молодая женщина с улыбкой взъерошила ему волосы. Мари и Лизон вышли из дома. В руке у матери была трость, девочка несла корзинку.

— Ману решила остаться с бабушкой, — звонким голосом сообщила Лизон. Было очевидно, что девочка счастлива оттого, что в ближайшие несколько часов ей не придется терпеть капризы младшей сестренки.

Быстрым шагом они направились к окраине городка. Дети быстро вырвались вперед, Мари с Леони немного отстали...

* * *

— Мы идем к руинам старинной женской обители. Ты знаешь это место, от городка до него не больше шести сотен метров... Весной мы, сиротки из приюта, ходили туда за ландышами, помнишь?

— Конечно. С удовольствием прогуляюсь с тобой туда, Мари.

Леони посмотрела на подругу. Невзирая на строгую прическу, черное платье и полное отсутствие косметики на лице, Мари показалась ей очень красивой. Леони не смогла бы сказать почему, но в этот момент она вдруг

вспомнила слова Нан о письме.

— Скажи, Мари, кто прислал тебе то письмо? Я-то знаю, что оно не от меня!

— Это письмо от подруги по Эколь Нормаль. Мы встречались двадцать третьего апреля здесь, в Обазине, на ярмарке.

— Почему тогда ты сказала Нанетт, что письмо от меня?

— Все очень просто, Леони: Нанетт эта девица не по вкусу, она считает ее чудачкой. К тому же Нан без конца спрашивала, нет ли от тебя письма, и я соврала, чтобы ее успокоить. С возрастом моя Нан становится такой же капризной, как Ману!

— А сегодня я вдруг взяла и приехала...

Мари спросила тихо:

— Скажи, что заставило тебя приехать, Леони? Я хочу знать. Я так рада тебя видеть! Я так по тебе скучала!

Леони молча смотрела на каменные стены, проглядывающие между деревьями. Лизон с Полем, напевая, собирали землянику.

— Мари, посмотри, старый монастырь там, верно? — внезапно спросила Леони.

— Да, мы пришли. Давай посидим немного, трава сухая, на твоём платье не останется ни пятнышка.

— Мне плевать на платье, — ответила Леони с надрывом. — Лучше бы мне одеться в черное, как ты!

Мари взяла ее руку в свою и сжала пальцы. Это был поощрительный жест, Леони это поняла.

— Моя милая старшая сестра, если бы ты знала, как мне тебя не хватало! Мы с тобой болтали обо всем на свете, ты помнишь? Мне давно хочется поговорить с тобой о том, что нас разлучило! О моем разрыве с Адрианом, о смерти...

Мари продолжила за нее, хотя в горле у нее пересохло:

— ...о смерти Пьера. Ты очень страдала, я права?

Леони прижалась лбом к плечу подруги и беззвучно заплакала:

— Дорогая, прости меня, но я так его любила! Если бы ты только знала! Я любила его всем своим существом! Я знала, что должна приехать и все объяснить тебе, чтобы ты поняла. Если я и осмелилась предать тебя, украв у тебя мужа, то только потому, что страстно его любила. Но это невозможно понять, да?

— Со временем я приняла эту мысль, хотя до сих пор многого не понимаю. Леони, эти ужасные испытания сделали меня сильнее. Но прошу тебя, объясни, что такое вас связывало, что мне не довелось испытать!

Леони выпрямилась. Слезы смыли с ее щек рисовую пудру и румяна, и теперь лицо ее казалось мертвенно-бледным. Она прошептала:

— Но здесь же дети... Смотри, они зовут тебя!

— Не волнуйся, они поймут, что нас не надо беспокоить. У них счастливый день — они могут свободно носиться по лугу, ведь капризница Ману осталась дома!

Молодые женщины обменялись улыбками, в которых не было истинной веселости. Одна боялась услышать желанную правду, вторая не знала, с чего начать. Наконец Леони решилась, и слова полились потоком:

— Я по натуре девушка страстная, и Пьер, когда я еще жила в «Бори», разбудил во мне чувственность. Он сделал это не нарочно. Когда я была подростком, он подтрунивал надо мной, щипал за щечку, хлопал по попе. А я потом не могла заснуть всю ночь... Он уже был взрослым мужчиной, я находила его красивым и сильным. Когда он вернулся с войны, я полюбила его еще сильнее, потому что он нуждался в понимании и поддержке. Думаю, мне уже тогда нужно было признаться во всем тебе, но мне было стыдно перед тобой, такой доброй, такой совершенной! И вот он стал твоим мужем. Я попыталась себя урезонить, но стоило ему приблизиться ко мне — и мое сердце начинало колотиться, как сумасшедшее, ноги становились ватными, и я испытывала безрассудное желание броситься ему на шею...

Мари сорвала травинку и зажала ее в зубах. Она была взволнована, но слова Леони не ранили ее.

— Знаешь, Мари, мужчины это чувствуют. Вот и Пьер что-то заподозрил. Поначалу его это забавляло. Но потом он стал вести себя по-другому. И я, помня о твоей доброте, взбунтовалась. Я оттолкнула его, когда он попытался меня обнять, я его даже ударила. Он сам тебе об этом рассказывал. Позже я уехала в Лимож, подальше от него, но самое худшее уже случилось — я его полюбила.

Леони плакала, губы ее дрожали. Мари, жалея ее, взяла подругу детства за руки:

— Дальше можешь не продолжать. Что прошло, то прошло!

— Но не для меня! Мари, я без конца возвращаюсь мыслями в то время. Выслушай меня до конца! Потом был тот вечер, когда Пьер вез меня в Шабанэ на двуколке. Я поцеловала его! Поцеловала первой, а ведь он из всех сил сдерживался, не желая предавать тебя! Думаю, он по-своему любил тебя, грубоватой и собственнической любовью. Он ждал от тебя невозможного... Я сама требовала того же от Адриана — того, что он не мог мне дать!

Мари, щеки которой пылали, практически выкрикнула свой вопрос:

— Но о чем ты говоришь?

— О наслаждении, дорогая Мари, об абсолютной любви, когда сердце, тело и душа вибрируют в унисон! О желании, которое делает тебя больной... Мари?

Леони заставила подругу, которая отвернулась, снова посмотреть на нее:

— Мари, своими словами я сделала тебе больно, да?

— Нет. Продолжай! Потому что я чувствую себя наивной дурой, которая совсем не знает жизни! Я хочу знать правду!

— Правда в том, что мужчина и женщина, которые любят друг друга по-настоящему, вместе переживают это сумасшествие, эту бурю чувств, о которой я говорю. Это одновременно мучительно и прекрасно. Я не могла больше жить, не занимаясь с Пьером любовью. Это должно было случиться. Я рассталась с Адрианом, назначила твоему мужу свидание. В это время он как раз должен был на неделю остаться в Сен-Фортюнаде, следить за сенокосом. И там наконец-то мы получили свой кусочек счастья!

— Всего лишь кусочек?

Леони невесело усмехнулась:

— Да, потому что меня мучила совесть, его тоже. Уже потом, а не до... Но судьбу не проведешь. Пьер погиб в аварии через неделю после этого, он как раз ехал в Тюль ко мне на свидание. Погиб по неосторожности и... из-за меня. Да, я должна была сказать тебе это, моя маленькая Мари. Я чувствую себя ответственной за его смерть. Твои дети лишились отца, а ты осталась одна.

Мари встала, она ощущала себя очень усталой.

— Ты никогда не сможешь простить меня? Скажи! — взмолилась Леони.

Молодые женщины смотрели друг на друга. Нежные золотистые лучи солнца играли в их волосах, создавая подобие светящегося нимба.

— Я прощаю тебя, сестричка! И Пьера тоже, потому что чувствую за собой еще большую вину, чем ваша. Однажды я скажу тебе почему, но не сейчас. Я не могу говорить об этом, пока не могу. Я тебе напишу. А пока идем, дети нас ждут...

* * *

Вечером того же дня Леони уехала в Брив на своем великолепном

автомобиле, полюбоваться на который пришло немало соседней Мари под разными надуманными предложениями: немного прогуляться или просто поздороваться с Нанетт.

— Ты еще приедешь, тетя Леони? — спросила Лизон, обнимая молодую женщину за талию.

— Конечно! Обещаю тебе!

Мари легла спать, а в голове все еще звучали слова подруги, так внезапно появившейся в ее доме в это прекрасное июньское воскресенье. Завтра она вернется к своим обязанностям учительницы и заставит себя не думать больше об этих минутах, проведенных наедине с Леони, полных странных, не желавших укладываться в голове откровений. Рядом крепко спали дети. В комнате за стеной раскатисто храпел Жак. И тут Мари вспомнила о письме.

«Господи! Надо поскорее сжечь его!»

Она вскочила с постели. Но в бюваре конверта не оказалось.

«Ничего не понимаю! Я сама его туда положила!»

Напрасно Мари снова и снова перерывала вещи в чулане. Охваченная паникой, она пыталась найти объяснение этому непонятному исчезновению.

— Кто это сделал, кто? — воскликнула она, не помня себя от беспокойства.

— Что сделал, мамочка?

Лизон произнесла эти слова шепотом. Мать со свечой в руке подошла к ее кровати.

— Это ты взяла письмо к дяде Адриану?

— Нет, мамочка.

— Кто тогда? Нанетт не могла этого сделать!

Девочка опустила голову, она была готова разрыдаться. Мари сочла это признанием своей вины.

— Лизон, если ты решила пошутить таким образом, это плохо, очень плохо. Я думала, ты честная и искренняя девочка.

Дочка заплакала, испуганная холодной яростью в голосе матери.

— Мама, прости меня, пожалуйста! Когда тетя Леони пришла сюда, в нашу комнату, отдохнуть перед ужином, я была с ней. Я так радовалась, что она приехала! Я ей сказала, что ты написала письмо дяде Адриану, думала, ей это будет приятно. И еще я ей сказала, что они вдвоем могут приехать к нам на приютский праздник, как раньше... А потом я спустилась в кухню. Но клянусь тебе, я не брала письмо, я даже не знаю, где оно лежит... Если хочешь, я помогу тебе его искать!

У Мари, казалось, остановилось сердце.

— И ты сказала Леони, что письмо в чуланчике?

— Нет, мамочка, я этого не говорила!

Лизон запинаясь на каждом слове. Слезы у нее лились в два ручья. Матильда шевельнулась в кровати. Мари устыдилась своего поведения. Обняв старшую дочь, она стала ласково ее успокаивать:

— Перестань плакать, Лизон, я тебе верю. Тетя Леони нашла письмо и взяла его с собой. Она отнесет его на почту в Бриве. Она просто решила мне помочь. Дорогая, прости меня, я тебя напугала! Я знаю, что ты никогда меня не обманываешь!

Лизон понемногу успокаивалась, прижимаясь к матери. Девочке вдруг показалось, что она на мгновение попала в незнакомый мир, где любимая мамочка превращается в злобную фурию, а тети воруют письма... Воспоминания об этом коротком пребывании в мире взрослых тревожили девочку, она не понимала, что пришла, наконец, и ее очередь повзрослеть...

Мари никак не удавалось уснуть. Она снова и снова представляла себе Леони с конвертом в руке. Что она сделала с письмом? Вскрыла и прочла? При мысли об этом Мари затошнило. Письмо — это нечто очень личное, послание, адресованное конкретному человеку!

— Если бы я только знала, как ее найти! Ну почему Леони это сделала? Я была так рада ее приезду! Она не имела права! Я никогда не пойму ее!

Через окно в комнату проникал голубоватый свет неполной луны. Мари рассматривала предметы обстановки, освещенные этим призрачным светом, и думала о своей жизни. Ей тридцать пять лет, и за все эти годы она так редко чувствовала себя счастливой! Детство ее прошло здесь, в обазинском приюте, это был долгий период метаний между безмятежностью и страхом. Ощущение внутреннего спокойствия под крылом у монахинь, вдали от тягот и забот этого мира, и тут же — отчаяние от осознания того, что рядом нет ни одной родной души...

Много счастливых моментов она испытала в фермерском доме в «Бори», у Нанетт, которая окружила ее своей заботой. Там Мари чувствовала, что ее любят, пекутся о ее благе. И еще она открыла для себя нежную привязанность ревнивца Пьера, который очень сильно любил ее, по крайней мере, в те времена...

Мари села в постели. Ей показалось, что в своих размышлениях она приблизилась к ключевому, очень важному моменту. Масса картинок из прошлого, смутных ощущений на несколько секунд заполнила разум, и все эти воспоминания были связаны с самыми лучшими мгновениями их с

Пьером любви.

Сердце молодой женщины болезненно сжалось. Она прошептала:

— И все-таки мы были счастливы вместе! Если бы не умер наш первый малыш, мы могли бы стать счастливой семьей! Если бы только Леони не появилась в «Бори»! Если бы ее не было, я бы научилась со временем удовлетворять желания своего мужа. Леони все испортила, все! И сегодня она забрала мое письмо к Адриану. Ненавижу ее, я ее ненавижу!

Мари зарылась лицом в подушку, чтобы выплакать свою боль. Ее сердце сжималось от отчаяния, и только воспоминания об отце помогли ей успокоиться. Она увидела его с улыбкой на устах, сидящим в гостиной в «Бори», в руках у Жана Кюзенака была книга... Потом в парке, рядом с кустом красных роз...

— Папочка, как же мне тебя не хватает!

* * *

Через три дня Мари получила от Леони короткое письмо. Первым желанием было бросить его в печь, где догорали угли, но она вовремя одумалась. Ей хотелось знать, что в нем. К счастью, Мари в этот момент была дома одна.

*Дорогая Мари,
прошу у тебя прощения за то, что, поддавшись
безрассудному порыву, я нашла письмо, которое, по словам
Лизон, ты написала «дяде Адриану». Не знаю, зачем я его взяла!
Чтобы прочитать, разорвать или отправить адресату? Но не
беспокойся, я тут же пожалела об этом идиотском поступке и
отправила его сразу, как только приехала в Брив. Я не вскрывала
его, не читала. В своей короткой жизни я уже успела сделать
достаточно зла. Я не хочу вдобавок ко всему разрушить твою
дружбу с Адрианом. Да и потом, я не от последнего дождя
родилась, как любит повторять наша Нан, и я знаю, что он
давно тебя любит...*

Твоя Леони

Мари сожгла это компрометирующее послание и налила себе холодного кофе. Она нуждалась в бодрящем напитке, потому что в душе

боролись гнев и облегчение. Леони, разумеется, могла и не сказать правды. Она могла вскрыть письмо, прочесть, а потом аккуратно заклеить конверт. И самое невыносимое — это то, что она решила поступить с письмом по своему усмотрению.

— Я не хотела его отправлять! — воскликнула Мари. — Это уж слишком — вот так играть с моей жизнью, с моими чувствами! Не хочу, чтобы мной руководили, как ребенка, вели то влево, то вправо! Хватит! Довольно! Хочу поступать, как сама считаю нужным!

Первый раз в жизни Мари стукнула кулаком по столу. У нее за спиной послышался смех:

— И ты права, моя девочка! Не позволяй никому решать за себя! А то еще немного, и я поверю, что у меня в невестках святая!

Жак дружески похлопал Мари по плечу.

— Жак, это вы? — ошарашенно спросила Мари. — Простите, я не сдержалась.

— Я все понимаю, не беспокойся. Иногда нужно выпускать пар, иначе начнешь болеть. Давай лучше выпьем по капельке!

Она кивнула. Было забавно вдруг обрести союзника в лице собственного свекра. Непонятно почему, но Мари всегда робела в его присутствии. Они прожили одной семьей много лет, а Мари так и не стала говорить ему «ты», да и, если вспомнить, разговаривали они крайне редко.

Жак внимательно посмотрел на невестку:

— Ты красивая женщина, Мари. Забрось подальше свои черные платья и почаще выходи на улицу! Большое горе для меня — похоронить сына, но я, честно говоря, не очень-то им гордился. Думаешь, я не видел, что он бегаёт за этой Леони? У меня глаза на месте, да и уши тоже! Нанетт заведет старую песню, но ты ее не слушай — если у тебя появится ухажер, приводи его в семью!

Смущенная Мари опустила глаза. Выпитое подействовало на нее успокаивающе, и она отозвалась невесело:

— Все не так просто, Жак, но все равно большое вам спасибо. Вы так добры ко мне...

Они улыбнулись друг другу. Громко зазвонил колокол обазинской церкви. В переулке эхом отозвались детские голоса.

— А вот и дети с Нан! Пойду переоденусь. Жак, спасибо...

Переступив порог комнаты, Мари ощутила желание петь. Ей казалось, что ее душа раскрывается, к ней возвращаются силы. Надежда опьяняла ее, и это было давно забытое ощущение...

Глава 25

В шаге от мечты

Август 1928 года

Мари опустилась на колени перед запрестольным образом, испытывая глубокое уважение к мастерам, сотни лет назад изваявшим это чудо из ореховой древесины. Церковь Святого Петра в Наве, маленьком городке по соседству с Тюлем, наполнилась тишиной и мягким приглушенным светом, приличествующим святому месту. Молодая женщина совершала своего рода паломничество в память о своей бабушке.

— Бабушка Аделаида! — прошептала Мари. — Я не знала вас, но папа вас очень любил! Он рассказывал, что вы часто приходили в этот храм. Сегодня я пришла сюда, чтобы умолять вас о помощи...

Кто-то вошел в церковь. Мари быстро обернулась и заметила фигуру человека в черной сутане. Кюре поприветствовал прихожанку и исчез в глубине нефа.

«Какая же я все-таки глупая! Адриану не придет в голову искать меня в этой церкви! Я вообще не знаю, приедет ли он. Не знаю, что и думать...»

Мари соединила ладони и прочла короткую молитву, обращаясь ко всем святым католического пантеона. Она не побоялась попросить их о помощи в делах любви, хотя за шесть лет Мари перенесла столько страданий, связанных со смертью самых близких людей, что временами ей даже казалось, что ее вера пошатнулась.

Однако следует признать, что монахини в Обазине считали ее образцовой католичкой.

— Святой Петр, святой Стефан и ты, Пресвятая Дева, скажите, что мне делать! Разве это плохо — нуждаться в любви, в нежности? Я ведь еще не настолько стара, чтобы жить в одиночестве!

Молодая женщина закрыла глаза. В памяти замелькали яркие картинки: последние несколько недель она прожила в состоянии лихорадочного возбуждения и нетерпеливого, но вместе с тем боязливого ожидания ответа от Адриана. Однако почтальон не торопился принести в ее дом письмо из Парижа. И вот настал день, когда Мари решила, что Леони ее обманула. Да и зачем той было отправлять украденное письмо?

Вероятнее всего, она прочла его и, разозлившись, попросту выбросила.

Это объясняло все: и то, что, вопреки обещанию, Леони с той поры ни разу не приехала в Обазин, и то, что Адриан не ответил на любовное послание Мари. Наконец Мари, в душе которой с утра до ночи боролись надежда и отчаяние, решила, наконец, отправить второе письмо, очень короткое:

Мне нужно поговорить с тобой, мой дорогой утраченный друг. Если у тебя в распоряжении есть несколько свободных дней, знай, что десятого августа я буду в Наве, одна. Если после полудня ты не придешь в «Кафе де ла Фонтэн», одиннадцатого августа я поеду в Тюль, где у меня назначена встреча с директрисой колледжа, куда я хочу устроить Лизон.

Мари

Позже Мари пожалела об этом безрассудном поступке. Она не соврала, сообщая о запланированной встрече в Тюле, но просить Адриана, от которого пару месяцев не было никаких известий, приехать повидаться с ней в определенный день в Нав было глупо.

«Он не приедет! Я повела себя, как безмозглая девчонка! Он мог уехать за границу, мог заболеть, а может, у него появилась возлюбленная...»

При этой мысли у молодой женщины сжалось сердце. Она пробормотала:

— Но ведь я так его люблю!

Мари никогда не ревновала Пьера, и только теперь она поняла, что это такое. Узнав о связи мужа с Леони, она дала волю ярости, она презирала обоих, но эта реакция была продиктована ее принципами. А еще она испытала укол зависти. Теперь же, представляя Адриана рядом с прекрасной незнакомкой, она ощутила боль, породить которую могла только ревность.

— Господи, как я хочу снова увидеть его! — воскликнула Мари.

Кто-то кашлянул у нее за спиной.

— Мадам, вам помочь?

Это был местный кюре, на Мари он смотрел с удивлением.

— Простите, святой отец! Должно быть, я говорила вслух, простите!

— Вы не здешняя, верно? Я вас не знаю.

Мари поднялась с колен.

— Вы правы. Однажды я уже была в Наве, и этот резной запрестольный образ показался мне удивительно красивым, я долго им любовалась. Моя бабушка, Аделаида Кюзенак, тоже восхищалась этим шедевром.

— Аделаида Кюзенак? Это имя мне знакомо...

— Она родилась в Коррезе. А я детские годы провела в приюте городка Обазин, теперь я служу там учительницей!

Кюре широко улыбнулся:

— Мое дорогое дитя! Какой прекрасный пример вы всем подаете! Обазинские монахини не покладая рук заботятся о своих подопечных, наставляют их на путь истинный... Я очень рад нашему знакомству, мадам, или, быть может, мадемуазель?

— Мадам! Я вдова, святой отец, и у меня трое детей.

Минут десять они негромко беседовали. Мари вышла из церкви, воодушевленная словами священника. В его голубых глазах было столько доброты и понимания, когда он сказал:

— Идите с миром, дорогое дитя! И помните: счастье на земле — тоже одно из желаний нашего Владыки Небесного...

* * *

Воодушевленная Мари вышла на залитую солнечным светом улицу. Городок казался необитаемым, если не считать бегущей вдоль улицы собаки. Было тепло, но не жарко, легкий ветерок шевелил листву на деревьях. Мари направилась к кафе, где не так давно пообедала.

«Этот добрый священник сказал, что я обязательно должна быть счастливой, счастливой, да и епископ в Тюле в марте этого года призывал население города „плодиться и размножаться“, потому что в стране рождается мало детей. Католическая церковь определенно не одобряет безбрачие...»

Последнее умозаключение заставило Мари улыбнуться. Она пошла быстрее, ощущая себя полной жизненных сил, с уверенностью глядя в будущее. Сегодня она первый раз за долгое время вырвалась из рутины своих обязанностей матери и преподавательницы. Вчера, когда Мари уезжала, на сердце у нее было тяжело, потому что она оставила дома плачущую Матильду. Естественно, всю дорогу она укоряла себя за то, что все-таки отправилась в эту поездку. Лизон и Поль с удивлением смотрели на мать в новом платье и с распущенными волосами, но пообещали вести

себя хорошо.

Ночь молодая женщина провела в отеле, где они с отцом ужинали в 1912 году, во время ее первой поездки в Тюль. Стоило Мари устроиться за ярко освещенным столиком в ресторане, как на нее нахлынули воспоминания, перебирая которые она вспомнила и свои девичьи мечты. Когда же мысли ее вернулись к светловолосому юноше, который не сводил с нее глаз в тот вечер, по телу Мари пробежала дрожь нетерпения. Уже тогда Адриан...

Пожилая дама вышла из дома, чтобы полить растущие в ящике герани. Мари поздоровалась:

— Добрый день, мадам!

— Здравствуйте, мадемуазель! К нам в Нав нечасто приезжают гости. Как вам мои цветы? Я хорошо за ними ухаживаю, правда? Цветы — они, как солнышко, согревают сердце...

Мари согласно кивнула. Когда она вошла в кафе, ее внезапно поразила мысль, что ее присутствие в Наве неуместно. Что она здесь делает? Просто бродит по улицам, вызывая любопытство горожан? Ей показалось невозможным, что Адриан мог вдруг выйти ей навстречу из какого-то переулка... Это спонтанно назначенное randevu изначально было обречено на неудачу.

«Будет лучше, если я вернусь в Тюль! Не буду же я ждать его в Наве весь день!»

В это мгновение входная дверь открылась, в кафе вошел мужчина и помахал ей рукой. Мари застыла. Потом у нее задрожали ноги. Это был Адриан. Он какое-то время молча стоял и смотрел на нее, на губах его робко расцветала улыбка.

Наконец он решился и присел за ее столик. Он несколько изменился внешне — был по-прежнему элегантно одет, но стал еще худее. Внезапно она вскочила, намереваясь спасаться бегством. Адриан предугадал ее порыв:

— Мари! Я ведь только что приехал!

Он протянул ей руку. Она пожала ее, хотя, на ее взгляд, это приветствие было слишком сухим и официальным. И тут Адриан сжал ее тонкие пальцы и поцеловал их.

— Я так рад тебя видеть, Мари! — проговорил он тихо.

Она с трудом пробормотала в ответ:

— Ты все-таки здесь! О, прости меня за то, что я заставила тебя приехать! Я до сих пор сержусь на себя за это, но я так по тебе соскучилась!

Эти слова, имевшие цену признания, так взволновали Адриана, что по его телу пробежала дрожь, хотя на дворе стоял теплый августовский день. Мари спросила с беспокойством:

— Ты болен? Адриан, не молчи! Я сутра упрекаю себя за безрассудство! Да что там с утра... Я уже давно...

— Мари! Мари! Тише! Идем со мной!

Он увлек ее на террасу кафе.

— Я закажу лимонад, согласна?

— Да, мне очень хочется пить!

Молодая женщина быстро опустила глаза. С того мгновения, как губы Адриана прикоснулись к ее пальцам, в ее теле проснулись незнакомые ощущения, по нему словно пробежали электрические заряды.

Он быстро вернулся с двумя стаканами и графином. Адриан сдвинул два стула, и когда он и Мари сели, их предплечья соприкоснулись.

— Мари, дорогая, наконец-то ты рядом со мной! Я словно на крыльях летел на эту встречу, и вот я снова вижу тебя, и ты еще красивее, чем раньше!

Мари воскликнула, краснея:

— Я уверена, в Париже есть много женщин намного красивее меня!

— Может, ты и права, но тогда они хорошо спрячутся! Все равно для меня ты — самая красивая... Но ты хотела со мной поговорить, верно? Я тебя слушаю!

— Только не здесь! — едва слышно попросила Мари.

— А где?

— На природе... Где будем только мы вдвоем!

* * *

Адриан предложил посетить городок Жимель-ле-Каскад. Мари последовала бы за ним куда угодно. Было так замечательно гулять с ним по дорогам Корреза... С высоты старого моста они долго любовались городком Жимель, а потом по снабженной указателями тропинке пришли к реке Монтан, притоку реки Коррез.

Прогулявшись по окрестностям, они присели отдохнуть на покрытом выжженной травой пригорке. Молодая женщина с восторгом вслушивалась в рокочущее пение реки, тремя водопадами сбегавшей с высокого каменистого уступа.

— У каждого водопада свое имя — Гран Со, Редоль и Кё-де-

Шеваль, — пояснил Адриан.

Прекрасное зрелище опьянило Мари не хуже крепкого алкогольного напитка.

Адриан взял ее за руку и спросил:

— Тебе здесь нравится?

— Да, тысячу раз да! Я мечтала увидеть эти места, папа мне часто о них рассказывал! Эта бурлящая вода, этот шум, эти камни... Непередаваемо красиво!

— Я бы хотел показать тебе весь мир, ну, или хотя бы те места, где тебе хотелось бы побывать. Я мечтаю сделать тебя счастливой!

— Адриан, ты получил мое июньское письмо?

— Конечно.

Мари замолчала в нерешительности, и все же ей хотелось знать правду:

— Почему же тогда ты не ответил?

Она с удивлением увидела, что у него на лице отразилась досада. Он лег спиной на траву.

— Мари, я подумал, говорю это совершенно искренне, что это письмо не требует ответа. Ты закончила его словами «прощай, мой единственный друг...» Да, ты написала, что любишь меня, но в какой форме? Получив твое письмо, я чуть с ума не сошел от радости, но потом... Я так и не смог понять, кем ты хочешь меня видеть. Другом? Безусловно! Братом, который станет утешать тебя, не требуя физической близости? С этим я не мог смириться.

Мари вздохнула. Так вот в чем дело!

— Адриан, я такая неуклюжая... Я писала не задумываясь, то, что приходило мне в голову! Но в конце письма, как мне казалось, я оставила место надежде...

Он повернулся к ней, лицо его было серьезным:

— Я знаю! Поэтому я и поспешил на эту встречу. Решил рискнуть, убедил себя, что я тебе все-таки нужен. А ты, заметь, до сих пор не сказала мне ничего, стоящего таких усилий!

Молодая женщина рассмеялась. У нее словно камень с сердца свалился. Она тоже легла на траву и закрыла глаза.

— Мне не хочется говорить, Адриан... Я слушаю шум водопада, моя рука в твоей руке... Мы вдвоем, далеко-далеко от всех. И воздух здесь такой необыкновенный... Пахнет влажной землей... Обожаю этот запах!

Он придвинулся ближе и прижался лбом к плечу Мари. Под тонкой тканью платья ее кожа показалась ему обжигающе горячей.

— Мари... Помнишь, что случилось возле Канала Монахов? Наша любовь — под знаком воды!

Она прикоснулась к его волосам. Он привстал немного, чтобы лучше ее видеть.

— Моя дорогая, моя нежная Мари!

Он деликатно поцеловал ее в губы. Солнце выглянуло из-за верхушек деревьев, наводнив поляну светом.

— Идем! Здесь красиво, но по этой дороге не только ходят люди, но и ездят машины. Мы с тобой пойдем по пешеходной тропке наверх. Там, на холме, руины древней часовни Святого Стефана.

Здесь все еще был слышен шум падающей воды, но место было дикое и удивительно красивое. Кто найдет их тут, в буйных зарослях кустарника? Они легли на землю под высоким деревом. Адриан стал, пуговичка за пуговичкой, расстегивать ее платье. Молодая женщина попыталась протестовать, но он прошептал:

— Мари, учись любить! Любить себя! Подставь тело солнцу! Не бойся, сюда никто не придет, мы здесь одни, ты и я.

— Но ты...

Улыбаясь, он стал перемежать слова прикосновениями губ к нежной белой коже, открывавшейся его взгляду:

— Если ты хочешь стать настоящей женщиной, ты должна мне довериться! Забудь свои страхи, свою стыдливость, расслабься!

Ресницы Мари затрепетали в знак согласия, хотя ей было страшно оказаться перед ним обнаженной. Сняв с нее всю одежду, он обнял ее, сам оставшись в бежевом полотняном костюме. Мари закрыла глаза рукой. Ее тело вибрировало от неведомого ранее удовольствия — было так приятно ощущать дуновение ветра на своем животе, груди, бедрах... Но, кроме ветра, были еще губы нежного и терпеливого мужчины, ласкавшие ее...

— Мари, любовь моя, ты прекрасна! Расслабься, прошу тебя!

Никто так не ласкал Мари — неспешно, долго, нежно... Она вздохнула, пытаясь справиться с нарастающим возбуждением. Это было совершенно новое ощущение. Адриан снова обнял ее и завладел ее губами, на этот раз более настойчиво и страстно. Он задохнулся от восторга, когда возлюбленная попыталась снять с него пиджак и рубашку.

— Ты тоже прекрасен! — учащенно дыша, прошептала она. — О, я люблю тебя, я тебя люблю!

Мари смотрела на Адриана. Она вдруг поняла, что бывший жених Леони сумел внушить ей глубокое чувство с первых дней своего пребывания в «Бори».

— Да, я давно, очень давно люблю тебя, — серьезно сказала она.

— А я люблю тебя так сильно, что ты даже не можешь себе этого представить, моя дорогая Мари!

Сгорая от желания, молодая женщина попыталась повернуться так, чтобы Адриан оказался сверху, но он отстранился и продолжил ласкать ее кончиками пальцев и губами, спускаясь от шеи к груди, от живота к коленям. Время от времени он возвращался к губам и после долгого поцелуя снова ласкал все тело.

Дыхание Мари стало еще чаще, ей вдруг почудилось, что она может сойти с ума от нетерпения. Она не понимала, что задумал Адриан. В памяти возникла сотни раз повторявшаяся сцена: вечером, в темноте спальни, Пьер поднимает подол ее ночной сорочки, наваливается на нее сверху и через несколько минут снова ложится рядом, а ей, задумчивой и умиленной, так и не удается узнать, что такое настоящее наслаждение.

— Прошу тебя, иди ко мне, — прошептала она, превозмогая стыд. — Я хочу тебя, иди ко мне...

На лице Адриана появилась счастливая улыбка. Когда он наконец вошел в нее, Мари чуть не потеряла сознание от восторга, но Адриан тут же отстранился. Она попыталась заставить его вернуться, прижалась к нему, умоляя со слезами на глазах:

— Нет, останься! Умоляю! Я так не хочу! Вернись!

Он несколько раз проделал тот же маневр, проникая в нее и отдаляясь, без конца осыпая ее поцелуями. Когда же Мари была уже в таком состоянии, что не помнила, кто она и где находится, потерявшись в опьяняющем сладком бреде, он и сам отдался наконец страсти. Доносящийся снизу шум водопада заглушил исступленный крик Мари.

Они долго лежали обнявшись, пребывая в чудесном полусонном состоянии. Солнце начало садиться, вокруг легли тени, стало прохладнее. Молодая женщина сказала едва слышно:

— Я не знала... Не знала, что такое возможно. Разве я смогу теперь с тобой расстаться? Как же мне жить без тебя?

Адриан обнял ее крепче:

— А зачем нам расставаться? Думаю, мы можем провести вместе ночь, и не только...

Мари прикоснулась губами к влажной коже возлюбленного:

— Конечно! Будем вместе хотя бы до утра... Даже несколько часов с тобой покажутся мне бесконечными...

— Дорогая моя! Ты искренняя и наивная, как ребенок! Создается впечатление, что ты ничего не знаешь о плотских радостях, о любви...

Он говорил о таинственном мире, в котором Мари прежде не случалось бывать. Она никогда не говорила ни с кем о таких вещах, тем более с Пьером. Леони первой упомянула об этом, несколько месяцев назад...

Мари приподнялась на локте и спросила:

— Так значит, это чувствовали и Пьер с Леони?

— Да, вне всяких сомнений, — с задумчивым видом подтвердил Адриан.

Мари стала надевать платье. С распущенными волосами и упавшими на лоб кудряшками она была похожа на девочку, однако взгляд ее был влажным и открытым, каким он обычно бывает у женщин, только что испытавших наивысшее наслаждение...

— Мари, любовь моя! Зачем ворошить прошлое? Этим вечером мы наконец воссоединились, и, если захочешь, нас больше ничто не разлучит, потому что отныне ты — настоящая женщина!

Адриан нежно улыбнулся. Мари, краснея, опустила голову:

— Не смейся надо мной, Адриан!

— Я никогда не стану над тобой смеяться, я слишком сильно тебя люблю!

Он снова обнял ее. Мари закрыла глаза, ей было так спокойно... На ее лоб и щеки пролился дождь нежных почтительных поцелуев.

— Любовь моя! — отозвалась она с улыбкой. — Куда мы теперь поедем?

— В Юзерш, мой родной город! Ты согласна? Вернуться к истокам, чтобы начать жизнь заново... Я обещал себе, что когда-нибудь побываю в этом городе, о котором мне столько рассказывали родители!

Мари встала, чувствуя себя готовой к новым приключениям. Адриан подхватил с травы пиджак, поправил воротник рубашки.

— Мы приедем как раз к ужину, дорогая! Если бы ты знала, как я счастлив! У меня такое ощущение, будто мне двадцать и я, наконец, похитил восхитительную девушку, ту самую, которой однажды вечером любовался в Тюле... Тебя!

Рука об руку они вернулись в Жимель. Солнце старым золотом проливалось на стены церкви, приземистые и внушающие уважение... Мари видела все вокруг в розовом свете, настолько хорошо и спокойно было у нее на сердце. Ей хотелось петь, чтобы посредством голоса выразить заполнившую все ее существо трепетную радость, петь и смотреть в светлые ласковые глаза мужчины, которого она любит...

Юзерш, расположившийся на вершине холма, принял их в свои объятия. Полный колоколен, башенок и заостренных крыш, город возвышался над излучиной реки Везер, словно длинный каменный корабль.

Адриан увлеченно рассказывал Мари все, что знал об этом городе. Она с упоением слушала его, время от времени кивая. Она была согласна слушать его много часов подряд, говорил ли он о прошлом или о произведении одного из своих любимых писателей...

— Мари, я не утомил тебя своими разговорами? — спросил он, паркуя автомобиль.

— О нет! Мне очень интересно. Я никогда не забуду, каким мы увидели Юзерш этим вечером! Прекрасное зрелище!

Они поужинали в ресторане отеля, предварительно посетив свой номер. Хозяйка отеля, удивленная отсутствием у пары багажа, засыпала их вопросами, но Адриан быстро остановил словесный поток:

— Я родился здесь, мадам, и хочу показать родной город жене. На рассвете мы уедем...

При слове «жене» Мари вздрогнула. Нет, она не представляла своего будущего без Адриана. Перед сном они прогулялись по улочкам города, восхищаясь в два голоса гармоничными фасадами старинных домов с украшенными орнаментом дверями. Освещенные окна помогали лучше рассмотреть архитектурные детали, прочесть названия улиц и переулков.

Перезвон колоколов в церкви Святого Петра, казалось, заполнил собой ночь. Когда же они вышли на близлежащую площадь, то просто застыли в восхищении: луна отражалась в черных водах протекавшей внизу реки, крыши домов сверкали в голубоватом лунном свете.

Адриан обнял затрепетавшую от этого прикосновения Мари и сказал:

— Любовь моя, не пора ли нам оказаться в теплой мягкой постели, на большой кровати, где нас будет только двое?

— Ты пугаешь меня, дорогой!

— Вот уж чего не стоит бояться! Не важно, под крышей дома или в лесу, на простынях или на траве, я всегда буду с тобой рядом и прогоню любые страхи!

Проснувшись на следующее утро, Мари поняла, что отныне ее жизнь разделена надвое. В прошлом осталась прежняя Мари — послушная, благоразумная, которую больше всего заботило, что скажут о ней люди,

прилежно исполнявшая свои обязанности. Теперь же на мир взирала Мари новая — свободная от невидимых уз, определявших ее поступки и ограничивавших порывы.

Она проснулась рядом с Адрианом — довольная, с ощущением приятной усталости в теле и вместе с тем полная жизненных сил.

«Это все благодаря ему, моему возлюбленному! — подумала она. — Ничто не сможет нас разлучить! Я нашла в нем родственную душу...»

Адриан повернулся к ней лицом. Он выглядел немного усталым после бурно проведенной ночи. Притянув ее к себе, он сказал:

— Думаю, сейчас, любовь моя, самое время предложить тебе стать моей женой.

Мари кивнула и потерлась щекой о щеку Адриана. В это мгновение она почувствовала в себе готовность преодолеть любые препятствия. Однако у нее есть свекор и свекровь, есть дети, а еще надо считаться с мнением их благодетельницы, матери-настоятельница...

— Прошу тебя об одном, — попросила она шепотом, — дай мне немного времени, чтобы привыкнуть к мысли о повторном браке. Мой первый союз был далек от идиллии, но ты рассеял все мои страхи. Несмотря ни на что, я хочу быть с тобой откровенной. Если захочешь, мы можем время от времени встречаться...

Он задумался. Еще крепче обняв Мари, Адриан закрыл глаза и втянул носом воздух, наслаждаясь запахом ее кожи. Он знал, что Мари любит его достаточно сильно, чтобы восторжествовать над своими принципами. Она отдалась ему, в то же время открывая в себе женщину, способную познать удовольствие, обрести свое настоящее «я».

— Мари, зачем ждать? — спросил он наконец. — Я не хочу для нас такой жизни — встречи тайком, ложь... Я мечтаю жить с тобой, никогда не расставаясь. И с сегодняшнего дня мы с тобой обручены! У меня нет кольца, которое я мог бы тебе подарить, но зато есть кое-что другое.

Адриан нежно поцеловал ее в губы, его рука скользнула под простыню. Мари застонала от удовольствия, обнимая возлюбленного за шею. Она прошептала, задыхаясь:

— Я со вчерашнего дня твоя жена! И я твоя уже очень давно, только твоя!

Глава 26

Дом доктора Оноре

Когда Мари, расставшись с Адрианом на платформе вокзала в Тюле, вернулась в Обазин, ей показалось, что дома она не была как минимум неделю. Лизон поджидала мать, сидя у порога. Как только Мари показалась в переулке, девочка бросилась ей навстречу с криком:

— Мамочка!

— Здравствуй, моя крошка! У вас все хорошо?

Глаза и кончик носа у Лизон были красными. Несмотря на это, она ответила:

— Да! Правда, бабушке Нан нездоровится, и Ману долго плакала. Но ничего плохого не случилось!

У Мари ком стоял в горле, когда она входила в кухню. Она стремительно погружалась в повседневную жизнь со всеми ее мелкими недоразумениями, о которой во время своей эскапады с Адрианом успела позабыть. Перспектива повторного замужества вдруг показалась ей утопической.

На столе перед Жаком стоял бокал красного вина. Поль рисовал, покусывая кончик карандаша в поисках вдохновения. Умостившись в стареньком плетеном кресле, с грелкой на животе дремала Нанетт.

— А где Ману? — спросила Мари.

— В постели! — отозвался Жак. — Эта пацанка упряма, как осел, пришлось дать ей хороший нагоняй! Она без конца злила Нанетт.

Поль, забыв о забаве, повис на шее у матери. Мари поцеловала сына, потом пошла вверх, в спальню, покусывая губы от досады. Надо же быть такой глупой, чтобы поверить, что судьба может дать им с Адрианом второй шанс! Имеет ли она право взвалить на его плечи такую ношу — своих троих детей?

— Ману, крошка моя! Я вернулась! Господи, что с твоей щекой?

Матильда сидела на своей кровати, сложив руки на груди.

Губы ее от злости сжались в одну тоненькую линию. На левой щеке остался красный отпечаток — дедушка отвесил ей оплеуху, но глаза у девочки были абсолютно сухими. Напрасно Мари обнимала и ласкала дочь, с тем же успехом можно было расточать ласки восковой кукле.

Лизон слушала под дверь. Ей было стыдно, и сердечко девочки

трепетало от угрызений совести. Она открыла дверь и на цыпочках подошла к матери:

— Мамочка, это все из-за меня! Я не захотела давать Ману мою любимую книжку. Она рассердилась и разорвала одну страницу. Нанетт стала ее ругать, а она показала ей язык и убежала на улицу. Бабушка звала ее обратно, дедушка тоже. Потом дедушка ее поймал и ударил по щеке...

Маленькая хулиганка даже не шевельнулась, только сердито посмотрела на старшую сестру. Мари со вздохом встала:

— Что ж, если нашей мадемуазели нравится быть плохой девочкой, пускай сидит в одиночестве! Дедушка наказал ее за дело. Идем вниз, Лизон!

* * *

Мари не сомневалась, что чуть ли не с порога сможет сообщить семье о своем решении повторно выйти замуж, но у нее не хватило для этого смелости. Прошли семь долгих дней. Мари лечила Нанетт, взяла на себя часть обязанностей по дому, справляться с которыми ей охотно помогала Лизон. Девочка была готова на любые подвиги, потому что жила в счастливом предвкушении монастырского праздника, который был назначен на ближайшее воскресенье, и только о нем и говорила.

Однажды утром, когда мать и дочь были заняты лущением гороха, Лизон спросила, понизив голос:

— Мам, как ты думаешь, тетя Леони приедет на праздник?

— Нет. Но у меня есть и хорошая новость: дядя Адриан точно приедет!

Девочка замерла от удивления. Мари с тревогой посмотрела на дочь:

— Ты рада?

— Конечно, мамочка! Обожаю дядю Адриана!

Мари на мгновение задумалась. Жак и Поль ушли на рыбалку. Нанетт отправилась к реке полоскать белье и взяла с собой Ману. Это был идеальный момент посвятить Лизон в свои планы.

— Лизон, дорогая! Скажи, ты бы расстроилась, если бы я снова вышла замуж? Я никогда не забуду твоего папу, с которым мы познакомились, когда мне было тринадцать, это я тебе обещаю, но я чувствую себя такой одинокой!

Лизон долго внимательно смотрела на мать, потом порывисто обняла ее за шею:

— Мамочка, любимая! Конечно, я хочу, чтобы ты вышла замуж! Вот бабушка, та будет недовольна. А у тебя уже есть жених?

Молодая женщина на секунду закрыла глаза. Она полагала, что ситуация слишком сложна, чтобы объяснять ее ребенку.

— У меня нет жениха. Но я встретила с Адрианом, он не настоящий твой дядя, ты это знаешь... Он тоже одинок, потому что они с Леони расстались. И вот мы подумали, что могли бы жить вместе. Он, я и, конечно, вы, мои дети. Ты — самая старшая, и я решила у тебя первой спросить, что ты об этом думаешь.

Лизон кивнула. Слова матери удивили и в то же время польстили девочке. Адриан и мама поженятся? Идея показалась ей не такой уж и плохой. Однако она тут же с беспокойством спросила:

— Поэтому ты хочешь, чтобы я жила в пансионе при колледже в Тюле?

Мари прижала дочь к своей груди:

— Конечно же нет, Лизон! Я уже сто раз тебе говорила! Ты закончила начальную школу, и, чтобы ты продолжила обучение, я могла бы отправить тебя в школу в Бейна. Но у меня сохранились прекрасные отношения с подругой по Эколь Нормаль в Тюле, она за тобой присмотрит. Я тебе рассказывала, с Тюлем у меня связано много прекрасных воспоминаний... Мы будем забирать тебя домой каждую субботу. Я хочу, чтобы ты получила самое лучшее образование, ведь ты очень прилежная девочка. А пока с твоей помощью я рассчитываю найти другой дом здесь, в Обазине. Адриан переедет в наш городок и будет лечить людей! Нужно будет найти дом и для дедушки с бабушкой. Я уже рассказала о своих планах матери Мари-де-Гонзаг. Ты ее знаешь: мать-настоятельница быстро нашла для Жака и Нанетт прекрасный домик на окраине городка, его сдает ее кузина. При доме есть сад, в котором дедушка Жак сможет выращивать цветы или овощи.

Лизон отмахнулась от всех своих страхов.

— Значит, мы сможем часто навещать их, правда? — широко улыбнувшись, спросила она. — И в нашем новом доме у меня будет своя собственная комната?

— Обещаю! Чтоб мне пусто было, если обману! — улыбнулась Мари.

— Мамочка, не говори так! Я хочу, чтобы тебе всегда было хорошо, даже если у меня и не будет своей комнаты...

— Так вот что ты задумала, Мари! Господи всемогущий! Видно, мало мне было отмерено горя! С тех пор как умер наш муссюр, все идет наперекосяк...

Нанетт продолжала громко жаловаться на судьбу, вздымая руки к небу. Мари сидела на стуле очень прямо и ждала окончания «грозы». Она только что рассказала о своих планах свекрови, и та все никак не могла успокоиться:

— Это же надо — собралась замуж за этого молокососа, который столько лет вне брака жил с Леони! Да на нас люди станут пальцами показывать! А нашей мадам все нипочем! Она собирается снять дом на сто комнат на площади возле церкви! Не ожидала от тебя, Мари! Бросить меня, старуху, заставить съехать в другой дом! Всю жизнь я тяжело работала, думала, что на старости лет ты будешь мне опорой, и вот дождалась!

Мари, сдерживая слезы, попыталась возразить:

— Ты не права, Нан, милая! Вспомни, в «Бори» ведь я не жила с вами в одном доме! И все-таки мы очень часто виделись. А здесь от нашего дома до вашего будет всего пару минут ходу. Я уже видела домик кухни матери Мари-де-Гонзаг. В нем четыре комнаты, вам там будет намного лучше! Обещаю, я буду заходить к тебе дважды в день, утром и вечером. Я так и останусь работать в школе, я уже сто раз тебе объясняла!

Нанетт упала на скамейку, сжимая в руке носовой платок. Вытирая слезы, она сказала плаксиво:

— А мои детки, внуки, которых я вырастила? Ты отнимаешь их у меня, а их отец заступиться не может, потому что спит на кладбище!

Молодой женщине захотелось заткнуть себе уши. Еще немного, и в ее жизни откроется новая страница, но прежде ей придется преодолеть немало трудностей. И недовольство Нанетт — не самая малая из них... Мари обошла стол и обняла свекровь:

— Нан, милая моя, ты давно стала мне матерью. Знала бы ты, как сильно я тебя люблю и уважаю! Мне не хочется тебя огорчать. Дети станут каждый день приходить к тебе в гости! В смерти Пьера я не виновата, он погиб в аварии. Я его любила, как и ты, разве нет? Но мне всего лишь тридцать пять, Нан, Адриан — порядочный человек и очень милый. Он будет работать вместо доктора Оноре здесь, в Обазине. Адриан отказался от места в больнице Тулузы, где он получал бы намного больше денег...

Нанетт всхлипнула, нос ее покраснел и опух от слез.

— А монахини, которые так хорошо к тебе относятся? Что они говорят о твоём браке с бывшим женихом Леони? — спросила она. — Здесь все знают, что они много лет были помолвлены. И почти три года прожили

вместе. Хорошенькое дело! Весь городок будет языками чесать, уж будь уверена!

— Мать-настоятельница одобрила мои намерения, уж она-то сумеет заткнуть сплетникам рот. Я не виновата в том, что Леони так и не захотела выйти замуж за Адриана. Их не связывают никакие узы — ни гражданские, ни церковные. Поэтому я не вижу ничего плохого в нашем с Адрианом желании связать свои судьбы!

— Не видишь ничего плохого? А я вот прекрасно вижу! Тебе нужен мужчина, поэтому ты кинулась на первого попавшегося, кто начал строить тебе глазки! А от нас с Жаком решила отделаться, поселив у черта на куличках! Я скажу тебе, кто ты есть — неблагодарная девчонка! Вот! — Лицо Нанетт снова налилось краской гнева.

Молодая женщина в отчаянии покачала головой:

— Я не пытаюсь от тебя отделаться, Нан! Прошу тебя, давай сходим и посмотрим на домик, который так любезно нашла для вас мать Мари-де-Гонзаг. Арендная плата невелика, и у вас наконец появится собственное жилище. У Жака будет свой сад, а по соседству живет твоя подруга Маргарита. Но если хочешь, мы выделим вам с Жаком комнату в нашем новом доме. Как я уже говорила, он просторный, там всем хватит места!

— Замечательный подарок под старость — жить со вторым мужем собственной невестки! Ни за что! Молодые пусть живут с молодыми, а старики — со стариками! Мы не богаты, но у нас хватит денег, чтобы ни от кого не зависеть!

— Значит, чтобы доставить мне удовольствие, ты сейчас соберешься, и мы пойдем смотреть на домик кухни матери-настоятельницы! Потом зайдем в дом доктора Оноре. Он старинный и очень красивый, и я уже знаю, как мы его обустроим... Прежние хозяева оставляют нам большую часть мебели. Ты сможешь забрать всю мебель, которая стоит сейчас в нашей квартире при школе. Ты ведь не хочешь, чтобы я была несчастной, правда?

В кухню ворвалась Лизон с корзиной слив в руке:

— Мама, ба! Посмотрите, какие красивые сливы! Можно испечь пирог! Я их насобираю в нашем саду. Он огромный, там даже есть колодец и много-много розовых кустов! И даже елка!

Нанетт передернула плечами, но было видно, что она готова уступить:

— «Наш сад»! Насколько я поняла, в этой семье все только и думают, что о переезде! Что ж, как говорится, «когда каша сварена, остается ее хлебать»... Подай мне мои сабо, Лизон, твоя мать тянет меня на улицу, придется идти...

Уговорить Жака и Нанетт переехать оказалось несложно. Маленький домик, обсаженный штокрозами, был очень симпатичным. Нанетт понравился сад, затененный огромной липой, с каменной скамьей. Свекровь решила, что разведет здесь море цветов, — удовольствие, которого она была лишена после отъезда из «Бори». Однако Нанетт сделала вид, что соглашается через силу:

— Приходится брать что дают, а то можно и на улице оказаться... — подвела она итог происходящему.

И все-таки именно Нанетт стала торопить семью с переездом, хотя можно было еще пожить в старой квартире. С этих пор вопрос о браке с Адрианом негласно стал считаться делом решенным, и Мари больше не слышала в свой адрес обидных упреков в неблагодарности.

* * *

Мари сжимала в ладони ключ от своего нового дома, который казался ей ключом от рая... Не слушая больше жалоб Нанетт, она повернула ключ в замке, любовно пробежала взглядом по обитой гвоздями двери, по нависшему над ней каменному карнизу.

За дверью оказался просторный вестибюль, пол в котором был выложен плиткой цвета охры. Справа располагались приемная и кабинет доктора. Напротив двери — красивая лестница из тесаного камня. Повернув налево по коридору, можно было попасть в столовую, гостиную и кухню, окна которой выходили в сад. Кухня представляла собой просторное, не совсем правильных пропорций помещение, хотя, если присмотреться, становилось понятным, что причиной асимметрии являются встроенные шкафы, среди которых нашелся и вход в погреб. Был тут и коротенький узкий коридор с дверью с витражным стеклом, сквозь которое проникал свет — она вела на улицу.

Лизон, не сдерживая радости, понеслась по пожелтевшей траве в сад, напрямиком к ели. Гигантское дерево показалось ей старым другом, потому что девочка сохранила воспоминания о другой ели, под чьей кроной она крошкой играла в «Бори».

Нанетт отказалась подняться вместе с Мари на второй этаж:

— Я со своими больными ногами подожду тебя здесь. Лестница прямо как в замке!

Молодая женщина обошла спальни второго этажа, с удовольствием

представляя детей каждого в своем маленьком мире. Поль займет комнату, окно которой выходит на площадь, — прекрасное место, чтобы вовремя увидеть школьных друзей и к ним присоединиться. Матильда поселится по соседству с ним. Старшая, Лизон, уже давно выбрала себе комнату: как и Мари, девочка отдала предпочтение той, окно которой выходит в сад, откуда можно любоваться далекими холмами...

На лестничной площадке второго этажа имелся обветшалый туалет, оттуда же вторая лестница, деревянная и узкая, вела на чердак. Там доктор Оноре обустроил комнату для няни своих детей.

Мари танцующим шагом спустилась по лестнице и подошла к Нанетт.

— Что ж, дочка, ты улыбаешься, уже хорошо! — ворчливо сказала та.

— О, Нан, милая! Это просто замечательно! Обои в комнатах первого этажа в хорошем состоянии, нам не придется сильно потратиться на ремонт. Три года назад Адриан похоронил мать, она оставила ему небольшое наследство, так что мы будем жить в достатке.

Нанетт печально кивнула. Видеть Мари такой сияющей и счастливой было для нее все равно что в очередной раз похоронить своего единственного сына Пьера, пусть и ревнивого и вспыльчивого... Однако свои траурные мысли она оставила при себе. Будучи женщиной здравомыслящей, с хорошо развитой интуицией, Нанетт за последние пять лет много размышляла о прожитом. Пьер не был верен жене, она в этом не сомневалась, да и Мари, похоже, об этом догадывалась. Если так, то многое становилось понятным. Что до Адриана, то он, велеречивый, с городскими манерами, принадлежал как раз к тому типу мужчин, которые нравились ее невестке.

— Наш муссюр был бы доволен, что его дочка выходит за доктора! — пробурчала она себе под нос. — Мой Пьер ему никогда не нравился... Не такая уж я дура, чтобы этого не заметить!

Мари сжала губы, чтобы не сказать ничего резкого в ответ на этот выпад. Ей не хотелось думать о прошлом. Только не сейчас, когда ее жизнь наполнилась такими яркими красками!

— Нан, идем, я покажу тебе гостиную! Там хрустальная люстра даже больше, чем в «Бори»!

— Если это тебя порадует, моя бедная девочка, идем посмотрим на твою люстру!

Нанетт изо всех сил старалась сохранить мрачное расположение духа. Мари обняла ее за плечи и сказала серьезно:

— Послушай меня, Нан! Помнишь то ужасное утро, когда Макарий приехал к нам в «Бори»? В тот день я лишилась всего. Потом я работала,

преодолевала трудности, отдавала всю свою любовь детям, тебе! Соглашаясь вступить в брак с Адрианом, которого я люблю и который любит меня, переселяясь жить в этот большой дом здесь, в Обазине, где прошло мое детство, я чувствую, что одержала победу, и очень этому рада! Очень-очень рада, Нанетт!

Молодая женщина умолкла, услышав донесшийся из вестибюля тоненький голосок Лизон, которая пела: «*В папином саду лилии цветут!*»

Девочка вошла в гостиную, радостно улыбаясь:

— Ба, пойдем покажу тебе розы! Они такие красивые!

— Нет, моя крошка. Мне пора возвращаться к себе и варить суп. Остайся с мамой, порезвитесь тут вместе!

Мари смотрела вслед удаляющейся свекрови, которая продолжала носить платья траурных цветов. Чепец Нанетт чуть съехал набок. Лизон взяла мать за руку, и это прикосновение подействовало на Мари успокаивающе:

— Мамочка, а почему бабушка сердится?

— Она не сердится, просто ей немного грустно... Она боится, что в новом доме будет чувствовать себя одинокой. Без нас, понимаешь? Но я пообещала, что мы каждый день станем ходить к ней в гости!

Лизон принялась скакать с ноги на ногу, а это свидетельствовало о том, что девочка нервничает.

— Но мы ведь будем жить здесь, мамочка, скажи? — спросила она.

— Конечно! И мы будем счастливы! Очень-очень счастливы все вместе!

21 декабря 1932 года

Мари закрыла дверцу шкафа. Она только что примерила платье, которое собиралась надеть в рождественский вечер. Одна в комнате, перед зеркалом... Неужели она становится кокеткой из страха разонравиться своему второму мужу? Мари вспомнила последнее Рождество в «Бори», вспомнила, как умер отец. Возвращаясь мысленно в то время, молодая женщина ужасалась количеству обрушившихся на нее несчастий. Адриан сумел сделать ее счастливой, она даже не представляла, что такое возможно. Не прибегая к крайним мерам — без излишней строгости и избыточной доброты, — он добился того, что дети привязались к нему, а потом и полюбили своего отчима.

Жители Обазина и окрестностей быстро прониклись уважением к

новому доктору, поскольку Адриан обладал ценными качествами, располагавшими к нему людей, — чувством юмора, искренностью, умением сопереживать... и, что немаловажно, он чаще всего правильно ставил диагноз.

Рядом с ним Мари обрела покой, но вместе с тем стала страстной любовницей. В первые месяцы после свадьбы они ожидали, что она забеременеет, но этого не случилось. Адриан не слишком расстраивался по этому поводу. Более того, он считал, что виноват в этом именно он.

— Прости, что говорю тебе об этом, но Леони тоже ни разу не забеременела, — сказал он Мари несколько месяцев назад. — Наверное, я не способен зачать ребенка. Ну и пусть! Знаешь, мне хватает твоих детей. Им нужен отец, и я с удовольствием исполняю эту роль.

Мари и так была счастлива, но у нее был еще один повод для радости. Она подумала о секрете, который тщательно берегла и который сделает сегодняшний праздник еще более отрадным. Месяцы следовали друг за другом, полные удовольствий, даже блаженства. Работа в школе продолжала приносить Мари много радостных моментов. Адриан предложил ей самой решить, хочет ли она стать домохозяйкой или продолжить преподавать, и Мари была ему очень за это признательна. Правда, ее решение было сопряжено с небольшими дополнительными тратами: пришлось нанять женщину, которая трижды в неделю приходила помогать по хозяйству.

— Мне так повезло! — прошептала Мари, еще раз посмотрев на себя в зеркало.

Молодая женщина машинально взглянула на наручные часы. Почти семь вечера! Охнув от неожиданности, она схватила шляпку.

* * *

Ману вешала гирлянду из золоченой бумаги на елку, которую Мари поставила в гостиной, в проеме между двумя окнами. Девочка радовалась тому, что на какое-то время осталась одна в комнате. Потрескивание огня в камине действовало на нее убаюкивающе. Наверху, в своей комнате, ходила мать. Лизон и Поль скоро вернутся от бабушки Нан. Нужно было получить как можно больше удовольствия от этого благословенного одиночества!

В гостиную вошел Адриан и сдвинул очки к кончику носа:

— Ману, ты не скучаешь здесь одна?

— Вот уж нет! Я наряжаю елку! Мама попросила...

Адриан сдержал улыбку. Трудный характер девочки забавлял его. В начале совместной жизни Мари беспокоило, уживутся ли они с Ману. Но Адриан, тонкий психолог, понял, чего не хватает младшей падчерице, — отца. С первых месяцев они с Ману учились относиться друг к другу со взаимным уважением, и вскоре привязанность стала взаимной.

Мари спустилась по лестнице и бросилась на шею мужу, который как раз вышел в вестибюль.

— Дорогой, я бегу к мяснику! Зайти после уроков не получилось...

— Не задерживайся, Мари! Я закрываю кабинет. Надеюсь, сегодня у меня уже не будет пациентов.

Они смотрели друг на друга как зачарованные — совсем как на заре своей любви. Мари, с распущенными волнистыми каштановыми волосами, показалась ему удивительно красивой. Пусть чуть менее стройная, чем раньше, жена по-прежнему выглядела очень молодо, хотя ей исполнилось тридцать девять. Мари поцеловала супруга в губы и сдернула с вешалки плащ.

Дождливая холодная ночь заключила городок в свои объятия. Церковный колокол прозвонил семь раз. Мари быстро шла по улице, на душе у нее было светло и радостно. Она успела привыкнуть к городку, и ей казалось, что она жила здесь с рождения. Витрина лавки мясника была ярко освещена.

— Уф! Хорошо, что я успела вовремя!

Она закрыла за собой дверь, и над головой звякнул колокольчик. Из-за прилавка выбежала хорошенькая девочка. Маленькая Мари-Эллен обожала проводить время в отцовском магазине, и в свои пять лет не боялась обстоятельно расспрашивать покупателей, что они желают приобрести. Родители благосклонно относились к шалостям дочери.

— Добрый вечер, мадам Мари! — воскликнула девочка. — Сейчас папа к вам выйдет!

— Добрый вечер, мадемуазель! Как поживаете?

Мари-Эллен расхохоталась. Она обожала эту милую даму, которая часто, к их обоюдному удовольствию, говорила с ней как со взрослой.

Адриан Дрюлиоль, высокий, крепкого сложения молодой мужчина, неизменно одетый в рабочую куртку и берет, появился за прилавком:

— Ах, это вы, Мари! Ваш заказ готов. Я добавил вам косточку для собаки Лизон.

— Огромное спасибо! Простите, что пришла так поздно!

Мари-Эллен настояла на том, чтобы самой подать пакет Мари. Молодая женщина наклонилась и поцеловала девочку в лоб:

— Спасибо, моя крошка! Ты настоящий маленький ангел!

Обменявшись с мясником парой банальных фраз о дожде и болезни соседки, мадам Булье, Мари весело попрощалась и вышла. На улице ей сразу стали заливать лицо холодные капли дождя. Но она совсем не расстроилась, ведь ей были уже видны освещенные окна их гостиной... Надеясь застать Лизон и Поля уже дома, она ускорила шаг.

Черный автомобиль последней модели притормозил, поравнявшись с молодой женщиной. Мари из страха оказаться забрызганной грязью отшатнулась к стене дома. Из машины на нее со странным выражением лица смотрел мужчина. Она ощутила укол беспокойства, потому что это блеклое лицо показалось ей знакомым.

Она собралась перейти улицу, когда автомобиль остановился в трех метрах впереди нее. Не выключив двигатель, водитель открыл дверцу. Мари застыла, словно загипнотизированная задними фонарями авто, красноватым светом светившимися в ночи.

— Э, да это и правда не сон! Мари из «Волчьего Леса»! Я слышал, что ты здесь живешь. Приятная встреча!

Мари онемела от удивления. Макарий? Здесь, в Обазине, на центральной площади? Но вот он стоит перед ней, сунув руки в карманы черного пальто. На голове — шляпа того же цвета. Она не сразу его узнала, потому что поля шляпы не давали увидеть глаза.

— Мари, ты что, язык проглотила? А ты девчонка не промах! Не успел я вышвырнуть тебя с детишками за порог, как узнал, что ты похоронила своего деревенщину Пьера и вышла замуж за доктора! Умеешь устраиваться где потеплее, моя курочка! Любишь жить в комфорте... Сначала мой дядя, теперь местный доктор...

Насмешки Макария вернули Мари ощущение реальности. Страх, вначале сковавший все ее существо, показался ей беспочвенным. Макарий больше не сможет причинить ей вред, он получил свое наследство, «Бори», со всеми фермами, землей, лошадьми. Вытянувшись в струнку, она сказала презрительно:

— Мне не о чем с вами разговаривать, мсье! Вы не имеете права говорить со мной в таком тоне. Моя личная жизнь вас не касается, поскольку мы, по вашему собственному утверждению, не родственники!

Макарий подошел ближе. От него пахло табаком и дешевым одеколоном.

— А ты хорошо сохранилась, честное слово! Хочешь, расскажу новости из родных мест?

— Нет. Это все в прошлом.

С этими словами Мари попыталась было пройти мимо, думая только о том, чтобы не сорваться на бег. Молодая женщина ошибалась, считая, что Макарий получил все: единственным, что ему так и не досталось, была она, Мари. И взгляд, которым он ее окинул, говорил об этом красноречивее всяких слов. Он бегом догнал ее и схватил за руку:

— Куда ты убегаешь, Мари? Можно подумать, я дьявол во плоти!

Макарий развернул ее лицом к себе. В отчаянии Мари выкрикнула:

— Что вам здесь надо? Я надеялась, что вы не станете приезжать и донимать меня! Какие могут быть между нами счета?

— Не надо думать, что ты — пуп земли, дорогая! Я приехал в Коррез по делам. А ты, похоже, преподаешь в школе... Тогда ты должна знать, что после прошлогоднего кризиса безработица набирает обороты. У моей жены есть кузен, он живет недалеко от Брива. Так вот, я встречался с ним, чтобы предложить ему работу садовника у нас в «Бори»!

Струи дождя стекали по капюшону плаща Мари, которая, совершенно растерянная, стояла и слушала Макария. Молодой женщине казалось, что она попала в кошмарный сон. Наконец она осознала, что Макарий все еще держит ее за руку. Она резким движением высвободилась:

— Всего хорошего!

— Мари, еще минутку! — выдохнул он. — Мне надо кое-что тебе сказать. Ладно, признаюсь, в Обазин я заехал, надеясь встретить тебя. Из-за Элоди, ты ее помнишь — это племянница старой Фаншон. Эта шлюшка кричит на всех перекрестках, что ее младший пацан — сын твоего первого мужа. Если бы ты его увидела, сразу поверила бы. Этот тринадцатилетний крепыш — вылитый Пьер, только волосы посветлее. Она назвала его Клод.

Молодая женщина попятилась:

— Я знаю, и мне все равно!

— Это понятно, да только она хочет вытребовать у твоего свекра, Жака, алименты. Говорит, вы должны ей платить! Так что я тебя предупредил...

Мари попыталась было возразить, и тут Макарий грубо обнял ее за талию и прижался влажными губами к ее рту. Его язык попытался преодолеть барьер из ее сжавшихся от отвращения губ. Задыхаясь от неожиданности и неистового омерзения, молодая женщина попыталась оттолкнуть его от себя, но у нее не хватило сил. Внезапно рядом кто-то закричал. Дальше события развивались очень быстро: Макарий отлетел назад, а Мари увидела перед собой Адриана с перекошенным от гнева лицом и поднятыми кулаками. Он был готов ударить снова.

— Убирайся восвояси, подонок! Если еще раз увижу тебя рядом с

моей женой, это плохо кончится!

Мари повисла на руке супруга, приговаривая:

— Адриан, это Макарий! Он никогда не оставит меня в покое!

Молодая женщина дрожала всем телом, сжимая пальцами ручки хозяйственной матерчатой сумки. Макарий предпочел не вступать в дискуссию: он поспешно ретировался, сел в машину и унесся прочь.

— Моя дорогая крошка! Иди ко мне, все плохое позади. Но каков наглец!

Мари прижалась к груди мужа, испытывая огромное облегчение.

Адриан, в домашних тапочках и без головного убора, поежился от холода:

— Давай вернемся в дом! И ты расскажешь, что произошло...

Дети были в гостинной. Мари быстро пошла наверх — нужно было переодеться и высушить волосы. Адриан вслед за женой вошел в спальню. Он помог ей надеть другое платье, потом ласково погладил по голове:

— Дорогая, успокойся! Ничего страшного не случилось!

— Мое счастье, что ты пришел! Я очень злюсь на себя, Адриан, потому что не смогла себя защитить!

— Ты сама знаешь, у меня вошло в привычку поджидать тебя, мне это в удовольствие. Когда я понял, что ты задерживаешься, решил выйти навстречу и направился к лавке мясника, но издалека увидел, что ее железные ставни уже опущены. А потом я увидел на площади тебя с каким-то мужчиной. Сначала я решил, что он спрашивает у тебя дорогу, но когда он тебя обнял, у меня от ярости потемнело в глазах!

Мари поморщилась. Она чувствовала себя оскверненной, разбитой, совсем как много лет назад в своей каморке под крышей «Бори». Адриан, которому она рассказала все о своем прошлом, как мог, старался ее утешить:

— Любовь моя, этот тип — сумасшедший! У него хватило наглости обнимать тебя посреди улицы — одно это доказывает, что у него не все дома. Ты ни в чем не виновата!

Мари смахнула слезы и сказала:

— Адриан, я так испугалась, что не могла пошевелиться!

— Если бы я не прибежал, ты бы сама дала ему отпор! Мари, я верю в тебя! Ты — настоящая женщина, никогда не забывай об этом, ты сильная и смелая! Но если этот подлец еще раз появится возле моего дома, я за себя не отвечаю!

Мари посмотрела на супруга. Бледный, с напряженным лицом, он был глубоко взволнован, но не хотел этого показывать.

— Дорогой, давай не будем больше говорить об этом! Я так тебя люблю! Ты явился и спас меня, я тебя обожаю!

Она порывисто обняла Адриана за шею, прижалась к его груди. Ненавистное лицо Макария уже не возникало перед глазами. Да, он явился к порогу их дома, словно предвестник несчастья, но Адриан его прогнал. Она расскажет мужу о предполагаемом внебрачном сыне Пьера, но не сейчас, позже...

— Благодарю тебя от всего сердца, любимый! — прошептала она. — Но пора спускаться, дети, наверное, хотят есть. А я еще не бралась за ужин...

Адриан нежно приобнял жену за талию и сказал шутливым тоном, поглаживая ее по животу:

— Если уж мы заговорили о еде... Похоже, ты, дорогая, стала чаще заглядывать в кухню и приобрела формы, которые, право же, тебя только красят!

Мари испытала огромное желание прогнать последнюю тень присутствия в их жизни Макария, который для нее всегда ассоциировался с несчастьем. Поэтому она решила, что не стоит ждать рождественского застолья, чтобы сообщить Адриану чудесную новость:

— Ну, меня действительно то и дело тянет чем-нибудь полакомиться, в этом ты прав, дорогой... Но ведь может быть и другое объяснение, верно? Хотя в нашей семье ты, а не я, умеешь ставить диагноз...

Лицо Адриана осветилось радостным предчувствием:

— Ты хочешь сказать, что...

— Что наш ребенок родится в июне!

— О дорогая, моя дорогая и любимая женушка, я так счастлив! Я думал, этого никогда не случится...

Мари победоносно улыбалась. Она так страстно мечтала подарить Адриану ребенка! И вот теперь ее мечта была близка к исполнению.

Лизон прислушалась. До нее донеслись обрывки разговора матери и отчима на лестнице. Обернувшись, она крикнула из кухни в комнату:

— Поль, я же говорила тебе, что у них все-таки будет ребенок! — И добавила уже серьезным тоном, увидев спускающуюся по ступенькам мать: — Mam, Поль уже накрыл на стол! А я готовлю мясо. Я заметила, что ты выглядишь усталой. Тебе нужно больше отдыхать, ради него...

Мари подошла к дочери. Лизон, туго затянув на талии поворотки фартука с оборками, жарила эскалопы. Когда ее длинные волосы были собраны под ленту, как сегодня, девочка выглядела старше своих

четырнадцать лет. По общему мнению, она была настоящей красавицей. От матери Лизон унаследовала гармоничные черты лица и соблазнительно-пухлые губки.

— Что бы я без тебя делала, моя Лизон! — воскликнула Мари. — Я совсем забросила дела, а ты, моя умница, сама взялась за сковородки. И твой намек, плутовка, я поняла! Да, ты права, скоро у вас будет маленький братик или сестричка, поэтому мне понадобится помощь по хозяйству.

Улыбающийся Адриан вошел в кухню:

— Наша мадемуазель намного проникательнее, чем я! А какой дивный аромат! Готов поспорить, что ты поджариваешь лук!

Доверчивая и доброжелательная, Лизон всегда старалась сделать так, чтобы всем было хорошо. Она очень любила отчима. Ей казалось, что профессия врача — самая лучшая в мире, и с интересом слушала рассказы Адриана о своих пациентах.

Не отрывая глаз от сковороды, Лизон сказала:

— Только что звонил тот любезный мсье, который в тысяча девятьсот двадцать девятом получил тяжелые ожоги. Ты его помнишь?

— Да, Жильбер Мазак! Что с ним случилось?

— Говорит, что постепенно теряет зрение. Спрашивал, сможешь ли ты зайти к нему завтра вечером.

— Конечно схожу. Спасибо, Лизон. Ты прекрасный секретарь.

Адриан вышел из кухни. Мари налила себе стакан вина. Она еще не полностью оправилась от шока после встречи с Макарием, а теперь речь зашла о Жильбере Мазаке... Этот господин в свое время работал в Бриве на маленькой фабрике по производству башмаков на деревянной подошве. В тысяча девятьсот двадцать девятом в департаменте случилась серия пожаров. Горели кустарники, заводы и склады, фруктовые сады... Мазак оказался одной из немногих жертв огненной стихии. Адриан лечил его, поскольку несчастный переехал жить к своей матери, жительнице Обазина. У молодого мужчины были ужасные ожоги на лице, и он очень страдал от того, что стеснялся своей наружности. Теперь же выяснилось, что он мог еще и зрение потерять.

— О, Лизон, — вздохнула Мари, — как тяжело живется на свете некоторым людям! Мы должны ценить свое счастье, наслаждаться им!

— Я знаю, мамочка! Но ты сегодня не очень хорошо выглядишь. Это из-за беременности?

— Нет, Лизон. Не беспокойся, я чувствую себя прекрасно, но я встретила с очень нехорошим человеком, и он меня расстроил. Я потом тебе расскажу... А что Ману? Она помогала Полю накрывать на стол?

Лизон решила еще раз прибегнуть к спасительной лжи:

— Да, не переживай.

От девочки не укрылось, что мать чем-то расстроена, поэтому она решила не рассказывать ей о том, что Ману снова вела себя отвратительно и отказалась и пальцем пошевелить, чтобы помочь брату и сестре. Поль и Лизон с давних пор, желая сберечь мир в семье, скрывали от матери многочисленные неблагоприятные поступки капризной Матильды. Младшая дочь Мари, надув губы, сидела на табурете тут же, в кухне. Видя, что на нее, разобиженную на весь свет, никто не обращает внимания, девочка выдала яростную тираду:

— Зачем нам еще ребенок? У тебя уже есть мы! Я вот совсем не хочу маленького братика!

Адриан дружески похлопал ее по спине:

— Вот и славно, мое золотце! Потому что это будет не братик, а сестричка!

Глава 27

Перед грозой

Март 1936 года

Мари исполнилось сорок три. Пятая беременность никак не отразилась на ее внешности. Адриан не обманул Ману: в июне 1933 года, в Бриве, Мари родила девочку, которую назвали Камиллой. Прекрасный летний вечер, когда на свет появилось дитя их с Адрианом любви, казалось, был создан для радости, которую не смогла испортить даже болезненная ревность Матильды.

Мари задумалась. Характер у средней дочери никогда не был сахарным. Взять хотя бы последнее «прегрешение» Ману: просто чтобы досадить своей маленькой сестричке, она спрятала ее плюшевого мишку, и та долго плакала, потому что не могла заснуть без любимой игрушки. Позже Мари нашла мишку под кустом. Драгоценный мишка вернулся к хозяйке, и инцидент был исчерпан. Разве Ману переделаешь? Тем более что с рождением Камиллы она лишилась статуса младшего, всеми балуемого ребенка...

Камилла, симпатичная трехлетняя девочка с каштановыми волосами и карими глазами, было просто копией своей матери в детстве. Своим появлением в семье она не только не создала для отца и матери лишних хлопот — Адриан и Мари словно помолодели.

Любуясь маленькой дочуркой, спавшей в своей кроватке, Мари улыбалась. Она поднялась в свою комнату якобы чтобы припудрить нос, но, по правде говоря, чувствовала себя неважно и нуждалась в уединении. Ужин удался на славу: Лизон в который раз продемонстрировала свои таланты поварихи и радушной хозяйки дома. Для Мари ее помощь в праздничные дни была просто неоценима.

Жак и Нанетт принарядились как могли, но за столом помалкивали, смущенные присутствием гостей, Женевьевы и Ришара, друзей Мари и Адриана. Лизон пригласила также Жильбера Мазака, ослепшего, несмотря на все старания Адриана. Девушка, мечтавшая стать учительницей, часто навещала двадцатилетнего Жильбера.

«Папа гордился бы Элизой, — подумала Мари, внимательно

рассматривая свое отражение в зеркале. — Как жаль, что он не увидел нашу маленькую Камиллу!»

Она подумала, что все еще хороша собой, несмотря на крохотные морщинки в уголках рта. Дважды стукнув в дверь, вошел Поль. В свои шестнадцать он был на голову выше матери, но оставался очень худеньким. Под внешней хрупкостью скрывался сильный характер, которым восхищалась вся семья. Он сказал тихо, чтобы не разбудить малышку:

— Мам, Адриан открывает шампанское! Он попросил позвать тебя...

Мари встала и, улыбаясь, сказала сыну:

— Иди обними меня, мой взрослый маленький мальчик! Мне сегодня нездоровится.

Поль прижал мать к груди и спросил с беспокойством:

— Что с тобой, мам?

— Мне грустно... В праздники я часто вспоминаю детство, счастливые дни, когда я жила с твоим дедушкой Жаном в «Бори». Когда мы жили там все вместе и с нами была Леони...

Юноша улыбнулся:

— Я тоже скучаю по дедушке, по Леони и по папе тоже. Но мы и здесь, в Коррезе, очень счастливы. Я обожаю тебя, мамочка, и давно хочу тебе сказать: ты самая красивая женщина в Обазине!

— Спасибо, дорогой! Я тебе не верю, но все равно мне приятно! Идем к гостям...

* * *

Когда шампанское было выпито и с блюда исчезло последнее печенье, Лизон принесла кофе и конфеты домашнего приготовления. Адриан и Ришар оживленно беседовали. Жак, Женестьева и Жильбер с озадаченным видом прислушивались к разговору.

Адриан, не скрывая волнения, говорил о том, что рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер, который два года назад получил все полномочия главы государства и стал верховным главнокомандующим, ввел в начале марта свои войска в Рейнскую демилитаризованную зону. Франция заволновалась, вспомнив кровавую «Ночь длинных ножей» ^[22]30 июня 1924 года. Жак, которому эти новости решительно не нравились, нахмурился.

Мари стало лучше, и она убедила Нанетт выйти прогуляться по саду.

Две женщины, одна стройная и крепкая, в синем платье, вторая — по-

старчески сгорбленная, шли, взявшись за руки.

— Посмотри, Нан, мои тюльпаны уже проросли, я посадила новый сорт. Знала бы ты, как я люблю свой сад! Вечером, после работы, я всегда выхожу сюда подышать воздухом, зимой и летом, всегда!

— Ты устаешь, потому что много работаешь, моя девочка! Даешь уроки в школе, а дома ждут четверо детей... Правда, трое старших заметно подросли, но для меня они всегда останутся любимыми крошками! Жак уже высадил чеснок. У него в последнее время болит спина, и разогнуться становится все труднее... Да и денег у нас мало, приходится считать каждое су...

Мари вздохнула. Шли годы, и Нанетт все так же жаловалась на судьбу. Больше всего пожилая женщина боялась оказаться на улице, без крыши над головой, и никому не удавалось убедить ее в том, что этого никогда не случится. Даже Лизон, девочка очень добрая и терпеливая, иной раз предпочитала не оставаться с бабушкой надолго, чтобы не слушать ее стенания. И только при взгляде на Камиллу морщинистое лицо Нанетт расцветало улыбкой. Она разучила с малышкой все считалочки на французском и патуа, какие только знала.

— Нан, милая, не терзайся понапрасну, я рядом, тебе ни о чем не надо беспокоиться. Мы с Адрианом всегда будем вам помогать!

— А разве это не несчастье — зависеть от вас? — плаксиво отозвалась Нанетт. — А твоя Леони? Почему она сегодня не пришла?

Мари не сразу нашлась, что ответить. Нанетт коснулась больного места. Мари не хотелось об этом говорить. Было так странно увидеть в коридоре приюта исхудавшую Леони, одетую в черное платье, с монашеским покровом на голове...

Нанетт между тем задала следующий вопрос:

— Что нового слышно от Леони?

— Я давно ее не видела. Знаю, что на днях она приняла постриг, а до этого год была послушницей. Мать Мари-де-Гонзаг решила, что ее выбор продиктован сердцем. Но одно могу сказать тебе точно: Леони сильно изменилась, ты бы не узнала ее при встрече...

Мари замолчала. Больше года назад к матери-настоятельнице явилась посетительница, одетая в серый костюм, с лицом, скрытым под вуалью. Молодая женщина рассказала, что когда-то была воспитанницей этого приюта, в те времена, когда им руководила мать Мари-Ансельм. Дрожащим от волнения голосом она попросила принять ее послушницей. За этим заявлением последовала длительная беседа, целью которой было выяснение обстоятельств, продиктовавших такое решение. Сестра

Юлианна, которую попросили принести для посетительницы лимонаду, узнала ее в одно мгновение. После обеда, когда Мари пришла навестить мадемуазель Берже, сестра-кухарка отвела ее в сторону и сказала: «Угадай, кто сейчас сидит в кабинете матери Мари-де-Гонзаг! Леони! Наша Леони!»

Мари прекрасно помнила, как она разволновалась при этом известии. Она ничего не слышала о Леони после их с Адрианом свадьбы. И вот Леони приехала в Обазин, но не затем, чтобы увидеть подругу детства, поговорить с ней, Мари... Нет! В это невозможно было поверить: всегда такая элегантная, энергичная, неутомимая путешественница, Леони твердо решила стать монахиней здесь, под крышей древнего аббатства, где она росла! Более того, первые месяцы после пострига Леони решила провести в одиночестве, соблюдая обет молчания. Это решение исключало любые контакты с Мари, которая очень сожалела о том, что не может поговорить с той, кого когда-то считала своей приемной сестрой.

Нанетт, которая на какое-то время оставила Мари наедине с ее мыслями, пробормотала:

— Вот уж бывают на свете чудеса: Леони — и вдруг монахиня!

— Нан, нельзя так! Каждый волен поступать по своему усмотрению.

Услышав голосок Лизон, Мари вздрогнула. Дочка звала ее из окна кухни:

— Мам! Возвращайтесь в дом, к тебе пришли!

* * *

В вестибюле хозяйку дома дожидались Мари-Эллен, дочка мясника, с подружкой Амели. Обе девочки были в нарядных платьях, с красивыми прическами. Сзади стояла Ирэн, у нее в руке был букетик фиалок. Супруга мясника поспешила сказать, улыбаясь:

— Поздравляем с днем рождения, Мари! Лизон проболталась о том, что у вас сегодня праздник, вот мы и решили зайти поцеловать вас в щечку! Мари-Эллен ни за что бы не пропустила такое событие!

Девочка, которой уже исполнилось восемь, взяла цветы у матери и протянула их Мари.

— Спасибо, моя крошка! Я очень тронута! Прошу вас, проходите! Я угощу вас тортом, у нас осталось немного... Мне очень приятно, что вы пришли!

Мари-Эллен замялась:

— Но сначала, мадам Мари, мы с Амели хотим спеть вам песенку. Нас

мама научила! Это будет наш подарок ко дню рождения!

Ирэн улыбнулась:

— О, это они сами придумали! Решили спеть вам припев из песни Жана Сегюра.

Амели и Мари-Эллен взялись за руки и, навесив на мордашки серьезное выражение, запели:

Больше, чем парижские улицы,
она любит вересковые заросли,
Потому что здесь она выросла,
Среди красивых холмов.
Когда цветет вереск на горных склонах в Монедьер,
Какими неважными становятся заботы,
обуревающие жителей Парижа!

Матильда, услышав пение, прибежала в вестибюль. Как только девочки закончили петь, она увела их в столовую. Ирэн последовала за ними.

Мари, оставшись одна, закрыла глаза и вдохнула аромат фиалок. Она словно бы перенеслась на тридцать лет назад, в одно прекрасное мартовское утро...

Адриан молча смотрел на супругу. Вот уже несколько дней Мари неумело пыталась скрыть от него свою печаль, но озабоченное выражение лица и опущенные уголки губ выдавали ее с головой.

Вечером Мари рано ушла в спальню, не забыв поблагодарить детей. Они вместе трудились, чтобы устроить матери достойный праздник, чем очень ее порадовали. Даже двенадцатилетняя Ману, характер которой, увы, с возрастом не менялся к лучшему, взялась за дело и создала собственными ленивыми ручками шкатулку для рукоделия, к которой прилагался абсолютно новый несессер с принадлежностями для шитья, купленный ею на сэкономленные деньги.

Букет фиалок в китайской вазочке Мари поставила на прикроватный столик. Однако на цветы она старалась не смотреть. Адриан, ложась в постель, заметил мягко:

— Дорогая, похоже, подарок Мари-Эллен понравился тебе больше, чем другие!

— И да и нет! Просто для меня день рождения — особенный праздник. А с этими полевыми цветами у меня связаны не самые

радостные воспоминания.

Адриан нежно обнял жену. В его объятиях она всегда обретала покой.

— О чем ты грустишь? — спросил он. — Что-то случилось? Дорогая, я точно знаю, ты чем-то обеспокоена.

— Ничего стоящего внимания, я просто устала. К счастью, Лизон мне помогает, хотя ей нужно много заниматься.

— Лизон — замечательная девочка, но и она заметила, что ты не в настроении. А ведь она так старалась тебе угодить!

Мари привстала, на лице ее отразилось волнение:

— Ты хочешь сказать, она из-за меня расстроилась? О, Адриан, скажи, что я ошибаюсь! Моя золотая девочка, она так радовалась, что ужин получился изумительно вкусным! А я ни разу не похвалила ее, пока мы были за столом, мне было не по себе...

Адриан погладил Мари по голове, внимательно глядя на нее:

— А почему тебе было не по себе?

Обычно ему не составляло труда вывести жену на искренний разговор — Мари не умела лгать. Этого вопроса было достаточно, чтобы Мари решилась:

— Послушай, Адриан, я уже месяц ношу это в себе и больше не могу! Речь идет о Леони. Я думаю, она серьезно больна. Я люблю ее, как сестру, и ничто не может этого изменить. Для меня она навсегда останется маленькой девочкой, у чьей постели я часто сидела по вечерам в приюте, моей обожаемой приемной сестрой, которая жила со мной в «Бори»... Я бы очень хотела, чтобы ты ее осмотрел. Я попыталась ее уговорить, но она не сказала мне ни слова. Слышишь, Адриан, ни слова! Она молча ушла в часовню. Она просто прячется за обетом молчания, но это нелепо!

Он вздохнул. Леони! Узнав, что бывшая возлюбленная просит обазинских монахинь принять ее послушницей, он испытал шок. Леони, которая обожает жизнь и все ее удовольствия и искренне любит свою профессию! Он сказал неуверенно:

— Возможно, она не больна, на нее так повлияло изменение образа жизни... Или, если ты все-таки права, она намерена тихо угаснуть. Но в любом случае я не понимаю, почему Леони решила уйти в религию, ведь она утратила веру, если когда-либо вообще ее имела... Это очень странно.

Мари пожала плечами:

— Знаешь, Адриан, когда растешь под крылом у монахинь, кое-что остается с тобой навсегда. Если бы только Леони согласилась со мной поговорить! Думаю, я попрошу мать-настоятельницу, чтобы она помогла мне. Она сумеет убедить Леони нарушить обет молчания.

— Однако меня она в любом случае не захочет видеть, — отозвался Адриан. — Так что я не смогу ее осмотреть. Заставь ее побеседовать с другим доктором. Хотя, может статься, Леони и сама знает, что с ней, ведь она сведуща в вопросах медицины...

С этими словами Адриан улегся на кровать. Мари потушила лампу и задумалась. В голове кружился вихрь картинок. Фиалки, подаренные Пьером тридцать лет назад... Слезы шестилетней Леони, которая проснулась среди ночи, когда остальные воспитанницы приюта спали... И эта сцена, когда Мари застала Леони полуголой на коленях у Пьера в комнате, отведенной в «Бори» под прачечную, — их испуганные, растерянные лица...

— Дорогая, перестань портить себе нервы! Иди ко мне, я сумею тебя утешить!

— Нет, только не сегодня, любовь моя. Прости меня!

Адриан не стал настаивать. Он попытался было придумать, как устроить так, чтобы другой доктор осмотрел Леони, но усталость взяла свое, и он быстро уснул.

Мари же сложила ладони и стала молиться за Леони, впервые за много-много лет:

— Пресвятая Богородица, защити Леони, мою младшую сестру! Она сильно страдает, я это чувствую, и я не хочу ее потерять! Умоляю тебя, пусть она откроет свое сердце и выслушает меня, поговорит со мной...

* * *

После полудня, когда Мари пришла навестить сестру Юлианну, к ней навстречу вышла Леони. Обрамленное монашеским покрывом, лицо ее было мертвенно-бледным.

— Мари, у тебя есть свободная минутка?

— Конечно! Идем в рукодельню, я видела, что оттуда вышли ученицы.

Обе женщины сели. Мари, чувствуя комок в горле, спросила:

— Что с тобой происходит, сестричка?

Леони с грустной улыбкой ответила:

— Да, теперь это обращение стало уместным как никогда! Хотя ты и раньше так меня называла, но я этого не заслуживала!

— Прощу, давай не будем об этом! Прошлое не должно нас мучить, Леони! И все-таки у меня есть вопрос, который сводит меня с ума... Скажи, ты приняла постриг потому, что мы с Адрианом поженились? От отчаяния

или из ревности? Может, тебе хотелось снова сойтись с ним?

— Нет, Мари! — холодно отозвалась Леони. — Как такое могло прийти тебе в голову? Я никогда не хотела выйти замуж за Адриана, потому что я никогда по-настоящему его не любила, и все эти годы, пока мы жили вместе, я делала все, чтобы не родился ребенок, который связал бы наши судьбы. А с тех пор, как я узнала, что вы очень счастливы вместе, я обрела душевный покой. Вы были созданы друг для друга, я очень быстро это поняла.

Леони замолчала, переводя дух. Мари, успокоенная ее словами, обняла подругу за плечи:

— Ты больна, я ведь права? Но я не хочу потерять тебя, Леони, ты должна лечиться! Надеюсь, ты не поэтому решила со мной заговорить. Послушай, я попрошу одного доктора из Брива приехать сюда, завтра же!

Мари постаралась вложить всю силу убеждения в каждое свое слово, она всей душой желала помочь, спасти подругу. Но Леони только отмахнулась:

— Я просто хотела попросить тебя не беспокоиться обо мне. Я видела, что ты нервничаешь, волнуешься, ищешь со мной встречи... Мари, я закончу свою жизнь там, где она началась, — в Обазине. Спасибо, что ты все еще меня любишь, несмотря на все то, что я тебе сделала. Спасибо, что ты есть на свете, моя милая Мари из «Волчьего Леса»! Я была так счастлива в Прессиньяке с тобой и папой Жаном!

Их взгляды встретились. Мари была готова разрыдаться, лицо же Леони озаряла странная улыбка. Весело зазвенел колокольчик, сообщая о посетителе, но ни одна, ни другая даже не пошевелились. Потом, в едином порыве, они встали и обнялись.

— Леони, прошу тебя! Живи, лечись! Хотя бы в знак уважения к избранному тобой пути! Если ты приехала сюда, чтобы умереть, искупить уж не знаю какие грехи, это неправильно! Вспомни время, когда мы жили здесь, будучи воспитанницами... Подумай о всех этих девочках, которые нуждаются в твоей доброте, твоих улыбках, твоём присутствии рядом... Леони, подумай о Лизон, которая тебя обожает! Она считает тебя своей тетей. Не оставляй нас!

Леони закрыла глаза. Она плакала. Это было такое блаженство — отдаться, наконец, своему горю, ведь она столько времени жила, заточив себя в темницу горькой скорби, под непосильным бременем угрызений совести! Мари баюкала ее в своих объятиях, ласково, терпеливо...

— Плачь, дорогая, плачь! Ты не сделала ничего плохого, я это точно знаю!

— Но Пьер умер! Он умер из-за меня! Мне тоже хотелось умереть, Мари! Уйти к нему!

— Знаю... Теперь я знаю, что это такое. Если бы я потеряла Адриана...

Леони сказала, всхлипывая:

— Ты, Мари, сильная! У тебя дети! А у меня ничего не осталось...

— Ты не права, Леони! У тебя есть жизнь, и это бесценный дар! Ты ведь всегда мечтала стать врачом, помогать людям, так зачем же отказываться от своих убеждений? Ты мечтала спасти жизни людей, Леони! И у тебя есть мы — я, Лизон, Поль, Ману и малышка Камилла, с которой я давно хочу тебя познакомить. Еще у тебя есть весенние цветы, пение птиц, серебристые воды ручьев!

Леони вздохнула, соглашаясь:

— Может, ты и права, Мари. Ради тебя я встречу с врачом. Но только не с Адрианом!

— Договорились. Я предупрежу мать-настоятельница. А пока тебе нужно отдохнуть, Леони. И помни, что я люблю тебя!

* * *

Через два месяца в дверь дома доктора Адриана Меснье постучала монахиня. За руку она держала девочку лет десяти, которая даже в этот теплый майский день была закутана в шерстяной шарф. Приходящая домашняя работница открыла и любезно проводила гостью в приемную:

— Доктор скоро вас примет, сестра!

Леони не испытывала страха перед встречей с бывшим возлюбленным. Единственной ее заботой было состояние здоровья маленькой Мириам, сироты, прибывшей в обазинский приют две недели назад.

Адриан же был поражен, узнав в строго одетой и ненакрашенной посетительнице Леони.

— Здравствуй, Леони, — пробормотал он.

— Сестра Бландин, доктор. Отныне я зовусь сестра Бландин, и никак иначе. Я бы хотела, чтобы ты осмотрел Мириам. Она часто кашляет, и у нее совсем нет аппетита.

Понизив голос, Леони добавила:

— Я опасаюсь худшего...

Адриан сразу понял, что она имеет в виду. Взгляд голубых глаз посетительницы сказал ему о многом. Леони была медсестрой и, несмотря

на кардинальные перемены в жизни, ею осталась. На консультацию она пришла, чтобы проверить самое страшное предположение: она считала, что у девочки туберкулез.

Адриан внимательно осмотрел девочку. Она была бледной и худенькой, с коротко стриженными волосами. Леони то и дело подбадривала сироту дружескими жестами, улыбалась ей, целовала кончики пальцев девочки. Мириам смотрела на свою покровительницу с бесконечным обожанием.

Когда девочка оделась, Адриан открыл застекленную дверь, которая вела из его кабинета в сад:

— Иди погрейся на солнышке, Мириам! Возле розовых кустов растет земляника: поищи, там должны быть ягоды. Они очень вкусные!

Доктор повернулся к Леони и, глядя ей в глаза, сказал:

— У девочки не в порядке легкие. Я сделаю ряд анализов, но, по моему мнению, о туберкулезе речь не идет. Скорее всего, ее состояние объясняется ужасными условиями жизни. Наверное, девочка недоедала, о ней плохо заботились. Чтобы поправиться, ей нужна хорошая пища, свежий воздух и забота. Остальным займусь я.

— Спасибо, Адриан! Я передам твои предписания матери Мари-де-Гонзаг. Я так привязалась к этой девочке, она слишком хрупкая!

— А как ты себя чувствуешь? Мари говорит, тебе лучше.

Леони опустила голову. На лице появилось выражение покорности судьбе:

— Ко мне возвращаются силы. Теперь я жалею, что не начала лечиться раньше. Мари права, здесь во мне нуждаются, я могу отдавать свою любовь и свое время самым несчастным детям в приюте. И Мириам как раз из их числа...

Они обменялись дружескими взглядами. Конечно же, Леони сильно изменилась, но Адриан видел ее такой, какой она была в то время, когда они были помолвлены, — загорелой, невероятно соблазнительной... Леони не утратила ни очарования, ни своей естественной красоты, и хотя черты ее исхудавшего лица заострились, в голубых глазах читались все те же страстность и отвага.

Леони смотрела на своего первого любовника другими глазами. Его волосы начали редеть, отчего высокий лоб стал казаться еще выше, в уголках губ и глаз появились первые морщинки, и все же Адриан по-прежнему был красив. Зрелость удивительно шла ему. Но Леони теперь не находила его привлекательным. Ей вообще не следовало три года жить с Адрианом, к которому она на самом-то деле относилась не как к

возлюбленному, а как к другу, лучшему другу. В порыве искренности Леони произнесла тихо:

— Раз уж я здесь и мы с тобой одни, хочу еще раз попросить у тебя прощения. Я обманывала тебя с самого начала нашей совместной жизни, потому что любила Пьера, любила даже тогда, когда категорически отрицала это. Ты же был моим ангелом-хранителем, моим братом, и я тебе за это очень благодарна.

Не в силах справиться с волнением, Адриан жестом попросил ее замолчать:

— Не надо о прошлом, Леони! Я всегда буду тебе другом и тоже хочу поблагодарить тебя. Ты правильно сделала, согласившись увидеться со всеми нами, прийти к нам в гости...

Из сада на цыпочках, чтобы не побеспокоить доктора и сестру Бландин, вернулась Мириам. Ее лицо, обрамленное вьющимися черными волосами, выражало недетскую усталость. Леони поспешила к девочке:

— Ну что, ты ела землянику?

— Да, немножко!

Адриан и Леони распрощались на пороге дома. Майское солнце ярко освещало городскую площадь. В саду у соседей заливался дрозд. Упоительное спокойствие царило в этом уголке Корреза, в то время как далеко-далеко, на горизонте, уже собирались тучи, предвещая ужасную грозу...

* * *

Мари молилась в аббатской церкви Обазина. Только что дрожащими пальцами она коснулась статуи святого Стефана, как и многие тысячи паломников до нее, отчего за несколько веков на камне, из которого был выточен надгробный памятник в виде лежащей фигуры святого, остались едва заметные следы.

За пределами церкви буйствовал июнь. Нанетт предсказала жаркое лето. Внутри храм был украшен лилиями в многочисленных вазах, наполнявшими святое место сладким ароматом. Мари подумала, что эти цветы всегда будут напоминать ей о смерти первого мужа, в то время как дикие фиалки были символом их зарождающейся любви.

— Только бы Леони выздоровела! Я уверена, когда Пьер погиб, она от горя решила умереть. Господи, пошли ей долгую жизнь, ведь теперь, посвятив себя обездоленным детям, она обрела душевный покой и

благость!

Чья-то рука опустилась Мари на плечо. Это была Лизон:

— Мапочка, я везде тебя ищу!

Девушка была очень бледна.

— Что-то случилось? — воскликнула Мари.

— Жак! У него сердечный приступ! Он в саду! С ним Леони, а мать-настоятельница уже позвонила Адриану, он уже идет...

Они выбежали на площадь. В саду приюта суетились монахини, за ними по пятам бегали маленькие воспитанницы. Мари увидела, что Жак лежит на траве рядом с грядками, где он намеревался посадить фасоль. Она присела и погладила его по лбу.

— Мой бедный Жак!

Сестра Бландин, когда в том возникала нужда, мгновенно перевоплощалась в медсестру Леони. Она расстегнула ворот рубашки и, чуть приподняв, поддерживала голову Жака, чтобы ему было легче дышать. Заскрипел гравий дорожки — это пришел Адриан. Нанетт бежала следом за доктором, чепец ее съехал набок, рот был приоткрыт, но она молчала. Только упав на колени рядом с мужем, пожилая женщина заголосила:

— Мой Жак! Мой Жак! Останься со мной!

Но ничего нельзя было поделать: минут через десять, когда все еще дожидались скорой, Жак «отдал душу Господу», как торжественным тоном резюмировала сестра Юлианна, после чего несколько раз перекрестилась.

Похороны состоялись через два дня. Множество жителей Обазина, радушно относившихся к новому приютскому садовнику, пришли попрощаться с Жаком. Нанетт была потрясена этим до глубины души. Кончина свекра повлекла за собой значительные перемены в жизненном укладе семьи Мари. Уже в день погребения Лизон приготовила для бабушки свою комнату. На следующее же утро Мари сообщила Нанетт свое решение:

— Ты переезжаешь к нам. Мы поможем тебе с переездом. Ты не можешь жить одна, моя милая Нан! У нас ты целый день будешь проводить с детьми, в основном с Камиллой, которую ты так любишь. А если вдруг заскучаешь, станешь помогать мне с шитьем и в саду.

— А я думаю, что твой муж не захочет терпеть меня в своем доме!

— Он выразил желание, чтобы вы жили с нами, даже когда мы еще не были женаты! Как бы то ни было, ты не можешь отказаться, потому что с горем справляться лучше не в одиночку. И подумай о деньгах. Тебе не придется оплачивать аренду, а это немалый расход!

Всхлипывая, с красными от слез глазами, Нанетт вздохнула и

пробормотала:

— В этом ты, конечно, права. Без жалованья моего Жака я теперь не знаю, на какие деньги буду жить! Но я еще не совсем одряхла, стану убирать твой дом, присматривать за Камиллой. А где ты хочешь меня поселить? Твоя лестница мне не по душе!

Мари вздохнула с облегчением. Слава богу, Нанетт не заставила себя упрашивать. Она заключила пожилую женщину в объятия:

— Нан, милая! Мы очень тебя любим, и Жака тоже любили. Все вместе мы быстрее обретем утешение, а тебя мы будем холить и лелеять. Но о том, чтобы убирать дом, даже и речи быть не может. Это входит в обязанности женщины, которую мы наняли ухаживать за Камиллой. Тебе хватит работы на кухне, если захочешь, а если нет — вяжи на здоровье, ты всегда любила это занятие. С Камиллой можешь проводить столько времени, сколько пожелаешь.

Нанетт вытерла слезы. С того момента, как она увидела мужа распростертым на земле, они текли практически не переставая. Громко высморкавшись, она легонько оттолкнула от себя Мари.

— Но сейчас я пойду к себе. Нужно пересмотреть вещи моего бедного мужа. Ты отнесешь одежду монахиням, а они пускай отдадут ее тем, кто нуждается больше нашего.

— Хорошо. Но я все равно пойду с тобой. Мне дали два выходных!

Маленький домик на окраине городка опустел, а Нанетт переехала в дом доктора Меснье, чему в глубине души была очень рада. В семье долго и бурно обсуждали, где поселить пожилую даму, которая наотрез отказалась подниматься на второй этаж. Наконец Лизон, которая предлагала бабушке свою спальню с намерением перебраться в комнату на чердаке, нашла решение:

— Если так, давайте отдадим бабушке Нан гостиную! В конце концов, гостей можно принимать и в столовой. Адриану останется библиотека, там он сможет устроить свой рабочий кабинет. Комод и два кресла перенесем в приемную. Я буду украшать комнату Нан вазами с цветами, а зимой — остролистом, так она будет смотреться веселее!

Уперев руки в бока, девушка подвела итог сказанному:

— В общем, я берусь за работу. Поль, поможешь?

— Конечно! Лично я — «за»! В гостиной бабушке Нан будет уютно. Комната просторная, окна выходят на улицу, так что можно будет отвлечься и поглазеть, что там происходит...

Матильда отозвалась с иронией в голосе:

— Мое мнение: пока никто не покушается на мою комнату, делайте что хотите! Но я помочь не смогу, потому что убегаю к Амели!

— К подружке Мари-Эллен? — удивилась Мари. — Но ведь не далее как вчера ты говорила, что она слишком маленькая и тебе с ней не интересно. Или я ослышалась, Ману?

Девочка топнула ногой со словами:

— Сегодня я передумала, вот!

Хлопнув дверью, она выскочила из кухни, где собралась вся семья. К счастью, Адриана с ними не было, он уехал к пациенту в Бейна. Он не оставлял безнаказанными подобные проявления дурного нрава своей приемной дочери.

Камилла, которая не упустила ни слова из разговора, с радостной улыбкой бросилась в объятия матери:

— Она останется с нами насовсем, наша бабушка Нан! Как хорошо! Мы сможем до упаду играть в «Но, но, мой ослик!» и «Зайчик мимо пробежал»!

Названия игр девочка произнесла на патуа, но Мари рассмеялась от души. Она давно отказалась от идеи запретить детям говорить на диалекте в своем доме. Любовь бабушки ведь намного важнее правильной речи, верно? Многие поколения детей выросли на старинных лимузенских считалочках и прибаутках, и ничего плохого с ними из-за этого не случилось...

* * *

У Нанетт вошло в привычку садиться с вязанием у левого окна. Бывшая гостиная стала ее маленьким мирком. Она наблюдала за пешеходами, разглядывала прихожан, выходящих из церкви после мессы, подолгу играла с Камиллой. Девочка не была ей родной по крови, но между ними существовало душевное родство.

— Да что удивляться? Эта крошка так на тебя похожа — такие же темные волосы и веселые глазки! — призналась как-то Нанетт Мари. — И так же, как и ты, она сразу меня полюбила!

Когда на площади устраивали ярмарку, Нанетт вставала пораньше и наблюдала, как торговцы устанавливают свои палатки. По воскресеньям, после обеда, она обычно ходила на кладбище. Помолившись на могиле Жака, пожилая женщина начинала со всеми подробностями пересказывать ему события прошедшей недели:

— Видел бы ты, что устроила наша Ману в четверг! Расходилась не на шутку! Лизон дала ей пощечину. Наше счастье, что Камилла уродилась спокойной. Мари с Адрианом уехали в Брив, так что все в доме перевернулось вверх дном. Помнишь Жильбера Мазака, который сильно обгорел в 1929-ом? Он совсем ослеп. Моя Лизон часто о нем заговаривает. Как бы девочка не влюбилась! Она такая молодая, зачем ей инвалид? А Поль всегда мне помогает. Приходит поболтать, играет мне на губной гармошке. Покойся с миром, мой Жак! Меня не выбросили на улицу, что да, то да! Мари говорит, я ей как мать. Мне это греет душу. Пьер был хорошим парнем, но он не заслуживал ее, нашей Мари. Да что уж там! Это все война виновата, из-за нее у него в голове все перемешалось! Лишь бы только подольше новой войны не было...

Глава 28

Тучи сгущаются

Сентябрь 1939 года

Матильда задула семнадцать свечей на праздничном торте. Она чувствовала себя очень хорошенькой в новом черном в белый горошек платье, подчеркивающим стройную талию.

Поль с улыбкой смотрел на младшую сестру. Она была похожа на принцессу, гордо шествующую в окружении своих придворных. Он уж точно не станет устраивать столько шума в ноябре, в свой двадцатый день рождения! Но Ману никогда не изменится. Уж эта девушка точно родилась исключительно для того, чтобы блистать и привлекать к себе всеобщее внимание!

Когда сестра так энергично подула, что свечи враз погасли, Лизон захлопала в ладоши. Она искренне радовалась происходящему. Ей уже исполнился двадцать один год, она закончила учебу и получила должность учительницы начальной школы в Тюле. Единственное, чего Лизон, по ее собственному убеждению, оставалось желать, — так это благополучия всем членам своей семьи.

Рядом с Лизон сидел Жильбер Мазак, ее жених. Молодой человек пытался участвовать в праздновании, следя за развитием событий с помощью органов чувств, которые заменяли ему зрение. Он ощутил запах огромного яблочного пирога с карамелью, уловил выдох Ману, почувствовал радость Мари, своей будущей тещи...

Нанетт, у которой на коленях примостилась Камилла, завела разговор о, по ее мнению, просто возмутительных манерах нынешней молодежи, ярким образчиком которой являлась их неугомонная Ману. Собеседница, ее подруга-сверстница по имени Маргарита, отвечала ей, мешая французский и патуа. Маргарита была знахаркой и жила в Обазине, хотя родилась, как и Нанетт, недалеко от Лиможа.

Всласть посудачив об испорченном подрастающем поколении, они заговорили о злой судьбе и народных методах лечения. Пожилые дамы сошлись во мнении, что со своими болячками не станут обращаться к докторам, даже таким хорошим, как Адриан Меснье.

Взгляд больших голубых глаз Леони по очереди останавливался на каждом из присутствующих за столом. Одевание монахини придавало молодой женщине торжественный вид. В свете электрических ламп, куда более резко, чем более привычный для нее до недавнего времени свет свечей, ее лицо казалось исхудавшим и очень бледным. И все-таки она оставалась красивой благодаря улыбке, украшавшей лучше хорошей косметики, — улыбке, которая постоянно играла у нее на губах с того самого дня, когда выздоровела Мириам, ее маленькая подопечная.

Этим вечером сестра Бландин искренне наслаждалась приятной семейной атмосферой, царившей в доме Адриана и Мари. Глава семейства курил сигару. Обазинский доктор в свои пятьдесят был вполне доволен жизнью. Изысканные яства, которыми его постоянно баловали супруга и Нанетт, слегка округлили его талию, но ему приходилось много ходить, поэтому чрезмерная полнота ему не грозила. Однако в его светлых глазах читалась тревога.

Мари обнимала мужа за плечи, готовая в любую секунду успокоить его ласковым словом и взглядом. Она все еще была очень красивой, и ее золотисто-карие глаза не утратили своей колдовской силы. Мужчины на улице еще оборачивались ей вслед, что немало забавляло Мари...

Ей не хотелось думать о плохом, об угрозе их общему будущему, тем более в такой вечер, когда все, кого она любила, собрались за одним столом. И Мари заставила себя хотя бы ненадолго забыть о трагических сентябрьских событиях.

Опасения Адриана оправдались: по приказу рейхсканцлера Адольфа Гитлера немецкие войска оккупировали Польшу. Еще в 1938 году в Испании разгорелась гражданская война. Более тысячи беженцев прибыли в Коррез в январе текущего года. Но обо всех этих ужасных событиях успели позабыть, когда 3 сентября 1939 года Франция и Великобритания объявили Германии войну. В каждом доме поселился страх, приправленный горечью. Еще живы были воспоминания о Первой мировой, когда города, поселки и деревни опустели и список погибших на поле брани мужчин безжалостно пополнялся каждый день...

Снова война... Сердце Мари сжималось от страха, когда она думала о Поле, своем сыне. Адриана на фронт не заберут, он не подходит по возрасту, и все же его как врача могут отправить туда, где он будет нужнее, чем в Обазине... А вот Поль, ее дорогой Поль, наверняка окажется под прицелом вражеских винтовок!

Матильда испустила торжествующий крик: Лизон преподнесла ей грудку украшенных бантами свертков. Именинница, смеясь, прижала

подарки к груди:

— Обожаю подарки! Мам, надеюсь, ты купила мне шелковые чулки?

Мари отозвалась снисходительно:

— Увидишь! Разворачивай скорее!

Ману не была разочарована. Она получила все, что хотела, недаром задолго до своего праздника она начала повторять всем, что именно надеется получить. Через час Адриан на недавно купленном автомобиле, которым пользовалось все семейство, отвез Жильбера Мазака домой.

— У меня тоже есть для тебя подарок! Бабушка Нан разучила со мной замечательную песенку. Я тебе ее спою, — с гордостью объявила шестилетняя Камилла. И добавила, просительно глядя на мать: — Только ты, мамочка, не сердись! В классе ты всегда говоришь, что нужно разговаривать только по-французски, а моя песенка на патуа!

Эти рассуждения девочки стали поводом для всеобщего веселья. Камилла тоненьким голоском спела свою песенку.

Ману звонко чмокнула сестренку в щеку. Камилла была таким милым и ласковым ребенком, что с течением времени ревность Матильды угасла.

— Спасибо, Камилла! Прекрасная песенка! Да, не так легко запомнить столько слов на патуа, ты молодец!

Лизон стала убирать со стола, с улыбкой вспоминая, как пела младшая сестра. Нанетт отправилась спать, она слегка опьянела от шампанского. Поль и Матильда ушли наверх, откуда тут же донеслись отголоски перепалки. Мари пожала плечами, подобрала кусочек яблока со своей тарелки и отправила его в рот. Лизон улыбнулась:

— Ману и Поль большую часть времени ссорятся, прямо как кошка с собакой, и все-таки жить друг без друга не могут!

— Ты права, дорогая. Если хочешь знать мое мнение, Матильда не изменится. Но я не понимаю, как можно быть настолько эгоистичной! Вчера я рассказала ей, как мы жили в доме Нанетт, когда я только приехала к ней из приюта, — свечки, когда темно, дровяная печь для готовки, никакого электричества и радиоприемника... Я спала на соломенном матрасе, и у меня была одна пара штопанных-перештопанных чулок. Да она радоваться должна, что ее молодость выпала на это время, когда можно себе позволить поехать в кинотеатр в Брив, притом на машине! В Прессиньяке до войны только у Макария был автомобиль...

Лизон любила слушать рассказы матери о прошлом. Из троих детей Пьера она одна помнила «Бори», гостиную, парк... Навсегда остался в ее памяти и голос Макария, который разносился по всему дому в одно зимнее утро. Этот ужасный человек выгнал их из дома! Она спросила несмело:

— Мама, а правда, что Макарий приезжал в Обазин три года назад?

— Правда. Но кто тебе сказал?

— Бабушка Нан. Кто-то видел, как он приставал к тебе на площади, и тут же насплетничал. Но она не захотела тебя спрашивать.

Мари вздохнула. Ей неприятно было это осознавать, но с некоторых пор Нанетт заводила задушевные разговоры с Лизон и Полем намного охотнее, чем с ней. Сама же она, чтобы не расстраивать свекровь, не стала жаловаться на Макария и тем более рассказывать о мальчике, якобы рожденном Элоди, вдовой Прессиго, от Пьера. Однако каждый месяц она отправляла Элоди почтовым переводом немного денег, и та отвечала парой благодарственных слов, но никогда ничего не рассказывала о Клоде, своем младшем сыне.

— Мама, мы ведь очень счастливы здесь, в Обазине, правда? — прошептала Лизон. — Поль и Ману поедут учиться в лицей в Тюле, Камилла пришла в твой класс, а я стала учительницей, как ты! Знаешь, что доставило бы мне массу удовольствия?

— Нет, дорогая. Говори скорее!

— Я бы хотела, чтобы однажды вечером мы с тобой сели в моей комнате и ты рассказала бы мне много-много интересного о том времени, когда ты жила в «Бори»! И о папе тоже. Ты согласна?

— Почему бы и нет? Хорошая идея, тем более в это беспокойное время... Нам нужно быть готовыми ко всему, а значит, наслаждаться каждым мгновением!

Лизон бросилась матери на шею. Они довольно долго простояли обнявшись, успокаивая друг друга.

* * *

«Странная война» ^[23] стала жестоким испытанием для французов. Жителей Обазина заботил лишь один вопрос: что готовит им будущее. Немецкие войска перешли в наступление, и Франция капитулировала перед захватчиками. Адольф Гитлер, демонстрировавший всему миру свою эмблему — крест со свастикой, — казалось, был способен покорить всю планету.

У Мари вошло в привычку каждое утро после пробуждения молиться перед изображением Божьей Матери Обазинской. Она просила небесную заступницу защитить Поля. Сын успешно сдал экзамен на степень бакалавра и поступил на юридический факультет в Лиможе. Она очень

переживала из-за того, что ее мальчик живет так далеко от семьи.

— Любимая, не убивайся так! — нежно глядя на супругу, как-то утром сказал Адриан, еще лежа в постели. — Полю в Лиможе ничего не грозит. На поезде оттуда в Обазин добираться недолго. На юге страны пока еще тихо, так что давай постараемся сохранять спокойствие.

Он притянул ее к себе и погладил по голове:

— Я — военный служащий запаса, но я врач, а врача вполне могут призвать, причем вскорости. Надеюсь, ты проявишь выдержку, если мне придется уехать. Скажу тебе честно, я давно думаю поработать на Красный Крест...

Мари отстранилась, она была вне себя от гнева:

— Это правда? Ты хочешь уехать по своей воле? А твои пациенты, что с ними будет? Им ведь ты тоже нужен! А я, а дети? Я не хочу тебя потерять! Адриан, я так сильно тебя люблю! Остайся, умоляю, остайся со мной!

Не отвечая, он нежно ее обнял. В окна стучал дождь, с нижнего этажа поднимался аромат кофе. Часы показывали семь утра.

— Мари, я еще никуда не уехал! Не бойся! Если я пойму, что страна нуждается во мне, я сумею принять правильное решение. Пора вставать, дорогая! Тебя ждут ученики, а мне нужно сходить к господину Пикару. Его совсем замучил ревматизм. И не забудь разбудить Ману, иначе она опоздает на поезд. Будь мужественной, дорогая!

Мари встала, она была печальна. Жизнь шла своим чередом: Ману уедет в лицей в Тюле, где она живет в пансионе, а ей самой нужно идти на уроки...

— Вот Жильберу точно ничего не грозит, — сердито сказала она.

— Естественно! Он же инвалид.

— Лизон очень повезло!

Адриан посмотрел на супругу с искренним недоумением:

— Ты, наверное, очень расстроилась, раз говоришь такие глупости. «Лизон очень повезло!» Она сказала, что полюбила Жильбера за его душу и для нее ничего не значат его ожоги и слепота. Она очень самоотверженная девочка, с сердцем, полным любви. Поэтому, прошу тебя, относись с уважением к ним обоим!

Мари, краснея от стыда, прошептала:

— Прости меня! Я сама не знаю, что говорю. Эта проклятая война совсем свела меня с ума. Адриан, у меня жуткое предчувствие! Начались военные действия, и я уверена, что ужасы будут твориться и здесь, у нас! Поэтому мне страшно, так страшно!

Мари заплакала. Адриан обнял ее и сказал едва слышно:

— Мне тоже страшно. Но не надо бояться. Мы должны быть сильными, все мы...

Январь 1940 года

Мари удивилась, когда мать Мари-де-Гонзаг пригласила ее в свой кабинет. Она с грустью смотрела на пожилую монахиню. Решение, принятое матерью-настоятельницей, для Мари было равноценно чуть ли не предательству. Мать Мари-де-Гонзаг только что сообщила, что воспитанницы приюта больше не будут посещать общественную школу.

— Вы прекрасный преподаватель, Мари, но поймите, идет война, и я думаю, что наши воспитанницы будут в большей безопасности в стенах приюта. К тому же у нас появилось много новеньких, в том числе девочки, чьи отцы ушли на войну. Около двадцати пяти наших девочек посещают вашу школу. Классы перегружены. Мы приняли на работу учительницу, мадемуазель Бабразанж, она приехала из Корреза. У нее прекрасная репутация.

— Я очень привязалась к своим ученицам и буду по ним скучать, — вздохнула Мари. Она даже не пыталась скрыть слезы.

— Не расстраивайтесь так, дорогая! Вы будете приходить к нам в гости. Двери приюта всегда для вас открыты! У нас все вас очень любят, и вы это знаете. Давайте я познакомлю вас с мадемуазель Жанной!

Так Мари познакомилась с новой учительницей приюта. Вскоре женщины подружились. По вечерам, после окончания занятий, они часто беседовали, обмениваясь педагогическим опытом. Требовательная мадемуазель Жанна поставила перед воспитанницами приюта четкую задачу: каждая должна быть безупречной ученицей, чтобы обязательно сдать экзамены и получить свидетельство.

Общение с новой подругой доставляло Мари много радости, и все же ей с тяжелым сердцем, но пришлось смириться с тем, что со своими ученицами-сиротками она теперь виделась очень редко. Раньше девочки сами часто ходили за покупками для приюта, теперь же мать Мари-де-Гонзаг, опасаясь за их безопасность, разрешала покидать пределы старинного аббатства лишь дважды в неделю — в четверг и воскресенье, причем парами и под присмотром добросердечной «мамы Терезы».

Маленькие сироты, как и прежде, спокойно жили под крылом у добрых монахинь...

Июнь 1940 года

Леони сидела в кресле, а Мари с Лизон, придвинув стулья к столу, лущили фасоль прошлогоднего урожая. Польша, месяц назад получивший права, повез Ману в Брив, где в кинотеатре шел американский фильм «Унесенные ветром», который собирал полные залы. Камилла устроилась рядом с сестрой и матерью. Она придумала себе увлекательное занятие: складывала из фасолин цветы и наклеивала их на лист бумаги.

— Давайте включим музыку! — вдруг предложила Лизон, которую угнетала повисшая в комнате тишина.

Леони в своем монашеском одеянии выглядела угрюмой. Нанетт время от времени опускала вязание на колени и поглядывала на гостью. Пожилая женщина спрашивала себя, что заставляет сестру Бландин так часто посещать дом доктора Меснье. Не укладывалось у нее в голове и то, что мать Мари-де-Гонзаг приняла в приют женщину, которая, никого не стесняясь, жила с мужчиной вне священных уз брака. Женщину такую необычную, странную...

Лизон включила радио, раздался треск. Потом весело заиграла скрипка.

— Получилось! Надеюсь, вам понравится.

И девушка, вздыхая, вернулась к работе. Мари ногой отбивала ритм, Нанетт снова увлеклась вязанием. Потом приемник опять затрещал, и из него полились первые аккорды песни. Женщины невольно прислушались.

«Ах, я так его любила! Нам лето голову вскружило...»

Леони вскрикнула. Голос певицы, слегка гнусавый, между тем выводил:

«Ах, я так его любила! Мой единственный, мой милый...»

Мари мечтательно улыбалась, вспоминая страстные поцелуи Адриана на заре их супружеской жизни. Резкий звук вернул ее с небес на землю: Леони вскочила и, заливаясь слезами, выбежала из комнаты. Лизон пробормотала, смутившись:

— Наверное, Леони поднялась ко мне в комнату. Мама, что с ней такое?

— Не знаю, — ответила Мари, хотя на самом деле у нее была догадка на этот счет. — Давай оставим Леони ненадолго одну, а потом я поднимусь и поговорю с ней.

Постучав в дверь, Мари услышала приглушенные рыдания. Ее рука нажала на ручку двери, и та приоткрылась. Монашеское одеяние и покрывало лежали на полу, Леони же сидела на кровати и плакала.

Мари на цыпочках вошла в комнату, и ее сердце сжалось — какая Леони все-таки худенькая!

— Дорогая, что случилось?

— Эта песня, Мари! Господи, эта песня... С ней связано столько воспоминаний! Столько хорошего, которое никогда не вернется! Почему? Ну почему?

Леони всхлипнула. Мари с озабоченным видом покачала головой. Печаль подруги была ей непонятна.

— Будь мужественной, Леони! Если ты намекаешь на Пьера, я не понимаю... Со дня его смерти прошло много лет. Ты теперь сестра Бландин. И мне казалось, в приюте ты обрела душевный покой...

Женщины посмотрели друг на друга. Одна — измученная и вместе с тем трогательная, вторая — прекрасная, как хорошо ухоженный цветок.

— Но я, в отличие от тебя, его не забыла! — воскликнула Леони. — Мне его не хватает, я вовсе не этого хотела, слышишь? Я хотела жить с ним, быть рядом и ночами, чтобы наши тела сливались в одно целое! А теперь я хочу умереть! Не могу больше! Я пыталась смириться, но у меня не получается! И никогда не получится!

— Тише! — испуганно воскликнула Мари. — Тебя могут услышать внизу!

Леони выпрямилась. Взгляд ее блуждал по комнате.

— У тебя есть сигареты? — спросила она. — Мне очень хочется закурить, это успокаивает. В приют я больше не вернусь. Там мне приходится каждую секунду бороться с собой. Я вступлю в Красный Крест, а потом найду способ попасть под пули!

Мари пожала плечами и вышла. В комнате Поля она отыскала пачку сигарет из светлого табака, зажигалку и принесла их Леони:

— Держи! Если это тебе поможет.

Мари присела на край кровати. Леони поблагодарила подругу. Через минуту, глядя, как большие завитки дыма улетают в окно, она сказала со вздохом:

— Мириам помогала мне жить. Когда девочка выздоровела, приехала тетя и забрала ее. Я теряю всех, кого люблю. Это какое-то проклятие. Но

Пьер... Я его боготворила, я не могу смириться с его смертью. Каждый июнь я проживаю как в аду. И временами злюсь на тебя за то, что ты так счастлива с Адрианом. Я говорю себе, что все счастье досталось тебе одной.

— Леони! Мне тоже многое пришлось пережить, — возразила Мари. — Я искренне оплакивала Пьера, я часто о нем думаю. Что до Адриана, то я долго не решалась связать с ним свою жизнь. Из-за тебя и воспоминаний о Пьере. То, что ты говоришь, жестоко.

Они не слышали легких шагов на лестнице. Когда до Лизон донеслись крики Леони, она поднялась по лестнице и уже собралась было постучать, но страх и любопытство заставили ее задержаться у двери. Леони говорила довольно громко:

— Может, это и жестоко. Но Пьер был моей любовью, моей единственной любовью! Мы были так счастливы вместе то недолгое время, что было нам отведено! С ним я получила все, чего желала, в нем, как и во мне, страсть пылала, как пожар! Я приняла постриг только потому, что знала: с другим мужчиной мне этого не испытать. Нам с ним было весело, мы танцевали, как сумасшедшие, и он так крепко меня обнимал! Думаю, теперь ты понимаешь, почему эта песня...

Мари хотелось потребовать, чтобы Леони замолчала, крикнуть ей в лицо, что она бесстыдница, что неразумно жить прошлым, которого не вернуть. Но она промолчала, потому что чувствовала: сердце подруги детства переполнено болью. Утешить Леони — вот верное решение...

— Сестричка! Моя Лео! Ты должна все забыть, должна взять себя в руки. Представь, как огорчатся девочки, если ты уйдешь из приюта! Они тебя очень любят, ты им нужна, и как медсестра тоже. Леони, прошу, побереги себя, не делай глупостей! Воспитанницы приюта стали твоей семьей. Я не могу помешать тебе вернуться в мир, но даже если ты перестанешь быть монахиней, прошу, не причиняй себе вреда! Ты так дорога мне...

Леони внимательно посмотрела на подругу.

— Я все это знаю, но мне этого недостаточно, — сказала она наконец. — В моей душе живет злая сила, она заставляет меня искать смерти. Меня тянет туда, где я снова встречу с ним...

Лизон услышала достаточно. Девушка убежала в сад, залитый золотым светом июньского солнца. Жужжание пчел над цветами и запах лилий помогли ей успокоиться. Она легла на примятую траву, где Матильда в погожие дни расстилала покрывало.

Прижавшись щекой к теплой земле, Лизон попыталась сопоставить услышанное с тем, что уже знала.

«Леони говорила о папе! Сомнений быть не может: Пьер, которого она так любила, — это мой отец! Если бы речь шла не о нем, мама ответила бы по-другому. Но почему? Что между ними произошло? Я чувствую себя преданной...»

Лизон хотелось расплакаться, но слез не было. «Они мне лгали! Все! А я готова была разорваться, лишь бы всем было хорошо!»

Снова и снова она пыталась найти объяснение услышанному. Потом ее мысли обратились к Жильберу Мазаку. В первый день нового года он разорвал помолвку. Лизон вспомнила, какое облегчение принесло ей это известие. Ей было стыдно вспоминать об этом, но она тогда действительно обрадовалась. С тех пор Жильбер казался ей героем, пожертвовавшим собой ради того, чтобы освободить ее от обременительного обещания.

«Бедный Жильбер! Он так меня любит! А я сама, любила ли я его так же сильно?»

Лизон перевернулась на спину и посмотрела на небо. Перед глазами возник образ несостоявшегося супруга, его угасшие глаза. Почему она в свое время приняла решение посвятить ему свою жизнь? Что ею двигало? Жалость, желание отдать всю себя другому или чувствовать себя по-настоящему кому-то нужной? Глядя на Жильбера, слушая его низкий, такой ласковый голос, она каждый раз испытывала целую гамму чувств...

«У него прекрасная душа, только за одно это и стоит любить человека, внешняя красота не имеет значения... А выходит, что я такая же, как остальные, ведь меня обрадовало то, что не придется выходить за него замуж!»

Мари спросила у молодого человека, какие причины побудили его разорвать помолвку. Он не осмелился открыть их Лизон.

— Я не смог бы сделать ее счастливой, мадам! Мы решили пожениться, ни у кого не спрашивая совета, а Лизон так добра и щедра душой, что не подумала о своем будущем. Я стал бы для нее вечной обузой, ведь я не смог бы даже присматривать за детьми, возить ее в автомобиле. Моя мать сказала, что наша супружеская жизнь вряд ли была бы благополучной, и я ей верю. Лизон останется для меня прекрасной мечтой и, я надеюсь, другом. И ничто не заставит меня изменить решение.

Мари передала его слова дочери. Лизон слушала ее с задумчивым, печальным видом. Это было шесть месяцев назад. Целых шесть месяцев назад!

— Лизон?

Девушка вздрогнула. В тени вишни, совсем рядом, стояла ее мать.

— Мам? С Леони все хорошо?

— Да. Она решила немного отдохнуть. Не волнуйся, дорогая.

Лизон сорвала травинку со словами:

— Я совсем не волнуюсь. Хотя мне кажется странным, что монахиня так часто приходит к нам в дом. И мать-настоятельница спокойно к этому относится!

Мари невесело улыбнулась:

— Скажем так: Леони не совсем обычная монахиня. И матери Мари-де-Гонзаг очень хотелось оставить ее под своим крылом, на то были причины. Она хотела помочь Леони найти свой путь, защитить ее...

Лизон протянула матери руку:

— Присядь, мамочка! Я не хочу с тобой лукавить, ты всегда учила меня быть честной. Я слышала ваш разговор, там, в моей комнате. И, как мне кажется, узнала нечто ужасное о папе. И теперь у меня тяжело на сердце...

Мари почувствовала, как к щекам приливает кровь. То, чего она всегда боялась, наконец произошло.

— О, Лизон! Мне очень жаль. Я сделала все возможное, чтобы ты об этом не узнала.

— Так значит, это правда! А я-то, глупая, ждала, что ты меня успокоишь, скажешь, что это неправда, объяснишь... Я говорила себе, что этот Пьер, о котором вспоминала Леони, не может быть моим отцом! И ты после всего этого принимаешь ее в своем доме?!

Девушка опустила голову. Мари обняла дочь. Лизон, рыдая, прижалась к материнской груди.

— Моя крошка, моя прелестная Элиза! Тебя давно так никто не называет, но мне так нравилось это имя — Элиза! Прекрасное имя для прекрасной девочки! Твоему папе оно тоже очень нравилось. Моя дорогая, моя любимая взрослая доченька, я много рассказывала тебе о своей жизни, о твоём отце, о «Бори», но только хорошее. О плохом я предпочитала умалчивать.

— Но почему, мамочка? — воскликнула Лизон.

— Потому что я считаю правильным вспоминать хорошее, а не плохое, беседовать о радостном, а не о печальном. Пойми, о некоторых вещах говорить с детьми неудобно, а еще надо сохранять добрую память о тех, кого нет с нами...

— Мама, но теперь-то ты можешь мне сказать... Прошу! Я хочу знать!

— Хорошо. Все это непросто. Мне придется начать издалека, с 1915

года, когда твой отец вернулся с фронта без ноги. Леони жила с нами, ты об этом знаешь. Характер у Пьера никогда не был легким, Ману в этом на него похожа, и я переживаю по этому поводу. Увечье сделало Пьера недоверчивым, еще более ревнивым, властным, раздражительным. Мне неудобно тебе такое говорить, но я не была той женщиной, в какой он нуждался. Три беременности, следовавшие одна за другой, отдалили нас друг от друга. А Леони была рядом, такая юная и красивая... И она втайне от всех была в него влюблена. Со временем он догадался о ее чувствах и попытался ее соблазнить. Леони испугалась, что не сможет устоять перед искушением, и уехала в Лимож. Но наши с Пьером отношения от этого не улучшились, мы без конца ссорились...

Прошло больше часа. Когда Мари закончила рассказ, Лизон знала ответы на множество вопросов, поняла значение пойманных на лету слов, смысл которых до сих пор оставался туманным. И все же Мари не стала рассказывать дочери о других изменах Пьера, в том числе и о его связи с Элоди.

Девушка проговорила с задумчивым видом:

— Меня удивляет, мамочка, что ты могла простить Леони! Если бы не она, вы с папой могли бы до сих пор быть вместе!

— Я тоже иногда думаю об этом. Но до конца я в этом не уверена. И потом, я счастлива с Адрианом, очень счастлива. Он чудесный человек!

Лизон встала, от долгого лежания у нее затекло все тело.

— Я его очень люблю. И как, по-твоему, теперь поступит Леони?

— Смотри, вот и ответ!

Лизон обернулась. Легкой походкой Леони приближалась к ним. Она снова была в одеянии монахини. Мари улыбнулась, на душе у нее стало легче. Похоже, ей удалось убедить давнюю подругу вернуться в приют, к сиротам, которые так нуждались в ее заботе. Лизон замерла в нерешительности, но, увидев смиренное выражение лица той, кого она привыкла считать своей тетей, позабыла о своей злости. Она поцеловала Леони уже без всяких нехороших мыслей.

Пять минут спустя сестра Бландин ушла, унося с собой свои сожаления и свои воспоминания.

* * *

— Генерал де Голль, речь которого транслировала лондонская

радиостанция, призвал французов к сопротивлению ^[24]! И я полностью с ним согласен. Он прав, нужно сопротивляться, пусть не в открытую, но сопротивляться любой ценой! Семнадцатого июня я прочитал листовку, одну из тех, что распространил в Бриве Эдмон Мишле ^[25], и мне захотелось действовать! Он цитирует Шарля Пеги ^[26], и каждое слово поражает прямо в сердце! Послушай текст листовки, Мари, это потрясает!

«Тот, кто не сдается, прав, а тот, кто опустил руки, — заблуждается. Сопротивление — вот единственная мера...»

Адриан почти кричал, расхаживая взад и вперед по столовой. Все семейство смотрело на него. Мари с трудом сдерживала слезы волнения.

Камилла кусала губы, чтобы не заплакать, хотя делала вид, что читает учебник географии. Она всегда была чувствительной и ранимой девочкой. Это страшное слово «война» звучало теперь повсюду! Волнение отца леденило кровь. Неужели так необходимо, чтобы брат Поль и папа отправились сражаться? Интуитивно, не понимая в полной мере, что такое война, девочка чувствовала, что над ее счастливым детством нависла страшная угроза... Поль упивался словами отчима. Его обазинские друзья, Норбер и Виктор, которые были на год старше, тоже горели желанием ответить на призыв де Голля, чьи слова во многих сердцах разожгли пламя патриотизма. Вскоре мужчины в Коррезе и других городах и весях начнут тайную мобилизацию, в лесах пройдут собрания... Им предстоит многое сделать, создать партизанскую организацию...

Лизон листала иллюстрированный журнал, но мысли ее были далеко. В Бриве и здесь, в Обазине, прежде таком безмятежном, ощущалось напряжение, и это ее беспокоило. Было страшно даже представить, что война со всеми ее ужасами может однажды постучать и в их дверь.

Что до Нанетт, то она при любом упоминании о военных действиях начинала злиться и не стеснялась в выражениях, высказывая свое мнение. Вот и теперь, поскольку Адриан продолжал превозносить инициативу де Голля, пожилая женщина вдруг стукнула кулаком по столу:

— У нас пока все спокойно, даже не скажешь, что в стране война! И надо этому радоваться! Красивые глупости — вот как я назову вашу идею сопротивления! Война четырнадцатого года унесла столько жизней, а сколько еще вернулись домой инвалидами! Если бы мой Жак не лежал сейчас на кладбище, он бы вам сказал то же самое! Но нас, женщин, никто не слушает... Генералы ведут солдат на войну, под пули, и молодых, и тех, кто постарше!

Адриан остановился перед Нанетт:

— Нанетт, вы должны признать, что нельзя мириться с тем, что в стране хозяйничают нацисты! Существуют эффективные методы борьбы, я вас уверяю!

— Гм! — недоверчиво хмыкнула Нанетт. — Скажите лучше — методы уложить рядком как можно больше трупов, и я вам поверю. А вам, как доктору, вряд ли должно нравиться, когда умирают молодые и здоровые парни!

Мари встала и обняла Адриана. Последнее время она пользовалась любым поводом, чтобы побыть с мужем рядом, — так проявлялся ее подспудный страх потерять его. Он понял ее и поцеловал в лоб:

— Спасибо, дорогая! — И продолжил: — Многие из вас, женщин, делают из своих мужчин трусов, которые уклоняются от военной службы, в надежде сохранить им жизнь. Но бывают дни, когда нужно заботиться не о собственной жизни, а о более важных вещах! Дни, когда на карту поставлено будущее целой страны!

Лизон захлопала в ладоши:

— Прекрасно сказано, Адриан! — воскликнула она. — Если бы я была мужчиной, я бы тоже сражалась, как тигр!

Матильда расхохоталась, и ее примеру последовало все семейство: никто не мог представить себе ласковую Лизон в облике грозного воина. Девушка смеялась вместе со всеми.

Когда всеобщее веселье стихло, Поль с задумчивым видом посмотрел в сторону сада. Сегодня в полночь они с Норбером договорились встретиться на дороге, ведущей к Каналу Монахов. Юноша сгорал от нетерпения. Его переполняло желание действовать, он уже не хотел быть прилежным студентом, готовым подчиниться сильнейшему.

Поль зажег сигарету и закрыл глаза. Впереди — больше двух часов томительного ожидания...

Глава 29

Участники Сопротивления

Сентябрь 1940 года

Мари отложила газету. Тишина в доме вдруг показалась ей давящей.

Она налила себе чашку остывшего кофе. Страх стал ее постоянным спутником. Обе дочери собирались вернуться в Тюль: Лизон к своим ученицам, Матильда — в лицей.

Жители Обазина сплотились в ожидании страшной грозы, собиравшейся на горизонте. Второго июля маршал Петен со своим правительством обосновался в Виши, супрефектуре департамента Алие, что в регионе Овернь. Планировалось, что правительство скоро вернется в Париж, но этого не случилось. Однако это не помешало ему издать новые законы, в том числе и закон от 13 августа 1940 года, запрещающий деятельность тайных обществ. Адриан полагал, что худшее еще впереди.

Мари вздохнула. Она снова и снова задавалась вопросом: «Где Поль?» Юноша теперь редко появлялся в Обазине. Он говорил, что живет у приятелей в Лиможе и Бриве. Адриан не знал точно, чем именно он занимается, но у него на этот счет были свои соображения. Незнание сводила Мари с ума. Она очень любила своего единственного сына, и ей на ум приходило худшее, когда он долго не давал о себе знать.

Нанетт чуть больше часа назад ушла на кладбище к Жаку, а маленькая Камилла вызвалась составить ей компанию.

Изнывая от одиночества, Мари решила дождаться кого-нибудь из домашних у порога дома. На большой городской площади, где ей был знаком каждый камешек, царили тишина и покой, но это была лишь иллюзия. За последние месяцы население Обазина и окрестностей пополнилось большим количеством переселенцев из северных областей страны.

Для многих французов этот период ознаменовался массовым бегством мирного населения от войны, и через Обазин, находившийся на «свободной» территории, проходил нескончаемый поток испуганных, голодных людей. Местные жители в очередной раз проявили солидарность по отношению к пострадавшим соотечественникам: каждый сообразно

своим возможностям старался помочь беженцам пищей, одеждой и жильем.

Мари долго смотрела на церковь и колокольню, но даже созерцание храма не принесло душе желанного умиротворения. Завтра она вернется на работу в начальную школу и на время уроков забудет все свои тревоги, потому что ученицам требовалось все ее внимание без остатка...

От вокзала к площади двигался черный автомобиль. Сердце жены и матери забилось быстрее: Мари узнала «Паннар» ^[27] Адриана. За рулем сидел муж, а рядом, на пассажирском сиденье, — Поль...

* * *

Мари обожала такие вечера. За столом, уставленном кулинарными шедеврами Нанетт, собралась вся семья. Матильда изо всех сил старалась всем услужить, Лизон, как всегда, была весела, Поль улыбался, а маленькая Камилла не отходила от него ни на шаг... Однако было очевидно, что юноша нервничает. Похоже, его тяготила какая-то тайна.

Мари не знала, что и думать. Она всей душой хотела, чтобы ее маленькая вселенная не была уничтожена, чтобы над ней даже не нависла угроза такого несчастья. Продолжать жить именно так — спокойно, в размеренном ритме будней и праздников, зная, что детям ничего не угрожает, по вечерам ложиться в постель вместе с Адрианом, прогуливаться с ним вдоль Канала Монахов каждое воскресенье — это все, чего она хотела от жизни...

На следующий день городок и окрестности стал заливать мелкий нескончаемый дождь. Мари со слезами на глазах любовалась знакомыми пейзажами. Поль уехал на рассвете и перед расставанием крепко обнял мать.

— Мой дорогой сыночек! — пробормотала она, поднимаясь по каменным ступеням к двери школы.

Вечером, видя ее отчаяние, Адриан отважился на признание:

— Думаю, будет лучше, если ты узнаешь правду. Нет сил смотреть, как ты мучаешься. Поль участвует в Соппротивлении. Я тоже контактирую с некоторыми партизанскими сетями.

— Мой Поль! Так вот что вы от меня скрывали! Его жизнь каждый день подвергается опасности, и ты, зная об этом, поддерживаешь его!

— Поль поступает так, как велит ему совесть. Не беспокойся о нем, ты должна гордиться сыном!

— Да, ты прав! Папа бы гордился моим Полем! И Пьер тоже. Знаешь,

мне стыдно говорить это, но временами я забываю, что он сын Пьера. Мне кажется, что мы вырастили его вместе, ты и я...

Сентябрь 1941 года

Поль смотрел на новенького. Это был его сверстник, крепко сложенный и неразговорчивый юноша. Его звали Борисом, но он не был русским, о чем свидетельствовал местный акцент. Когда же новенький обронил несколько слов на патуа, последние сомнения пропали.

Французские партизаны — маки — ждали своего часа. Огонь войны полыхал по всей Европе. Германия в июне вторглась на территорию СССР, японцы разгромили американский тихоокеанский флот в Перл-Харборе...

Борис принес с собой ящик сидра. Партизаны обедали возле полуразрушенной хижины, затерявшейся в лесной чаще. Сюда их привела грунтовая дорога, с обеих сторон поросшая густым кустарником. Мужчины негромко переговаривались, лица их были серьезны. Поль затушил сигарету о влажную землю и подошел к Борису:

— Ты случайно не из Шабанэ родом?

Юноша замер, потом сказал сердито:

— Я родом оттуда, откуда надо! И не собираюсь тебе ничего рассказывать. Может, ты дашь мне адресок своей семьи?

Поль, который не ожидал такого агрессивного ответа, пожал плечами и сказал со вздохом:

— Я просто хотел поближе познакомиться. Мы собрались ради общего дела, и я не думал, что мой вопрос тебе не понравится.

Борис отошел, бормоча себе под нос:

— А он мне не нравится! Я сюда не болтать пришел...

Поль какое-то время наблюдал за ворчливым новичком. Его преследовало навязчивое ощущение дежавю, как если бы он уже встречал где-то этого парня... Но где и когда? Этого он объяснить не мог. Жерар, партизан, которому едва исполнилось двадцать, шепнул ему на ухо:

— Не беспокойся, мы присматриваем за новичком... Он злющий, как медведь зимой, но наш командир его сразу принял. Как думаешь, из него выйдет толк?

— Конечно выйдет! — с улыбкой отозвался Поль. — В лапы злющему медведю лучше не попадать ни своему, ни чужаку, верно?

И парни, смеясь, дружески похлопали друг друга по плечу. Временами бездействие тяготило их, но всех связывала крепкая дружба. Пройдет

совсем немного времени, и Борис примкнет к их компании...

* * *

Мари, задумавшись, неторопливо вышла из класса. В этом году осень проявила себя с первых же дней сентября. С утра шел надоедливый мелкий дождик, в помещениях приятно пахло горящими в печах поленьями.

Накануне Адриан принес в дом корзину белых грибов, аромат которых моментально наполнил кухню. Это был подарок одного пациента, обитавшего недалеко от Корниля. В тех местах, как и в Прессиньяке, имелся свой «Волчий лес». Адриан рассказал, что было время, когда жители Обазина ходили через этот лес на мессу в приходскую церковь Корниля, опасаясь встречи с волками.

На площади было темно — близился вечер, и небо застлал плотный ковер из туч. Перед дверью своего дома Мари увидела какую-то женщину.

«Странно... Нанетт должна уже быть дома, — подумала она. — Почему же она не открывает госте? И кто бы это мог быть?»

Она ускорила шаг, подгоняемая беспокойством и любопытством. Серые волосы женщины, стоявшей у двери, были покрыты платком. Худенькая, с увядшим лицом, она смотрела в противоположную сторону, поэтому Мари успела как следует ее рассмотреть.

«Элоди Прессиго! Почему она здесь?»

— Мадам, что вам угодно? — довольно-таки холодно спросила Мари.

— О, это вы, Мари из «Волчьего Леса»! А вы не слишком-то изменились. Я вас сразу узнала... Я — племянница Фаншон, Элоди, вдова сына Прессиго, ну, вы помните, сына Марселя, который держал быстро и табачную лавку...

Мари кивнула, не зная, что сказать. Она запомнила Элоди молодой симпатичной женщиной, смешливой и полненькой, которая умела вскружить голову мужчине. Теперь от былой привлекательности ничего не осталось. Жизнь измотала ее, стерла с лица когда-то яркие краски. Мари открыла дверь:

— Входите! Вы звонили? Не понимаю, почему Нанетт не открыла!

— А она открыла! Старуха открыла, но тут же выставила меня за дверь. Хотя я ей сразу сказала, что пришла ради сына, ее родного внука... Я-то была уверена, что она знает!

— Нет, она ничего не знает! Вы совершили досадную оплошность. Нанетт после смерти Жака очень ослабела. Не надо бы ей сообщать такие

новости!

Женщины стояли в вестибюле друг напротив друга. Из гостиной до них донесся звук передвигаемого стула и сердитое бормотание пожилой женщины. Мари сделала Элоди знак пройти следом за ней в кухню. Удивительное дело, но она не испытывала ни неприязни, ни враждебности по отношению к этому персонажу из прошлого. Если задуматься, жизнь подарила ей, сироте, столько счастливых моментов!

— Хотите кофе или чаю, Элоди?

Мари всегда поражала сверстниц в Прессиньяке своими изысканными манерами и «городской» речью. Вот и сегодня вечером Элоди смутилась, оказавшись лицом к лицу с образцовой супругой доктора, живущей в большом красивом доме. Былой соперницей, которая нашла в себе силы быть вежливой и приветливой в таких обстоятельствах... Да, тут было чему удивляться.

— Уж лучше стакан вина, мадам! — понизив голос, сказала гостья. — Я расчувствовалась, когда вас увидела. После стольких-то лет... Я ведь помню вас девочкой, и вот теперь я сама — бабушка! Моя старшая дочка в прошлом году родила внучку...

Мари и себе налила стакан белого вина, надеясь, что оно придаст сил. В душе она молилась, чтобы поскорее вернулся Адриан. Конечно же, он скоро придет. Эта женщина, разумеется, пришла просить денег. Но ее сын, Клод, уже достаточно взрослый и мог бы пойти работать! Наконец Мари заговорила, стараясь, чтобы голос звучал спокойно:

— У меня не очень много свободного времени, пора готовить ужин. Что привело вас ко мне, Элоди?

— Как вы знаете, я по-прежнему живу в Прессиньяке, в доме моей тетушки Фаншон. Но Клод, сын вашего Пьера, в родных местах не нашел себе дела по душе и пошел учеником к одному мастеру в Сен-Жюньене. По воскресеньям он приезжал домой, но вот уже две недели от него ни слуху ни духу. Поэтому я поехала к его хозяину. И там никаких новостей! Хорошо хоть другой подмастерье нашептал мне на ушко, что мой Клод ушел к маки. В отряд, который здесь, в Коррезе. Похоже, что Соппротивление, как они себя называют, в ваших краях хорошо организовано. У нас, правда, тоже хватает людей, не согласных с Петеном. Вот и мой парень что-то себе надумал. Когда он спросил, кто его отец, я не стала врать. Он знает, что в Коррезе у него есть брат и сестры. С тех пор он вбил себе в голову, что должен с ними увидеться. Я боюсь, мадам Мари, боюсь за своего сына! И я подумала, что ваш муж, доктор, наверное, знает, где мой Клод.

Мари выслушала Элоди и глазом не моргнув. Из осторожности она не

хотела показывать, а тем более говорить, что ей что-то известно о партизанах. Да и потом, участники Сопротивления из соображений безопасности скрывали свои подлинные имена под прозвищами. И даже Поль не говорил родным, что происходит в коррезских лесах и долинах.

То, что рассказала Элоди, было вполне правдоподобно, Мари понимала, что мать тревожилась о сыне, и все-таки... В ее речах прозвучали фальшивые нотки, она это почувствовала. Зачем Элоди было ехать так далеко, в Обазин? Если она желала найти сына, почему она прежде всего отправилась к дому семьи Меснье?

— Скажите, Элоди, а почему вы думаете, что мой муж может что-то знать о Клоде?

Женщина смущенно усмехнулась, и эта усмешка Мари совсем не понравилась. Она бы все отдала, лишь бы Нанетт или Адриан вошли сейчас в кухню и помогли ей выйти из затруднительной ситуации.

— Отвечайте! — потребовала она. — Я вам не верю! Ваш сын избрал свой путь, но причем здесь я? Почему вы приехали ко мне, да еще так поздно?

Элоди залпом опустошила свой стакан и сказала:

— Я подумала, что мой Клод... Ну... Мы вроде как родственники... Ведь он — сын вашего первого мужа. Вы были не такая гордая, когда пасли овец у Жака! Не мне вам рассказывать... И про вашу подругу я все знаю, как ее звали? Ага, Леони! Та еще штучка! Она хотела Пьера и добилась своего!

Мари вскочила со стула с криком:

— Я знаю! И мне на это плевать! Сколько вы хотите? Я дам вам денег, и вы уйдете, несносная вы женщина!

В это мгновение в кухню вошел Адриан. Увидев Мари, с покрасневшим от гнева лицом и стиснутыми кулаками стоявшую перед безвкусно одетой незнакомкой с мрачным выражением лица, он быстро спросил:

— Что здесь происходит? Ты чем-то расстроена, дорогая?

Мари не стала дожидаться, когда Адриан повторит вопрос: она все ему рассказала, не сомневаясь, что он быстро найдет решение и неприятная посетительница исчезнет. Внезапная бледность супруга поразила ее, однако Мари не осмелилась выразить свое беспокойство. Наконец Адриан сказал:

— Я очень устал, у меня сегодня было много пациентов, поэтому сейчас хочу только одного — отдохнуть. Мадам, в отеле «Сент-Этьен» вас будет ждать номер. Я не могу предложить вам более современный «Отель де Круару», он пока закрыт. Я позвоню в отель, закажу номер и ужин за

свой счет, а завтра приходите к девяти утра. Приятного вечера, мадам!

Адриан каждый раз делал ударение на слове «мадам». Элоди ушла, натянуто улыбаясь. Услышав, как за ней закрылась входная дверь, Мари бросилась любимому супругу на шею:

— Спасибо! Я не знала, как ее выставить. И уже думала позвонить матери Мари-де-Гонзаг, чтобы та приютила ее на ночь, но...

— Вот этого делать никак нельзя! Мари, не спрашивай меня почему, но ты не должна посылать в приют незнакомых людей. Мне не нравится эта Элоди с ее бегающими глазками. Если хочешь знать мое мнение, то вот оно: она явилась к нам по наущению Макария.

Мари удивилась, почему столь очевидное объяснение не пришло ей в голову. Взволнованная, она крепче прижалась к груди мужа.

— Мне так хотелось, чтобы сегодняшней вечер прошел хорошо! — сказал Адриан. — Ты ведь помнишь, нас пригласили в гости родители Амели. Мари-Эллен тоже будет там и принесет с собой скрипку. В хорошей компании и мы отдохнем немного...

— Господи, Нанетт! — воскликнула Мари. — Элоди рассказала ей о Клоде. Бедная моя Нан, она, наверное, уже вся извелась!

— Она тоже приглашена! Иди поговори с ней, успокой. Мы скрыли от нее эту историю, чтобы зря ее не волновать, она обязательно поймет. Потом собирайся и надень свое самое лучшее платье — может, к тебе, такой красивой, судьба отнесется более благосклонно, а заодно и к нам...

И с этими словами, явно имеющими скрытый смысл, он пошел наверх переодеваться. Мари скрепя сердце вошла в комнату Нанетт. Пожилая женщина сидела в своем любимом кресле у окна и перебирала четки. Убеленная сединами, она вдруг показалась Мари намного старше своего возраста. Не поднимая головы, Нанетт сказала:

— Я молюсь за моего Пьера, за этого мальчика, которого никогда не видела, — Клода... И за тебя, моя крошка, тебе пришлось вынести много горя...

Взволнованная словами Нан, временами такой вспыльчивой и упрямой, Мари опустилась на колени возле кресла и обняла ее:

— Прости меня, Нан! Я не хотела тебе рассказывать, у тебя и без того достаточно хлопот со всеми нами. И потом, я не знала наверняка, правду говорит Элоди или лжет, рассчитывая обеспечить себя пусть небольшой, но регулярной рентой...

Нанетт выпрямилась и сказала с уверенностью:

— Это правда, моя крошка! Я знала обо всем еще до того, как эта потаскушка Элоди произвела своего мальчика на свет. Пьер мне признался.

И мы, две гусыни, хранили свои тайны: я — свою, а ты — свою. А уж как я удивилась, когда узнала от доброго человека, что ты отправляешь ей деньги... Тогда я и поняла, что ты тоже знаешь. Так и живем — две врушки под одной крышей!

Мари улыбнулась:

— Забудем, Нан! Адриан вежливо выставил ее за дверь. Сегодня мы идем в гости к родителям Амели. Я иду переодеваться, ты тоже собирайся. И надень то красивое черное платье, что я тебе подарила на праздник Всех Святых.

* * *

Мари-Эллен вкладывала в игру всю душу. Мечтательный взгляд девушки был устремлен в пустоту. Родные и гости слушали ее с огромным удовольствием. Юная скрипачка стала королевой вечера. Вскоре к подруге присоединилась Амели, и они вместе спели несколько песен, сорвав бурю аплодисментов.

Время от времени Мари-Эллен посматривала на доктора Меснье и его супругу. Мари, с легким загаром на лице и подкрашенными ярко-вишневой помадой губами, в красивом бежевом шерстяном платье, была очень хороша собой. Пожилая Нанетт дремала, и, глядя на нее, юная скрипачка с трудом сдерживала смех.

Вечер протекал в приятной, семейной обстановке. Мари-Эллен наслаждалась каждой минутой, сожалея немного, что среди гостей не было Камиллы (как и положено, гувернантка рано уложила девочку спать), Ману и особенно Поля. Вспоминая о симпатичном соседе, она ловила себя на мысли, что ненавидит эту войну, нарушившую привычный жизненный уклад, посеявшую в душах тревогу.

Амели подтолкнула подружку локтем. Пришло время снова спеть вместе, конечно же, под аккомпанемент скрипки. Девушки спели популярную песню «*La chanson des blés d'or*» ^[28], потом свою любимую — «*Bruyères correziennes*» ^[29] Жана Сегюреля.

Мари восторженно аплодировала девочкам. На глаза навернулись слезы, когда она вспомнила, где в первый раз услышала эту песню. Амели и Мари-Эллен были тогда совсем крошками. Все ее трое детей еще жили дома... Адриан взял жену за руку, желая ее подбодрить.

Судьба Поля, участвующего в движении Соппротивления, тревожила

Мари. С беспокойством она думала и о Лизон, и о Ману, большую часть времени проводивших в Тюле. Счастье, что у нее осталось маленькое солнышко — ее Камилла! Мысли Мари, к ее удивлению, вдруг обратились к Клоду, сыну Элоди и Пьера. Этот мальчик, которого она никогда не видела, приходился кровным родственником ее детям. И он пропал...

«Клод ведь сводный брат Поля, Лизон и Ману! У них один отец, мой несчастный Пьер, сначала друг детства, потом пылкий жених из „Волчьего Леса“... Мне самой в детстве пришлось пережить немало унижений из-за того, что я была сиротой. Клод, как и я сама, родился вне брака... Мы должны о нем позаботиться!»

И Мари пообещала себе, что как-нибудь увидится с этим мальчиком, в память о Пьере. Тогда она расскажет ему о семье его отца. Да, она непременно это сделает. Перспектива снова увидеться с Элоди завтра утром ее больше не смущала и даже была на руку: можно будет как следует ее расспросить...

Сияющие Мари-Эллен и Амели раскланялись. Слушатели были в восторге от представления. Нанетт проснулась и стала громко хлопать. Мать Амели воскликнула:

— Какой замечательный вечер! Но мы должны думать и о тех, кто остался на оккупированной территории, — добавила она, и взгляд ее затуманился. — Наше счастье, что мы едим досыта, немногие могут этим похвалиться.

Потом она обратилась к Мари:

— Ваша подруга, мать-настоятельница, прекрасная женщина. Я часто вижу ее в городе, она посещает самые бедные дома, помогает лечить малышей, приносит еду. И как только у нее хватает на всех времени? Ведь в приюте стало намного больше девочек. В Пальмовое Воскресенье, на мессе, их было сорок, если не больше! Откуда взялось столько сирот? Вам это не кажется странным, Мари? Вы ведь часто бываете в приюте...

Мари, конечно же, тоже заметила, что воспитанниц в приюте стало больше. И решила, что при случае расспросит об этом мать Мари-де-Гонзаг.

Адриан ответил вместо жены, словно из опасения, что она может сказать что-то не то:

— Вы правы, с этой проклятой войной сирот стало больше. У некоторых девочек нет матери, но есть отец, который ушел на войну. Другие попали в приют из бедных семей, где мать осталась одна и не может прокормить нескольких детей. Люди охотно доверяют своих дочерей матери Мари-де-Гонзаг. А мадемуазель Тереза просто счастлива, что у нее

теперь больше детей, которым можно отдавать свою любовь! Никто не заменит родителей, но бедные крошки обретают в «маме Тере» вторую мать...

Они с Адрианом, обнявшись, возвращались домой по улице, ведущей к городской площади. Несмотря на то что над их благополучием нависла тень, Мари чувствовала себя счастливой благодаря присутствию рядом такого сильного, честного, доброго и справедливого мужчины, как ее Адриан. Она говорила себе: «Он — моя первая любовь... Потому что до встречи с Адрианом я даже не представляла, что значит любить!»

Нанетт следовала за ними, одной рукой опираясь на трость, а второй — на руку Амели, которая вызвалась ее проводить. Замыкала шествие Мари-Эллен, радуясь возможности прогуляться, когда на улице было уже темно.

Обазин засыпал, хотя из многих окон сквозь закрытые ставни еще пробивался желтоватый свет. Жизнь продолжалась, несмотря на безумные поступки одних и благодаря доброте и жертвенности других.

С церковной колокольни донеслись одиннадцать переливчатых ударов колокола. Мари потерлась щекой о плечо Адриана. Они больше не были молодыми влюбленными, но сегодня вечером, оказавшись вместе в своей комнате, они предадутся любви с той же нежностью и страстью, что и в те прекрасные времена...

Глава 30

Годы тревог

Среда, 8 июля 1942 года

Мари горько пожалела, что приехала в Брив. И только неистовый восторг Матильды, которая всегда радовалась, оказавшись в толпе, служил ей слабым утешением. Лизон решила присоединиться к матери и сестре по совету Адриана, который остался дома с Камиллой.

Визит маршала Петена, которого иные называли не иначе как «спаситель Родины», с министрами стал знаковым событием для всего Корреза. Накануне правительственная делегация прибыла на поезде в Тюль, где ей устроили пышную встречу. Сегодня в Бриве собралось огромное количество народу, и Мари крепко держала обеих дочерей за руку, чтобы толпа их не разъединила. Тысячи жителей Брива и обитателей окрестных местечек, которые приехали в город на поездах и машинах, теснились на площади Де-ла-Гиерль.

Гомонящая толпа враз затихла, когда появился маршал и поднял руку в знак приветствия. Засим последовала речь мэра, господина Луиса Мижиньяка, на все лады расхваливавшего режим Виши.

В своем выступлении Петен сказал:

— Наши сердца должны биться в унисон! Прежде всего мы должны вернуть Францию самой себе. Речь уже идет не о победе, речь идет о том, чтобы наша страна снова стала свободной!

Элиза пожала плечами. В толпе то и дело раздавались крики «Да здравствует де Голль!», но подобных храбрецов было мало, и эти слова утонули в громогласном «Да здравствует Петен!».

Внезапно на плечо Элизы опустилась чья-то рука. Вскрикнув, девушка обернулась и узнала своего брата Поля, с которым не виделась больше трех месяцев. Он шепнул ей на ухо:

— Пустые слова... Если бы ты только знала, что за ними стоит!

В это мгновение школьники громко запели «Маршал, мы здесь!» — официальный гимн режима Виши. Поль умолк, но на его губах застыла ироничная ухмылка. Лизон потянула мать за рукав. Та обернулась.

— Мама, Поль приехал!

Мари утратила всякий интерес к происходящему. Кого-то оттолкнув, она пробралась к сыну и обняла его. Ласково глядя на мать, тот сказал тихо:
— Мама, прошу, не суетись и не плачь. Это может привлечь внимание. На свой страх и риск я приехал сюда, чтобы увидеться с тобой. И я хочу кое с кем тебя познакомить...

Официальный визит маршала подошел к концу. Главе режима Виши предложили отдохнуть в здании супрефектуры, потом в сопровождении когорты чиновников он уехал на вокзал, где легионеры исполнили для него традиционную «Марсельезу».

Мари с детьми укрылись от жары и нездорового возбуждения толпы за столиком уютного кафе. Выбор заведения не был случайным: именно здесь у Поля была назначена встреча. Мари отметила, что сын сильно повзрослел. Лицо его стало мужественнее, тело — более сильным, мускулистым. И взгляд... Это был взгляд взрослого мужчины. И все же он не смог сдержать улыбки, подтрунивая над сестрами:

— Вы с каждым днем хорошеете, сестрички! А твоей боевой раскраске, Ману, могла бы позавидовать звезда Голливуда! Слишком ярко для молоденькой девушки, но тебе к лицу...

Матильда уже хотела по привычке надуть губки, но вовремя одумалась: она теперь редко бывала в общественных местах, так что грех не воспользоваться возможностью посверкать зубками и построить глазки симпатичным незнакомцам...

Лизон смотрела на Поля не отрываясь, с таким восхищением, словно он был героем, вернувшимся с поля битвы. Мари держала сына за руки. В голове ее теснились вопросы, но она не знала, с чего начать.

Полю очень хотелось успокоить мать, поэтому он погладил ее по голове и спросил:

— Дома все в порядке? Как поживают Нан, Адриан и Камилла?

Мари принялась торопливо рассказывать:

— У Нанетт по-прежнему болят ноги, но она отказывается от лекарств, которые ей предлагает Адриан. Адриан без конца навещает пациентов, к сожалению, в кабинет к нему люди сейчас приходят редко. Камилла хорошеет на глазах, и с ней у нас нет никаких хлопот. Господи, как бы она была рада тебя увидеть! Она очень по тебе скучает, Поль. Мари-Эллен подросла, она прекрасно играет на скрипке. Музыка приносит радость, даже сейчас, когда в стране война...

Поль, улыбаясь, слушал мать. Он часто вспоминал об этих самых

родных ему людям. Вдруг он привстал и помахал рукой:

— Эй! Мы тут! Иди сюда, я хочу познакомить тебя со своими самыми любимыми женщинами на свете!

Крепко сложенный молодой человек с золотисто-русыми волосами и усиками подошел к их столику. Вид у него был смущенный. Мари, которая приготовилась вежливо с ним поздороваться, при взгляде на незнакомца испытала шок. Но это был не сон: перед ней стоял юноша, как две капли воды похожий на ее Пьера в этом же возрасте, правда, волосы были намного светлее. И так же, как Пьер, он смотрел на окружающий мир недоверчиво, исподлобья.

Матильда нетерпеливо заерзала на стуле:

— Здравствуйте! Я — Ману, сестра Поля!

В ответ молодой человек что-то пробурчал, но ничего нельзя было разобрать. Лизон протянула незнакомцу свою хрупкую руку, которую тот сжал сильно, по-мужски. Мари пробормотала:

— Здравствуйте! Вы друг Поля?

Поль объявил полушутливо-полусерьезно:

— Он замечательный парень! Немного нелюдимый, правда. Мы с ним теперь не разлей вода. Клод, это моя мама и Лизон. Матильда не стала дожидаться, пока я ее представлю. Не хватает только моей младшей сестрички Камиллы, ей недавно исполнилось девять.

Последние сомнения растаяли: юношу звали Клод, значит, перед ней действительно сын Элоди и Пьера. И все-таки Мари никак не могла прийти в себя от неожиданности. Ей почему-то вспомнилось то дождливое утро, когда они с Адрианом пытались понять, что заставило Элоди Прессиго явиться к ним в дом.

Напрасно они задавали ей этот вопрос. Женщина снова и снова повторяла, что приехала на поиски своего сына, и так и не смогла внятно объяснить, чем они, по ее мнению, могли ей помочь. И только прощаясь, она сказала с несчастным видом:

— Мсье Макарий посоветовал мне съездить к вам и спросить про Клода. Не знаю, почему он решил, что вы что-то знаете. Но я так изволновалась, что подумала: а вдруг он прав? И села на поезд...

С тех пор они ничего не слышали об Элоди. Мари заставила себя вернуться в настоящее. По крайней мере, теперь она точно знает, что Клод участвует в Соппротивлении и из Лиможа он перебрался в Коррез. С Полем они познакомились уже здесь. Какие сюрпризы нам иногда преподносит судьба! Хотя могло быть и так, что в Коррез Клод приехал намеренно, чтобы познакомиться с братом. Если верить сказанному Элоди, это входило

в его планы. Познакомившись, они с Полем подружились, и вот теперь сын привез товарища с собой в Брив, чтобы представить родственникам.

Поль помрачнел, увидев, что мать перестала улыбаться. Он решил, что его друг не понравился Мари, но та, опомнившись, воскликнула приветливо:

— Простите, сама не знаю, что со мной сегодня! Эта толпа, шум... Я тяжело это переносу.

Лизон торопливо встала, чтобы заказать матери холодного лимонада. Матильда же принялась оттачивать свое обаяние на Клоде. У девушки уже было несколько воздыхателей, причем «порядочных, с самыми честными намерениями», как она не раз заявляла, оправдываясь перед матерью. Однако ни один не нравился ей до такой степени, чтобы речь зашла о помолвке. Наклонившись вперед, так, чтобы смелое декольте оказалось скрытым за вуалью красивых волнистых волос, она стала расспрашивать Клода:

— Вы всегда такой молчаливый? Как вы с Полем познакомились?

— Это длинная история... — пробормотал, краснея, Клод.

Поль поспешил одернуть сестру:

— Ману, если бы у тебя была хоть капля ума, ты бы говорила о погоде или о своих ухажерах. Причем шепотом. Клод — мой коллега по работе, понимаешь?

Мари не отрываясь смотрела на Клода. От нее не укрылось, что он старается не встречаться с ней взглядом. Вернувшаяся на свое место Лизон выглядела задумчивой. Она слушала Поля, улыбалась ему, но время от времени внимательно поглядывала на Клода. Это сразу заметила Ману, которая решила, что старшая сестра пытается очаровать нового знакомого. Сама она часто дразнила Лизон, называя ее старой девой. По мнению Ману, не иметь супруга в двадцать четыре года — горе и позор. Впрочем, сестра в разговоре временами упоминала какого-то Венсана.

Чтобы переключить всеобщее внимание на себя, Ману громко предложила:

— Давайте пойдем погуляем все вместе! Здесь очень душно, я задыхаюсь!

Мари поспешила одернуть дочь:

— Никаких прогулок, Ману! Через час у нас поезд.

Лизон, лицо которой внезапно побледнело, вскочила со стула:

— Простите, мне пора возвращаться в Тюль. Мы с Венсаном условились встретиться здесь, в Бриве, он отвезет меня на машине. Не хочу заставлять его ждать, он живет с матерью, и она всегда волнуется...

— Эта бедная женщина — вдова? — с сочувствием спросила Мари.

— Да, — ответила Элиза. — Супруг Луизы, так зовут мать Венсана, умер в 1920 году. Он участвовал в Первой мировой и отравился газом. До свидания, мамочка! До скорой встречи, мой Поль!

Они все по очереди поцеловались. Клод с невозмутимым видом наблюдал за происходящим. Лизон протянула ему руку:

— До свидания, Клод!

Волнение старшей дочери не укрылось от Мари, и она поспешила выйти вслед за ней из кафе. Лизон обняла мать:

— До воскресенья, мамочка! Я буду дома к обеду. Можно, я возьму с собой Венсана? Думаю, он скоро сделает мне предложение!

— Конечно, дорогая, я буду очень рада. Венсан — именно тот, кто тебе нужен! Молодой человек прекрасно воспитан, и тоже, как и ты, учитель. Адриан будет в восторге!

Лицо Лизон озарилось улыбкой, потом она прошептала:

— Мама, хочу задать тебе вопрос, который может тебя удивить: тебе не кажется, что Клод очень похож на папу? Поль и Ману его, скорее всего, не помнят, они были маленькими, но я-то помню! Это очень странно...

Мари решила, что сейчас неподходящее время для душевного разговора:

— Ты права, Клод похож на Пьера в молодости. Но, судя поговору, юноша родился и вырос в Лимузене, там такое сходство — не редкость. Беги скорее, Лизон, не заставляй своего Венсана ждать...

Поль, Клод и Матильда вышли из кафе. Мари попросила сына поскорее навестить их дома, в Обазине:

— Камилла не понимает, почему ты так редко появляешься дома. Лизон скоро обручится с Венсаном. Думаю, они не станут откладывать свадьбу, поэтому прошу, приезжай! Будет просто замечательно, если у тебя получится быть дома в это воскресенье!

— Мам, я не могу ничего обещать! Поцелуй за меня Нанетт, Адриана и Камиллу. Нам пора! До скорого, Ману!

И, обменявшись на прощанье взглядами, они разошлись. Клод прикурил сигарету. Он явно нервничал, и Поль это заметил. Когда мать с сестрами уже были далеко, он сказал:

— Держу пари, Клод, ты втюрился в мою среднюю сестру! Признай, она хорошенькая! Правда, характер совсем не сахарный. В детстве она из нас с Лизон веревки вила.

Клод невесело глянул на приятеля. Тщательно подбирая слова, он ответил:

— Даже если бы Матильда была самой красивой на свете, я бы в нее не втюрился. Если она про меня будет спрашивать, так ей и скажи.

Поль в недоумении потер подбородок. Насколько он успел заметить, Ману приложила немало усилий, чтобы понравиться Клоду, хотя обычно предпочитала, чтобы первый шаг сделал парень.

— Не сказать, чтобы я обиделся, и все же... Наша Ману тебе не понравилась?

— Давай не будем об этом! Забудь! Мне вообще не надо было приходить! — пробурчал Клод.

Поль уже привык к перепадам настроения товарища. Вместе они направились в улочку, где оставили свой грузовик.

Октябрь 1942 года

— Похоже, у малышей волчий аппетит! Я посадил вдвое больше овощей, и все равно урожай картофеля тает, как снег на солнце! — не переставал удивляться Луи, новый садовник приюта.

В Обазине, как и на всей территории страны, ощущалась нехватка продовольствия. Адриан Дрюлиоль, супруг Ирэн, часто тайком забивал скот и раздавал мясо тем, кто наиболее остро нуждался в помощи. Нелегко было сводить концы с концами и в приюте. По словам Луи, Мари-Тереза Берже, «мама Тере», по ночам ходила за мукой на мельницу Бордебрюн в маленькую деревню Шастанель.

Почему ночью? Этого Мари никак не могла понять. Поэтому решила расспросить Леони:

— Что происходит в приюте? Почему мадемуазель Берже ходит за продуктами ночью? Я пыталась спросить у матери-настоятельница, но она не захотела со мной говорить!

— Дорогая Мари, какая же ты все-таки наивная! Скажи, ты заметила, что в городке появились новые лица? Идет война, Мари! Из северных и восточных регионов люди бегут к нам, в свободную зону. Сюда же едут и евреи, отправляют к нам своих детей. У Гитлера страшные планы относительно семитов! Из проверенных источников я узнала, что Гиммлер и его заместитель Гейдрих получили приказ разработать и воплотить в жизнь план «окончательного решения еврейского вопроса».

— Неужели это «окончательное решение» подразумевает и детей тоже?

— Мари, открой глаза! Еврейские дети наравне со взрослыми носят

«желтую звезду»! И поверь, им, так же как и их родителям, грозит смерть!

— Ты хочешь сказать, что девочки, которых недавно привезли в приют, это...

— Да! Среди наших воспитанниц теперь есть девочки-еврейки. Это секрет, который я могу рассказать тебе, как своей любимой старшей сестре, и я уверена, что ты нас не выдашь. Но прошу тебя, не проговорись, их жизнь зависит от нашего умения молчать. Адриан тоже в курсе. Я расскажу матери Мари-де-Гонзаг о нашем разговоре, думаю, для нее это будет большим облегчением.

Мари показалось, что ледяная рука сжимает ей сердце. Адриан знает! А она каждый день ходила в приют и при этом оставалась в полном неведении...

Адриан дорого заплатил за признание Леони: Мари потребовала, чтобы он рассказал ей все, что знает, о том, что происходит в регионе, абсолютно все.

— Хорошо, раз ты на этом настаиваешь!

Рассказ занял не один час. За это время Мари испытала целую гамму чувств — возмущение, гнев, волнение, печаль... Наконец она не выдержала:

— Господи, кем же нужно быть, чтобы творить такое! То, что гибнут взрослые, ужасно, но истреблять детей... И все-таки мне обидно, что мать Мари-де-Гонзаг предпочла скрыть от меня правду. Теперь мне понятно, почему воспитанницы перестали посещать общественную школу!

— Ты права, но только отчасти. Успокойся, дорогая, прошу тебя! С 1940 года в приют время от времени поступают девочки из еврейских семей. Там же живут и несколько взрослых женщин-евреек. Приняв их у себя, мать-настоятельница пошла на огромный риск. И рискует не только она, опасность нависла над всеми: и над маленькими еврейками, и над сиротами, и над монахинями и учителями... Неудивительно, что они стараются как можно меньше людей посвящать в свои дела. Достаточно одного случайно оброненного слова — и все будет кончено. Нацисты преследуют евреев повсюду, даже в свободной зоне.

— Признаюсь, я словно свалилась с небес на землю, поговорив с Леони! Но скажи, сколько их, этих девочек-евреек? И как они к нам попали?

— Сейчас всюду на евреев устраиваются облавы, ты это знаешь. Мать Мари-де-Гонзаг всегда поддерживала отношения с Эдмоном Мишле, он один из активистов Сопротивления. Эдмон Мишле — ревностный

христианин, который не на словах, а на деле выполняет Божьи заповеди. Это он попросил мать-настоятельницу приютить детей. Он пытается спасти не только евреев. Мишле помогает укрыться преследуемым режимом Виши жителям Эльзаса и Лотарингии, немцам-антифашистам и многим другим людям, вынужденным скрываться от гестапо. Девочек привозили чаще всего ночью, по две-три за раз. В приюте их сейчас двенадцать человек, самой маленькой — шесть, самой старшей — тринадцать. И с ними две мамы.

— Я всегда знала, что мать Мари-де-Гонзаг — удивительная женщина! Но мне страшно, Адриан! То, что ты рассказал, — ужасно! Мы живем в страшное время...

В памяти Мари возникли лица девочек-сирот, которых она встретила в прошлое воскресенье по дороге на вокзал. Все они были в пальто и одинаковых беретах цвета морской волны. Девочки парами шли по дороге и весело распевали:

Обазин — красивый городок!
Как мы счастливы в приюте!
В твоих стенах мы всегда послушны,
И на сердце у нас радость.

Теперь Мари поняла, почему на службу в приют взяли еще одну учительницу — мадемуазель Соланж Гургю: количество воспитанниц возросло за счет девочек-евреек. Мадемуазель Жанна рассказала Мари, что мадемуазель Соланж приехала из зоны военных действий к своей бабушке, которая живет в Иссандоне, это недалеко от Алассака. По словам Жанны, мадемуазель Соланж была прекрасно образованна и, кроме прочего, замечательно пела и отлично изъяснялась на немецком. Поступив на работу в приют, она получила возможность самой зарабатывать себе на жизнь.

Мысли Мари снова вернулись к воспитанницам, встреченным ею на прогулке.

— Скажи, еврейские девочки не выходят за пределы приюта? — с тревогой спросила она у Адриана. — В воскресенье я их не видела!

— Это было бы слишком рискованно. Никто не знает, что они здесь. Сестер в городке любят и уважают, но они предпринимают все меры предосторожности, чтобы по округе не пошли ненужные слухи.

— Бедные малышки! — содрогнувшись, прошептала Мари.

Адриан сразу притянул Мари к себе, как только выключил лампу и они легли. Комната погрузилась в темноту и тишину. Где-то на площади ухнула сова. С крыши соседнего дома донеслось мяуканье кота. Прижимаясь к груди любимого супруга, Мари вдруг ощутила настоящую необходимость подумать о чем-то очень приятном. В памяти всплыла картинка: Волчий лес в Прессиньяке, тот самый, где брал начало волшебный источник... Пьер, посвистывая, гонит домой коров, за ним по пятам бежит пес Пато... Молодая Нанетт возле печки месит тесто в деревянной кадке, ее щеки покраснелись... Внезапно Мари привсталала, словно подброшенная сильной рукой:

— Это так далеко от меня... Так далеко! — воскликнула она.

Адриан, который уже успел задремать, спросил:

— Что далеко, дорогая?

— Мое детство, молодость... Прессиньяк! Я не могу это объяснить, но мне хотелось бы съездить туда, снова увидеть «Бори»!

— Мари, что с тобой? Ты давно не вспоминала о Прессиньяке. Разве ты забыла, что в Большом доме живет Макарий?

Она всхлипнула. В голосе Мари слышалась тоска:

— Нет, я не забыла! Но это несправедливо! Этот дом принадлежит мне, моим детям! В «Бори» я чувствовала бы себя лучше, мне было бы спокойнее, чем здесь! Прошу тебя, включи свет! Мне страшно. Я хочу тебя видеть...

Адриан выполнил просьбу жены. Повернувшись к Мари, он внимательно посмотрел на нее. Мари, ослепленная ярким светом, провела кончиками пальцев по лбу супруга:

— Спасибо, любовь моя! Когда ты рядом, мне хорошо. Обещаю, я возьму себя в руки, я справлюсь. И если понадобится, я буду сражаться, как Поль, как все те, кто стремится к свободе и справедливости.

30 ноября 1942 года

Одиннадцатого ноября 1942 года свободную зону и демаркационную линию упразднили. Войска Третьего рейха вошли на территорию тридцати пяти ранее «свободных» департаментов.

Мари с Нанетт в окно наблюдали за происходящим на городской площади, стараясь не прикасаться к шторам, чтобы не привлечь к себе внимания. Сжимая морщинистой рукой свои четки, Нан пробормотала:

— Господи, да когда же закончатся эти ужасы! Лучше бы я лежала на

кладбище рядом с моими Жаком и Пьером!

Мари сделала ей знак замолчать. Она не сводила глаз с Адриана, которого как раз допрашивал немецкий офицер. Военные грузовики стояли под деревьями, с которых осенний ветер сдул последние листья.

Как и Мари, жители Обазина, спрятавшись за плотно задернутыми шторами, настороженно следили за передвижениями немецких оккупантов.

Адриан указал офицеру на какой-то дом, и тот, широко шагая, удалился. Мари подбежала к входной двери, сердце ее сжалось от животного страха. Доктор неторопливо вошел в вестибюль, обнял жену:

— Слава Богу, это закончилось! Некоторыми вопросами господин офицер поставил меня в весьма затруднительное положение, но я, похоже, выкрутился. То, что я немного говорю по-немецки, может сослужить плохую службу: они захотят сделать меня своим переводчиком. Мне это совсем не нравится, но уж лучше я, чем мадемуазель Соланж... Только бы они держались подальше от приюта!

Мари дрожала всем телом. Она-то теперь знала, что в приюте мать Мари-де-Гонзаг прячет двенадцать еврейских девочек и двух взрослых женщин, таких же матерей, как она сама, которые пришли искать защиты вместе со своими дочерьми.

— Адриан, чего конкретно хотел от тебя тот офицер? — спросила она, пытаясь успокоиться.

— Он искал красивый дом, в котором можно было бы разместить комендатуру. Хотя, думаю, у нас для этого слишком маленький городок. Они вернутся в Брив.

Она прильнула к нему и прошептала:

— Любовь моя, я должна предупредить мать Мари-де-Гонзаг!

— Ты права, дорогая! Но когда будешь идти через площадь, постарайся держаться непринужденно, прошу тебя!

— Легко сказать! Адриан, когда все это наконец закончится? У меня больше нет сил! И я боюсь за Поля. Пять месяцев от него нет никаких вестей, с того самого дня, когда он представил нам сына Пьера и Элоди, Клода.

Адриан кивнул и задумался о том, что месяц назад правительство Виши выдало нацистам несколько тысяч гонимых евреев-беженцев, которые нашли временный приют в «свободной зоне».

Он рассеянно погладил жену по спине, вспоминая летний воскресный вечер, когда Мари решила сообщить своим старшим дочерям правду о Клоде, который так понравился Ману, что до признания матери она говорила о нем не переставая... Оправившись от потрясения, сестры

разволновались: у них, оказывается, есть еще один единокровный брат!

Мари и Адриан, посоветовавшись, решили, что Камилле пока ничего рассказывать не стоит: она еще слишком маленькая, да и узы родства их с Клодом не связывают.

Мари интуитивно почувствовала, что Адриан чем-то озабочен. Она высвободилась из его объятий и стала надевать плащ. Из комнаты в вестибюль вышла Нанетт и сказала охрипшим от волнения голосом:

— Не уходи, моя родная! Они тебя обидят! Остайся со мной! Они изувечили моего сына! Я не переживу, если у меня отнимут еще и дочь!

— Нан, милая, не надо бояться! Побудь дома, а я сбегаю предупрежу монахинь. И сразу вернусь. Сегодня четверг, Камилла еще спит. Позаботься о ней. И проследи, чтобы до моего возвращения она не выходила из дома. Адриан, прошу, дожись меня! Представь, что может произойти, если Нанетт откроет им дверь...

— Ты права, дорогая. Поцелуй меня и иди!

Адриан прижал Мари к себе и посмотрел на нее долгим взглядом. Потом еще раз поцеловал и сказал шепотом:

— Я люблю тебя, Мари, люблю всей душой, не забывай это! Будь сильной!

Мари пересекла площадь с беззаботным видом, сохранить который ей стоило огромных усилий. Она ни разу не посмотрела на стоявшие под деревьями грузовики и солдат. Командиры отдавали приказы на незнакомом грубом языке.

Наконец дверь приюта открылась, и она вошла. В святых стенах старинного аббатства она вздохнула свободнее. Сестра Юлианна тотчас же схватила ее за руку:

— Они уже здесь, верно? Моя дорогая крошка Мари, мне никогда не было так страшно! И нашим девочкам не слаще! Для вас у меня плохая новость: сестра Бландин исчезла, никому не сказав ни слова. Ее платье и покрывало я нашла сложенными на кровати.

Сердце Мари сжалось. Леони! Какое отчаянное решение созрело в ее голове? Как изменились ее намерения с началом войны? Ответ на эти вопросы ей не замедлила дать мать-настоятельница:

— Мне многое нужно вам сообщить, моя дорогая Мари. Сначала самое важное. Моя просьба вас, конечно, удивит, но я прошу не приходите к нам так часто, как вы привыкли. Мадемуазель Жанна и мадемуазель Соланж постоянно живут в приюте. Частое появление в приюте людей в

мирской одежде может привлечь к нам ненужное внимание. Чтобы защитить всех, кто живет под этой крышей, я устанавливаю в приюте жесткую дисциплину. Отныне мы станем жить по законам женского монастыря, и, надеюсь, оккупанты не осмелятся осквернить своим присутствием священное место! Вы меня поняли?

— Да, я поняла, — с сожалением проговорила Мари.

— Ваша подруга Леони, в монашестве сестра Бландин, решила, что она нужнее в другом месте, — сказала мать-настоятельница и добавила тише: — Она ушла к партизанам. Они нуждаются в медицинской помощи. Не сердитесь на нее!

— Я совсем не сержусь, матушка, я ею восхищаюсь! И очень за нее переживаю.

Через три часа Мари неторопливым шагом вернулась домой. Немецкая дивизия покинула городок, но мясник шепнул ей на ухо, что вечером солдаты вернутся:

— Будьте осторожны, дорогая мадам Меснье! Хуже, чем нацисты и гестапо, — это полицейские, набранные из наших, таких же французов, как мы с вами! Вчера ко мне в гости заехал зять, он живет в Орлеане. Он рассказал страшные вещи! Некоторые сводят счеты со своими обидчиками посредством доносов! Прощу вас, будьте осторожны!

Она кивнула, стараясь скрыть беспокойство. Что знает отец Мари-Эллен? Отсутствие Поля могло показаться ему подозрительным. Люди вполне могли решить, что юноша участвует в движении Сопротивления...

Переступив порог, Мари сразу отметила, что в доме очень тихо. Первым делом она бросилась в комнату к Нанетт, чтобы ее успокоить. Свекровь сидела с вязанием в руках, по ее щекам текли слезы, которые она даже не пыталась вытирать. Камилла сидела рядом с ней на ковре с игрушками.

— Нан, милая, пока все хорошо, но нам нужно быть очень осторожными! Со всеми, даже с близкими друзьями! Ты понимаешь?

— Моя крошка! Разве мало нам было горя? И снова эта война! И первую-то еле пережили. А в те времена не приходилось, как теперь, бояться собственной тени!

Мари подошла к двери кабинета Адриана, постучала и, не дожидаясь ответа, вошла. Комната была пуста.

— Адриан?

Она прошла за ширму из матового стекла, за которой доктор держал медикаменты первой необходимости. Но мужа и там не оказалось. Она уже

собралась было пойти наверх, в их спальню, когда взгляд ее упал на лежащий на дубовом столе конверт. На нем красивыми буквами с наклоном было написано ее имя.

О, как ей не хотелось брать в руки этот конверт, она бы предпочла никогда его не видеть! И все же...

Моя дорогая Мари, моя ласковая голубка!

Не сердись, у меня не было выбора. Ты наверняка думаешь, что мое место — рядом с тобой и Камиллой, вы обе нуждаетесь в моей заботе и защите. Но вы ничем не рискуете, и ты достаточно сильная, чтобы справиться со всеми трудностями. Тем, кто будет спрашивать, где я, отвечай, что я работаю на Красный Крест. Не теряй надежды! Ради тебя, ради всех, кого я люблю, я должен уйти. Ради своей страны и ради нашей маленькой Камиллы, которая однажды снова увидит Францию свободной. Я буду вместе с Полем. Сожги это письмо сразу после прочтения. Со всей нежностью целую тебя и нашу дорогую девочку. Прости меня. Я долго ждал этого дня, я больше не могу бездействовать. Позаботься о Камилле.

Адриан

Не помня себя от горя, Мари разрыдалась. Адриан не имел права оставить их одних, ее и Камиллу! Странная мысль пришла ей в голову: Адриан и Леони исчезли в один и тот же день, с разницей в несколько часов. Неужели причиной этого стало перемещение немецких войск? Если так, то ее муж и сестра Бландин имели куда более точные сведения о происходящем, чем остальные горожане. Но от кого они получали эти сведения?

Сопоставив некоторые факты, Мари пришла к выводу, что частые отлучки Адриана, все эти визиты в окрестные поселки были вызваны отнюдь не профессиональной необходимостью. Ее супруг давно помогает партизанам...

У нее не хватило мужества сообщить Нанетт об этом новом ударе судьбы. Не сейчас, позднее... Тяжело опираясь на перила, Мари медленно поднялась по лестнице, вошла в спальню и повалилась на кровать. Бессвязные фразы срывались с ее губ:

— Адриан, ты не должен был... Мне страшно, я не знаю, что делать...

Любовь моя, ты — лучший из мужчин, и у меня нет права удерживать тебя рядом с собой, как пленника... Ты прав, ты должен был уйти... Лизон, Поль, как вы нужны мне! Папа! Дорогой папочка, ну почему, почему снова война?

* * *

Теперь каждый день ждали, что случится что-то ужасное. Несмотря на общество Камиллы и Нанетт, Мари страдала от одиночества. У нее вошло в привычку записывать в блокнот свои воспоминания и мысли.

Учительское жалованье и сбережения, сделанные Адрианом, позволяли им сводить концы с концами. В городе, как и во всей стране, остро ощущался дефицит продуктов питания. Однако слово «взаимопомощь» не было для жителей Корреза пустым звуком: маленькое семейство Мари не страдало от отсутствия мяса, конечно же, благодаря мяснику, господину Дрюлиолю. Весной 1943 года, когда в родительский дом вернулись Лизон и Матильда (первая — потому что была беременна, вторая — потому что в пансионате она постоянно недоедала), Мари пришлось разработать строгий рацион, которого отныне все члены семьи строго придерживались.

В декабре Адриан прислал записку с юношей, которому едва исполнилось шестнадцать. Тот привез на продажу чуть подмороженный картофель, что было неудивительно — зима в этом году выдалась очень холодная. Никто не заподозрил подвоха: продукты, даже подпорченные, ценились чуть ли не на вес золота. На самом же деле парень был партизаном.

Мари очень обрадовалась, узнав, что с мужем, Полем и Клодом все в порядке.

Лизон готовила приданое для своего малыша, который должен был появиться на свет в октябре. Она вышла замуж в январе, церемония бракосочетания была очень скромной. Венсан уже два года работал учителем в Тюле. Молодые переехали жить в служебную квартиру. Смотреть на них, счастливых и любящих, было одно удовольствие.

Треволнения, связанные с войной, подтолкнули Лизон к решению на время оставить работу. Она была просто на седьмом небе от счастья, когда узнала, что ждет ребенка. В то же время молодая женщина ощутила

потребность быть поближе к матери, поэтому переехала жить в Обазин, зная, что Венсану в Тюле не будет одиноко — Луиза, его мать, решила пока пожить с ним.

С приездом старших дочерей к Мари снова вернулось желание жить. Камилла тоже очень обрадовалась, ведь прежде они с сестрами могли не видаться по несколько долгих месяцев. И все же большую часть времени девочка грустила. В свои десять лет она не могла понять, почему уехали папа и старший брат.

Дом понемногу оживал: Камилла снова стала улыбаться, Ману танцевала под включенное радио, Лизон, напевая себе под нос, рассматривала выкройки распашонок и ползунков. Нанетт часто ходила в гости к подружке Маргарите: пожилые дамы угощали друг друга горсткой сахара или молотых корней цикория.

Венсан по воскресеньям приезжал в дом тещи на обед, часто в сопровождении своей матери Луизы. Ему, как он сам признался, доставляло истинное удовольствие «баловать свою маленькую женушку». Нанетт испытывала к мужу Лизон искреннюю симпатию. Когда животик старшей внучки заметно округлился, пожилая женщина стала безудержно хвалиться перед соседями:

— Скоро я стану прабабушкой! Представляете?! Прабабушкой!

Люди слушали ее и улыбались. Однажды утром Мари с нежностью посмотрела на Лизон и сказала тихо:

— Твой ребенок родится в военное время, но я надеюсь, что он будет жить в свободной стране и гордиться всеми теми, кто сражался за его светлое будущее... Полем, Адрианом, Клодом и многими-многими другими...

— Я расскажу ему об этом, мамочка! Обещаю! Мальчик родится или девочка, мое дитя обо всем узнает! Не забывай, что я, как и ты, дорогая мамочка, школьная учительница!

18 ноября 1943 года

Лежа на кровати, Мари плакала. Несчастья одно за другим обрушивались на нее, ее родных и других жителей Корреза. Адриан уже полгода, после того как попал в плен, находился в концентрационном лагере в Германии. А три дня назад, когда крошке сыну Венсана и Лизон исполнился годик, вооруженный отряд эсесовцев уничтожил лагерь маки близ фермы «Де-ля-Бесс» в коммуне Сент-Фереоль.

Двести немецких солдат окружили поселок. Часовой, стоявший на посту близ сланцевого карьера в Травассакке, предупредил командира маки, что в их сторону движется иностранный автомобиль. Тот сразу же принял меры по спасению своих людей. Утром, в девять тридцать, началась интенсивная перестрелка. Борьба была неравной: возле заминированной фермы погибло восемнадцать молодых, еще неопытных партизан.

Мари вытерла глаза, потом быстро села на кровати — к горлу подступил ком. Имена погибших не сообщались. Возможно, среди них был Польш... По слухам, тридцати пяти партизанам удалось спастись.

— Господи, пусть мой сын вернется ко мне! Умоляю! Он ведь еще так молод! Сжался надо мной, Господи...

* * *

В доме не было слышно ни звука. Такая тишина часто бывает предвестницей трагедии... Камилла ушла в гости к Мари-Эллен: дочь Ирэн предложила подружке поучиться у нее игре на скрипке. В дверь спальни Мари постучали. Вошла Лизон с сыном на руках. Мальчика окрестили Жаном в честь прадедушки. Молодая женщина тоже очень беспокоилась о судьбе брата.

— Мамочка!

— Ты что-то узнала о Поле? — спросила Мари, готовясь услышать страшное известие.

— Нет! Но мне только что звонил Венсан. Прощу, будь мужественной...

— Адриан? — с трудом произнесла Мари, чувствуя, как силы оставляют ее.

Лизон поставила сына на пол, присела на кровать и обняла мать:

— Мамочка, ты знаешь, что сегодня утром Матильда, не послушав наших советов, уехала на междугороднем автобусе в Тюль. Она хотела увидеться с подружкой по лицу. Они условились встретиться возле собора. Кто-то, кто нас знает, видел их вместе. Ману арестовали гестаповцы.

Мари побледнела и вскочила на ноги. Она смотрела на дочь и никак не могла поверить в услышанное. Прикосновение маленьких ручек Жана к ее коленям вернуло Мари в реальность.

— Ману арестовали гестаповцы... — повторила она. — Лизон, ты знаешь, какие методы они используют на допросах? Они будут пытаться ее,

они ее сломают... Бедная моя девочка! Лизон, что нам делать? Знаю! Я поеду туда, немедленно!

Лизон обняла мать за плечи:

— Нет, мамочка, это сумасшествие! Возможно, это какая-то ошибка. Давай сойдем вниз, нельзя оставлять Нанетт одну... Если хочешь, завтра утром поедem вдвоем. Сейчас нам нужно держаться вместе и не терять надежды! Прошу тебя, идем!

— Ни слова Камилле! Девочка очень расстроится, — дрожа всем телом, прошептала Мари.

Взяв на руки маленького Жана, она крепко прижала его к груди. Прикосновение детской щечки, теплой и нежной, помогло ей взять себя в руки. Лизон нежно подтолкнула мать к двери. Ночь обещала быть длинной, очень длинной...

Глава 31

Горе и радость

Мари с шести утра была на ногах. Ирэн, которой Мари рассказала об аресте Матильды, оставила Камиллу у себя и пообещала ни о чем ей не рассказывать. Мари как раз собралась разбудить Лизон (вчера они решили, что отправятся в Тюль первым же поездом), когда кто-то забухал кулаком во входную дверь. Запаниковав, кусая губы, чтобы не закричать, Мари бросилась открывать, моля Бога, чтобы шум на разбудил Нанетт.

Дверь распахнулась. На пороге стояли трое мужчин: двое незнакомых, а между ними — о, как она его ненавидела! — Макарий Герен. Первым желанием Мари было захлопнуть дверь и повернуть ключ в замке, но один из незнакомцев схватил ее за руку и вытащил на улицу. От рывка она упала на колени, прямо на тротуар.

— Мари Меснье! Ты поедешь с нами!

Мари попробовала вырваться, думая, что будет с Камиллой, Лизон, маленьким Жаном и Нанетт, однако мужчины крепко держали ее за руки, не оставляя никакого шанса сбежать. В трех метрах от крыльца стоял автомобиль со включенным двигателем. Мари затолкали в салон. Все это заняло не больше двух минут. Счастье, что маленькая Камилла этого не видела...

Сжавшись на заднем сиденье, Мари терялась в догадках относительно своей участи. У нее еще оставалось слабое утешение: младшей дочери, Лизон с сыном и Нан, похоже, опасность не угрожала. По крайней мере, пока...

* * *

Макарий был одет в красивый костюм, аккуратно причесан. С возрастом он раздался в плечах, волосы надо лбом поредели, что придавало хоть немного благородства его ничем не примечательному лицу. И только глаза, маленькие, неопределенного цвета, были прежними. С бесцеремонностью барышника он смерил Мари взглядом. Они остались наедине в подвальном помещении дома, где раньше находилось почтовое отделение.

— Ну, здравствуй поближе, Мари! У меня для тебя плохие новости: твой второй муж умер в лагере, в Германии. Но я-то знаю, если тебе посчастливится отсюда выйти, ты быстро найдешь себе другого...

Она промолчала, рассудив, что в ситуации, когда противник обладает властью и силой, лучше помалкивать и терпеть, если хочешь защитить тех, кого любишь... Хотя, если Адриан и вправду мертв, зачем бороться? Мари, чтобы собраться с силами, думала о своих детях. Макарий стал барабанить кончиками пальцев по столу:

— Что-то ты не слишком расстроилась... Думаю, твою дочь будет проще разговорить, особенно если ее тряхнуть хорошенько! Она у тебя красавица и при фигуре... Правда, слишком упрямая. Вся в мать — слова не вытянешь!

Материнское сердце сжалось от ужаса. Что это чудовище сделало с Матильдой? На смену страху пришел гнев.

— Мерзавец, ты отсиделся дома в Первую мировую, а теперь подвизаешься при гестапо! Но кого это удивляет? — презрительно выкрикнула она.

На лице Макария появилась зловещая ухмылка:

— Я не собираюсь рисковать жизнью и люблю комфорт, дорогая. И не всем же, в конце концов, идти в партизаны... Кстати, о маки... Куда подевался твой сын Поль? Мы давно его ищем...

Мари зло посмотрела на Макария, но ответила спокойно:

— Поль работает в Красном Кресте санитаром. Сейчас он на севере страны. Каждому свое! Ты, в отличие от многих, выбрал участь грязного коллаборациониста!

Макарий наотмашь ударил ее по лицу. Мари чуть не лишилась чувств от боли. Макарий угрожающе сжал кулаки:

— Думаешь, тебе удастся обвести меня вокруг пальца, старая потаскуха? Как ты смеешь мне «тыкать»? Посмотри на себя! Стоило тебя прижать, как враз слетела личина благовоспитанной мадам... Но я славный мальчик, Мари! Да-да... Я предлагаю тебе сделку. И мой тебе совет: не зли меня, иначе я перестану быть великодушным! Думаю, ты уже поняла, что, даже если я прикончу тебя в этом подвале, никто не потребует у меня объяснений!

Мари едва держалась на ногах. И все-таки впереди забрезжила слабая надежда. Похоже, Макарий не располагает точными сведениями о местонахождении Поля. И он упомянул о сделке...

На лице Макария появилась насмешливая улыбка:

— Что, Мари из «Волчьего Леса», мы уже сложили оружие? Мы

дрожим, мы не плюем в лицо мсье Макарию? На что спорим, что через три минуты мы будем лизать ему подошвы?

Дыхание Мари участилось. Ей хотелось наброситься на Макария, царапаться, кусаться... Но это было невозможно, потому что руки ее были связаны за спиной.

— Хочешь спасти свою дочь? — понизив голос, спросил он.

— Да!

— Любой ценой, как я полагаю?

— Да!

Он воздел руки к небу:

— О, как возвышенна любовь матери! Заметь, я позаботился о твоей Матильде. Она мне почти родственница. В ее венах течет кровь Кюзенаков, поэтому я ее пожалел.

— Разве не ты первый поставил под сомнение мое родство с Кюзенаками? — не удержалась от вопроса Мари, которую насторожила эта смена тональности их беседы.

— Какая же ты все-таки простушка! Таким, как ты, самое место у кастрюль! Я прекрасно знал, что ты — внебрачная дочь моего дяди, и мой нотариус тоже. Но за неимением доказательств... Послушай, Мари! Если хочешь, чтобы твоя дочь вернулась в Обазин целой и невредимой, ты должна быть со мной поласковее... Ты понимаешь?

Но Мари услышала только то, что касалось Матильды. Какое это будет счастье — знать, что дочь вырвалась из этого ада и вернулась домой! Потом она повторила про себя последние слова Макария: «...должна быть со мной поласковее». Так вот чего он хочет, несмотря на то что столько времени прошло и ему уже за пятьдесят, да и она не намного младше...

Макарий словно прочел ее мысли:

— Я не из тех, кто может смириться с отказом, Мари. А ты слишком долго ускользала из моих рук. Если бы я получил, что хотел, там, на чердаке в «Бори», я бы просто забыл о тебе. Но вышло так, что тот вечер я запомнил на всю жизнь. Хромой Пьер сорвал ягодку, а мне запретили являться на порог. Теперь пришло время платить за старые обиды! Выбирай: твоя дочь или ты?

Они стояли лицом к лицу. На лбу у Макария выступил пот. Из рта у него воняло табаком и перегаром. Мари содрогнулась от отвращения, но не шевельнулась. Она думала об Адриане, Пьере, Нанетт, своих четверых детях и, конечно же, в первую очередь о своей дорогой Матильде, такой красивой, жизнерадостной и свободолюбивой... И такой же пылкой, как ее

отец.

Макарий, глядя ей прямо в глаза, стал поднимать подол ее юбки. Ему хотелось, чтобы она умоляла о пощаде, плакала, когда он силой возьмет ее. Мари позволила ему уложить себя спиной на стол, снять с себя часть одежды. Она говорила себе: «Несколько ужасных минут — и это закончится! И Матильда будет свободна. А этот мерзавец пусть делает что хочет! Насилует, убивает! Моей души это не коснется! У меня в жизни было столько счастья!»

Он насилывал ее недолго, но жестоко. С трудом переводя дыхание, изрыгая грубые ругательства, он терзал ее тело, испытывая горькую ярость. Потом, застегивая брюки, шепнул ей на ухо:

— А ты еще вполне аппетитная! Жаль, у меня нет времени как следует с тобой позабавиться!

Мари тошнило. Изображая полную покорность, она медленно оделась, но стоило ей сделать шаг, как ноги подкосились. И все же она не стала жалеть себя, свое истерзанное, оскверненное тело. Главное — это Ману! Теперь он ее отпустит. И когда-нибудь, пусть и не так скоро, Макарий, этот подонок, за все заплатит, она была в этом твердо уверена.

К огромному удивлению Мари, через четверть часа она оказалась на воздухе, на берегу реки, и смогла прижать дочь к своей груди. Глаза у Матильды были красные от слез, на лбу темнел синяк, но она была жива.

— Моя дорогая, моя любимая крошка! Как ты, наверное, страдала!

— Со мной все в порядке, мамочка! Давай поскорее вернемся домой. Я ничего не сказала им о Поле! Даже если бы меня убивали, я бы все равно не сказала! — с ненавистью произнесла Матильда.

— Я горжусь тобой, дорогая! Счастье, что нас отпустили! Этот Макарий родом из Прессиньяка. Мне удалось убедить его, что мы ни в чем не виноваты.

Матильда с недоверием посмотрела на мать. Человек, который бросил ее в застенки гестапо, наверняка тот самый Макарий, о котором говорила мама. Но он не показался ей ни мягкосердечным, ни справедливым. Одно было ясно: благодаря вмешательству матери она осталась жива, хотя сто раз ей казалось, что до смерти всего один шаг... В голове промелькнула тень сомнения — только поистине дьявольская хитрость помогла Мари обвести полиция вокруг пальца, но Матильда предпочла об этом не думать. Она твердо пообещала себе, что отныне будет нежно любить маму, радовать ее, даже если для этого придется многое в себе изменить. Они быстро пошли к вокзалу, часто оглядываясь, — им казалось, что за ними

следят. Но никому, похоже, до них не было дела. Макарий просто решил отомстить Мари и, приказав арестовать дочь, легко заманил мать в ловушку.

Когда они сели в вагон, Матильда снова бросилась матери на шею. По щекам ее текли слезы:

— Мамочка, я так испугалась! И я так тебя люблю! Лизон ждет нас, скажи? И Нанетт, и маленькая Камилла?

Мари крепко обняла ее:

— Конечно, они нас ждут! Ничто больше не разлучит нас, вот увидишь!

Матильда немного расслабилась. Мари погладила дочь по волосам. Она спасла бы свое дитя ценой собственной жизни, если бы понадобилось. Теперь же оставалось только стереть из памяти минуты интимного контакта с Макарием, стереть навсегда. И верить, что Поль, Адриан и Клод все еще живы...

Увидев на крыльце мать с Матильдой, Лизон громко вскрикнула.

— Нан, иди скорее! Они вернулись! — прокричала она в глубину дома.

Встреча была настолько радостной, насколько тяжелыми и страшными показались всем часы ожидания. Камилла, вернувшись от подружки Мари-Эллен, не понимала, почему все вокруг целуют друг друга, смеются и плачут. Матильда в порыве чувств чмокнула сестренку и, хохоча, закружила ее по комнате.

— Что с тобой сегодня, Ману? Прыгнула на меня, как чертик из коробочки! — удивилась девочка: обычно сестра не была с ней так нежна.

— Да, мой котенок, я и вправду чувствую себя чертиком! Чертиком, который убежал из ада! Я расскажу тебе потом, когда будешь постарше. Ты же у нас еще совсем крошка: ущипнешь за носик — и молоко брызнет!

— Я уже большая! — возмутилась Камилла.

Она уже поняла, что не узнает, отчего в семье такой переполох, но мать, сестры и бабушка улыбались, значит, ничего плохого не случилось...

Матильда настояла на том, чтобы тотчас же увидеть маленького племянника Жана, спавшего в своей кроватке. Она нежно поцеловала его в лобик.

Мари провела рукой по волосам Камиллы. То, что ей довелось пережить, ужасно, но все ее три дочери рядом с ней, они живы и здоровы. Потихоньку она ушла к себе в комнату. Мари сняла с себя одежду, швырнула ее в шкаф, решив завтра же все сжечь. Потом она мылась холодной водой, тщательно и долго, пока наконец не почувствовала, что по-

настоящему очистила кожу от гнусных прикосновений Макария. Она старалась не смотреть в зеркало, без конца повторяя:

— Господи, какая мука! Но я спасла дочь, только это имеет значение! Нужно забыть все плохое! Забыть навсегда!

Когда мать появилась на пороге кухни, окна в которой были плотно закрыты ставнями, Лизон бросилась к ней с раскрытыми объятиями:

— Мамочка, я уже по тебе соскучилась! Смотри, я открыла последнюю бутылку шампанского! У нас ведь праздник, верно?

Обазин, конец августа 1944 года

Служба подходила к концу. В это последнее воскресенье августа колокола аббатской церкви Святого Стефана звонили особенно радостно. Пришел день, которого все ждали с таким нетерпением: пятнадцатого августа войска захватчиков покинули Брив, а на следующий день ушли и из Тюля. Двадцать пятого Лимузен обрел статус свободного региона.

— Радуйтесь, дети мои! Сегодня праздник свободы и веселья для всех нас! Ступайте играть во двор! Ну, живее! — воскликнула с улыбкой мать Мари-де-Гонзаг.

Маленькие обитательницы приюта поняли, что этот день действительно особенный. Обычно они ходили парами, а сегодня им позволили побегать в свое удовольствие, смеясь и распевая песни. И никому в голову не приходило их одергивать.

— Прощу вас, будьте нашими гостями! — обратилась мать-настоятельница к Мари, Нанетт и Камилле. — В такой день вы должны быть с нами!

Мари улыбнулась. Она с трудом сдерживала слезы радости. Она старалась выглядеть веселой, несмотря на то что в сердце прочно обосновались ужас от пережитого и тревога за судьбу Поля и Адриана. Вспомнились дни сомнений, когда она думала, что мать-настоятельница усомнилась в ней и потому забрала из ее класса учениц-сирот, сделала так, чтобы Мари ничего не связывало с приютом... Как отказать этой добрейшей женщине, на чью долю выпало столько волнений? Но Нанетт ответила первой:

— Я иду к Жаку! Хочу рассказать ему, что все эти ужасы войны уже позади. Он будет рад, и мой Пьер тоже! А ты иди, конечно, — добавила она, обращаясь к Мари. — Я сама поговорю с нашими мужчинами. Ману сегодня обедает у Лизон и Венсана в Тюле, поэтому дома нас никто не

ждет...

Камилла ласково взяла бабушку за руку:

— Ба, скажи, хочешь, чтобы я пошла с тобой?

— Нет, моя душа! Иди с мамой! С детками играть интереснее, чем слушать нытье старухи!

— А может, все-таки составите нам компанию, Нанетт? — попыталась уговорить ее мать-настоятельница.

— Нет! Думаю, моя подруга Маргарита будет рада заглянуть ко мне. Вместе и пообедаем. Потом я посплю немного. На улице жарко, а я совсем старая стала...

Мать Мари-де-Гонзаг покачала головой. Она слишком хорошо знала Нанетт, чтобы пытаться ее уговорить.

Мари последовала за матерью-настоятельницей. Она прошла через приемную в сад приюта, как и тогда, когда попала сюда в первый раз, много-много лет назад. Но теперь на улице было тепло, и в ее руке была рука Камиллы.

В тени увитой виноградом стены на скамейке сидела мадемуазель Берже, держа на коленях девочку лет пяти. Как и маленькие воспитанницы приюта, Камилла обожала «маму Тере». Это была их первая встреча за долгие месяцы. Когда она подбежала к мадемуазель Берже, та звонко поцеловала дочку Мари, все так же прижимая к груди обнимавшую ее малышку.

Эту тщедушную девочку с вьющимися черными волосами звали Мадлен. Круглая сирота, она попала в приют сестер конгрегации Святого Сердца Девы Марии в 1940 году. Ей тогда не исполнилось и двух лет. Несколько месяцев назад Мадлен заболела бронхопневмонией, и «мама Тере» совершила невозможное, чтобы вырвать девочку из когтей смерти. Малышка все еще была очень слаба, и мадемуазель Берже внимательно следила за состоянием девочки, опасаясь рецидива. Однако когда подошла Камилла, Мадлен подвинулась, освобождая ей место на втором колене любимой «мамы Тере».

Мать Мари-де-Гонзаг доброжелательно улыбнулась:

— Мы не променяли бы нашу мадемуазель Мари-Терезу ни на какие сокровища мира, я не устаю благодарить Создателя за то, что она с нами... Но Господь дал ей только два колена, а у нас сорок пять воспитанниц!

— Скажи, мама Тере, ты подстрижешь мне волосы, как у Камиллы? — спросила малышка, проводя ручкой по волосам дочери Мари, которые доставали до лопаток.

— Нет, дорогая! — ответила маленькая женщина, ласково касаясь ее

длинных, до пояса, волос, красиво обрамлявших лицо девочки. — С такой прической, как сейчас, ты намного симпатичнее!

Другая девочка, пробегая мимо, подошла и, поцеловав мадемуазель Берже в щеку, спросила тонким голоском, опуская глаза долу:

— Ты меня любишь так же, как Мадлен? Скажи, мама Тере!

— Вот уж вопрос так вопрос! Конечно, Полин! — заверила ее мадемуазель Берже. — Все вы — мои дети. И всех я люблю одинаково. Помните об этом, даже когда сами станете бабушками! Обещаете?

У Полин Зилдеман была совсем другая история. Девочка попала в приют почти в то же время, что и Мадлен, ей было тогда семь лет. Вместе с Полин привезли и ее младшую сестренку. Они происходили из еврейской семьи. Полин была спокойным, старательным ребенком, ее все любили. Она заботливо опекала свою сестричку Мирей, за которую чувствовала себя ответственной. Мадемуазель Берже вздохнула. Скоро Полин с сестрой уедут, а она так тяжело переносит расставания... К счастью, этих девочек ждет светлое будущее: их родители были живы. Словно прочитав ее мысли, Полин произнесла с чувством:

— Я уезжаю, но всегда буду помнить тебя, мама Тере!

— Идите, мои хорошие, поиграйте с подружками! И ты тоже, Камилла! — сказала мадемуазель Мари-Тереза твердо, пытаясь скрыть волнение.

Девочки нехотя отошли, но к «маме Тере» уже спешила маленькая Женевьева. У этой светловолосой девочки была стрижка каре, ее лоб закрывала легкая челка. Девочка тоже была очень привязана к мадемуазель Берже, и та встретила ее ласковым взглядом:

— Женевьева, тебе надоело играть с подружками?

— Нет, но я хочу у тебя спросить...

— Что ж, спрашивай!

— Сестра Мари-Этьен... Я ее очень люблю. Можно ей немного отдохнуть?

Мари с интересом слушала девочку. То, о чем поведал мелодичный голосок Женевьевы, напомнило ей о тяжелых военных временах, ставших для приюта настоящим испытанием.

— Мама Тере, у сестры Мари-Этьен болят пальцы, это из-за ревматизма. Они у нее все искалеченные! И она ходит с палочкой! А мне так хочется, чтобы она отдохнула! Хорошо-хорошо отдохнула! Можно, я вместо нее поработаю на кухне?

Мадемуазель Берже и Мари, обе растроганные, обменялись взглядами. Женевьева между тем продолжала:

— А правда, что у нас сегодня будет полдник? Все говорили, что у нас почти нет еды, а сестра Мари-Этьен советовала закрыть глаза и представить, что хлебный мякиш — это сдобная булка, а корочка хлеба — шоколадная...

Мари рассмеялась. «Мама Тере» ласково поцеловала девочку и с улыбкой сказала:

— Не волнуйся, Женевьева, иди поиграй еще немного! Самое плохое позади, и скоро вы будете кушать досыта. Смотри, твоя лучшая подружка Малу машет тебе рукой! Она тебя ждет...

Повеселевшая Женевьева подбежала к подружке и, обняв ее за плечи, увела к другим девочкам. Мадемуазель Берже вздохнула:

— Знала бы ты, милая моя Мари, как часто мы оказывались на волосок от катастрофы! Особенно мы боялись за Берту, одну из самых старших девочек, и за ее маму Клару. Однажды в воскресенье, когда церковь, как ты знаешь, открыта для посещений, все воспитанницы были на мессе, кроме Берты и ее матери — они иудейки. Они остались в кухне. И как раз в это время в аббатство явились немцы. Думаю, они просто хотели полюбоваться памятником архитектуры, но мимоходом могли увидеть то, что не предназначалось для их глаз... Они увидели Берту и стали ее расспрашивать. Девочка, испугавшись, бросилась в часовню. Они не стали ее задерживать. Думаю, решили, что ребенок просто опоздал к началу службы.

Мать Мари-де-Гонзаг, до этого не принимавшая участия в беседе, перекрестилась:

— Благодарю за это нашего покровителя, святого Стефана! Ужасные времена миновали, и наша земля снова свободна. Заканчивая историю, начало которой рассказала вам мадемуазель Берже, добавлю, что я наказала Берте вместе с матерью спрятаться в соломе, в зернохранилище. Они несколько часов просидели там, дрожа от страха. И слава Богу, что у нас есть дверь, там, возле кухни, ты знаешь, Мари, через которую можно пройти в гумно! Мы всегда боялись воскресений: на мессу собирались все горожане и иногда приходили немецкие «гости». Но мы не могли запретить немцам посещать церковь. Иногда они являлись и в дни религиозных праздников. Некоторые все осматривали и уходили, другие оставались на службу. Но последние, как правило, вели себя в храме должным образом. Я до сих пор слышу звук их шагов! Они шли, чеканя шаг, словно на плацу! Каждый раз у меня замирало сердце...

У Мари по спине побежали мурашки.

— Сказать по правде, мы никогда не чувствовали себя в полной

безопасности, — подхватила мадемуазель Берже. — Немцы часто приходили в монастырь и требовали, чтобы их впустили. Счастье, что мадемуазель Соланж говорит по-немецки! Каждый раз она подолгу разговаривала с неожиданными гостями, и ей удавалось отговорить их. Мы в это время прятали еврейских беженцев и сирот. По вечерам мы все собирались вместе — монахини и учителя — и разрабатывали план на случай, если...

— Но больше всего страху мы натерпелись во время их последнего визита, — снова заговорила мать Мари-де-Гонзаг, и в ее голосе можно было уловить пережитый ужас. — Немцы вошли в приемную, и на этот раз они прямо обвинили нас в том, что мы укрываем евреев. Якобы об этом им сообщил какой-то горожанин. Солдаты с автоматами окружили монастырь. Мы решили, что все кончено.

Мать Мари-де-Гонзаг дрожала всем телом. Мадемуазель Берже усадила ее рядом с собой на скамейку и продолжила рассказ:

— Я отвела девочек в часовню, и мы стали молиться Господу, чтобы он сжалился над нами. И — о чудо! — мадемуазель Соланж и на этот раз удалось убедить немцев не входить на территорию женского монастыря, где живут только монахини, женщины — учительницы, девочки-сироты, в том числе и несколько малышей, чьи родители погибли на войне. Наконец эти ужасные переговоры закончились, моя дорогая Мари, и солдаты ушли. И тогда я сказала девочкам: «Дети мои, нужно поблагодарить Господа!» Мы все собрались во дворе и молились... Святой Стефан в который раз защитил нас. Немцы три дня находились поблизости, рыскали в окрестностях дороги, ведущей в Вергонзак. Думаю, они охотились на партизан. Дело в том, что буквально за пару дней до этого ужаса партизаны действительно приходили к нам за продуктами!

У Мари словно пелена спала с глаз: она всегда считала, что в стенах монастыря девочкам ничего не угрожает. Как же она ошибалась! В это мгновение она горько пожалела о том, что все это время бездействовала, и даже позавидовала Леони. Почему она не ушла к партизанам вместе с Адрианом?

— И Адриан знал обо всем об этом, матушка?

— О том, что происходило до того, как его арестовали, — пожалуй. Он часто приходил к нам лечить детей. Но я строго-настрого запретила ему что-либо тебе рассказывать. Помочь ты бы ничем не смогла, так зачем заставляешь тебя лишней раз волноваться? — мягко ответила мать Мари-де-Гонзаг. — Идем в кухню, Мари! Я хочу познакомить тебя с Бертой и Кларой. Хотя теперь мы можем называть бедняжек их настоящими

именами — Бейла и Крэйндель. Они приехали к нам в 1942-ом. До Тюля они ехали на поезде, оттуда шли пешком. Их сопровождал молодой партизан, Пьерро, из организации Эдмона Мишле. Раввин хотел, чтобы их спрятали не в одном месте, а в разных, но я помню слова Бейлы: «Я никогда не расстанусь с мамой, потому что она живет только ради меня. Куда пойдет мама, туда и я!» Ну что мне было делать? Я сказала Пьерро, что мы возьмем обеих. Я поселила их в отдельной комнате. Они обе очень славные, стараются помочь, не гнушаются никакой работы...

— Это правда, — подхватила мадемуазель Берже. — Мать помогает на кухне, а дочка ловко управляет с иглой. Однажды она принесла показать юбку, которую сшила сама. Юбка вышла отличная, поэтому мы сказали: «Ты не будешь больше работать на кухне. Лучше шей девочкам платья!»

Мари вошла в просторное помещение с огромной печью. С этим местом было связано немало воспоминаний. Женщина с каштановыми волосами, убранными под темный платок, чистила овощи. Мари поздоровалась. Женщина встала и с акцентом произнесла: «Здравствуйте».

— Крэйндель плохо говорит по-французски, — пояснила мать-настоятельница. — А вот ее дочь, пока жила здесь, хорошо освоила язык. Увы, у нас нет никаких известий об их родственниках. Я думаю, моя милая Мари, пройдут долгие месяцы, прежде чем некоторые семьи смогут воссоединиться. Многие мужья до сих пор в трудовых лагерях. Мы каждый день молимся, чтобы они живыми вернулись домой!

Крэйндель мягко улыбнулась Мари. Мари подумала, что эта женщина, как и она сама, живет в постоянной тревоге за судьбы своих близких. То, с каким достоинством она держалась, произвело на Мари огромное впечатление. На мгновение она устыдилась своей слабости. Нельзя, ни в коем случае нельзя отчаиваться! Очень скоро Адриан, Поль и Клод дадут о себе знать...

За столом было непривычно шумно: девочки никак не могли успокоиться, а взрослые даже не думали их журить. Наконец воспитанницы снова высыпали во двор, где их ждал неожиданный, просто волшебный сюрприз — плоды гранатового дерева. Таких фруктов они никогда не пробовали.

Этот подарок преподнесла сиротам чета американцев, остановившихся в доме булочника, мсье Шассена. Монахини наделили девочек кисло-сладкими плодами. Камилла бегом бросилась к матери, а следом за ней — Женевьева, Малу и Полин, державшая за руку свою младшую сестричку.

— Попробуй, мамочка, как вкусно! — воскликнула Камилла. — Ты

когда-нибудь пробовала гранат?

— Да, мое солнышко, но это было так давно...

Мари вспомнила раскидистое гранатовое дерево, росшее возле калитки в саду, на ферме Жака и Нанетт. Они с Пьером часто лакомились его плодами. Но в Коррезе она видела гранаты впервые. Американцы, должно быть, привезли их издалека, потому что в саду у булочника они точно не произрастали...

Конец дня выдался теплым и солнечным. Девочки, полные жизненных сил, в цветастых платицах и белых шапочках, играли и смеялись, радуясь настоящему и не задумываясь о будущем, как это свойственно детям.

Мари почувствовала, что жизнь понемногу возвращается в ее тело. Внезапно у нее появилась твердая уверенность: Поль и Адриан, где бы они ни были, все-таки живы. Она вспомнила, как жила в приюте и верила, что когда-нибудь родители заберут ее к себе. Сегодня сердце наполнилось такой же сладкой и безграничной верой...

Июль 1945 года

Эдмон Мишле, которого арестовали и отправили в Дахау в 1943 году, в яркий солнечный день 2 июня прибыл на вокзал в Бриве. Героя Корреза встречала огромная толпа. Он едва успел обнять детей и родителей, как люди подхватили его и стали качать. Недавний узник одного из множества концентрационных лагерей, о существовании которых мир узнал совсем недавно, для соотечественников стал символом победы.

А как были удивлены жители Обазина, узнав, что в их городке скрывались от нацистов еврейские женщины и девочки, спасенные членами организации, которую возглавлял Эдмон Мишле! В приюте они жили вместе с другими воспитанницами, и многие из них ничего не знали о своем происхождении. Вот только семитские имена монахини предусмотрительно заменили французскими. Отец Леон Бедрюн, настоятель францисканского монастыря Святого Антония, располагавшегося недалеко от Брива, тоже скрывал у себя евреев и беженцев.

И все это время над холмами Корреза царили тишина и безмятежность: благородные и смелые мужчины и женщины просто свято верили в то, что исполняют свой долг.

Когда Мари, сидевшая рядом с Нанетт в гостиной, посмотрев в окно, узнала высокую фигуру Адриана, она вскочила, не помня себя от радости.

Адриан, увидев, что она бежит к нему, распахнул объятия. С его полураскрытых губ готов был сорваться долгий, ликующий крик. И только когда он прикоснулся к ней, прижал к себе, он наконец поверил, что война закончилась.

— Дорогая, любимая моя! Как дети?

— С ними все хорошо. Со всеми четверья! Поль ранен, но его состояние не внушает опасений. Я все тебе расскажу...

Камилла, узнав от Нанетт, что вернулся отец, выскочила из дома и, сама не своя от счастья, бросилась к нему в объятия:

— Папочка, любимый папочка! Ты ведь больше никогда не уедешь, правда?

Адриан, плача, покрывал ее личико поцелуями:

— Никогда, мое сокровище! Теперь мы всегда будем вместе, обещаю! Дорогая, как ты выросла! Дай посмотрю на тебя!

Мари с Адрианом вошли в дом. Нанетт в кухне уже гремела кастрюлями, собираясь подать на стол все, что было в доме.

Но Адриану есть совсем не хотелось. Стараясь, чтобы голос звучал весело, он объявил, что хочет немного поспать. Оставив Камиллу с Нанетт, Мари последовала за мужем в спальню.

Им нужно было столько рассказать друг другу!.. Адриан поведал жене об ужасах войны. Она негромким голосом сообщила, кто из жителей Корреза погиб или пропал без вести. Адриан слушал, вытянувшись на кровати, и ему все не верилось, что он дома.

— Я думала, что это никогда не кончится, Адриан!

— Чтобы забыть, понадобится время, — отозвался он. — Хотя, думаю, такое не забывается.

— Ты прав! Я не знаю ни одной семьи, которой не коснулась бы беда. У кого-то умер член семьи, многие потеряли друзей. Недалеко отсюда, в деревне Перрье, что возле Бейна, в перестрелке с немцами погибли пятеро партизан. И — страшно подумать! — четверым было меньше двадцати лет! Среди них мог оказаться и Поль...

Адриан взял супругу за руку:

— Ты сказала, что Поль ранен. Это серьезное ранение?

— Он в госпитале в Перигё. Я езжу к нему дважды в неделю. Его обещают скоро выписать. Врачи заверяют, что ранение не будет иметь

последствий. Я долго считала его погибшим, пока однажды ночью к нам не пришел Клод. Он сказал, что мой сын тяжело ранен, но Леони смогла оказать ему первую помощь на месте и переправила в Дордонь. Бедная моя Леони! Немцы изнасиловали ее, а потом расстреляли. Клод передал мне ее крестильный медальон. Через неделю он сам погиб под пулями.

Мари замолчала. Столько смертей... Она так часто плакала, что глаза ее казались какими-то выцветшими. «Дань Макарию» — так она называла свою тайну, это постыдное изнасилование, — принадлежала далекому прошлому. Мари надеялась, что правды никто никогда не узнает.

— Венсану повезло — он не стал жертвой массовых убийств в Тюле. Немцы повесили девяносто человек и больше сотни депортировали. Слава Богу, он в это время был у своего кузена в Эглетоне. Они с Лизон вернулись в Тюль и сейчас ждут второго малыша.

Адриан стал засыпать, умиротворенный покоем вновь обретенного дома. Мари добавила:

— Матильда обручена. Она решила стать парикмахером. Но я, похоже, утомила тебя разговорами! Война закончилась, ты, любовь моя, дома, а ведь я уже и не надеялась тебя увидеть... Когда десант союзников высадился в Нормандии, я танцевала на площади с мужем Ирэн! Мне хотелось плакать и смеяться...

— Так и должно быть, дорогая! Нужно радоваться, прогонять из сердца тревогу. Жизнь и радость всегда должны торжествовать!

Мари еще долго сидела у кровати, на которой спал Адриан.

Соединив ладони, она молила Господа и Пресвятую Деву позаботиться о Леони и Клоде, который, когда партизаны попали в засаду, спас ее сыну жизнь. Поль очень тяжело переживал эту утрату. Клод, всегда такой нелюдимый, однажды зимним утром признался ему, что они кровные братья. Она вспомнила слова сына: «И тогда я понял, почему он сторонился Матильды, которой так хотелось ему понравиться. Клод был хороший парень, папа был бы рад иметь такого сына...»

Многие семьи разбросало по миру, многие мужчины погибли или получили ранения. Оккупанты насиловали женщин, жгли фермы и дома... И все-таки воспоминания о пережитых ужасах понемногу стирались из памяти людей. Раны на телах и сердцах постепенно заживали, все снова учились жить, как свободные люди...

Сидя на краю постели, Мари с наслаждением вдохнула аромат цветущих под окном роз. У ее детей и внуков теперь есть будущее... И через неделю они устроят большой семейный обед, настоящий праздник...

Через два месяца, когда Адриан немного восстановил силы и снова открыл свой кабинет, в их дом явилась неожиданная гостья. Было раннее утро. Мари открыла входную дверь и увидела перед собой женщину, которую горе сделало практически неузнаваемой. Это была Элоди Прессиго.

— Входите, дорогая! — воскликнула хозяйка дома.

Мари провела гостью в кухню.

— Присаживайтесь, Элоди! Сейчас я сварю нам кофе!

Мари знала, что предстоит разговор о Клоде и его трагической смерти, и она искренне сочувствовала удрученной горем матери, поэтому, как могла, постаралась ее утешить. Однако вскоре выяснилось, что Элоди приехала не только затем, чтобы поговорить о сыне.

— Ах, мадам Мари! Вы такая славная! А я причинила вам столько горя! Как подумаю об этом... Вы столько лет присылали мне деньги на мальчика, вы приняли его в своем доме... Он познакомился с Нан, своей бабкой... Она сама мне рассказала, когда я заходила к вам недели две назад, но не застала, потому что вы с мужем уехали на побережье...

— Мне жаль, что мы тогда не встретились. И очень странно, что Нанетт ничего не сказала мне о вашем визите.

— Бедная старушка, наверное, понемногу выживает из ума! Мари, вы, должно быть, слышали, что после освобождения люди свели счеты со многими полицаями. Так вот, Макария Герена не спасли даже его деньги — месяц назад его расстреляли. Жена его повесилась в риге папаши Бенуа, она там пряталась. Их мальчика отдали на воспитание кому-то из двоюродных братьев или сестер. Я зарабатываю на жизнь тем, что прибираю в домах, вот мэр и предложил мне навести порядок в «Бори». Моя дочка Роз вызвалась мне помочь. Видели бы вы, какой там был разгром! Часть мебели разбита, остальная перевернута, многих вещей недостает... И вот когда я расставляла книги вашего отца, мсье Кюзенака, я нашла листок бумаги. Роз образованнее меня, она стала читать, и, представьте себе, это оказалось завещание! Поэтому я быстро собралась и села на поезд, чтобы вам его привезти.

Мари терпеливо выслушала этот длинный монолог, произнесенный плаксивым голосом, но слово «завещание» пронзило ее, словно удар молнии. Элоди достала из сумки сложенный вчетверо листок.

— Спасибо, Элоди! Но мне понадобятся очки.

В этот момент в кухню вошел Адриан. Он наклонился, чтобы лучше рассмотреть пожелтевший документ, в то время как его супруга начала читать. Текст был недлинным, но вполне конкретным.

Мари вскрикнула, сняла очки и протянула листок Адриану. Срывающимся голосом, с глазами, полными слез, она проговорила:

— Прочитай, дорогой, я не могу в это поверить! Это — единственное законное завещание моего отца, и оно столько лет пролежало в книге! А ведь мы после похорон пересматривали и разбирали библиотеку!

Удивленный Адриан только развел руками. Документ свидетельствовал, что Жан Кюзенак оставил Мари все свое имущество — земли, фермы и дом «Бори» со всей обстановкой. Далее следовало оформленное по всем правилам официальное заявление, в котором мсье Кюзенак признавал Мари своей дочерью и единственной наследницей. Своему племяннику Макарию он оставил два дома — один в Лиможе, второй в Сен-Жюньене.

Лицо Мари порозовело от волнения, когда она сказала:

— Папа завещал мне «Бори»! Мой дом! Я знала, что он мой, что несправедливо было выгонять нас оттуда...

Элоди кивнула и произнесла несколько довольно грубых слов в адрес покойного Макария. Адриан щедро вознаградил ее за хлопоты и честность. Вместе они позавтракали, и Элоди отправилась на вокзал ждать обратного поезда. Нанетт обняла ее на прощание.

— Мы с вами теперь прямо как одна семья! — воскликнула Элоди, когда пришло время прощаться. — До скорой встречи в Прессиньяке, мадам Мари!

* * *

Месяц спустя, в субботу, Мари подкрасилась и принарядилась. Вся семья собиралась ехать в Прессиньяк.

К встрече с любимым домом Мари купила новое платье и попросила Ману сделать ей модную прическу. Средняя дочь охотно ее подстригла. Условились, что Лизон и Венсан вместе с Жаком сразу отправятся в «Бори», не заезжая в Обазин.

Матильда очень изменилась с трагического дня своего ареста — стала менее эгоистичной, более рассудительной. Ее любовь к матери переросла в безграничное обожание. По большому секрету она призналась Мари, что со

своим женихом наконец познала радость взаимной любви.

Камилла, которой недавно исполнилось двенадцать, подросла и похорошела. Она была точной копией своей матери в том же возрасте. Девочка сгорала от нетерпения, так ей хотелось увидеть Прессиньяк, колокол по имени Мария-Антуанетта, пруд Шоффи, небольшую речушку, сам «Бори» и остальные чудеса, о которых рассказывала мать.

Поль, хотя еще и не совсем поправился, тоже решил ехать. Меньше всего энтузиазма проявлял Адриан. Он часто шутил, что «у супруги, похоже, одно на уме — запереться в „Бори“ и жить там безвылазно».

Мари ушла из школы. На ее место взяли молоденькую выпускницу института.

Не стала она возвращаться и на работу в приют. В стенах старинного аббатства обитало слишком много дорогих сердцу призраков прошлого — сироты, мечтавшей обрести родителей, другой девочки — голубоглазой Леони, и Жака, отца Пьера, сеющего фасоль на огороде...

Спокойная жизнь с Адрианом — что могло быть лучше? У них было множество планов: съездить в Париж, посетить Лувр, увидеть Версаль, отправиться в Грецию и, конечно же, в Италию...

* * *

Мари смотрела вперед, зная, что в любую секунду может показаться окруженный парком Большой дом на холме. Пока они ехали, она без конца рассказывала Камилле о «Бори». Внимательно слушала рассказ матери и Матильда, которая совершенно не помнила эти места.

— В парке есть огромная ель, а под ней — каменная скамья. И всюду — кусты красных роз... Рядом с домом находится конюшня. У меня была своя рыжая лошадка, очень послушная. Гостиная обшита дубовыми панелями, а в кухне — огромная чугунная печь!

За окнами автомобиля проплывали знакомые пейзажи. Нанетт, которую долгая поездка совсем не утомила, широко улыбалась. Камилла, Поль и Ману с удовольствием слушали ее рассказы о ферме, об овцах и коровах и, конечно, о том, как однажды в дождливый вечер на ферму приехала их мать:

— Она тогда была совсем крошка, наша Мари! Мокрая насквозь, в грязных башмаках... И всего боялась! А уж худенькая... Такая, как ты, Камилла! Но у тебя, мое золото, щечки розовенькие, а она была бледная,

страшно смотреть! Потом-то я ее откормила — щечки округлились, появился румянец... А сразу по приезде она заболела. Я уж и не думала, что поправится... И все из-за хозяйки. Злая была женщина Амели Кюзенак!

Воспоминания сменяли одно другое. Мари чувствовала, как нарастает волнение и нетерпение. Наконец показалась колокольня прессиньякской церкви, потом и обсаженная липами площадь. Когда они проезжали мимо школы, Адриан снизил скорость.

— Смотрите, Лизон уже приехала! — воскликнула Камилла.

Это была чистая правда: Лизон и ее семейство приехали в Прессиньяк раньше, чем планировали, и решили погулять по городку. Поскольку оба были учителями, неудивительно, что ноги сами привели их к местной школе.

Так и вышло, что в дом на холме семья явилась в полном составе. Мари предварительно съездила в Брив и уладила с нотариусом все вопросы относительно прав собственности на дом и землю. С трудом сдерживая слезы, Мари вошла в парк. Сжав в кулаке ключ, она подошла к крыльцу. Бледность ее напряженного лица встревожила Поля. Когда сын спросил, все ли в порядке, она ответила изменившимся голосом:

— Просто я слишком счастлива! Это мой дом! Мой дорогой и любимый дом!

Мари отметила изменения в обстановке: некоторые предметы мебели переставлены, иных недостает... И все же ей показалось, что время обратилось вспять и она вернулась на многие годы назад. С каждым шагом перед глазами возникали картинки из прошлого. Сидя вот в этом кресле, Жан Кюзенак сообщил ей о том, что она — его дочь... Жан-Пьер, ее первенец, умерший через несколько часов после рождения, увидел свет дня в этой комнате... За этим столом Лизон делала уроки...

И все же тишина в доме была давящей. Мрачное впечатление производили и пустая конюшня, и заросший сорняками парк.

День еще не кончился, но Мари поняла — она больше никогда не сможет жить в «Бори». В доме, который был свидетелем ее полной печалей и радостей супружеской жизни, помнил Амели Кюзенак и ее супруга Жана...

— Папа обожал «Бори» также, как и я, — сказала она детям, — но его уже давно нет с нами. И в городке я теперь никого не знаю...

Адриан положил руку на плечо супруге:

— Дорогая, лично я предпочел бы наш дом в Обазине. «Бори» ты

можешь отдать в аренду за хорошие деньги или продать. Это было бы правильно, потому что дом не должен оставаться нежилым.

Поль, Матильда и Камилла поднялись по лестнице, чтобы увидеть каморку на чердаке — ту самую комнатушку горничной, о которой мать столько рассказывала. Мари осталась стоять посреди гостиной, не зная, как поступить с «Бори». Взгляд ее упал на Лизон и Венсана. Молодая чета сидела у камина и разговаривала шепотом. Маленький Жан играл на ковре с плюшевой собачкой. На глазах у Мари округлившийся живот старшей дочери пришел в движение — ребенок шевельнулся.

— Мамочка, это первый раз, когда он так сильно толкается! — радостно воскликнула молодая женщина. — Наверное, ему, как и мне, в «Бори» очень нравится!

Решение оказалось настолько простым, что Мари удивилась, почему не подумала об этом раньше: Лизон будет под этой крышей очень счастлива, и ее дети вырастут в собственном доме. Они будут играть возле большой ели, а в рождественский вечер расставлять башмачки возле этого камина... Она подошла к дочери:

— Лизон, дорогая, ты всегда стремилась помочь и утешить меня! Переезжай сюда жить! Ты помнишь этот дом, тебе было жаль отсюда уезжать. Он принадлежит тебе по праву. А я останусь в Обазине, потому что мое сердце теперь бьется спокойно только в Коррезе. Там, где я вышла замуж за Адриана...

Лизон попыталась возразить, но радость ее была очевидна:

— Мамочка, но сможем ли мы жить здесь? Венсан не из породы «джентльменов-фермеров», хотя мне сельская жизнь очень нравится! Ты права, я люблю «Бори», я здесь росла!

Мари подхватила обрадованно:

— Я буду часто приезжать к вам в гости! Мы сможем на Рождество собираться в этом доме всей семьей! Дорога поездом не займет много времени. Наведите справки, может, в местных школах есть вакансии.

Лизон сказала мечтательно:

— Было бы замечательно жить в «Бори»! Но не слишком ли велик для нас этот дом?

— Во флигеле Алсида может поселиться Луиза, мама Венсана.

— О мамочка, это было бы просто чудесно! Мама Луиза сможет жить с нами! И вы станете приезжать часто-часто! Кстати, а я помню Алсида. Это старый конюх, верно? А ты, мам, его помнишь?

— Конечно! Когда я пришла в этот дом горничной, Алсид каждое утро заглядывал в кухню и я наливала ему стаканчик спиртного, так что он

уходил веселый. Дорогая, прошу, соглашайся! Мы ведь теперь богаты: я продам землю и разделю между вами деньги. И ты сможешь содержать «Бори».

Венсан не стал спорить. Он сообщил теще, что, прогуливаясь возле школы, от какой-то местной кумушки они узнали, что учитель в школе для мальчиков в этом году уходит на пенсию.

— Я могу подать заявку на это место. Лизон родит малыша, да и Жан еще маленький, поэтому как минимум год ей придется побыть дома. Мы смогли отложить немного денег, так что проживем.

Все семейство вышло в сад, за которым когда-то столь заботливо ухаживал Алсид. Камилла стала носиться по дорожкам.

Адриан ласково обнял Мари:

— Я очень рад, что ты выбрала Обазин, моя любимая женушка. Пока Камилла с Лизон гуляют, может, ты покажешь мне этот знаменитый Волчий лес?

Мари прижалась щекой к груди мужа:

— Нет, давай лучше вернемся в дом. В глубине этого леса есть источник, который местные старики считают чудотворным. Впрочем, сейчас он, наверное, зарос колючками и бузиной. Я не хочу возвращаться на то место. Оно принадлежит Пьеру, понимаешь?

— Да, ты права. Не станем больше вспоминать о маленькой Мари из «Волчьего Леса», которая бродила когда-то по этим дорогам. Я хочу до конца моих дней жить с мадам Меснье, моей супругой, самой прекрасной и великодушной женщиной из всех, кого я знаю! Я уже говорил тебе сегодня, что ты очень красива?

Мари вздохнула:

— Это и есть счастье!

Показались веселые Поль и Матильда. Они собрались в Прессиньяк поздороваться с Элоди, и Камилла решила пойти с ними.

— Мам, я пообещал Клоду позаботиться о его матери. Мы решили срезать для нее розы. Можно?

— Ну конечно! И передай ей от меня привет!

Лизон и Венсан разговаривали в парке, с обожанием глядя на резвящегося на траве сына. Нанетт, которую утомила «вся эта суета», спала в садовом кресле — худенькая, в черном платье, с неизменным чепцом на седых волосах.

Мари привела Адриана в свою каморку под крышей, где теперь царил жуткий беспорядок. Он знал, какая драма разыгралась здесь однажды

ночью. Мари прижалась к мужу и сказала тихо:

— Пьер никогда не любил подниматься на чердак. Здесь бывали я, папа, Амели, ну и Макарий. Я хочу, чтобы ты стер все следы несчастья, подарив мне поцелуй любви, как если бы нам было по двадцать лет и это было бы наше первое свидание! А потом мы будем счастливы навсегда, ты и я!

Адриан коснулся ее губ своими губами. Глаза его радостно сияли, когда он прошептал:

— Но ведь нам и правда по двадцать, обожаемая моя Мари! И этот поцелуй мы никогда не забудем, как и наш первый поцелуй! А потом я отвезу тебя в Коррез, на нашу родную землю, и сумею сделать так, что все твои печали забудутся...

Мари закрыла глаза. Лизон станет хозяйкой Большого дома на холме, а она, Мари, будет обычной жительницей Обазина. «Хотя и в Коррезе есть свой „Волчий лес“... — подумалось ей. — У меня найдется много историй, которые мои внуки будут слушать, как зачарованные, когда мы вместе усядемся возле камина! И дома, и здесь, в „Бори“...»

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Примечания

1

«Хозяин» на местном диалекте. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

2

Поселение городского или сельского типа, образующее низшую административно-территориальную единицу.

3

Регион на юго-западе центральной части Франции. Включает департаменты Крëз, Коррез и Верхняя Вьенна.

4

Супрефектура — во Франции административный центр округа.
Управляется супрефектом.

Патуа — лингвистический термин, общее название местных наречий французского языка.

6

В средневековой архитектуре стена, соединяющая две башни.

Фирменный соус региона. Изготавливается из виноградного сусла и зерен черной горчицы.

8

Городок в департаменте Ло, на юго-западе Франции.

Черная Мадонна, или Черная Богородица — изваяние или изображение Девы Марии с темным или черным лицом и руками. Множество подобных изображений и статуй были созданы в Европе в Средние века. Большинство до сих пор находятся в храмах и церквях.

10

Карточная игра.

11

Французская фирма, производившая легковые автомобили.
Просуществовала с 1902 по 1930 г.

Низкосортное вино из виноградных выжимок.

День взятия Бастилии, национальный праздник.

Бытовало поверье, что блуждающие огоньки — это души детей, которые умерли, не пройдя обряд крещения. (*Примеч. автора.*)

Посыпанное анисовыми зернами печенье из слоеного теста в форме равнобедренного треугольника с дырочкой посередине, сквозь которую продевали освященную веточку самшита. Три угла печенья символизируют Святую Троицу.

Высшее учебное заведение, готовившее учителей.

Суть игры: каждому участнику давали тачку и лягушку. По сигналу участник клал лягушку в тачку и начинал забег. Выигрывал тот, кто первым приходил к финишу с лягушкой в тачке.

Мк 10:14.

Дословно «живая вода» — крепкий спиртной напиток, получаемый из виноградных выжимок.

Букв. перевод с французского — «от двери».

Белые цветы померанцевого дерева; искусственные цветы такого же вида используют для свадебного убора невесты (фр. Fleur d'oranger — цветков апельсина).

Расправа Гитлера над готовившими путч штурмовиками.

Распространенное название периода войны Франции и Англии против фашистской Германии в начале Второй мировой войны, с 3 сентября 1939 по 10 мая 1940 года.

Так называемая «Речь 18 июня» — первая речь генерала Шарля де Голля, транслировавшаяся по радио BBC 18 июня 1940 года, в которой он призвал соотечественников бороться против нацистских оккупантов.

Эдмон Мишле (1899–1970) — выдающийся деятель французского Сопротивления. Почти два года провел в немецком концентрационном лагере Дахау. В послевоенные годы активно участвовал в политической жизни Франции.

Шарль Пеги (1873–1914) — французский поэт, драматург, публицист.

Марка автомобиля.

«Золотые хлеба».

«Вересковые поля Корреза».